БИБЛИОТЕКА ЛАВКРАФТА

Уильям Хоуп Ходжсон

Тварь среди водорослей

КОШМАРЫ МИРОВОГО ОКЕАНА И НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЕЛЬ

Тварь среди водорослей
Вильям Ходжсон Хоуп

Аннотация
Уильям Хоуп Ходжсон. Тварь среди водорослей
Адские флотилии У. Х. Ходжсона
Спасательные шлюпки «Глен-Каррига»
Madre Mia
Глава 1. Земля Обреченных
Глава 2. Корабль в гавани
Глава 3. Чудовище в поисках жертвы
Глава 4. Два лица
Глава 5. Великий шторм
Глава 6. Море, заросшее водорослями
Глава 7. Остров среди водорослей
Глава 8. Странный шум в долине
Глава 9. Что случилось в вечерних сумерках
Глава 10. Свет среди водорослей
Глава 11. Сигналы с корабля
Глава 12. Изготовление гигантского арбалета
Глава 13. Жители царства водорослей
Глава 14. Связь с кораблем
Глава 15. На борту
Глава 16. Спасенные из плена
Глава 17. Как мы вернулись на родину

Саргассово море
Из моря без отливов и приливов
Часть первая
Часть вторая
Тайна безлюдного корабля
Тварь среди водорослей
Поиски «Грайкена»
Зов на заре
Вести неведомо откуда
«Я знаю, серые моря хотят меня сгубить...»
Вести неведомо откуда
Жители острова Миддл
Изолянт
Голос в ночи

Аннотация

В этот сборник сочинений выдающегося английского писателя и профессионального моряка Уильяма Хоупа Ходжсона включены остросюжетный фантастико-приключенческий роман «Спасательные шлюпки „Глен-Каррига“», цикл рассказов «Саргассово море», впервые полностью представленный на русском языке, и короткая проза разных лет. Произведения публикуются в новых переводах; впервые в истории русскоязычных публикаций автора подробно комментируется морская лексика.

Уильям Хоуп Ходжсон
Тварь среди водорослей

William Hope Hodgson
The Thing in the Weeds
© Шокин Г. О., составление, вступительная статья, перевод на русский язык, 2025
© Малышев К. Ю., перевод на русский язык, 2023
© Сорочан А. Ю., перевод на русский язык, 2023
© Варакин А. С., перевод на русский язык, 2024
© Евтушенков Ю. С., перевод на русский язык, 2025
© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2025
© Оформление. Т8 Издательские технологии, 2025
В оформлении издания использованы материалы по лицензии агентства Shutterstock, Inc.

* * *

Адские флотилии У. Х. Ходжсона

Хотя Говард Филипс Лавкрафт, автор, у современного читателя сразу, через расхожий образ Ктулху, ассоциирующийся с гигантскими спрутами, лишь на более позднем этапе своей литературной карьеры наткнулся на сокровищницу Уильяма Хоупа Ходжсона, нельзя отрицать, что, едва это произошло, он обрел в нем родственную душу. Ходжсон, вероятно, косвенно повлиял на Лавкрафта, несмотря на относительно позднее их «знакомство»; на них обоих повлияли одни и те же авторы — в первую очередь По, но также и Бирс и Блэквуд. В свою очередь, тексты Ходжсона вдохновили писателей, которых Лавкрафт открыл для себя ранее, таких как Роберт Говард, Оливер Онионс, Уолтер де ла Мар и другие.

Биографический материал о Уильяме Хоупе Ходжсоне ограничен в основном тремя источниками: пространным вступлением критика-фантаста Сэма Московица к сборнику рассказов Ходжсона «За пределами бури» (1975), брошюрой Р. Алена Ивертса «Факты из жизни Уильяма Хоупа Ходжсона, мастера фантазии» (1987) и

объемной книгой леди Джейн Франк «Душа странника» (2005). Во многом все это — труды энтузиастов, опирающиеся на еще более ранние попытки систематизировать и донести до мира ходжсоновское наследие. Ивертс составил свой биографический очерк в основном на основе записей и материалов, предоставленных непосредственно родственниками Ходжсона: братом и сестрой Крисом и Мэри, а также племянниками Д. Хоупом Уэйтом и Хоуп К. Ходжсон. В начале 1970-х годов Ивертс предоставил эти материалы в распоряжение фантасту и популяризатору хоррора Лину Картеру, так что книга Картера «Воображаемые миры» (1973) содержит, судя по всему, первую точную биографическую справку о Ходжсоне.

Уильям Хоуп Ходжсон родился в 1877 году в Эссексе в семье Лиззи Сары Браун и Сэмюэля Ходжсона, англиканского священника. Из их двенадцати детей трое умерли в младенчестве, оставив «нашу надежду», как называли Уильяма[1], вторым по старшинству сыном. Сэмюэл Ходжсон переезжал со своей семьей из одного прихода в другой, проведя несколько лет в Ир-

[1] Примечания: 1

Второе имя автора, Хоуп, переводится с английского как «надежда». — Примеч. авт.

ландии, прежде чем в 1890 году окончательно обосноваться в Блэкберне, Ланкашир. В 1892 году Сэмюэл умер от рака горла, оставив семью на грани нищеты в тот период, пока старшие дети не смогли работать, а их мать не унаследовала деньги от деда Ходжсона по отцовской линии в 1900 году. Формальное образование Уиль яма было весьма спорадическим. С 1885 по 1889 год он ходил в школу в Маргейте, а в 1891 году, вопреки желанию отца, сбежал юнгой в море. Беглеца поймали, но в конце концов он получил разрешение, благодаря вмешательству своего дяди, записаться подмастерьем в торговый флот. Он закончил свое обучение в 1895 году, в начале 1890-х годов с перерывами посещал техническую школу в Блэкберне, чтобы получить грамоту третьего помощника капитана; трижды совершил кругосветное плавание в составе торгового флота, прежде чем в 1898 году навсегда вернуться в Блэкберн. Двумя любимыми увлечениями Ходжсона в эти годы были фотография и бодибилдинг — последним он занялся в ответ на издевательства, которым подвергался в море, а фотосъемку практиковал как дома, так и в плаваниях. В его дневнике времен плавания на судне «Кентербери» отмечается, что он обустроил для

себя лабораторию проявки снимков в непростых морских условиях. Джейн Франк интерпретирует отношение Ходжсона к своему пребыванию в море как двойственное, разделенное между отвращением к жизни моряка и удовольствием от окружающей среды: «Хотя считается, что он люто ненавидел моряцкую долю, называя ее „собачьей“, согласно переписке с его братом Крисом, ему тем не менее нравилось находиться в море — достоинства стихии перевешивали для него все недостатки, создаваемые людьми, рвущимися эту стихию использовать»[2].

Работа в море, писал Ходжсон в 1905 году, являлась «суровой, бессонной, одинокой, полной разлуки и неуюта; полной поистине неблагодарных трудов, ничем и никем не отмеченных»[3]. Джейн Франк при этом отмечает, что созданные в таких непростых условиях фотографические композиции Ходжсона «мастерски выполнены и артистичны; показывают мощь и величие моря

[2] Примечания: 2

Frank, Jane (ed.) The Wandering Soul: Glimpses of a Life: A Compendium of Rare and Unpublished Works of W. H. Hodgson / Frank, Jane et al. — Leyburn: Tartarus Press, 2015. — P. 15.

[3] Примечания: 3

Hodgson, W. H. Is the Mercantile Navy Worth Joining? Certainly not [Text source] / Hodgson, W. H. // Grand Magazine. — 1905. — № 8. — P. 30–34.

во всех его разнообразных настроениях»[4]. Само море вдохновляло Ходжсона и стало излюбленным местом действия многих его рассказов — как среда благодатная и овеянная романтической дымкой, но при этом порождающая легионы самых кошмарных, агрессивных монстров.

Когда Ходжсон уволился из торгового флота и вернулся к себе домой в Ланкашир, он открыл школу физической культуры в Блэкберне в 1899 году, используя свои знания в области бодибилдинга. Московиц отмечает, что открытки с изображением самого мускулистого Ходжсона использовались для рекламы заведения. В интервью *Blackburn Weekly Telegraph* в 1901 году Ходжсон описал себя как «маленького человека [его рост составлял 163 см. — *Г. Ш.*] с совершенно обычным телосложением». После ссоры с задиристым вторым помощником капитана Ходжсон «решил заняться развитием своей формы; я очень усердно работал над собой, изучал физическую культуру и к концу своей восьмилетней жизни на море с удовлетворением осознал, что стал таким,

[4] Примечания: 4

Frank, Jane (ed.) The Wandering Soul: Glimpses of a Life: A Compendium of Rare and Unpublished Works of W. H. Hodgson. P. 34.

каким вы можете видеть меня сейчас»[5]. Ходжсон пропагандировал разработанную им самим методику укрепления здоровья — систематические упражнения для рук, ног и легких, каковые, по его мнению, люди любой силы и физической подготовки могли выполнять; в культуризме он ценил аспект именно оздоровления, а не приведения тела к эстетическим стандартам. В материале для журнала *Cassell's*, вышедшем в 1903 году, автор отмечает: «Физические упражнения, выполняемые должным образом, развивают весь организм и дают новую жизнь не только телу, но также и мозгу»[6]. В число постоянных посетителей «спортклуба» Ходжсона входили даже бывалые блэкбернские полицейские; но через год или два, несмотря на то, что в 1902 году Ходжсон бросил вызов самому эскаписту Гарри Гудини и показал себя в состязании по скоростному освобождению от цепей ничуть не хуже мастера-шоумена («ничью» Гудини вполне охотно признал), школа быстро утратила популярность, и в конце того

[5] Примечания: 5

Hodgson W. H. Physical Culture: A Talk with an Expert / Hodgson, W. H. // Blackburn Weekly Telegraph. — 1901. — № 101. — P. 3.

[6] Примечания: 6

Hodgson W. H. Health from Scientifi c Exercise / Hodgson, W. H. // Cassell's Magazine. — 1903. — № 6. — P. 603–607.

же года Ходжсон ее закрыл. Примерно в это же время он взялся за писательство. Если не считать интервью и рекламу клуба в местной прессе, самыми первыми опубликованными трудами Ходжсона выступили очерки о физической культуре; Ивертс отмечает, что Ходжсон пекся о своем здоровье вплоть до ипохондрии и был почти одержим идеей здорового питания[7]. Московиц также отмечает ипохондрию Ходжсона и фобии, связанные с плохими санитарными условиями. Интерес Ходжсона к физкультуре, усугубляемый его одержимостью здоровьем и чистотой, нашел отражение и в его произведениях, где всегда особой ценностью представлено сильное, чистое тело — в противовес монстрам, зачастую изображающимся как покрытые слизью, на редкость уродливые «непотребства» (abominations)[8], которые, вдобавок ко всему, представляют серьезную угрозу целостности человеческого тела.

Ходжсон был заядлым читателем. Московиц называет в списке его кумиров Эдгара По, Гербер-

[7] Примечания: 7

Everts R. A. Some Facts in the Case of William Hope Hodgson: Master of Phantasy / Everts, R. Alain. — Vol. II. — Toronto: Soft Books, 1987.

[8] Примечания: 8

С точным переводом данного термина, столь любимого Лавкрафтом, до сих пор связаны определенные трудности, так как «чудовища» или «монстры» — очевидная стилистическая нейтрализация.

та Уэллса, Жюля Верна, Эдварда Бульвер-Литтона, Артура Конан Дойля и Редьярда Киплинга. В судовом журнале Ходжсона за месяцы, проведенные им на борту судна «Кентербери» в 1898 году, есть, например, такая запись: «3 мая. Одолеваю „Странную историю“ лорда Литтона и поражаюсь фантазии этого человека». «Странная история» (1861), как и большая часть других работ Бульвер-Литтона, черпает вдохновение из викторианского спиритизма и психических исследований, которыми позже займется Ходжсон. Также автор написал для журнала *The Bookman* рецензию на сборник рассказов Киплинга «Молитва перед боем» (1909); а его неопубликованное стихотворение под названием «Больше никогда» («Nevermore») о бесконечном возвращении отвергнутых рукописей, стилизованное под «Ворона» (1845) Эдгара По также указывает на знакомство с родоначальником жанра.

В «Мастере фантазий» Ивертс описывает Ходжсона как «абсолютного атеиста, с презрением относящегося к церкви и религии в целом», а также сообщает, что Ходжсон «прочитал все книги, какие только смог найти, о том, как писать — в особенности как писать истории о паранормальном, оккультизме, спиритуализме». Ивертс

не приводит конкретных имен или ссылок, но подобное описание читательских пристрастий дает предположить, что Ходжсон был хорошо осведомлен о современных ему теориях и взглядах в этой сфере — и, скорее всего, сознательно репрезентировал их в своей прозе. Также Ивертс характеризует Ходжсона как «чувствительного к тонким энергиям» и подробно описывает два «парапсихических инцидента», произошедших с автором поздно вечером дома: Хоуп работал за столом, когда его мать подошла к перилам лестницы этажом выше и постучала по ним, как обычно делала, когда шла спать. Услышав, как затворилась дверь в ее комнату, писатель поднялся наверх — и нашел спальню распахнутой. Он разбудил мать; как оказалось, та не стучала по перилам. Также однажды кто-то якобы подсунул под дверь в комнату писателя коврик — при том, что с другой стороны никого в тот момент не находилось. Похоже, что Ходжсон проявлял неподдельный интерес к экстрасенсорным переживаниям: его творчество пронизывают такие темы, как встречи с потерянными душами («Ночь раскола», «Дом на отшибе») и психические явления наподобие телепатии («Ночная земля»). Впрочем, роль спиритизма и парапсихологии для

Великобритании конца XIX века огромна сама по себе и достойна отдельного исследования.

За свою писательскую карьеру Ходжсон создал четыре крупных фантастическо-приключенческих романа («Спасательные шлюпки „Глен-Каррига“», «Дом на отшибе», «Пираты-призраки» и «Ночная земля»; есть предположение, что эти работы публиковались в очередности, обратной порядку их написания) и огромное количество рассказов в разных жанрах, в том числе и относительно успешный для своего времени цикл об «охотнике за привидениями», оккультном детективе Томасе Карнакки (Томаше Карнацком). Не все его произведения находили равноценную любовь у современников; газетная критика нередко называла «слащавыми» чувственные истории о любви, вышедшие из-под пера писателя (хотя читательницы как раз принимали их очень благосклонно), да и та же «Ночная земля» хоть и обладает сегодня культовым статусом, все же довольно часто критикуется за тяжеловесный и архаичный стиль написания, к тому же богатый на самоповторы. В США, например, наряду с каноническим текстом, позиционируемым как версия, имеющая сугубо исследовательскую ценность скорее для академистов от литературы,

нежели для масс, публикуется созданная фантастом Джеймсом Стоддардом адаптация — «The Night Land, A Story Retold» (2010). Да и сам Ходжсон, в свое же время, создал сильно сокращенную версию романа — «The Dream of X» (*рус*. «Сновидение неизвестного») — правда, не для продажи, а для закрепления копирайта на территории США.

В 1912 году Уильям Хоуп Ходжсон женился на Бетти Фарнсуорт. Проведя медовый месяц на юге Франции, молодожены остаются там на какое-то время. Писатель начинает работать над новым морским романом, причем сугубо реалистичным — «Капитан Дэнг», однако забрасывает его и сосредотачивается на рассказах. Многие из этих историй дошли до нас исключительно в виде архивных материалов (хотя изданное в Сан-Франциско в 2007–2009 гг. пятитомное собрание сочинений, кажется, закрывает все лакуны).

Когда началась Первая мировая война, Ходжсон, будучи истовым патриотом Англии, поступил на службу в Королевскую артиллерию — отказавшись, сообразно своим прошлым морским заслугам, записаться в военно-морской флот. Во время тренировки он неудачно упал с лошади, сломал челюсть и был демобилизован, но отказался оставаться в стороне от боев — и

вновь был зачислен в армию по собственному настоянию. Этот шаг стал роковым: 17 (по другим данным — 19) апреля 1918 года писатель был убит во время боевых действий под Ипром (Бельгия), в возрасте всего сорока лет.

Возвращаясь к сказанному в самом начале — большим фанатом творчества Ходжсона был Лавкрафт. Он отмечал его любовь к повторам и малозначительным для повествования деталям (читая «Спасательные шлюпки», попробуйте-ка сами подсчитать, сколько раз упомянуты приемы пищи героями) и все же писал, что «в своем серьезном отношении к ирреальному мистер Ходжсон уступает лишь Элджернону Блэквуду»[9]. Читал ли Ходжсона друг и корреспондент Лавкрафта Роберт Ирвин Говард, неизвестно, но сходство их лейтмотивов предстает достаточно наглядным — отважные, неробеющие, мужественные персонажи против ужасающих, варварских, стихийных сил. И в случае с Ходжсоном нельзя сказать, что тема отваги была для него всего лишь авторской проекцией — во время службы в море он получил медаль от Королевского общества за спасение моряка, попавшего в

[9] Примечания: 9

См.: Лавкрафт Г. Ф. Сверхъестественный ужас в литературе. Любое издание.

воды, кишащие акулами.

Итак, каким предстанет вояж «Спасательных шлюпок…» современному читателю? В романе группа моряков, дрейфуя после кораблекрушения на паре шлюпок, попадает в такие уголки моря, о которых даже мало что известно нашим современникам (что уж говорить о викторианских джентльменах) — поэтому там, сообразно логике истории, может твориться решительно что угодно. Они попадают на затерянный остров; необитаемым в полной мере его назвать нельзя, но тамошние жители — народец весьма своеобразный. Обороняясь от местных форм жизни, моряки разрабатывают план по спасению не только самих себя, но и еще кое-кого (о ком лучше всего будет узнать читателю непосредственно из текста — все же нехорошо портить сюрпризы). После первых глав может создаться впечатление, будто все приключения героев будут сводится к несвязным происшествиям на фоне разных экзотических декораций, пролегать через цепочку островов, где на каждом обитает какой-нибудь свой монстр. Вздумай Ходжсон обставить сюжет именно так, «Спасательные шлюпки…» напоминали бы «стандартную» одиссею, хотя, скорее всего, не утратили бы изначального шарма; более

того, попробуйте представить современный «хоррор», написанный в подобном ключе: события «наслаиваются» одно на другое, и суть сюжета — не в раскрытии классического трехактного конфликта, а именно что в головокружительном «полете» читательского внимания в аттракционе загадочных столкновений героев с чем-то фантастическим и пугающим (всегда разным!) без авторского желания свести все концы воедино (полагаем, это мог бы быть весьма оригинальный роман). Так или иначе, впечатление обманчивое: сюжет довольно скоро обретает костяк, конечную цель, четко очерченный список друзей и врагов. Можно отметить легкую недостачу предыстории — откуда плывут моряки, что стало с «Глен-Карригом» и т. п., — равно как и глубокой проработки характеров персонажей: не у всех из них даже есть имена, хотя действия того же боцмана формируют законченное впечатление о нем. Но роман Уильяма Хоупа Ходжсона, думается, однозначно подарит упоительные минуты тем, чье детство не было бы таким счастливым без пиратов Стивенсона и Сабатини; тем, кто завороженно наблюдал, как всплывал из морской пучины Ктулху; тем, кто заглядывал в бездну из-за плеча капитана Ахава и Артура Гордона Пима;

тем, для кого описания борьбы с самым суровым штормом и битв с самыми смертоносными детьми Нептуна не смогут доставить подлинного удовольствия без присутствующей на борту корабля дамы, подобной Арабелле Бишоп и Вере Сергеевне Кларк.

Это неотразимое сочетание морского романа и «страшной» истории можно воспринимать в том числе как своеобразную колониальную притчу о путешествующих англичанах, утопию военно-морской коммуны, лидеры которой сочетают таланты военачальников и ученых, а каждый из рядовых моряков способен проявить отвагу и готовность к самопожертвованию, прекрасные примеры каковых можно почерпнуть из биографии самого автора.

Также в настоящей книге представлены все рассказы автора из цикла, посвященного Саргассову морю (некоторые из них впервые переведены на русский язык), расширяющие и дополняющие трагическую и опасную вселенную «морских сорных полей», и, в качестве приложения, — три рассказа, не связанные напрямую с Саргассами, но также живописующие столкновения с морской «биоугрозой»; а также — «Вести неведомо откуда», самая первая публикация Ходжсона

на русском языке. С ней, к слову, связаны определенные загадки, на которых хотелось бы остановиться подробнее. «Вести…» были напечатаны в седьмом выпуске альманаха «На суше и на море» за 1911 год. Альманах издавался в России с 1891 года как литературное приложение к знаменитому журналу «Вокруг света». Как раз в 1911-м издание перешло на формат ежемесячного иллюстрированного сборника — по образу и подобию ранних англо-американских «мэгэзинс», иллюстрированных журналов, любимых читателями во всех «англопонимающих» частях земного шара. Итак, публикацию «рассказа Ходжсона» (нередко литераторов в таких изданиях представляли только по фамилиям) сопровождали иллюстрации британского художника Лоусона Вуда (1878–1957), впервые напечатанные в *The London Magazine* в мае того же 1911 года и предназначавшиеся для второй части повести «Из моря без отливов и приливов», также присутствующей в данном сборнике. Но «Вести…» — едва ли перевод «From a Tideless Sea»! В «Вестях…» действие начинается с того, что экипаж на шлюпках поспешно покидает аварийный корабль, оставив семейную пару пассажиров и двух провинившихся матросов в карцере; после

дрейфующее судно запутывается в уже знакомой по другим историям Ходжсона колонии ненормально разросшихся водорослей. В повести «Из моря...» команда до последнего пытается найти выход из положения, а капитан, умирая на борту, благословляет дочь связать свою жизнь с юношей-пассажиром. В целом сюжет этих двух историй расходится во множестве нюансов, каковые трудно оговорить без «спойлеров», и роднит их только незавидное положение героев — ну и появляющиеся в определенный момент повествования морские монстры. Что же уместно здесь предположить — крайне усердное вмешательство анонимного русского переводчика в текст, «соавторство в переводе»? Или же существование другой версии текста самого Ходжсона? Это не такой уж и фантастический вариант, как может показаться: автор трепетно относился к своим «морским кошмарам», тяжело принимал отказы публикаторов и всегда интересовался, есть ли возможность «провести» историю в печать, что-то в ней изменив или улучшив. Могло ли быть так, что для российского издания — для, условно говоря, выхода на новый рынок, — он лично подготовил новый текст? Совершенно не исключено — в 1911 году связи Англии и Российской Импе-

рии все еще оставались достаточно крепки. Да и потом, слишком много в рассказе типично авторских черт, каковые, как представляется, трудно сымитировать «переписчику»: обстоятельное описание того, что планируют есть штурман и капитан, нашедшие бутылку с морским посланием, весьма вписывается в авторский стиль — в «своевольной» журнальной публикации его бы попросту сократили.

И никуда, опять же, не делся в этой истории терпкий морской дух, а море для автора, безусловно, всегда оставалось пограничной территорией, где человек вынужден смотреть в лицо своей смертности. Море — это лиминальное пространство, бросающее вызов всему, что человек думает о себе; и, столкнувшись с последствиями этого унизительного разоблачения, человек вынужден укрепить, перестроить себя — мудро и целенаправленно. Окрыленный мечтой о преодолении семи морей юнга Ходжсон слишком рано съел те самые семь футов соли, но не позволил опыту себя сломить. Его истории позволяют заглянуть в суть проекта *несломленности*: всегда есть страх неудачи, красота нередко граничит с кошмаром, невинность — с пороком; но даже до Земли Обреченных, где царят хаос, разочарование и порок, нет-нет да и дотянется спасительный луч сокровенного света — и напомнит о том, что борьба за себя не напрасна.

Григорий Шокин

Спасательные шлюпки «Глен-Каррига»

Повесть о невероятных приключениях моряков, выживших в крушении торгового судна «Глен-Карриг», ставшего жертвой жестокого рока в далеких Южных Морях, рассказанная в 1757 году потомственным дворянином сэром Джоном Винтерстроу своему сыну Джеймсу Винтерстроу, а затем, согласно его воле, от руки и в надлежащей форме записанная Уильямом Хоупом Ходжсоном.

Madre Mia

Матери моей посвящается

Пусть говорят: твои черты утратили былую красоту.

Пусть молодость твоя теперь одно лишь грустное вчера;

Вчера, способное, как яркий аромат цветов,

В себе хранить полет мечты и сладость снов.

О, годы, годы! Как лихие кони,

они промчались над тобой,

Укрыв мантильей прожитых невзгод,

посеребрив почтенной сединой.

А между тем все также звонок голос твой.

Такое как могло произойти,

Что волос твой почти утратил яркий черный блеск,

Морщины тронули чело, подобное челам

античных фресок,

Чью чистоту ничто не смеет волновать,

Не нарушая благостный покой;

Коснулись, словно золото зари вечерней?

Иль это ветер смурый стремительно пронесся

над рекой?

Твои глаза! В них свет души твоей сияет, как кристалл,

Подобно величайшим чудесам,

Так искренно,

Как чистая молитва,

Стремящаяся ввысь из глубины,

Из сердца, к Небесам.

Глава 1
Земля Обреченных

Пять дней мы шли на шлюпках, и за все это время — ни намека на землю впереди. Но вот, утром шестого дня, боцман, что командовал одной из наших шлюпок, как закричит, что видит далеко по левому борту сушу; но уж больно та была далека от нас, сразу и не различишь — то ли земля, то ли облако утреннего тумана. Тем не менее, поскольку в наших сердцах начала разгораться слабая искра надежды, мы налегли на весла, отринув усталость. Примерно через час мы уже точно знали: перед нами действительно земля, а если говорить точнее, какой-то низкий берег.

Было уже, наверное, немного за полдень, когда мы подошли на своих шлюпках настолько близко, что смогли определить, какого рода ландшафт нас ожидает. Тогда-то мы и поняли, что перед нами — невероятно пустынная, необитаемая земля. Такой она мне тогда показалась — ведь, несмотря на там и сям проглядывавшие островки какой-то странной растительности, я нигде не видел ни высоко растущего дерева, одни только зачахшие

кустарники. Едва ли вообще мне приходилось видеть где-либо и когда-либо зелень, похожую на ту, что предстала нашим глазам!

Насколько я помню, мы шли на веслах вдоль побережья, стараясь плыть как можно медленней, в поисках хоть какой-нибудь мало-мальски гостеприимной заводи. Не могу сказать, сколько времени все это продолжалось, но мы не собирались сдаваться. В конце концов, мы ее нашли — илистое, заболоченное устье, в итоге оказавшееся эстуарием[10]; впрочем, мы про себя так и называли его «устье». Войдя в него, мы двинулись вверх, по извилистому руслу не то реки, не то залива — и все то время, что тихонько ходили вверх-вниз наши весла, внимательно осматривали оба берега, высматривая с надеждой место, подходящее для стоянки. Да куда там! Все берега крыла какая-то липкая вонючая грязь, и мы не отважились даже сунуться туда, как сначала нам всем хотелось — махом, лихо и с отвагой.

Поднявшись по течению неизведанного края примерно на милю, мы увидели на берегах те растения, что я заметил еще с моря — теперь,

[10] Примечания: 10

Эстуа́рий (от лат. Aestuarium) — однорукавное воронкообразное устье реки, расширяющееся в сторону моря. — Здесь и далее, за исключением оговоренных случаев, — примечания переводчиков.

находясь в считаных ярдах от них, мы могли гораздо лучше их изучить. Так я сумел понять, что они представляли из себя: низкие деревца, к тому же еще и корявые, будто пораженные каким-то недугом. Лишь только подойдя к ним поближе, стало ясно: именно из-за слабых и болезненных ветвей я принял их за кустарник. Ветки, тонкие и мягкие по всей своей длине, провисали к самой земле, и каждую из них венчал единственный капустовидный плод — довольно крупный и набухший словно бы на самом конце побега.

Вскоре мы миновали скопления деревьев, и речные берега опять стали очень низкими. Я залез на банку[11], откуда мог обозревать окружающий ландшафт. Так мне удалось выяснить, что все пространство, насколько я мог охватить его взглядом, было сплошь утыкано протоками и затонами, иной раз весьма большими и широкими. Составив определенное впечатление об этом месте, я убедился в том, что вся эта частичка суши — не что иное, как сплошное болото, расположенное в низине. Да, что ни говори, а влипли мы в огромную лужу грязи, и от этого такое чувство тоски и безотрадности охватило

[11] Примечания: 11

Ба́нка — деревянная планка, служащая для укрепления шлюпки от сдавливания, а вместе с тем — сиденьем для гребцов.

мою душу, что захотелось отвести взгляд прочь. Видимо, трепет, зародившийся где-то глубоко в недрах моего существа, вызвала поразительная тишина, окружавшая нас — ибо, куда ни глянь, ни единого живого существа не попадалось на глаза. Ни птиц, ни растений — одни только недоразвитые уродливые деревца-карлики, малыми разобщенными рощицами произраставшие.

Когда же я полностью привык к окружающей меня обстановке, эта самая тишина начала казаться мне сверхъестественной и зловещей, ибо память моя не могла подсказать похожего случая, чтобы прежде доводилось оказаться в этаком царстве безмолвия. Все словно застыло перед глазами — ни единой, даже маленькой одинокой пичужки не видать было на хмуром небе. Сколько бы я не прислушивался, даже слабого крика морской птицы не доносилось до моего слуха. Ничего! Ни даже кваканья лягушек, ни плескания рыб. Казалось, будто мы угодили в некое зачарованное царство забвенья, поистине достойное называться Землей Обреченных.

Три часа без перебоя мы трудились на веслах; моря больше не было видно, равно как и места, куда могла бы ступить наша нога. Везде вокруг нас хлюпала грязь — то серая, то черная. Вот уж,

поистине, бескрайняя, дикая пустошь, до отказа заполненная сырым тленом! Но мы упорно гребли, слепо надеясь наткнуться на какой-нибудь островок.

Затем, незадолго до заката, мы решили сделать передышку за веслами и перекусить, взяв немного из того, что осталось от нашего запаса. Пока каждый занимался своей порцией пайка, я смотрел на то, как солнце садится за горизонт, далеко, за бескрайним, необозримым болотом. Мне даже начали мерещиться какие-то странные, замысловатые тени. Они выступали откуда-то из-за моей спины и ложились на воду по левому нашему борту, ибо мы как раз сделали стоянку напротив островка с теми отвратительными и жалкими деревьями. Именно в этот момент, насколько удается вспомнить, я с новой силой ощутил, каким безмолвным и странным сказывается все вокруг меня. К тому же я ясно осознал, что все это отнюдь мне не мерещится. Также я заметил, что парням и в нашей шлюпке, и в шлюпке боцмана тоже как-то неспокойно на душе от столь унылого пейзажа — разговоры шли вполголоса, будто в страхе перед злостным нарушением обета тишины.

Но стоило мне начать мучиться поистине глубоким страхом перед изолированным безлюдьем

этих помраченных равнин, до слуха нашего донесся звук, указывающий, что жизнь в этом захолустье все-таки есть. Первый раз я услышал на большом расстоянии от нас, где-то глубоко в тех землях, низкий всхлипывающий стон. Его нарастания и утихания были подобны вою дикого ветра, проносящегося сквозь огромную лесную чащу — но ветра и в помине не было. В следующий же миг странный звук замер в отдалении, и последовавшая за ним тишина всем нам сказалась еще более глубокой и неприятной; оглянувшись на товарищей в обеих лодках, я приметил, что многих сковало чуткое напряжение дичи, забредшей в угодья хищника. Целую минуту, кажется, никто не смел шелохнуться или обронить слово — а потом один из матросов разразился раскатистым смехом, выдающим зарождавшуюся в нем панику. Боцман отругал его и велел примолкнуть. В тот же самый момент опять раздался этот не то стон, не то безутешный всхлип — на сей раз откуда-то справа. Буквально через секунду, став громче и страшнее, звук повторился за нашими спинами — то, верно, отдалось эхо, а сам источник переместился в глубь залива. Я опять взлез на банку, намереваясь на этот раз лучше рассмотреть местность вокруг

нас; да только вот берега стали заметно выше, да еще и растительность служила естественным экраном, загораживая обзор. Я взлез еще немного вверх — такое мое положение, по идее, могло дать мне возможность видеть гораздо дальше за кромку берега; взлез — и все равно ничего не смог углядеть.

Немного времени спустя завывание прекратилось, снова воцарилась мертвая тишина. Мы все сидели, затаив дыхание, в ожидании того, что последует дальше. Джордж, самый младший юнга, сидевший рядом со мной, подергал меня за рукав и спросил испуганным голосом, знаю ли я, что это все могло значить. В ответ я только покачал головой и хотел сказать, что ведаю об этом не больше его, но вместо этого, чтобы хоть немного успокоить бедолагу, сказал, что это, верно, ветер так воет. Не поверив мне, он только покачал головой — и впрямь, чего греха таить, никаким ветром тут и близко не пахло; штиль — он и есть штиль.

Не успел я сказать юнге что-то еще, как снова — этот заунывный вой; на сей раз несся он и от самого верховья залива, и со стороны устья, и из глубины равнины, и с пустоши, островом пролегшей меж нами и морем. Вой наполнил собой

вечернюю мглу — воздух буквально звенел от этой скорбной, жалобной ноты, — и показалось мне, что в этом жутком стенании, в этом плаче отчаяния, звучало что-то до боли *человеческое*. И такая жуть пробрала нас — никто не решался и рта раскрыть. Мы все обратились в слух, застыли, внемля страданиям потерянной души. Испуг и оцепенение отхлынули лишь тогда, когда солнце закатилось за самый край неба — и мир утонул в полумраке.

Вослед за этим произошла еще более необычайная вещь; пока ночная тьма сгущалась, странное завывание стихло, но *другой* звук вырвался, похоже, откуда-то из внутренней части земли, из самого ее центра — раскатистый низкий рык. Сначала, как и завывание, он казался приглушенным, но очень быстро нарастал, накатываясь на нас со всех сторон волнами. Вскоре вся непроглядная ночная тьма была им полна; рык становился громче и громче, и вот уже в нем звенела мощь сонма труб с характерным насыщенным тембром, рвущемся к небу из самого сердца этой звериной литании. Затем, без спешки, рык стал стихать, превратившись в низкое и злобное — иначе не описать — рычание голодного зверя. Впрочем, всякие эпитеты меркнут

пред истинной силой этого ужасного, поистине *оголодавшего,* чужеродного в своей алчности звука! Этот рык — куда сильнее, чем все другие из необъяснимых странных звуков, слышанных мною за жизнь! — леденил в моих жилах кровь и сдавливал страхом сердце. Вдруг Джордж схватил меня за руку и, мелко-мелко дрожа, надламывающимся шепотом изрек:

— Смотри, кто-то ходит в чаще на левом берегу — там, за деревьями!

Подтверждение этим словам я получил незамедлительно, собственными ушами уловив шорохи и шелест именно в том самом, указанном Джорджем месте, — и они не стихали. А затем, совсем близко к нам, я услышал нечто вроде урчания — казалось, будто дикий зверь, мурлыча, трется о мой локоть. В тот же момент я услышал команду боцмана: он тихо приказал Джошу, старшему юнге, бывшему за главного на нашей шлюпке, плыть борт о борт с ним; так боцман принял на себя командование над обеими нашими лодками. Мы подняли весла и положили суденышки в дрейф в середине залива. Испуганные до смерти, мы зорко вглядывались во мрак, тщась там хоть что-нибудь различить, и старались говорить только шепотом — только у нас это

выходило до того тихо, что с трудом удавалось разбирать слова через непрекращающийся рык.

Тянулись часы, и ничего, кроме того, о чем я уже поведал, более не произошло. Правда, где-то сразу после полуночи деревья напротив нас начали опять колыхаться, словно какой-то зверь — один ли он там? — крался в чаще; и один раз до наших ушей донесся всплеск, словно что-то прыгнуло в воду у самой кромки берега. В остальном же тишина оставалась незыблема.

Утомительно долго тянулось время, пока в восточной стороне небо не стало проясняться, тем самым извещая нас о наступлении нового дня. И по мере того, как нарождался день, а свет обретал свою силу, это ненасытное рычание становилось все тише и тише, будто уходя вместе с ночью. И вот настало долгожданное утро — и *вновь* услышали мы то горестное стенание, всю ночь не дававшее нам покоя! Оно то стихало, то снова набирало силу и, приобретая еще более скорбные оттенки, расползалось по необъятной пустоши, окружающей нас. Это продолжалось до тех пор, пока солнце не поднялось на несколько градусов выше горизонта. После этого стон начал сникать по новой, долгим унылым эхом достигая наших ушей. Уж не в первый раз среди здешнего

запустения воцарилась сверхъестественная тишина, не прерывавшаяся весь день…

Еще поутру боцман велел нам сготовить завтрак — нехитрый ввиду ограниченности наших запасов. После этого, первым делом окинув взором берега, чтобы понять, не таят ли они какой-нибудь опасности, мы снова налегли на весла — и поплыли вверх по заливу, уповая на то, что сможем добраться до такого уголка этой земли, где жизнь еще не совсем угасла и где наши ноги ступят на давно желанную твердь. Вопреки тому, что я поведал раньше, растительность в том месте, где мы тогда уже находились, стала богаче. Потом, когда мы проплыли дальше, она и вовсе расцвела во всем своем буйном великолепии. Выходило, что я был не так уж и прав, утверждая, что край безжизненный! Теперь, вспоминая наши приключения, я думаю, что непролазная грязь, осложнившая нам первый день пребывания в этих землях, пускай и казалась лишь грязью, на деле являла собой сущий сад жизненных форм — разнообразных и до сей поры невиданных.

Стоял ясный полдень; случилась хоть и незначительная, но все-таки *какая-то* перемена в ландшафте, окружающем нас. Растительность сделалась гуще: теперь она подступала к ручью

почти непрерывной стеной, однако берега его по-прежнему оставались илистыми и топкими, и пристать к ним где-либо не представлялось возможным. Впрочем, даже и предприми мы такую попытку, нам, скорее всего, открылось бы, что за береговой линией дела обстоят не лучше.

Сплавляясь, мы постоянно следили то за одним берегом, то за другим. Тем, кто не сидел на веслах, приходилось держать наготове свои охотничьи ножи — события прошедшей ночи не давали никому покоя, и мы были очень сильно напуганы. По итогу нам все равно пришлось повернуть шлюпки обратно к морю. Провиант наш был уже почти совсем на исходе.

Глава 2
Корабль в гавани

Уже вечерело, когда мы плыли по заливу, впадающему в другой, более крупный, куда можно было попасть, только обогнув берег, лежащий по нашему курсу с левой стороны. Мы собирались пройти мимо, как уж не раз делали за весь этот день, но наш боцман, чья шлюпка была впереди, вдруг крикнул, что видит какое-то судно, лежащее в дрейфе, чуть выше первого изгиба берега. Смотрим — так оно и есть! Мы даже не сразу и поверили в то, что прямо перед нашими глазами — одна из мачт какого-то корабля. Паруса на ней были истрепаны в клочья; так, видать, сказались на них неприкаянные, без должного курса, блуждания по волнам.

Именно в тот момент, когда мы уже начали сходить с ума, чувствуя себя покинутыми и брошенными на краю земли и с опаской ожидая прихода ночи, в сердцах своих мы ощутили светлое чувство, весьма близкое к радости. Впрочем, боцман сумел нас сразу охладить: грубо, в свойственной ему манере, заткнув наши рты,

он напомнил о том, что мы ничего не знаем ни об этом судне, ни о его хозяевах. В полнейшей тишине он направил свою шлюпку к кораблю, в залив, куда мы и последовали, изо всех сил стараясь не издавать ни единого лишнего звука и заботясь о том, чтобы весла не били по воде слишком сильно. Двигаясь так, мы очень медленно и осторожно поравнялись с «рукавом» залива, откуда открывался крайне живописный вид. С нового места обзора ничто не мешало пристрастно изучить корабль, безмятежно качающийся на волнах, в стороне. С этого расстояния он не производил впечатления судна с экипажем на борту — посему, после недолгих колебаний, мы налегли на весла и, нарастив скорость, поплыли прямо к нему, все так же стараясь производить как можно меньше шума.

Едва ли оно принадлежало Короне, это судно — тяжело навалившись корпусом на правый от нас берег, обширно поросший странными здешними деревьями, оно, судя по всему, изрядно увязло в густом иле — да и выглядело так, словно простояло тут уже немало времени. По этой причине в душе моей зародилось смутное сомнение в том, что мы сможем на его борту найти что-либо, способное сослужить добрую службу нашим пустым

утробам.

Мы подошли к нему на расстояние, примерно равное десяти морским саженям[12], взяв курс на его правый крамбол[13], поскольку нос его был направлен прямо в устье маленького залива. Затем боцман скомандовал своим ребятам отгрести немного назад. Точно такой же приказ отдал Джош гребцам на нашей шлюпке. Приготовившись сразу сдать назад в случае угрозы, боцман громко приветствовал незнакомое судно, но никто ему не ответил — лишь эхо его собственного голоса, отразившись от корабля, возвратилось обратно. Он снова гаркнул, надеясь, что на этот раз его услышат люди внизу, в подпалубных помещениях, если его первое приветствие каким-то образом от них ускользнуло. И во второй раз

---

[12] Примечания: 12

Одна морская сажéнь приблизительно равна 1,83 м.

[13] Примечания: 13

Крáмбол — на парусных деревянных судах толстый короткий брус в виде консоли, выходящий за борт и поддерживаемый снизу жестким соединением под названием «сапортус». На внешнем конце крамбола — шкив для кат-талей (при помощи последних якорь после его выхода из воды подтягивается на высоту палубы, что называется «взять якорь на кат»). На современных парусных судах крамбол почти всегда заменен кат-балкой — металлическим изогнутым брусом, похожим на шлюпбалку. Выражение «справа (слева) на крамболе» указывает направление на предмет, видимый справа/слева по носу по линии, проходящей от наблюдателя через место нахождения прежнего правого или левого крамбола.

ничего, кроме раскатистого эха… Впрочем, нет — деревья на берегу, безмолвные и неподвижные, как нам сперва показалось, вдруг закачались — но не мог же окрик, будь он хоть трижды зычный, растревожить их.

Набравшись смелости, мы подплыли к кораблю и прижались борт к борту, и уже через минуту, поставив весла вертикально, взобрались по ним на палубу. Смотрим: никаких особых повреждений вроде бы нет, разве что палубный иллюминатор в кают-компании разбит, и корпус кое-где покорежен, а в остальном — полный порядок. Потом, присмотревшись повнимательней, мы дружно выказали предположение, что это судно не особо давно оставлено командой.

Едва поднявшись на борт, боцман сразу направился через корму к трюмному люку, и мы как один последовали за ним. Створка люка оказалась приоткрыта примерно на дюйм, однако, чтобы открыть ее полностью, нам потребовалось приложить такие усилия, что всем стало ясно: в последний раз эту железку ворочали очень давно.

Что ж, хотя бы спуск в трюм много времени не отнял. Кают-компания пустовала, если не считать шкафов и сундуков. Из нее открывался проход в

две отдельные каюты, расположенные в носовой части корабля, и в покои капитана, прилегающие к корме. Везде на глаза попадались нам личные вещи, одежда и всякий иной скарб, служивший подтверждением тому, что судно покидали в спешке. Еще сильней нас в том убедили золотые самородки, обнаруженные одним из матросов в выдвижном ящике капитанского шкафа. Едва ли владелец бросил по собственной воле этакое богатство!

Офицерскую каюту по правому борту занимала, вне сомнений, женщина, ходившая на странном судне пассажиркой. В левой двухместной каюте жили, скорее всего, два молодых франта — к такому заключению мы пришли, осмотрев раскиданную по полу дорогую одежду.

Из моего рассказа может сложиться впечатление, что на обследование кают мы потратили немало времени, но это не так; первостепенной нашей заботой оставался провиант, и мы лишь бегло осмотрели жилые помещения, подстегиваемые приказами боцмана. Нам нужно было как можно скорее выяснить, есть ли на этой старой посудине хоть какая-нибудь снедь, способная спасти нас от голодной смерти.

С этой целью мы сняли люк, ведущий вниз, в

кладовую, и, зажегши две лампы, что были у нас с собой в лодках, спустились вниз, чтобы произвести обыск. Итак, вскорости мы набрели на две бочки, и обе боцман вскрыл топором. Бочки были добротными и герметичными, а в них хранились корабельные галеты[14], очень вкусные и пригодные в пищу. После такой находки, как можно догадаться, у нас от сердца сразу отлегло — теперь-то мы знали, что голодомор отсрочен. Продолжая разбирать запасы, мы обнаружили жбан мелассы[15], бочонок рому, несколько ящиков сухофруктов (плесневелых и негодных), тюки с говяжьей солониной и хорошо просоленной свининой, небольшой жбан уксуса, ящик бренди, четыре мешка муки (один изрядно отсырел) и целый набор свечей из ворвани.

Не тратя времени даром, мы перенесли нашу добычу в кают-компанию, чтобы как следует рассмотреть найденное и принять окончательное решение, что могло годиться в пищу, а что было

---

[14] Примечания: 14

Корабельные гале́ты — увесистые лепешки из муки и воды, высушенные до почти каменного состояния. В сухом виде их употреблять просто невозможно — нужно предварительно размачивать в воде или алкоголе. В раздробленном виде они добавляются в незамысловатые морские рагу на основе солонины.

[15] Примечания: 15

Мела́сса — побочный продукт сахарного производства; сиропообразная жидкость темно-бурого цвета с довольно специфическим запахом.

безнадежно испорчено. Пока боцман тщательно просматривал наши трофеи, Джош взял двух матросов и поднялся с ними на палубу, а оттуда они спустились на наши шлюпки и с них перетащили нашу экипировку и снаряжение; грядущую ночь мы единодушно решили провести на борту корабля.

Пока мы выполняли поставленную задачу, Джош отправился на полубак[16], к кубрику для матросов. Там он не нашел ничего, кроме двух матросских сундуков, матросского чемодана да старого такелажа в неполной комплектности. В кубрике имелось всего десять коек, поскольку бриг был невелик и не было никакой необходимости держать на нем большую команду. Кроме того, Джош хотел проверить, что у них хранится в запасных рундуках[17] — невозможно было поверить, чтобы на десяток здоровых мужчин выделили всего два сундука да один матросский чемодан. Но сейчас ему было не до этого — почув-

---

[16] Примечания: 16

Полуба́к — возвышение корпуса над верхней палубой в носовой части корабля. По длине занимает от 1/4 до 2/3 длины судна, в последнем случае называется удлиненным полубаком. Полубак служит для обеспечения лучшей мореходности, защиты верхней палубы от заливания при встречной волне и повышения непотопляемости.

[17] Примечания: 17

Рунду́к — ящик или ларь, устанавливаемый во внутренних помещениях корабля, для хранения личных вещей команды, экипажа.

ствовав сильный голод, он вернулся на палубу, а оттуда направился в кают-компанию.

За то время, пока он отсутствовал, боцман велел двум матросам убрать в кают-компании, после чего он выделил каждому из нас по две галеты и стопке рома. Джошу, когда тот вернулся, выдали такую же порцию. Чуть погодя мы провели что-то вроде совещания — довольные уже тем, что сидим в каюте, полной еды, и имеем шанс спокойно поболтать о насущном. Вдобавок перед совещанием мы выкурили по трубке — боцману удалось разыскать в капитанской каюте целый ящик табака. Только потом мы приступили к обсуждению ситуации.

Запасы, по расчетам боцмана, позволяли протянуть в лучшем случае пару месяцев — без особых ограничений. Стоило выяснить, есть ли на бриге вода в бочках, ведь в заливе вода была солоноватая и противная, даже в той самой дальней его части, куда мы заходили с моря. Проверить наличие воды боцман поручил Джошу и двум матросам, вдогонку распределив дежурства на камбузе для матросов на все то время, пока мы будем находиться на этой посудине.

— В эту ночь, — сказал он, — можно отдохнуть, ибо у нас достаточно запасено воды в бочках на

шлюпках. До следующих суток всяко дотянем!

Постепенно сумрак надвигающейся ночи стал заполнять каюту, но мы все равно болтали, наслаждаясь комфортом и получая удовольствие от прекрасного табака, всеми оцененного по достоинству. Через какое-то время один из матросов вдруг прикрикнул на нас — замолчите, мол, — и в тот же миг мы все опять услышали далекий протяжный стон. Тот же самый, что и вечером в первый день! Вспомнив о том, какого страху он нагнал на нас накануне, мы переглянулись сквозь клубы дыма и завесы сгущающихся сумерек. При нашем замешательстве стон стал еще отчетливей слышен, и, в конце концов, мы словно *окунулись* в него, — клянусь, так все и было! Казалось, он *просачивается* через разбитый иллюминатор, как если бы какое-то измученное, невидимое существо стояло и рыдало аккурат на палубе, у нас над головами.

Мы сидели совершенно неподвижно, боясь сказать хоть слово, не смея и шелохнуться; одни только боцман и Джош двинулись к люку — посмотреть, удастся ли разглядеть хоть что-нибудь в полутьме. Ничего не увидев, они слезли в салон, ибо обнаруживать свое присутствие перед лицом неведомой опасности было бы с нашей

стороны опрометчиво, особенно с учетом того, что никакого оружия, кроме матросских ножей со скругленными лезвиями, у нас при себе не имелось.

Постепенно ночь окутала мраком весь мир, а мы так и сидели в темной каюте. Никто не проронил ни единого слова — лишь только когда огонек вспыхивал в трубке, озаряя лица, можно было понять, что рядом с тобой находится кто-то еще.

Не скажу, сколько длилось наше напряженное ожидание, но в какой-то момент над этим пустынным, болотистым краем вдруг пронеслось низкое, глухое рычание, тотчас перекрывшее протяжные всхлипы и стоны. Когда оно смолкло, повисла непродолжительная пауза, а затем рык раздался снова — намного громче и явно ближе. Услышав этот звук, я даже вынул изо рта трубку, ибо события предыдущей ночи заронили в моей душе столь глубокое беспокойство и страх, что даже отменный табак не услаждал более. Глухой нутряной рокот словно волной накрыл нас с головой — и постепенно смолк где-то вдали, уступив место напряженной тишине.

Тягостное безмолвие нарушил приказ боцмана быстро перебраться в капитанские покои. После

того, как, подчинившись его команде, мы перешли туда, он решил задраить люк трюма. Джош тоже пошел с ним, и только вдвоем они сумели закрыть люк как надо, хотя попотеть им пришлось изрядно. Потом эти двое тоже схоронились в капитанскую каюту, и мы, заперев дверь на замок, подперли ее для верности двумя тяжелыми рундуками, только так чувствуя себя худо-бедно в укрытии. Казалось бы, ни человек, ни зверь не смогли бы ворваться к нам — и все же мы были все еще весьма далеки от того, чтобы чувствовать себя в полной безопасности. В том рычании, что заставляло нас дрожать от страха всю прошлую ночь, было нечто демоническое… и мы не знали, порождения каких жутких сил поджидают нас за пределами нашего убежища.

Всю эту ночь, так же, как и вчера, мы слышали рык, и порой казалось, что совсем рядом — такое невозможно передать словами! Он громыхал чуть ли не над нашими головами, гораздо громче, чем в прошлый раз. Всю ночь я благодарил Господа Бога за то, что он помог нам найти приют, пусть и в самом центре непостижимого кошмара.

Глава 3
Чудовище в поисках жертвы

Я лежал, лишь временами проваливаясь в сон. Не лучше моего спали и остальные наши ребята — не все, так через одного. Я пребывал не то в полусне, не то в полузабытьи, будучи не в состоянии уняться по-настоящему, и все из-за этого непрекращающегося рыка, застигавшего нас под покровом ночи и насылавшего все больше страху. Где-то после полуночи я услышал звук в кают-компании, сразу за нашей дверью, и в одно мгновение весь сон у меня как рукой сняло. Я сел на своей постели, прислушался и понял: точно, кто-то копошится возле двери в кают-компанию; встал со своей постели и пошел, осторожно, на цыпочках, туда, где спал наш боцман, собираясь его разбудить, если он, конечно, спит. Лишь только я к нему подкрался, он тут же схватил меня за лодыжку и приказал шепотом молчать, потому что он тоже слышал этот странный шум — будто кто-то чем-то возит по стенам и по полу.

Вдвоем мы тихонько подкрались к двери настолько близко, насколько позволяли рундуки,

прижавшие ее, и, согнувшись в три погибели, стали прислушиваться. Понять, что же издает столь странные звуки, нам было не дано — и не шарканье ног, и не топот, и не трепет крыл нетопыря, и даже не шорох брюха змеи. Скорее уж, будто половой тряпкой елозили по палубе, надраивая каюту или переборку. Сходство это стало особенно разительным, когда что-то проползло прямо по двери — мы оба в страхе отпрянули назад, хотя и дверь, и тяжелые лари все так же отделяли нас от неведомо чего.

Неожиданно все стихло, и сколько бы мы ни прислушивались, больше ничего не уловили. Несмотря на это, до самых первых утренних часов мы все равно не могли сомкнуть глаз, все ломая голову над тем, что бы это могло быть — что шарило в потемках по полу и стенам в кают-компании.

Затем в свой положенный час наступил новый день, и рычание прекратилось, и снова это бесконечное скорбное стенание стало давить на уши. Мертвая тишина, возвестившая дневные часы и придавившая нас подобно камню, воспринималась чуть ли не как благословение. Тогда и только тогда удалось нам поспать — и то был не самый долгий отдых. К тому часу, как

боцман потряс меня за плечо, выводя из забытья, остальные парни в команде сняли баррикаду с двери и ходили в прилегающих каютах — нигде, как выяснилось, не находя того, что пугало нас ночью. Впрочем, нельзя сказать, что совсем никаких следов в кают-компании не нашлось: в нескольких местах переборки оказались словно процарапаны грубым наждаком, но понять, появились эти потертости прошедшей ночью или были здесь еще до нас, нам не удалось.

Боцман велел мне не говорить никому о том, что творилось ночью, поскольку не было никакой нужды пугать ребят, чьи нервы и без того порядком накрутила здешняя атмосфера. «Мудро», — рассудил я про себя и согласился с его решением, поклявшись не болтать лишку. Я, что и греха таить, хотел сам разобраться, с чем мы тут имеем дело и проявит ли себя это нечто днем. Куда бы я ни пошел, чем бы я ни занимался, мысли мои возвращались к ночному гостю. Тот, как мне почему-то казалось, мог вернуться в любой момент, атаковать и перебить нас всех.

После завтрака, когда каждый из нас получил свою порцию свиной солонины, стопку рома и галету (к этому времени огонь на камбузе уже развели), под чутким руководством боцмана

нас ожидали трудовые свершения. Джош и двое матросов проверили бочонки для пресной воды, а остальные занялись люковыми чехлами, так как нужно было узнать, какой груз везут на этом судне. Увы, к нашему великому разочарованию, мы не нашли ничего! Да и баки с водой стояли, считай, пустые, воды в них едва набиралось фута на три от дна.

К этому времени Джош откачал немного воды из бочонков, но она оказалась совершенно непригодна для питья из-за отвратительного запаха и вкуса. И все же боцман велел ему набрать немного в ведра — вдруг эта малость «проветрится» на воздухе. Приказ Джош выполнил, но вот только вода, даже простояв все утро, особо качественнее не стала.

В сложившейся ситуации, как того и следовало ожидать, мы стали думать о том, где нам найти годную в употребление воду, поскольку с этим жизненно необходимым ресурсом у нас намечалась сущая беда. Прозвучала уйма предложений — и хоть бы парочка дельных! После обеда боцман велел Джошу взять четверых матросов, сесть в шлюпку и подняться вверх по протоке на милю-другую в расчете, что соленость здешних вод будет падать, чем дальше от моря мы окажемся.

К несчастью, миссия эта хотя и вернулась перед самым закатом, привезла неутешительные вести: проточный сток оставался негодным для питья даже на значительном удалении от нашего привала.

Очевидно, боцман предвидел, что Джошу не удастся найти воду, ибо сразу после того, как шлюпка отчалила, приказал назначенным на камбуз матросам кипятить взятую из ручья воду в трех вместительных лоханях. У каждой лохани он поставил по большому котелку с холодной водой из бочек — да, какой бы теплой и противной та ни была, она все равно оказалась студенее влаги, набранной в прогретом солнцем заливе, — чтобы пар, ударяя в стылое железо, давал нам конденсат, копящийся в ведрах, поставленных, в свою очередь, под котелками на полу камбуза. Такой хитростью мы раздобыли достаточно питья на вечер и следующее утро. Однако очень уж это был медленный способ — мы остро нуждались в более скором, иначе дальнейшее наше пребывание на брошенном судне ставилось под вопрос. Впрочем, я и не горел желанием здесь задерживаться!

Мы приготовили себе ужин еще до заката солнца, чтобы нормально поесть до того, как начнется

время заунывного стона — уже вполне ожидаемого явления. После боцман задраил люк, и мы все пошли в капитанскую каюту, где плотно закрыли на засов дверь и приперли ее, как и прежде, рундуками. Как открылось впоследствии, подобная перестраховка спасла нам жизни.

К тому времени, когда мы вошли в капитанскую каюту и заперлись, солнце уже садилось — и с наступлением сумерек над проклятой землей разнесся меланхолический вой; однако к тому времени мы уже несколько привыкли ко многим странностям, что просто разожгли наши трубки и закурили. Особых разговоров никто, впрочем, не водил — не получалось отгородиться от давящих звуков снаружи до конца.

Итак, как я уже сказал, мы хранили молчание, но это не продлилось долго; причиной его нарушить стало открытие, сделанное Джорджем, нашим младшим юнгой. Паренек, не будучи курильщиком, хотел чем-нибудь занять себя, чтобы скоротать время, и с этим намерением он выгреб содержимое маленькой коробки, лежавшей на палубе сбоку от передней переборки.

Коробка оказалась наполненной странными мелкими обломками, а под ними нашлась кипа оберток из серой бумаги, используемых, насколь-

ко я знал, для транспортировки образцов зерна из одних факторий в другие. Я знал также, что порой этот дешевый расходник идет на другие цели — как, собственно, в данном случае; решив, что перед ним простая выстилка для дна коробки, Джордж отбросил обертки в сторону. Но едва стало темнеть, боцман зажег свечу из ворвани — из запаса, обнаруженного в кладовой, — и юнга, коему наказали подмести пол от раскиданного им мусора, обнаружил нечто, заставившее его издать изумленный вскрик.

— Полно хныкать, мальчишка! — рявкнул боцман, подумав, видимо, что юнец жалуется на усталость. Но он ошибался.

— Свечу сюда! Свечу! — потребовал Джордж. — Смотрите все — эти листки исписаны! Почерк мелкий, аккуратный… Бьюсь об заклад, это женская рука!

Как раз в тот момент, когда Джордж оповестил о находке, мы все осознали приход очередной ночи. Стон, как и заведено, прекратился, и на смену ему откуда-то издалека донесся низкий гром ночного рычания. Боясь даже сделать затяжку, мы сидели, навострив уши — и еле заметно дрожали, ибо очень уж страшный то был звук. Вскоре стало казаться, что он окружил корабль,

как и в предыдущие ночи; но, наконец, худо-бедно свыкнувшись с ним, мы закусили трубки и попросили Джорджа зачитать нам вслух записи на бумажных обертках.

С трудом разбирая слова, написанные на изрядно потрепанной бумаге, Джордж, то и дело срывающимся голосом, начал чтение; и чем дальше он углублялся в текст, тем яснее всем нам становилось, в какой суровый переплет мы здесь угодили. Хотя записи лишь подтвердили тот сонм подозрений, что клубился у нас в умах уже давненько.

«Высмотрев ручей среди деревьев, растущих вдоль всего берега, мы обрадовались — наконец-то пополним запас воды! К тому же кое-кто из наших ребят боялся оставаться на корабле — люди говорили, что причина всех наших злоключений и странного исчезновения их товарищей, а также брата моего возлюбленного, заключается в том, что судно преследует сам Дьявол. Они сразу сказали о своем намерении поселиться поближе к ручью и там разбить лагерь. Это им удалось сделать всего за один вечер, несмотря на то что наш капитан, очень славный и порядочный человек, убеждал остаться в хорошо известном укрытии, если только парням дорога жизнь. Увы, никто из

них не послушал доброго совета, а после того как пропали без следа боцман и первый помощник, капитан лишился последних рычагов давления на этих безумцев, глухих к доводам рассудка…»

Дойдя до сих слов, Джордж остановился и стал шуршать обертками, ища продолжение истории. Пока он это делал, боцман, поглаживая бороду, бросил:

— Ручей, значит… Надобно этот самый ручей разыскать — видать, недалеко он отсюда. Ну же, мальчишка, резвее — так мы никогда не узнаем, где искать! Читай уж сразу, как еще записи найдешь!

Подчинившись приказу, Джордж выпростал к свету лист, лежащий на самом верху — все записи, как он предварительно сообщил, лежали не по порядку, наспех сбитые в стопку. И вот что мы услышали:

«…Тогда капитан крикнул, что на борт кто-то пробрался. Почти сразу я услышала голос моего возлюбленного, приказывающий запереть дверь каюты и не открывать во что бы то ни стало. Потом хлопнула дверь в капитанскую каюту, и наступила тишина, вскоре нарушенная странными шорохами. Так я впервые услышала, как

тварь ползает по полу кают-компании. Только потом мой жених и капитан признались, что тварь пробиралась туда и раньше, но они ничего мне не говорили, боясь испугать без нужды. Что ж, зато теперь мне понятно, почему мой суженый так настойчиво просил меня непременно запираться на ночь. Задумалась я и о том, не указывал ли звон бьющегося стекла, разбудивший меня две или три ночи назад, на то, что ночной гость крайне настойчив и агрессивен в попытках добраться до нас, ибо наутро я увидела, что потолочный иллюминатор разбит. Так я размышляла о мелочах, а сердце мое от ужаса готово было вырваться из груди…

Отчасти по привычке, отчасти в силу необходимости я научилась засыпать, забывая о страшном рычании, раздававшемся по ночам вокруг корабля — мне удалось убедить себя, что это голоса рыщущих во мраке духов, бесплотных, а потому безвредных; я никогда не позволяла странным и диким мыслям смущать мой дух, к тому же мой жених убедил меня, что нам ничего не грозит и что в конце концов мы непременно окажемся дома. Но теперь я своими ушами слышала, как страшно ворочается у моей двери алчный материальный враг, и…»

Неожиданно Джордж замолчал, потому что боцман встал со своего места и положил свою огромную ладонь ему на плечо. Парень хотел что-то сказать, но боцман сделал ему знак рукой, приказав держать язык за зубами; и тогда все мы, кто уже начал сопереживать событиям этой истории, превратились в слух. Таким образом, мы услышали звук, поначалу ускользнувший от нас — за рычанием и интересным чтением.

Первое время мы сидели очень тихо, прислушиваясь. Лишь только по едва уловимому дыханию можно было понять, насколько мы напряжены и сосредоточены. Все уже уразумели, что там, за дверью кают-компании, кто-то есть. *Оно* прильнуло к двери с той стороны — будто, как я уже подмечал, большая влажная ветошь ткнулась в дерево. Парни, стоявшие ближе всех к двери, отскочили назад, охваченные внезапным страхом из-за того, что неизвестное существо подступило так близко; но боцман поднял руку, тихим голосом приказывая им не производить ненужного шума. И все же ночной гость уловил будто даже и слабые звуки движений их тел, ибо дверь затряслась с такой силой, что мы обмерли, ожидая увидеть, как она слетит с петель. Но добротная перегородка устояла, и мы тут же поспешили

подпереть ее закладными досками, снятыми с коек. Их мы поставили между дверью и двумя огромными сундуками, а сверху на эти сундуки взгромоздили еще и третий — за такой добротной баррикадой и двери-то стало не видать.

Не скажу точно, упоминал ли я, что на первых подступах к судну мы обнаружили, что по левому борту один из иллюминаторов разбит. Боцман, помнится, закрыл его с помощью ставня из тикового дерева, сработанного, по-видимому, как раз для того, чтобы закрывать окно в бурю. У ставня имелись прочные поперечные распорки, основательно закрепленные плотно вбитыми клиньями. Боцман водворил ставень в первую же ночь, опасаясь вторжения извне. И что же, оказалось, он поступил более чем предусмотрительно!

— Левый борт! Там, за окном!.. — возопил вдруг Джордж, и мы отступили назад, испытывая все больший страх, потому что какое-то злобное существо явно стремилось напасть на нас. Но боцман, очень мужественный человек недюжинного спокойствия, подошел к закрытому окну — проверить на нем затворы. Он точно знал, что при должной задрайке ни одно чудовище, при том условии, что оно не обладает силой, равной китовой, не сможет его высадить, поэтому в слу-

чае нападения сама конструкция иллюминатора должна была служить для нас достаточной защитой от вражеских посягательств.

Но не успел он проверить этот иллюминатор, как от страха закричал один из матросов. Мы кинулись ко второму, неразбитому стеклу, и нашим глазам предстал странный, насыщенно-алый придаток, распластавшийся по прозрачной поверхности, пульсирующий и обильно выделяющий слизь. Джош, оказавшийся ближе всех к столу, схватил с него свечу и поднес ее к тому месту, где присоска прилипла к окну с наружной стороны. Благодаря свече мне удалось разглядеть, что распластавшаяся масса напоминала собой волокнистую ткань в разрезе, больше всего похожую на ломтик разделанной сырой говядины — и при этом она вся пульсировала и сокращалась, живя собственной нечестивой жизнью.

Мы все как один в ошеломлении уставились на шевелящийся шмат алой плоти, забыв от ужаса о том, как двигаться, абсолютно беззащитные в тот момент; даже будь у нас в тот миг все оружие мира, мы просто не сообразили бы, как им воспользоваться. И пока мы так стояли, словно глупые овцы в ожидании мясника — а длилось это считаное мгновение, — рама страшно за-

скрежетала под натиском чудовища, и прочное морское стекло избороздила паутина трещин. Через секунду пульсирующая живая ткань с прослойками, присосавшаяся к иллюминатору, с силой вырвала его, оставив каюту без всякой защиты.

Стоит в очередной раз отдать должное нашему боцману: он снова не растерялся. Ругая нас на чем свет стоит, как последних салаг и недотеп, он схватился за крышку иллюминатора и захлопнул ее, закрыв зияющую дыру, образовавшуюся на том месте, где раньше стояло стекло. На самом деле от этого оказалось больше прока, чем если бы стекло там и оставалось — тут же были поставлены на свои места и зажаты крепко-накрепко все крепления и затворы. В том, что все было сделано именно в нужный момент, мы убедились незамедлительно, ибо буквально сразу раздался треск расщепляемого дерева и звон разбитого стекла, а после этого в кромешной тьме мы услышали странный вой. Он рос и креп, становясь громче непрерывного рыка в ночи.

Вскоре он стих, и в воцарившейся, казалось, ненадолго тишине мы услышали, как кто-то неуклюже возится с тиковым ставнем; но тот был закреплен на славу, и нам едва ли что-то грозило

в скорейшем времени.

Глава 4
Два лица

Об остатке той ночи у меня остались лишь смутные воспоминания. Иногда мы слышали, как трясется дверь за огромными сундуками, но никакого вреда нам от этого, ясное дело, не было. Порой до нас доносилось приглушенное мягкое буханье и уже знакомый «шум мокрой ветоши» — прямо над головами. В какой-то момент чудовище предприняло последнюю атаку на тиковые заглушки, закрывавшие иллюминаторы в каюте. Насколько я помню, когда наступил день, я все еще спал.

В тот день, в общем-то, все спали долго и проснулись лишь к полудню, разбуженные боцманом. Ему, как и всегда, не давали покоя заботы о наших насущных нуждах. Мы убрали рундуки, однако отперли дверь не сразу — мы не знали, что нас там, по ту сторону, ждет. Наконец боцман велел расступиться — мы уставились на него и увидели, что десницей он сжимает огромную абордажную саблю.

— Там есть еще, — бросил он, указывая сво-

бодной рукой на открытый рундук в углу. Мы бросились туда и увидели, что, помимо всякого безобидного скарба, там сложены еще три сабли для рейдерской сечи. На самом дне лежал прямой длинный палаш[18] — без лишних раздумий я схватился за него, решив, что с такой добротной вещью удача всяко будет ко мне благосклоннее.

Вооружившись, мы поспешили за боцманом — бравый морской волк уже открыл дверь и пошел осматривать кают-компанию. Особо отмечу: хорошее оружие может придать мужчине изрядной отваги и удали! Всего несколько часов назад я трясся за свою жизнь, а сейчас полон воинской доблести и сам тороплюсь в бой. Хотя о том, что сражаться пока было не с кем, не стоило, пожалуй, жалеть.

Из кают-компании боцман поднялся на палубу. Я, помнится, слегка удивился, увидав, что крышка люка лежит на том же самом месте, где мы ее оставили в прошлую ночь; но тут же я вспомнил о том, что палубный иллюминатор был разбит и через него можно было спокойно попасть в кают-компанию. При этом я терялся в догадках,

---

[18] Примечания: 18

Пала́ш — холодное оружие, подобное сабле, но с прямым и широким обоюдоострым к концу клинком. Оставалось на вооружении кирасирских полков до конца XIX века.

что же это за существо такое — предпочитающее проникать через разбитые иллюминаторы, пренебрегая удобством люка, как раз предназначенного для спуска вниз.

Мы обыскали всю палубу и полубак, но ничего так и не нашли. После этого боцман двоих из ребят поставил на вахту; остальным тоже не пришлось сидеть сложа руки. Чуть позднее мы отправились завтракать, а потом все приготовились читать продолжение истории, написанной на помятых зерновых обертках, тешась надеждой на то, что там будет написано, где среди этих чахлых местных деревьев спрятался чистый ручей.

Ну так вот, между кораблем и зарослями деревьев находилась покатая горка, вся покрытая толстым слоем грязи. Рядом с ней посудина и нашла привал. Взобраться на этот склон было делом почти невозможным — уж слишком липучей и вязкой оказалась грязь, хоть со стороны и могло показаться, что по ней можно легко взползти. Юнгу Джоша осенило — он сказал боцману, что мы сможем перейти на берег при помощи лестницы, прикрепленной на полубаке за носовой продольный конец. Лестницу принесли, прихватили и несколько люковых крышек. Сначала сверху на грязь мы положили крышки, а на них

уже поставили лестницу; при помощи таких ухищрений мы и смогли перебраться на самую высокую часть берега, не сверзившись в черный ил. К счастью, в означенном месте рощицы подступали достаточно близко к берегу, и вскоре мы шагнули под их сень. Почва здесь оказалась плотнее и тверже, да и пройти между деревьями не потребовало от нас особой ловкости; это только с судна нам казалось, будто между ними нет никакого просвета, а на деле они росли на определенном отдалении друг от друга, и чем дальше от берега, тем реже становился этот хилый частокол.

Мы прошли немного среди деревьев, когда внезапно один из матросов закричал:

— Вижу что-то! Вон, справа от нас!

Мертвой хваткой мы вцепились в свои сабли, оборачиваясь в ту сторону. Но опасности не было: в той стороне валялся моряцкий сундук; пройдя чуть вперед, мы обнаружили еще один. И вот после небольшой прогулки мы наткнулись на лагерь. Слишком громко, впрочем, сказано — «лагерь»! Парусина распласталась по земле, сплошь порванная и замаранная — из нее наспех делали палатки наши незнамо куда канувшие предшественники. Но ручей… ручей и впрямь ждал нас

здесь — как раз такой, на какой мы и уповали! Чистая и прозрачная ледяная вода бежала по камням, заверяя нас: гибель отсрочена, шансов на спасение в достатке.

Теперь, когда источник нашелся, стоило подумать о том, как поставить в известность всю остальную команду, ждущую на судне. Но, вопреки ожиданиям, мы с этим не торопились. Вся проблема заключалась в том, что в самой *атмосфере* места было что-то гнетущее и нездоровое, и всем нам отчего-то не терпелось поскорее вернуться назад, к своим.

После того как мы вернулись на бриг, боцман дал задание четырем матросам спуститься на наши шлюпки и поднять наверх бочонки для воды: затем он начал собирать ведра на корабле и приказал нам всем тоже немедленно браться за работу. Тех, у кого было оружие, он отправил на ручей, в заросли — набирать там воду в ведра и передавать другим, стоявшим на берегу. Те, в свою очередь, передавали драгоценный груз уже на корабль. Нашему коку на камбузе боцман велел положить в котел самые отборные куски говяжьей и свиной солонины из бочек и как можно быстрей поставить их варить. Мы трудились не покладая рук, ибо теперь было решено

— *теперь*, когда мы нашли питьевую воду, — что нет нужды оставаться ни на час дольше на этой облюбованной неведомыми чудовищами посудине. Всем нам не терпелось поскорее вернуться в спасательные шлюпки и отчалить назад в море, откуда мы спаслись чересчур поспешно.

Так мы проработали весь остаток утра и вплоть до полудня, смертельно боясь близящейся темноты. Около четырех боцман прислал к нам кока с галетами и солониной. Мы перекусили прямо за делом, полоща пересохшие глотки водой из источника. К вечеру мы наполнили все препорученные нам емкости — ни один сосуд, пригодный в пополнение запасов на шлюпках, не остался нашими стараниями в стороне. Более того, мы ухватились за возможность совершить телесное омовение — всякому моряку известно, что морские ветры и соленые брызги извечно беспощадны к людским телам, а вкупе с грязью на коже сулят язвы и расчесы.

Впрочем, стоит заметить, что мы бы так не спешили быстрее закончить свою работу, будь условия благоприятнее. Из-за зыбучести почвы под нашими ногами мы были вынуждены очень осторожно соизмерять каждый шаг, а это, несмотря на небольшое расстояние между ручьем и

кораблем, отнимало много времени. Так мы и не заметили, как день начал клониться к вечеру, и последние заготовки делали уже в сумерках. Когда боцман с посыльным передал нам приказ, чтобы мы возвращались на борт, обстоятельно собрав весь свой инвентарь, мы особо мешкать не стали. В результате, как это всегда бывает, я забыл свой палаш где-то возле ручья, ибо мне требовались обе свободные руки для переноски одного громоздкого бочонка. Только упомянул я о своей пропаже, как Джордж, все это время работавший со мной в тандеме, крикнул, что быстро сбегает за ней и вернется. Слова у этого малого не разминулись с делом — он исчез тут же, сверкая пятками. Видать, очень ему хотелось напоследок посмотреть на чудо-ручей.

Как раз в этот момент Джордж зачем-то понадобился боцману; когда же я сообщил, что юноша вернулся в рощу, наш морской волк сердито топнул ногой и свирепо выругался, заявив, что стоило мне приглядывать за парнем: юнга терял голову всякий раз, когда проскакивал хоть малейший намек на приключение.

— Кто знает, — гудел он, — какие опасности подстерегают в здешних лесах, когда сгущается мрак! А ну!.. — Не мешкая более, боцман бросился

вдогонку за Джорджем.

Я, распекая себя в душе за непревзойденную глупость, сразу рванул следом. За холмом оказалось труднее ориентироваться — фигура, бегущая впереди, растворилась в зарослях; мне пришлось сорваться на еще более скорый бег, теряя дыхание. Среди деревьев я почувствовал, что температура воздуха ощутимо упала; потянуло гнилостной сыростью, а ведь недавно все это место нежилось в тепле и сиянии солнца. Я, впрочем, приписал перемену близости вечера, а легкий озноб мог быть вызван сознанием того, что в этом загадочном лесу нас только трое.

Мы вышли к ручью, но Джорджа нигде не было видно — как, впрочем, и моего палаша. Убедившись в том, что юнги здесь нет, боцман окликнул его по имени. Никакого ответа — ни на первый призыв, ни на последующие; но вот пронзительный голос Джорджа зазвучал будто бы совсем вблизи, где-то впереди за первой грядой деревьев. Сразу же мы ринулись на звук, тяжело оскальзываясь на земле, всюду покрытой густой пеной, льнущей к подошвам. Все то время, пока мы бежали, мы кричали ему — и он кричал нам в ответ. Когда же мы на него вышли, у него в руках я увидел свою саблю.

Боцман подбежал к Джорджу и, схватив его за руку, в гневном тоне приказал немедленно вернуться с нами на судно. Но парень вместо ответа указал острием палаша куда-то в сторону, и мы, бросив в том направлении взгляд, заметили нечто вроде птицы на стволе одного дерева. Подойдя поближе, я осознал — нет, не живое существо передо мной, но *часть* растения, но до того похожая на птицу, что я даже сморгнул пару раз — не обманывают ли глаза? Да, всего лишь причуда природы — до невозможности точный парейдолический образ, а по сути, диковинный нарост на стволе. С внезапной мыслью о том, что из этой штуковины выйдет славный памятный сувенир, я протянул руку, уверенный, что смогу отъять нарост от дерева, но он оказался сильно выше моей досягаемости, так что затею пришлось оставить. И все же вскрылось одно донельзя любопытное обстоятельство: потянувшись к выступу, я положил руку на дерево, и ствол под моими пальцами стал мягким, как мякоть, очень похожим на гриб.

Когда мы повернулись, чтобы уйти, боцман спросил Джорджа, зачем он пошел дальше источника, и юнга стал божиться, что ему послышался зовущий голос за деревьями — полный такой

боли, что всяк добропорядочный христианин рванулся бы мигом на помощь. Вот только нуждающийся в спасении человек ему не встретился, одно только дерево с диковинной штукой, из него торчащей. Бывает, обознался… Потом он услышал наши голоса, а все остальное мы и так знаем.

Мы уже почти подступили к ручью, как неожиданно услыхали тихий жалобный плач. Я посмотрел на небо — от края до края темное, будто склянка чернил; собрался заметить об этом боцману — но тот внезапно отошел и всем телом подался вперед, вглядываясь в тени справа от нас. При этих его движениях мы с Джорджем обернулись, чтобы понять, что за диво привлекло внимание нашего бывалого морского волка, и оба уставились на дерево примерно в двадцати ярдах от нас, чьи ветви, все до единой, были обернуты вокруг ствола — подобно тому, как плеть наматывается на тело бичуемого. Выглядело это донельзя странно, и мы, само собой, решили приблизиться к дереву как можно ближе, намереваясь лучше разглядеть его и понять причину столь необычного природного явления. Но даже подступив почти вплотную, мы не уразумели, что за хворь так исказила древесный облик. Дважды мы обошли дерево кругом, изумленно меж

собой переглядываясь — и ничего нового о нем не узнали.

В этот момент где-то вдалеке послышался тяжкий стон, какой здесь начинается ближе к ночи, и вдруг, совершенно неожиданно, эта воплощенная в дереве причуда… *стала выть.* Весь содрогнувшись от испуга и удивления, я невольно отшатнулся, не отрывая глаз. Что-то в переплетении гибких поникших ветвей издавало этот звук… и в какой-то момент я яснее ясного осознал, что вижу *темное человеческое лицо,* торчащее из этой ветвистой паутины.

Увидев такое, я замер, охваченный ужасом, словно парализованный. Затем, после того как самообладание снова вернулось ко мне, я сумел разглядеть, что лицо это было будто частью этого дерева — ибо я не мог разобрать, где оно кончается и где начинается ствол. Схватив за руку боцмана, я пробормотал:

— Не знаю, вырост это такой на дереве или нет, но все одно — это происки дьявола.

Но лихой моряк моему предостережению не внял. Увидев лицо на стволе, он выдвинулся вперед и встал к наросту так близко, что, наверное, мог бы коснуться его. Не желая отставать, я тоже сделал шаг вперед, и тогда Джордж, нерешитель-

но встав по другую руку от боцмана, прошептал:

— Вижу еще одно… женское.

И как только он вымолвил эти четыре простых слова, я взаправду разглядел меж ветвей второй нарост или наплыв, до странности напоминающий лицо женщины. В тот же миг боцман, до глубины души пораженный увиденным, разразился громкой бранью, и я почувствовал, как его плечо — за него я продолжал держаться — сильно вздрогнуло словно от полноты переполнявших нашего командира чувств. Вдали опять послышался заунывный вой, и тотчас же все деревья, окружавшие нас, застонали и завыли в ответ, сопровождая свой скорбный плач судорожными всхлипами. Не успел я как следует разобраться в том, что происходит, как опять взвыло дерево, растущее ближе всего к нам.

— Так вот оно что! Знаю я, что тут творится! — выкрикнул боцман яростно, хотя о том, что он именно знал, я в то время не имел ни малейшего представления. А потом он начал рубить своей саблей дерево, стоящее перед нами и взывать к Господу Богу, чтобы Господь помог ему его срубить. И лишь только он начал его кромсать, начали происходить очень страшные вещи: *ствол начал истекать кровью*, как туша

животного. Под аккомпанемент жалких стонов он кренился то влево, то вправо, корчась и изгибаясь. Все деревья вокруг нас начали колыхаться и трепетать вслед за ним.

Вдруг Джордж заорал страшным голосом и перебежал от боцмана на мою сторону. В этот момент я увидел, что один из плодов, похожих на капусту, преследует его подобно какой-то демонической змее, раскачиваясь на своем стебле. До смерти жутким было это зрелище, потому что этот плод вдруг стал кроваво-красного цвета. Как бы там ни было, я успел ударить по нему палашом, вовремя отобранным у юнги, и плод свалился на землю.

Тут я услышал, как наши оставшиеся на берегу товарищи громко зовут нас, испытывая вполне ясную тревогу о нашей судьбе, ибо солнце село и последний небесный свет погас. Близ нас деревья оживали одно за другим, воздух вибрировал от низкого рыка и нагоняющих жуть стенаний, и я, снова схватив боцмана за плечо, крикнул ему в самое ухо: если ему, окаянному, дорога жизнь, надобно без отлагательств убираться из этой страшной рощи. И мы со всех ног припустили к кораблю. Всю дорогу, пока мы бежали обратно, нам приходилось отбиваться, рубя налево

и направо. В сгущающихся сумерках на нас набрасывались плоды на извилистых ветвях, все больше напоминавшие змей.

Нам все-таки удалось добежать до брига. К тому времени наши шлюпки уже были готовы к отплытию, и я поспешил перевалиться вслед за боцманом через борт ближайшей. Мы сразу налегли на весла, держа курс прямо в бухту — и все, как один, гребли со всех сил, чтобы шлюпки наши шли как можно быстрее, насколько это мог позволить груз, взятый нами с брига. Пока мы плыли, я оглянулся на бриг, и мне показалось, что с берега на него накинулась тьма-тьмущая жутких змеящихся древовидных придатков. Казалось, что от них кишмя кишело и в воде вокруг бортов. Вода искрилась и мерцала, словно змеи копошились в ней. А потом мы уже были в большом заливе, и не успели заметить, как наступила ночь.

Всю ночь напролет мы гребли, силясь доплыть до центра большого залива, а вокруг нас рокотало протяжное рычание, ставшее гораздо более жутким, чем когда я его слышал впервые. Вплоть до того, пока мы не отплыли на значительное расстояние, мне казалось, что, узнав о нашем присутствии, за нами кинулись в погоню все демоны

этого царства кошмара. Во всяком случае, когда наступило утро, то ли от страха, то ли благодаря течению, подхватившему нас, а может быть, им обоим вместе, нам удалось набрать такую скорость, что мы сумели выбраться в открытое море, где смогли вздохнуть полной грудью и кричать во всю глотку, чувствуя себя свободными, подобно узникам, бежавшим из острога. Восхваляя имя Божье за наше спасение, мы гребли и гребли, удаляясь в бескрайнюю даль.

Глава 5
Великий шторм

И вот мы наконец-то в отрытом море. Временное упокоение снизошло на нас, но, конечно, потребовался не один час, прежде чем мы сбросили груз того ужаса, какой Земля Обреченных вселила в наши сердца.

Еще кое-что в отношении той Земли всплыло в моей памяти. Я имею в виду найденные Джорджем бумажные облатки для образцов, исписанные женским почерком. В спешке отбытия из илистого ада юнге просто не пришло в голову взять их с собой, однако в кармане его куртки каким-то чудом сохранился один-единственный обрывок с парой рукописных строк. Если мне не изменяет память, значилось там приблизительно следующее:

«Я отчетливо слышу голос моего возлюбленного в ночи — он плачет и зовет меня, и мне уже ничего не остается, кроме как пойти его искать, поскольку одиночество свое я не в силах вынести. Как страшно колышутся ветви чахлых деревьев в ночи — в штиль, без малейшего намека на ветер!

Всеблагой Господь, смилуйся надо мной!»

Больше — ни строчки.

Боюсь, что знаю, что случилось с той несчастной дамой и с ее возлюбленным, и всякий раз, как вспоминаю кровь, текущую с боцманской сабли, слегка вздрагиваю. Думаю, за душой старого морского волка не будет греха — есть, в конце концов, жизнь человеческая и есть такие состояния, каковые лишь жалкое ее подобие. Но довольно об этом.

С каждым днем и с каждой ночью мы удалялись дальше и дальше от той кошмарной земли — курсом на север. При устойчивом ветре, под чьи порывы мы поставили люгерные паруса[19], нам это удавалось; море было тихим и спокойным, хотя, впрочем, в южной части неба назрели какие-то тучи, слегка погрохатывало.

Наступило утро второго дня после нашего удачного бегства, каковое разумно считать стартом наших приключений в этом безмятежном и спокойном море. О них-то, о приключениях среди просторов, я и собираюсь вести далее рассказ — столь подробный, сколь только выйдет.

---

[19] Примечания: 19

Ре́йковый (он же лю́герный) парус — четырехугольный косой парус, верхней шкаториной крепящийся к рейку, а нижней — к гику.

Пусть ночь и отличалась спокойствием, ветер дул устойчиво, не меняя направления, до самого рассвета. С началом дня он вдруг начал терять силу, а потом и вовсе ослаб, сменившись полным штилем. Пришлось нам лечь в дрейф и ждать: быть может, выйдет солнце и разбудит морской бриз. Так оно и случилось, правда, бриза, на чью милость мы все рассчитывали, Господь нам не ниспослал — утром на наших глазах небо занялось ярким пламенем, простирающимся до самого южного горизонта, да таким безумным, что казалось, будто целую четверть поднебесья заняла огромная дуга, пламеневшая кроваво-красным цветом.

Этакое эфирное знамение заставило боцмана отдать приказ готовить шлюпки к шторму. Бояться непогоды на море у нас были все основания. Клубящиеся в южной стороне тучи грозили вот-вот излить на нас свое напряжение. В ожидании славного кавардака нам пришлось достать все паруса, имеющиеся в наличии — хорошо еще, что нам удалось прихватить со старой посудины целых полтора рулона новой парусины! Кроме этого, у нас имелись шлюпочные чехлы — ими мы могли обтянуть шлюпки, привязав их к здоровенным медным штырям на верхних кромках

бортов. Разобравшись с этим, мы достали родную карапасную палубу[20], до поры хранившуюся под банками, а также все необходимые для нее опоры и крепежи, и установили, привязав за опоры банок под кницами[21]. Затем, сложив вдвое прочный парус, мы растянули его на всю длину над шлюпкой и прибили гвоздями к верхней кромке борта с каждой стороны, и в результате у нас получилось что-то наподобие крыши. Пока одни растягивали парус, фиксируя гвоздями, другие связывали вместе весла и мачту, коим предстояло стать нашим «якорем» на время шторма. Для этой цели как раз пригодился длинный пеньковый канат толщиной три с половиной дюйма; его мы прихватили с рулоном парусины с застрявшего в бухте корабля. Этот канат мы прокинули через

---

[20] Примечания: 20

Карапа́сная палуба — горизонтальное демонтируемое перекрытие корпуса корабля настилом из броневых плит, часто выпуклым или имеющим уходящие вниз скосы, предназначенное для защиты от попадающих сверху снарядов, бомб, осколков и обломков. Иногда называется черепаховой палубой (из-за специфической покатой формы, напоминающей панцирь).

[21] Примечания: 21

Кни́ца — скоба для жесткого соединения элементов набора корпуса судна, примыкающих друг к другу под углом. На стальных судах кницы треугольные, из металлических листов, на деревянных судах — стальные или деревянные.

скобу для крепления фалиня[22] на носу лодки и закрепили за опоры носовых банок, причем мы внимательно следили за тем, чтобы он не соприкасался со свободными концами паруса: за них он мог зацепиться. Все это мы проделали как на первой, так и на второй шлюпке, ведь фалиням, имевшимся на наших лодках, мы не могли доверять — им не хватало длины, поэтому в наших условиях пользовать их в качестве якорного каната было неудобно и небезопасно. Теперь по бортовой кромке нашей шлюпки парус был закреплен гвоздями, а сверху, как и планировали, мы накрыли его шлюпочным чехлом, привязав с помощью штертов[23] к медным штырям под верхней кромкой борта. Благодаря нашим трудам вся шлюпка была полностью закрыта, за исключением небольшого участка на корме, где человек мог встать и управлять ей при помощи кормового весла, так как наши шлюпки являлись

[22] Примечания: 22

Фа́линь — веревка, крепящаяся к носу либо корме шлюпки или небольшого судна. С помощью фалиня шлюпка буксируется, привязывается к пристани или борту судна.

[23] Примечания: 23

Штерт — привязь, хвост, веревка для подъема чего на судно; подъемная бечевка.

вельботами[24]. Причем такое мы проделали с каждой из двух лодок, обвязав и хорошо закрепив все свободные предметы, таким образом подготовившись к самому сильному шторму, способному вселить ужас даже в сердца бывалых мореходов. Мы слышали, как небо кричало и стонало, и понимали: нас ждет совсем не легкий бриз, а жестокий шторм, идущий откуда-то с юга. С каждым часом ветер крепчал и, хоть пока он вел себя относительно прилично, как бы заигрывая с нами, на фоне рдеющего неба собирались огромные мрачные тучи, угрожая жестокой расправой.

Но мы были готовы. Выбросив за борт наш якорь из связанных вместе весел и мачты, мы изготовились ждать. Решив, что пришло подходящее время, боцман проинструктировал Джоша, что нужно делать во время шторма, встреча с коим была неизбежна. После этого оба командира развели шлюпки на определенное расстояние друг от друга, чтобы они не столкнулись бортами при первом же сильном порыве ветра.

Потянулось долгое время ожидания. Джош и

---

[24] Примечания: 24

Вельбо́т (от англ. whaleboat, букв. «китовая лодка») — быстроходная, относительно узкая, четырех- или восьмивесельная шлюпка с острыми образованиями носа и кормы. Гребцы располагаются по одному на банке, весла кладутся на правый и левый борт через одно. Вельбот также снабжен мачтой и парусом, используется как спасательный бот.

боцман, каждый в своей шлюпке, стояли с рулевым веслом, а экипажи сидели в укрытии. Уже будучи под черепаховой палубой, я подполз к боцману и увидел через левый борт Джоша на своей шлюпке. Он стоял прямо, как призрак ночи на фоне пылающего красного зарева. Сначала его шлюп понесло по гребням бушующих волн, совсем не образующих пены, а потом он исчез из виду, словно куда-то провалился.

Наступил полдень, и тогда нам удалось перекусить настолько плотно, насколько позволял аппетит. Поскольку мы не знали, как долго придется ждать, прежде чем снова появится такая возможность (и если она вообще когда-нибудь появится). А затем, уже в послеобеденное время, мы услышали завывания надвигающейся бури. Где-то далеко заохало и застонало. Недовольное роптание моря то набирало силу, то торжественно и печально затихало.

Вскоре всю южную часть неба — наверное, на высоту около семи или десяти градусов над уровнем моря — закрыло гигантской черной стеной из облаков, над коей горело красное зарево, отблесками огромного невидимого пожара освещая раздувшиеся тучи. Именно тогда я узнал, что солнце может стать похожим на полную луну,

бледным и четко очерченным, с виду таким, будто вот-вот лишится всей своей огневой мощи и попросту погаснет. Морской простор обрел странный вид — надо думать, из-за красноватого сияния, полыхавшего на юге и востоке.

Меж тем волны час от часу становились все выше; на них еще не было грозных пенных гребней, однако один вид их убеждал нас, что мы поступили весьма благоразумно, приняв столь серьезные меры предосторожности. Буруны подобной высоты могли предшествовать только самому жесткому и продолжительному шторму. Незадолго до вечера до нас донесся протяжный звук, похожий на тяжкий, мучительный стон — потом ненадолго воцарилась тишина, наскоро умерщвленная чередой пронзительных какофоний, похожих на визг и вой дикого зверья. Но и это продлилось недолго — вскоре все стихло, как встарь.

До сих пор боцман на меня не обращал внимания; я высунул свою голову из-под укрытия, а потом осмелел и вообще поднялся в полный рост. Вплоть до этого времени я мог лишь только исподтишка подглядывать в щелочку за тем, что творится снаружи, теперь же был рад слегка поразмять свои суставы; пока я находился в сог-

бенной позе, у меня начали бегать мурашки по телу и онемели все конечности. Немного разогнав кровь, я снова сел в укрытие, но занял такую позицию, что открывала бы обзор в любом направлении до самого горизонта. Впереди (сейчас для нас это был юг) я видел, как огромная стена из туч поднялась на несколько градусов выше. В то же время красного свечения на небе стало чуть меньше, хотя и того, что осталось, с лихвой хватало, чтобы держать нас в страхе. Со стороны казалось, будто могучее море вздыбилось единой огромной волной, красной пенной шапкой на гребне достигая самого черного облака, и в любую минуту готово обрушиться вниз — и затопить весь мир.

В западной стороне тусклый алый диск солнца заволокло диковинной багровой пеленою, а на севере табун облачков, оторвавшихся от темного фронта туч, окрасился в нежно-розовые тона, обретя милый, вполне безобидный вид. В этот момент я заметил, что все море в северном направлении от нас превратилось в бескрайнюю бездну, горящую матово-красным пламенем. Нагромождения пронизанных молниями хлябей нависли, будто черные горы, над нею.

Не успел я налюбоваться этой преисполнен-

ной грозного величия картиной, как мы снова услышали далекий рев урагана; столь ужасный, что я не берусь даже его описать. Казалось, где-то далеко на зюйде яростно трубит гигантский мифический Левиафан. Прислушиваясь к реву, я особенно остро воспринял беспомощность наших крохотных суденышек, затерявшихся в безбрежных и пустынных пространствах. Звук между тем нарастал, и, с тревогой глядя в ту сторону, я вдруг заметил на горизонте яркую вспышку. Она походила на молнию или зарницу, но держалась на небе подозрительно долго — да и разве может простая молния *бить от земли к небу?* Тем не менее в том, что это действительно была молния, только очень уж необычная, сомнения у меня были небольшие, к тому же, после этого точно также из моря полыхнуло еще очень много раз, и у меня была возможность рассмотреть все более детально. И пока я за всем этим наблюдал, над нами неумолчно гремел гром, отчего становилось неимоверно страшно.

Затем, после того как солнце опустилось низко, до самой линии горизонта, наших ушей коснулся очень резкий звук — до того пронзительный, достающий до самого мозга костей. В тот же момент боцман начал что-то кричать хриплым голосом,

бешено работая рулевым веслом и держа взгляд на какой-то точке, расположенной почти сразу по левому борту. Стоило самому мне посмотреть в том направлении, как я обмер. Море впереди скрылось в облаках крупитчатой белесой пены — шторм настиг нас. В следующее мгновение на шлюпку налетел резкий порыв холодного ветра, никак не навредив, ибо боцман успел развернуть наше суденышко под него. Стремительный порыв ветра прошел мимо, на короткое время наступило затишье, однако с этого момента все воздушное пространство вокруг нас содрогалось от непрекращающегося рева, настолько громкого, что, по мне, уж лучше бы я родился глухим. С наветренной стороны я увидел, как огромная стена воды бурлящим потоком обрушилась на нас, и опять услышал пронзительный визг, прорезывающийся сквозь рокот бушующих волн.

Боцман закинул свое весло под навес и начал закреплять парус над кормой, растягивая его над правым бортом так, чтобы вода не попадала в лодку. Он гаркнул мне в самое ухо, чтобы я провернул тот же номер над левым бортом. Если бы не предусмотрительность этого славного человека, как пить дать, лежали бы мы все сейчас в

рундуке Дэви Джонса[25]. Лучше понять, что мы тогда чувствовали, можно, если представить, как клокочущая вода нескончаемыми тоннами обрушивается на ваши головы, укрытые прочным парусом, при этом неистово нанося по нему удары с такой силой, словно стихия поставила перед собой цель во чтобы то ни стало потопить нас. Я говорю «чувствовали» для того, чтобы как можно точнее описать то, что с нами тогда происходило, ибо, невзирая на рокот и вой разошедшейся стихии, мы не слышали ни единого звука — *ни единого!* Даже раскаты грома, сопровождаемые сполохами молний, не доходили до наших ушей. Но через какой-то промежуток времени — может быть, минуту спустя — шлюпку начало ужасно трясти. Казалось, ее вот-вот разломает на мелкие кусочки. Из десятков щелей, образовавшихся в тех местах, где парус был плохо закреплен по кромке бортов, на нас хлынула вода. Стоит вот еще что отметить: аккурат тогда нашу шлюпку перестало мотать по огромным морским волнам. Произошло ли это по той причине, что

[25] Примечания: 25

Рундук Дэви Джонса (англ. Davy Jones' Locker; часто ошибочно называется «сундуком Дэви Джонса», но морской термин именно «рунду́к») — идиома в жаргоне британских моряков от XVIII века до наших дней, иносказательное название ада или загробного мира.

после первого натиска шторма море понемногу успокоилось, или из-за обретения штормовой остойчивости[26] — ведать не ведаю; здесь мой рассказ больше полагается на чувства, чем на факты. А чувствовалось это так: ветер дул сразу во всех направлениях, пару раз мы почти проскребли по дну; стихия то питала к нам жалость, то наносила один коварный удар за другим… и не было тому конца!

Ближе к полуночи, как мне тогда показалось, на небе вспыхнуло несколько мощных, слепящих молний — настолько ярких, что их свет пробился сквозь два слоя паруса. Но безумные удары грома не коснулись слуха: рев шторма поглотил все звуки. Дважды за эту ночь шлюпка, готов поклясться, ложилась на борт с креном в добрые девяносто градусов — и все-таки какой-то милостью удавалось ей не перевернуться и не забрать слишком много воды. Натянутый над нашими головами парус оказался достойной защитой. Набравшись духу, я подполз к месту, где обосновался боцман, и сквозь свист и гвалт шторма, стихающий лишь на короткие мгновения, прокричал ему в самое

[26] Примечания: 26

Особое преходящее состояние судна в шторм, когда, вопреки сильной болтанке, оно движется твердым курсом, практически не испытывая крена.

ухо: не знает ли он, угомонится ли этот шторм вообще когда-нибудь. В ответ боцман кивнул, и я почувствовал, как во мне снова оживает надежда; приободренный этой радостной вестью, я испытал приступ волчьего голода и поспешил утолить его тою пищей, какую сумел в царящей суматохе отыскать.

Где-то после полудня из-за туч неожиданно выглянуло солнце. Свет, просеянный сквозь вымокшую парусину, казался довольно угрюмым, но мы от души радовались ему, полагая, что теперь непогода пойдет на убыль. Боцман, позвав меня на помощь, выдернул рядок гвоздей, каковым мы накануне закрепили задний конец парусинового чехла, сделав отверстие, дающее обзор. Что же творилось кругом? Выглянув из-под навеса, мы убедились, что воздух все так же полон летящей пены и брызг, превращенных ветром в подобие смерча; не успел я рассмотреть что-то еще, как высокая волна залепила мне такую славную пощечину, что я подавился соленой водой и схоронился назад под навес. Отплевавшись, я снова просунул голову в проделанное нами отверстие — и воочию узрел творившийся кругом ужас. Наша шлюпка то и дело взмывала на гребень очередной высокой волны и на несколько

мгновений замирала, застревая в облаке брызг и пены, на высоте во много футов; в следующую секунду — падала и с кружащей голову скоростью неслась по пенному склону волны вниз, где ее уже подхватывал следующий могучий вал. Временами, когда набегающая волна подбрасывала нас на самый свой пик, наша лодка хотя и взмывала ввысь, словно невесомое перышко, вода все равно бурлила вокруг и старалась залить сверху, остепеняя наше удальство и загоняя всех под навес. Стоило ослабить хватку на ткани, как ветер начинал жестоко трепать парус, закрепленный над нашими головами. Причем, помимо того, что нас носило по волнам, как щепку, сам морской воздух был словно пропитан неимоверным ужасом. Ни на минуту не утихая, рокотал и свистел шторм, и кудрявые вершины просоленных водяных гребней безжалостно накатывали на нас под аккомпанемент завываний ветра, готового в одно мгновение вырвать последний вздох из слабой человеческой груди. Опыт такого рода, согласитесь, трудно облечь в слова — уж слишком они слабы. Даже память моряка спасовала, ухватившись лишь за череду взлетов-падений и ударов то в левый борт, то в правый; иначе как «симфонией ужаса» это не назвать, как по мне. Но все же

мы спаслись — и мы, и та вторая шлюпка, о чьей судьбе я до поры вовсе не упоминал, слишком озаботившись собственной сохранностью. Джош вывел своих подопечных из шторма без потерь — по прошествии многих лет мне посчастливилось это узнать от него самого. Он рассказал мне о том, что после шторма их подобрал корабль, как раз возвращавшийся домой, в Англию, и доставил всех живыми и здоровыми в порт Лондона… но что же, спросите вы, произошло *с нами?*

Глава 6
Море, заросшее водорослями

Наверное, где-то около полудня мы начали понимать, что море уже так не бушует, и ветер, пусть все еще продолжал реветь, порядком стих. Когда волны опали у бортов нашей шлюпки, и водяные языки перестали трепать парусину, норовя пробраться под нее, боцман вызвал меня помочь освободить просвет над кормой. Управившись с этой задачей, мы высунули головы из-под натяжки, желая узнать причину столь нежданно обрушившейся тишины, не подозревая о том, что подплыли к некой неизвестной земле. Нам мало что удавалось разглядеть из-за диких бурунов, ведь море все-таки не успокоилось еще — хотя особых причин для тревоги у нас более не было, особенно если сравнивать *эти* буруны с теми, что трепали нас совсем недавно.

Вдруг боцман что-то заметил и сразу поднялся, после чего, склонившись ко мне, крикнул в самое ухо, что видит низкий берег, своего рода волнорез посреди пенных бурунов. Он никак не мог понять, как мы смогли подойти к нему столь

близко и не сесть на мель.

Пока суть да дело, я сам решил высунуть голову из-под паруса и осмотреться. Оказалось, и слева по борту брезжил весьма обширный берег — я указал боцману на него. Сразу же после этого мы наткнулись на огромную массу морских водорослей, вздыбившихся на гребне одной волны, а вскоре и на еще одно, не меньшее по размеру скопление. Так мы и дрейфовали дальше, покуда непогода стихала с поразительной быстротой. Вскоре мы сняли покрывало до самой середины шлюпки, ибо наш экипаж остро нуждался в свежем воздухе после долгого сидения под затхлым парусиновым покрытием.

Мы немного подкрепились, и один из наших ребят вдруг увидел еще один, точь-в-точь такой же низкий берег за кормой. Течение упорно сносило нас в его сторону. Боцман, только услышав о нем, сразу поднялся, чтобы лучше его рассмотреть, а потом долго ломал голову над тем, как нам удалось пройти вблизи него и не зацепиться. Вскоре мы подошли к нему настолько близко, что смогли разглядеть, что состоит эта «суша» целиком и полностью из слипшихся меж собой водорослей. Мы направили нашу шлюпку прямо на него, уже нисколько не сомневаясь в том, что

другие островки, попавшиеся нам, точно такие же по своей природе.

Не успели мы и глазом моргнуть, как оказались среди водорослей. Даже несмотря на то, что скорость передвижения нашей шлюпки заметно упала, мы все равно продолжали плыть. Посмотрев за другой борт, мы увидели, что море почти успокоилось, и поэтому решили поднять наш якорь, к этому времени уже весь облепленный морской травой, а затем разобрали карапасную палубу и сняли все паруса, накрывавшие шлюпку. Мы поставили мачту, оснастив ее маленьким штормовым фоком — на большее не отважившись, ибо ветер был еще силен, а мы не хотели лишиться возможности маневрировать шлюпкой.

Мы шли фордевинд[27], боцман правил шлюпкой, стараясь избегать островков водорослей, попадавшихся нам на пути — да только вот ветер постепенно стихал, и море становилось все спокойнее. Затем, уже ближе к вечеру, мы наткнулись на огромную полосу водорослей — штука

[27] Примечания: 27

Фордеви́нд (от нидерл. voor de wind, «по ветру») — курс, при котором ветер направлен в корму корабля. Про судно, идущее фордевинд, говорят, что оно «идет полным ветром»; в этом случае угол между направлением ветра и диаметральной плоскостью судна — около 180°.

эта, как казалось, перекрыла *весь* путь вперед по морю! Учитывая обстоятельства, мы сняли парус и налегли на весла; пытаясь развернуться к водорослевым зарослям лагом, мы двинулись в западном направлении. К этому времени ветер возвратил свои позиции и набрал такую силу, что нас стремительно сносило обратно на эти самые водоросли. Лишь только ближе к закату мы сумели добраться до конца полосы, продвигая шлюп мощными слаженными гребками, а потом поставили фок — и по ветру ушли оттуда прочь.

Потом опять наступила ночь, и боцман учредил ночные вахты, чтобы наблюдать за морем, ибо шлюпка делала несколько узлов, а мы плыли в незнакомых водах, где могли встретиться рифы, мели и прочие опасности; сам он, однако, так и не лег, всю ночь бдев у руля.

Я помню, как в непростые часы моей вахты мы проплывали мимо каких-то странных дрейфующих масс. Нисколько не сомневаюсь, что это были колонии водорослей. Разок мы даже наскочили на верхнюю часть одного из таких скоплений, но отделались легким испугом и ушли от него без особых проблем. Все это время, всматриваясь в кромешную тьму за правым бортом, я различал очень мутные очертания каких-то неимоверно

бурно разросшихся морских сорняков, залегших по низу и простирающихся далеко в море — лентами, тянущимися будто бы целые километры. В положенный час вахта моя закончилась, и я пошел спать, продрав глаза только утром.

При свете дня я убедился, что сплошные заросли водорослей по левому борту никуда не делись — более того, они тянулись вперед, насколько хватало глаз, и вокруг нас плавало немало больших и малых травяных островков, очевидно, отмежевавшихся от большой «плантации» в ходе недавнего шторма. Мы шли между ними около часа, когда наш вахтенный крикнул, что видит среди зарослей судно. Легко вообразить, что за радость охватила нас; мы даже вскочили на банки, чтобы получше рассмотреть корабль.

Мне тоже удалось кое-что увидеть — я определил, что застрял этот корабль в самой гуще скопления водорослей, далеко от его границ, и его грот-мачта[28] существенно накренилась,

[28] Примечания: 28

Фок-мачта — первая, считая от носа к корме, мачта на судне с двумя или более мачтами. Если на судне только две мачты, при этом передняя расположена почти посередине судна, ее называют «грот-мачтой». Фок-мачта состоит из (снизу вверх) нижней фок-мачты, фор-стеньги и фор-брам-стеньги. Выше может быть расположен флагшток. Такелаж, расположенный на фок-мачте, несет приставку «фок-», если расположен в нижней части корабля, ниже стеньги, и «фор-», если выше. Часть корабля от форштевня до фок-мачты называют «баком».

почти упала на палубу. К тому же на ней не было стеньги[29], а бизань-мачта[30] — вот чудеса! — осталась целехонька. Также я смог разглядеть его корпус, правда не могу сказать, что хорошо, поскольку расстояние было очень большим, и солнце светило с левого борта мне прямо в глаза. К тому же разобрать подробности мешали водоросли, гроздьями полностью облепившие судно. Мне тогда показалось, что его борта были очень сильно потрепаны и повреждены бурей; а еще в одном месте что-то блестело, отливая бронзой, — вероятно, древесина корабля была поражена грибком, и поэтому влажная поверхность отражала солнечные лучи.

Мы так и стояли, взобравшись на банки — все, кто успел залезть, — пристально глядя вдаль и обсуждая находку. Уже второй заброшенный корабль попадается нам в этой передряге! Мы чуть не перевернули шлюпку, переминаясь с ноги на

---

[29] Примечания: 29

Сте́ньга (нидерл. steng; букв. «шест», «штанга») — часть судового рангоута, служащая продолжением верхнего конца мачты. Название зависит от названия мачты: фор-стеньга, грот-стеньга, крюйс-стеньга и т. д.

[30] Примечания: 30

Биза́нь-мачта — кормовая мачта на трех- и более мачтовом судне. На трехмачтовых судах бизань всегда третья, на многомачтовых — последняя. Кормовую мачту на двухмачтовом судне также называют «бизань-мачтой», если носовая значительно ее больше и находится на середине судна.

ногу и смещая вес, и боцман, когда понял, чем это кончится, сразу приказал нам слезть вниз. Потом мы сели завтракать и, пока ели, очень много говорили об этом корабле.

Позже, около полудня, мы все-таки смогли поставить нашу бизань, так как шторм уже значительно стих, и дальше придерживались западного курса, всеми силами стараясь избежать огромного скопления водорослей, оторвавшихся от общей массы. Пытаясь обогнуть сей мутно-громоздкий травяной ворох, мы опять решили дать шлюпке волю и поставили люгерный парус, что позволило нам прибавить скорости, идя бакштагом[31]. Несколько раз нам попадались вовсю гниющие корпуса кораблей, застрявшие в водорослях, иные — будто от судов, ходивших где-то в минувшем столетии, настолько древние с виду.

Ближе к вечеру ветер значительно спал и пре-

---

[31] Примечания: 31

Бакшта́г (от нидерл. bakstag) — курс, образующий с направлением ветра угол больше 8, но меньше 16 румбов, то есть ветер по отношению к кораблю дует сзади-сбоку. Выделяют курс «полный бакштаг» (угол превышает 135° градусов, близко к фордевинду) и крутой бакштаг (менее 135°). Парус устанавливается под углом к ветру; обычно на подобном курсе парусное судно развивает наивысшую скорость. В бакштаг парус работает с большим углом атаки — когда давление ветра играет основную роль в создании тяги паруса, а сила дрейфа практически отсутствует. Максимальную скорость парусные яхты развивают как раз на курсе бакштаг; при этом курсе судно ведет себя более спокойно, чем на галфвинде, а принцип управления тот же.

вратился в легкий бриз, так что продвигались мы теперь медленно, что давало возможность гораздо лучше изучить водоросли. Теперь мы видели, что в водорослях этих кишмя кишели крабы — мелкие, правда, таких поди заметь. Хотя, впрочем, не все они были мелкими — иной раз я обращал внимание на то, как среди водорослей вода начинает сильно волноваться и в стороны расходятся большие круги. Присматриваясь к воде за бортом, совсем недалеко от нас я вдруг заметил массивные мандибулы здоровенного краба, копошащегося в спутанных водорослях. Решив заполучить его нам на ужин, я показал на него боцману и предложил попытаться его поймать; и, поскольку ветер тогда был настолько слаб, что, можно сказать, его вообще не было, бывалый морской волк дал добро и приказал нам подгрести немного ближе к цели. Так мы и поступили, после чего боцман прочно привязал кусочек солонины к крученой нитке, извлеченной из плетеной веревки, и прикрепил ее на крючок багра. Затем он сделал затягивающуюся петлю и накинул ее на рукоятку багра — так, чтобы петля, спускаясь, охватывала нить с наживкой. Мы выставили это импровизированное удило за борт, направив к тому месту, где я заме-

тил краба — и почти сразу из воды выстрелила вверх огромная клешня, вцепившись в мясо.

— Хватай весло! Столкни с багра петлю — пусть зацепит этого молодчика! — выкрикнул команду боцман. Я так и поступил — и сразу кто-то из наших начал тянуть за веревку, стараясь потуже пережать лапу. — Живей, тащите его на борт! Он зацепился — теперь не уйдет!

Но не прошло и секунды, как мы поняли, что лучше бы мы такой удаче не радовались — ибо, уразумев, что попался, краб принялся метаться в морских зарослях, бросая бронированное тело то в одну сторону, то в другую. Благодаря этому мы смогли его очень хорошо рассмотреть и поняли, что такого краба мы еще в жизни не видывали — это было настоящее чудовище! Через пару секунд мы поняли, что наглая бестия нас нисколько не боится и даже не пытается убежать, а наоборот, собирается атаковать в ответ. Оценив обстановку и риски, боцман сразу перерезал ловушку и скомандовал подналечь на весла что есть силы. Вскоре мы оказались в безопасности, причем зарубили себе на носу, раз и навсегда, никогда больше с такими морскими деликатесами не связываться.

Наступила ночь, а ветер так и оставался слаб.

При этом море вокруг нас отличалось необычайным спокойствием и, если можно так сказать, *гладкостью*. Оно было наполнено возвышенной торжественностью — заметный контраст с той непрекращающейся яростью волн и ревом шторма, чьими совокупными стараниями мы не ведали и минутки продыху последние дни! Иногда, будто желая прогуляться по поверхности моря, появлялся легкий сифон. Там, где он спотыкался о водоросли, мы слышали тихое, приглушенное шуршание. Этот звук еще долго тревожил нас после того, как возвращался штиль.

Подобная безмятежность, казалось бы, располагала к сонливости, но я, странное дело, вовсе не мог сомкнуть глаз, и потому решил встать у рулевого весла, чтобы мои товарищи могли отдохнуть. Боцман не стал возражать, однако, прежде чем сдать пост, особо предупредил меня, чтобы я держал шлюпку подальше от плавучих сорняков и не прерывал ее пусть неспешный, но все-таки упорный ход — ничего хорошего нас не ждет, если мы завязнем тут. Напоследок он велел мне будить его при всякой непредвиденной ситуации. Вскоре он уже спал здоровым сном, как и все мои товарищи.

С того момента, как сменился боцман, и до

полуночи я сидел на планшире[32] лодки, держа кормовое весло в руках, всматривался вдаль и прислушивался к каждому звуку, наполняясь при этом новыми необычными ощущениями, порождаемыми диковинным морским простором. И я действительно слышал то, что говорило мне море, задыхающееся от бурно разросшихся в нем водорослей — море с застойными водами, где не случалось ни приливов, ни отливов. Скажи мне когда-то кто-то, что я попаду в столь странный край в ходе одного из своих странствий! Я, само собой разумеется, не поверил бы…

Незадолго до восхода солнца, в тот час, когда густая темнота все еще окутывала море, я был застигнут врасплох внезапным громким всплеском, раздавшимся где-то в паре сотен ярдов от шлюпки. Когда же я вскочил на ноги и повернулся в ту сторону, не зная, к чему готовиться, из мрака над бесконечными полями морской травы до меня вдруг долетел долгий жалобный крик. А за ним — вновь тишина; и хотя я вел себя очень тихо, больше не разобрал ни звука. Я уже соби-

[32] Примечания: 32

Пла́нширь — деревянный брус с закругленной поверхностью либо прут из особого вида фигурной стали, ограничивающий фальшборт судна в верхней его части. На гребных судах планширь — брус, покрывающий верхние концы шпангоутов вокруг всей шлюпки, с гнездами для уключин, добавочное крепление бортов.

рался снова сесть, когда вдалеке, в этой странной глуши, внезапно вспыхнуло пламя пожара.

Увидев вспышку пламени в самой глубине бесконечного поля водорослей, я настолько изумился, что так и застыл столбом, устремив взгляд вдаль. Снова придя в себя, я наклонился и потряс боцмана за плечо — уж такая-то причина разбудить его виделась вполне достойной. В считаный миг отойдя от сна, бывалый мореход долго вглядывался в темноту.

— Видишь вон те отсветы? — спросил он меня наконец. — Будто горит прямо у борта какого-то судна. Хотя, знаешь… — Тут же он усомнился в своей версии, а я, в свою очередь, не мог ни подтвердить ее, ни опровергнуть, ибо сам не понимал, на что смотрю. Вскорости таинственное пламя погасло. Мы еще какое-то время глядели в ту сторону, но ни искры не промелькнуло более в густом мраке.

С того самого момента до рассвета ни боцман, ни я никак не могли уснуть. Дотошно обсудив увиденное, мы так и не пришли к сколько-нибудь внятному выводу. Право, не верилось ни ему, ни мне, что в этой позабытой глуши может жить кто-то, способный разжечь костер. А затем, когда уже порядком рассвело, диво дивное возникло перед

нашими глазами — корпус огромного корабля, застрявший в водорослях на расстоянии примерно в сорок или шестьдесят морских саженей от края водорослевой колонии. Ветер оставался слабым, касаясь наших лиц лишь еле уловимыми дуновениями, и мы были вынуждены медленно ползти мимо останков судна. И пока мы с невероятно медленной скоростью продвигались вперед, солнце поднялось достаточно высоко, тем самым предоставив возможность гораздо лучше рассмотреть корабль еще до того, как нас от него отнесло. Он был полностью развернут к нам одним из бортов, и все три его мачты покоились на палубе. Листы стали, кроющие боковину корпуса, изъела вдоль и поперек ржавчина, по низу древесную обшивку покрывали зелено-бурые пятна тины и сухих водорослей — и все это я отметил лишь мельком. Кое-что совсем другое урвало все внимание — то были *огромные гибкие щупальца*, распластавшиеся по развернутой к нам стороне ветхой развалины! Несколько чудовищных «пальцев» переваливались через борт и впивались куда-то внутрь судна — наверное, в трюм. Я опустил взгляд и увидел, как прямо над водорослями что-то темное шевелится и блестит, отражая лучи солнца… громадная туша, да еще

такая, каковых я в жизни своей не видывал!

— Спрут-титан! Морской головоногий дьявол! — разгоряченным шепотом подтвердил правдивость зрелища боцман. Тут же в сумрачных лучах рассвета двое щупалец взмыли вверх, будто среагировав на его слова. Уж не спала ли чудовищная тварь и не разбудили ли мы ее своим вторжением в эти воды? Поняв, чем это для нас может кончиться, боцман сразу схватился за весла. Я последовал его примеру — мы загребли изо всех сил, опасаясь даже малейшего всплеска, произведенного по неосторожности. Не ведаю, чьей милостью, но все же нам удалось отплыть на безопасное расстояние, не растревожив гигантского спрута. Отплыв на такое расстояние, что очертания корабля уже начали казаться нечеткими, мы увидели, как чудовище, нависшее над дряхлым корпусом старой посудины, пытается подмять его под себя, подобно морской улитке, выползающей на торчащий из воды камень.

Вскоре, когда рассвело, люди из команды начали просыпаться, и вскоре мы прервали наш пост, что не вызвало неудовольствия у меня, проведшего ночь в дозоре. Весь этот день мы плыли с очень легким ветром по левому борту, и великая пустошь водорослей маячила справа от нас. В

стороне от «материка» из волокнистых хитросплетений дрейфовало бесчисленное множество водорослевых «островков». Меж них пролегали дорожки чистой, незаросшей воды. По ним мы и направили шлюпку — плотность зарослей там была самая низкая, и, двигаясь теми маршрутами, мы не боялись увязнуть.

Уже ближе к вечеру мы увидели еще одну развалину. Этот корабль застрял в паутине из водорослей на расстоянии, равном полмили от того края, где они начинались, но, несмотря ни на что, все его три нижние части мачт стояли прямо и, кроме того, все нижние реи были на месте. Однако сильнее всего прочего нас заинтриговала огромная надстройка, возвышающаяся над фальшбортом, примерно в половину высоты, где крепились марсы[33]. Ее, как мы поняли, поддерживал бегучий такелаж[34], крепящийся к реям. Из какого материала была сделана эта надстройка, я так и не понял, но ее сплошняком

---

[33] Примечания: 33

Марс — площадка на топе составной мачты, прикрепленная к ее салингу. На парусниках служит для разноса стень-вант и для ряда работ при постановке и уборке парусов.

[34] Примечания: 34

Бегучий такела́ж — тросовая оснастка судна (тросы и цепи, служащие для подъема тяжестей и различных сигналов, подъема, опускания и изменения направления отдельных частей рангоута относительно диаметральной плоскости судна, уборки и постановки парусов).

покрывал зеленый налет — впрочем, как и тот сегмент корпуса, что возвышался над водой. Обратив внимание на то, до чего толстым слоем тины и водорослей обросло судно, мы решили, что корабль простоял здесь лет сто, если не больше. От такого предположения щемящее чувство печали охватило меня, ибо я начал понимать, что мы случайно заплыли на кладбище погибших кораблей.

Чуть позже, после того как мы оставили это судно-реликт позади, опустилась ночь, и экипаж начал готовиться ко сну. По той причине, что наша шлюпка все-таки двигалась, а не стояла на месте, боцман решил, что каждый из нас должен нести вахту у кормового весла по очереди. Если что-нибудь за дежурство произойдет, его следует сразу разбудить. Ну так вот, завалились мы спать — но из-за того, что предыдущую ночь я провел на ногах, на меня снизошел тот самый мерзостный тип бессонницы, когда организм молит о сне, но не способен в него впасть. Так я и ворочался в полубреду, покуда матрос, коего мне надлежало сменить, не потряс меня за руку. Придя в себя, я первым делом обратил внимание на то, какая изумительная светит надо мной луна — низкая, огромная, щедро заливающая искря-

щимся призрачным светом морские сорные поля, необозримые и будто бесконечные. В остальном ночь казалась совершенно обычной и тихой, ибо до меня не доносилось ни звука, если не считать тихого шипения под обводами нашей шлюпки, уверенно шедшей вперед при слабом попутном ветре. Поудобнее устроившись у рулевого весла, я стал ждать конца вахты, чтобы с чистой совестью попытаться нормально поспать, но прежде спросил матроса, коему пришел на смену, давно ли взошла луна. Парень ответил мне, что и получаса еще не миновало. Тогда я осведомился, не заметил ли он за время своей вахты чего-нибудь странного, и матрос ответил, что ничего не видел — разве что однажды почудился ему вдали какой-то световой сигнал, но до того мимолетный, что здесь впору и обман зрения заподозрить. А еще, примерно около полуночи, он заслышал некий странный крик, и где-то раза два за все время точно различил громкие всплески в водорослях. Потом ему надоело отвечать на мои вопросы, и он отправился спать.

Выходило так, что я должен был смениться с вахты перед самым рассветом, и за это я был премного благодарен, поскольку к тому времени я уже пребывал в таком состоянии духа,

когда ночной мрак начинает обманывать глаз странными видениями. И хотя восход был совсем близок, я никак не мог освободиться от влияния этого места — от одного нахождения здесь душа леденела от ужаса.

Пока я сидел на борту и осматривал все кругом то в одном, то в другом направлении, мне начали мерещиться в необъятном поле морских водорослей, устеленном клубящейся серой дымкой, странные пертурбации. Будто во сне, из тумана выступили бледные лица, безучастные и насквозь чуждые — но рассудком-то я понимал, что тусклый свет наводит тень на плетень и замыленные бессонным бдением глаза видят то, чего на самом деле нет. И все же, как бы там ни было, легче на душе все равно не становилось, и от страха меня то и дело бросало в дрожь.

Чуть позже до моих ушей донесся звук сильного всплеска среди водорослей; но, хотя я пристально вглядывался, нигде не мог различить ничего, что могло бы послужить его причиной. И внезапно между мной и луной из этой огромной водорослевой пустоши восстала огромная масса, разбрасывающая ленты водорослей во все стороны. Казалось, до нее было не более ста морских саженей, и на фоне луны я отчетливо разглядел

ее очертания — снова спрут, могучий и ужасный! Монстр погрузился назад в воду с оглушительным всплеском, и снова воцарилась тишина, оставив меня в сильной оторопи и немалом недоумении от того, что существо столь чудовищных размеров способно передвигаться с этакой прытью.

Пережитый испуг, ясное дело, заставил меня отвлечься от управления шлюпкой, незаметно подошедшей довольно близко к одному из водорослевых островков-колоний. Справа по нашему борту, в густой массе водорослей, что-то начало барахтаться, после чего нырнуло под воду. Я схватился за кормовое весло и начал отгребать прочь, причем специально наклонился немного, чтобы иметь обзор по сторонам — в этот момент мое лицо почти касалось планширя. Вдруг я поймал себя на том, что смотрю на белое демоническое лицо, похожее на человеческое, только вместо носа и рта у него из лица выступал осьминожий клюв. На моих глазах этот демон моря зацепился за борт нашей лодки двумя своими мерзкими, сотканными из просвечивающей плоти руками, захватив участок наружной обшивки. Живо перед глазами встало увиденное вчера на рассвете — монструозный спрут, впившийся в борт погибшего корабля; мимо этого мрачного реликта

мы, ясное дело, пытались проплыть как можно тише…

Омерзительную морду твари с моим лицом разделяли считанные дюймы, и я видел, как одна из его рук устремилась вверх и попыталась схватить меня за горло. В ту же секунду в ноздри ударило невыносимое зловоние — ужасно противный гнилостный запах. Ко мне сразу вернулось самообладание, и я как можно быстрее попытался отпрянуть назад, голося благим матом. Перехватив поудобнее весло, я принялся лупить им по нежданному гостю, нырнувшему за борт шлюпки, после чего эта тварь куда-то отчалила. Я помню, как кричал, желая разбудить боцмана и всех наших ребят, как потом боцман держал меня за плечи и допытывался, что же произошло. В ответ на его басовитый рык я снова кричал, как сумасшедший, что не знаю. Лишь немного успокоившись, я смог худо-бедно пересказать увиденное. Едва ли мне тогда поверили — по глазам было видно! Они не могли понять, то ли я заснул на своем посту и мне приснился кошмар, то ли я действительно видел морского демона. Но вот забрезжил рассвет.

Глава 7
Остров среди водорослей

Дальнейшее произошло, пока все мы говорили о морском дьяволе, что таращился на меня из воды. Иов, наш младший матрос, при первых лучах зари вдруг увидел остров; он тут же вскочил на ноги и зычно, что есть мочи, крикнул. Сначала мы решили, что опять появился какой-то демон, а когда поняли в чем дело, умерили свой гнев и не стали его корить за столь бурное проявление восторга. Найти пусть даже мелкий клочок земли в бескрайнем океане после долгого и изнурительного плавания было для нас сродни величайшей благодати.

Сначала остров показался нам очень маленьким. Тогда мы еще не знали, что видим только его край. Как бы там ни было, мы налегли на весла и начали грести по направлению к нему, выкладываясь на полную, а подойдя ближе, поняли, что был он гораздо большего размера, чем показалось на первый взгляд. Точно определив, что находимся возле края, мы стали грести к большей части, выступающей из-за массивной колонии водо-

рослей, а пока гребли, наткнулись на глубокий залив, дугой «врезанный» в тело острова, смахивающий скорее на бухту с песчаным берегом. Он и привлек внимание наших усталых глаз. Зайдя в залив, мы где-то с минуту зорко всматривались в открывшуюся перспективу, и я увидел, что этот остров имел очень странную форму. На каждом его краю было по черной горе, похожей на горб. Меж ними пролегала своего рода долина. В этой долине было видимо-невидимо неких грибов, с виду напоминающих огромные ядовитые поганки, а внизу, у берега, высились густые заросли какой-то травы, точь-в-точь такой, как тростник (позже мы выяснили, что эта трава был очень жесткой, но легкой, и напоминала бамбук). Что касается берега, близ него должно было быть очень много водорослей, переносимых течением, но наши ожидания не оправдались (по крайней мере, на описываемый момент). Мыс черной горы на более высоком конце острова, вдающийся далеко в море, был, напротив, весь покрыт ими.

Лишь только боцман убедился в том, что никакая опасность нам не угрожает, мы сразу навалились на весла и через несколько минут уже вытаскивали шлюпку на берег. После чего, обнаружив подходящее место, мы расположились

завтракать. Во время трапезы боцман говорил нам о том, что надлежало сделать перво-наперво. Немного посовещавшись, мы решили спустить шлюпку на воду и оставить в ней дежурить Иова, а самим — отправиться исследовать остров.

Покончив с пищей, мы стали собираться в дорогу. Оставив Иова в шлюпке, готового сразу же подойти на веслах к нужному месту в том случае, если за нами погонится какое-нибудь чудовище, мы направились к ближайшему холму. Тот возвышался футов на сто над морем; мы надеялись получить прекрасный обзор и осмотреть оставшуюся часть острова. Перед тем как отправиться в путь, боцман достал две абордажные сабли и палаш — две другие сабли остались в лодчонке Джоша. Одну саблю он взял себе, другую отдал самому рослому из наших матросов, мне же достался палаш. Затем он приказал остальным достать свои матросские ножи, встал во главе нашего отряда и повел за собой. Вдруг один из наших матросов крикнул нам подождать и юркнул к зарослям тростника, росшим неподалеку. Он ловко срезал один из стеблей и согнул его пополам, но тот не сломался. После этого он сделал на нем своим ножом зарубки и снял верхний слой так, что в руках его остался чистый стебель;

потом ножом срезал верхнюю часть, слишком тонкую и гибкую, вставил рукоятку своего ножа в полый конец, и в результате получил копье. Тростник оказался очень прочный, еще и полый внутри — этим он напоминал бамбук. После того как матрос прочно закрепил грубой нитью тот конец, куда приладил нож, получилась очень удобная пика или дротик — надежное оружие для любого мужчины.

Поняв, насколько удачной оказалась идея этого парня, боцман велел всем остальным сделать точно такие же копья и, пока мы этим занимались, похвалил сообразительного матроса. Так, вооружившись подходящим оружием и пребывая в бодром состоянии духа, мы вскорости отправились вглубь острова, к ближайшему черному холму. Немного времени спустя мы подошли к утесу из песчаника с крутым обрывом — взобраться на такой со стороны моря было невозможно. Мигом сообразив, что к чему, боцман повел нас вокруг него по местности, примыкающей к долине. Под ногами у нас запружинила крайне странная пористая структура, глубиной примерно с фут — не песок, не камень, но что-то среднее меж этих двух состояний. И сразу за этой «кашей» начинался отрог. За ним мы наткнулись

на невероятно вымахавший ввысь гриб крайне неприятной наружности. От шляпки исходил густой, тяжкий, неприятный смрад плесени. С того места мы увидели, что долина сплошь заросла такими поганками и только на обширной круглой прогалине их не было ни одной. Но поднялись мы тогда не очень высоко, потому, видать, и не сумели понять суть явления.

Вскорости мы оказались в том месте, где утес раскололо глубокая расщелина до самой вершины. Там было много всяких выступов и гребней — удержаться на них стоило больших трудов что ногам, что рукам, но худо-бедно мы все-таки поднимались.

Так мы и начали свое восхождение, помогая друг другу, насколько было возможно. Уже минут через десять мы достигли вершины, откуда открывался прекрасный обзор. Там мы узнали, что с другой стороны острова, прямо напротив колонии водорослей, лежит пляж. При этом, в отличие от того места, где мы высадились, здесь гладь воды была покрыта от края и до края смиренно дрейфующими вдоль берега водорослями. Я попытался прикинуть на глаз, каким может быть расстояние между островом и передней кромкой этого бескрайнего зеленого континента

из водорослей. По моим расчетам, оно должно было составлять не более девяноста ярдов — правда, мне хотелось, чтобы оно эту отметку даже побивало, так как я уже мало-помалу начал питать страх к водяным зарослям — и жутким тварям, снующим где-то между их сплетений.

Вдруг боцман хлопнул меня по плечу и махнул рукой на некий объект, застрявший среди водорослей на расстоянии полумили от того места, где мы находились. Я долго не мог понять, что вижу, покуда бывалый морской волк, пожурив меня за несообразительность, не сказал, что это корабль с закрытой палубой, без всяких на то сомнений, оборудованный таким образом для защиты от гигантской каракатицы и ей подобных обитателей водного царства. И тут я начал различать очертания корпуса, а вместе с этим до меня начало доходить, каким огромным тот корабль был; огромным — но, насколько я мог видеть, без единой мачты. Я нисколько не сомневался, что мачты сломало во время шторма еще до того, как экипаж угодил в ловушку. Я вмиг, в красках, представил, каким печальным был конец тех, кто соорудил для себя такое укрытие от диких отпрысков Нептуна, притаившихся где-то в глубине, среди водорослей, покрытых липкой

тиной и грязью.

Я обернулся и снова посмотрел на остров — тот был очень хорошо виден с позиций, где мы находились. Я полагал, что сейчас могу охватить его взглядом практически весь; что длиной он был примерно с полмили, в то время как его ширина составляла примерно четыре сотни ярдов (то есть выходило, что был он сильно вытянут пропорционально его ширине). В центральной части он был куда уже, чем с краев, причем в самой узкой части насчитывал около трехсот ярдов, а в самой широкой — на сотню ярдов шире.

Как я уже упоминал, по обеим сторонам острова имелись небольшие песчаные пляжи, переходившие ближе к утесам в россыпи черных камней и скал. Рассматривая дальний пляж, находившийся напротив плавучего континента, я обнаружил, что вместе с другими обломками и хламом на берегу валяются нижняя часть мачты и стеньга от какого-то большого корабля, с сохранившейся кое-где оснасткой, но все реи с них были сорваны. На эту находку я поспешил указать боцману, заметив, что древесина может пригодиться нам для костра, но он лишь улыбнулся и ответил, что иссушенные солнцем трава и водоросли будут гореть гораздо лучше — и, чтобы добыть их, даже

не надо лишний раз топором махать, как если бы мы решили нарубить подходящих поленьев из мачты.

Теперь он, в свою очередь, показал мне место, где торчали огромные грибы — будто некие гиганты, тянувшие из земли волшебный эликсир роста, в какой-то момент выпившие его до последней капли. Прищурившись, я углядел за их маковками отчего-то незатронутое этой великанской грибницей место — огромную проталину в центре долины, смахивающую на устье скважины. С моего места было даже видно, что в ней плещется вода, не достигая до края всего несколько футов. На поверхности этой воды колыхалась какая-то отвратная коричневая пена. Любопытный от природы, я решил внимательно к ней присмотреться, ибо со стороны казалось, будто бы она была вырыта человеком и имеет весьма симметричную форму. Я не исключал, что глаза могли ввести меня в заблуждение и что на самом деле она была отнюдь не такой ровной и правильной, как казалось издалека.

Наслаждаясь прекрасным видом, я посмотрел вниз на маленькую бухту — туда, где на волнах качалась наша шлюпка. Иов сидел на корме и правил ход, не прилагая особых усилий — его не

сносило течением, — и в то же время он чутко следил за нами. Я помахал ему, и он ответил тем же, а потом я присмотрелся к нему получше — и заметил что-то в воде под самой лодкой. Там было что-то черное и большое, и оно *двигалось!* Вскоре шлюпка уже оказалась прямо над этой черной массой, издали напоминающей скопление водорослей; я заметил, как эта черная туча начала подниматься к поверхности. Перепугавшись, я схватил боцмана за руку и закричал, показывая пальцем на увиденное:

— Чудовище! Очередное чудовище!

Как боцман это увидел, он сразу кинулся на вершину холма и, сложив руки наподобие рупора, начал кричать Иову, чтобы тот побыстрее плыл к берегу и крепил фалинь за большой выступ. Услышав боцмана, парень закричал в ответ, что все понял, поднялся в полный рост, налег на рулевое весло и направил нос лодки в сторону пляжа. Ему повезло, что он тогда находился не более чем в тридцати ярдах от берега — в противном случае он бы никогда в жизни не смог до него добраться. В следующий момент колышущаяся темная туша под лодкой стремительно выбросила вверх свое щупальце и с силой вырвала весло из рук Иова, да так, что тот потерял равновесие и упал на

верхнюю кромку правого борта. Весло исчезло неизвестно куда, но следующую минуту шлюпку никто не трогал. Боцман кричал Иову, чтобы тот взял другое весло и греб быстрее к берегу, пока еще можно спастись, да и мы тоже не отставали — вместе стали кричать наперебой, что кому в голову придет. Один советовал одно, другой — другое; правда, чтобы мы не кричали, все было напрасно, потому что на нашего бедного Иова напал ступор; посмотрев на него, какой-то умник даже съехидничал, что у него столбняк. Я начал искать глазами, куда подевалась каракатица. После того как чудище вырвало весло из рук Иова, шлюпка сместилась на несколько морских саженей выше. А между тем монстра уже и след простыл; наверное, ушел на глубину, откуда и явился. Как бы там ни было, а вернуться он мог в любой момент, и тогда — пропал наш Иов!

Боцман скомандовал нам следовать за ним, и мы начали спускаться с вершины по тому самому разлому, по которому поднялись, и уже через минуту карабкались вниз с такой поспешностью, на какую только были способны, стремясь побыстрее оказаться в долине. И все то время, пока я скакал с выступа на выступ, меня терзали мысли о том, вернулось это темное нечто или нет.

Боцман первым оказался у подножия расщелины и не успел ступить на ровную почву. как сразу рванул, огибая холм, на пляж. Ребята пытались его догнать, спешили побыстрей спуститься в долину; нам приходилось чутко смотреть под ноги, чтобы не оступиться. Я был третьим, кто спустился вниз после него, но, так как я немного весил и был очень проворен, я опередил того, кто вторым бежал за боцманом, и уже поравнялся с ним, когда тот выскочил на пляж. Там я увидел, что наша шлюпка находилась в пяти морских саженях от берега; Иова я тоже видел — он так и лежал без сознания, — но монстр не показывался.

В тот момент я не мог даже представить, как можно спасти беднягу. Вообще-то, говоря по правде, я боялся, что нам придется бросить его на произвол судьбы, поскольку мне тогда казалось полным безумием пытаться добраться до лодки вплавь. Но наш смелый боцман — не устану дивиться этому человеку! — не убоявшись, бросился в воду и стремглав поплыл к лодке. Сдается мне, до нее ему удалось доплыть без всяких злоключений только по Божьему веленью. Взобравшись на борт, он тут же схватил фалинь и бросил свободный конец нам, приказав тянуть шлюпку к берегу, а не считать ворон. Мудро: если

бы он налег на весла и взбаламутил воду, монстр, скорее всего, всполошился бы.

Увы, вопреки всем его стараниям, чудовище от нас не отстало. Когда шлюпка нашими усилиями уже вышла на мелководье, я увидел, как половина нашего пропавшего кормового весла вылетела из моря. За кормой поднялся мощный столб воды и брызг, а потом щупальца вихрем взметнулись в воздух. Боцман быстро обернулся, увидел тварь за своей спиной, тут же схватил Иова на руки, перепрыгнул через нос шлюпки и выбежал на песок. При виде огромной каракатицы мы попятились назад, а потом и бросились наутек, прочь с пляжа, позабыв обо всем на свете. Позабыв про фалинь, мы из-за своего малодушия могли потерять шлюпку — чудовище уже протянуло к ней свои щупальца. Выглядело так, будто каракатица собирается утащить лодку за собой в пучину морскую — и это ей бы вполне удалось, если бы боцман не рявкнул как следует на нас, чтобы привести в чувство. Положив Иова на песок в безопасном месте, он первым схватился за фалинь, волочившийся по песку. Мы как никогда остро поняли, что он *совершенно ничего* не боится, после чего отвага опять вернулась к нам — и мы ринулись ему помогать.

На счастье, рядом оказался выступ скалы — тот самый, про который боцман говорил Иову, чтобы тот привязал за него шлюпку. Мы два раза обернули вокруг него наш фалинь и завязали на два морских узла. Теперь мы были уверены: если веревка сдюжит, можно ничего не бояться. Тем не менее опасность все равно оставалась, потому что каракатица могла ее разломать. По этой причине и потому что боцман сильно разозлился на морское чудище, он схватил одно из копий, валявшихся на песке, — их мы побросали, как начали вытаскивать лодку на берег. С копьем наперевес он подступился настолько близко, насколько возможно, и пронзил одно из щупалец. Копье прошло насквозь с легкостью, и это меня сильно удивило — я-то всегда считал, что все части тела таких существ, за исключением глаз, практически неуязвимы при атаке. Получив удар, огромная каракатица, похоже, его не почувствовала, но боцман вошел в раж и рискнул подойти на такое расстояние, чтобы можно было нанести более существенное ранение. Не успел он сделать двух шагов, как омерзительная тварь оказалась прямо над ним, вследствие чего, несмотря на свои ловкость и проворство, этот великий человек мог погибнуть. Прекрасно

понимая то, что находиться настолько близко к чудовищу грозило неминуемой смертью, он и не думал отступать, намереваясь убить врага или хотя бы сильно ранить. Для этой цели он послал нескольких наших ребят к зарослям, где рос тростник, настругать с полдюжины жердей покрепче. Когда это приказание было исполнено, он велел двум матросам привязать к этим жердям свои копья; таким образом, в распоряжении боцмана оказались два копья тридцати или сорока футов длиной, с которыми он мог напасть на каракатицу, оставаясь вне пределов досягаемости ее щупалец. Когда все было готово, боцман вооружился одним из копий и, велев самому сильному матросу взять второе, приказал целиться в правый глаз чудовища, тогда как сам собирался атаковать левый.

Наивно видя в нас легкую и более интересную, чем шлюпка, добычу, монструозная каракатица вползла на мелководье и залегла, распластав щупальца кругом. Из воды торчали только ее глаза, прямо над самой кормой — тварь чутко следила за каждым нашим маневром. Впрочем, сомневаюсь, что она могла видеть нас ясно: эту нечисть из сумрачных глубин не мог не слепить яркий дневной свет.

Боцман дал сигнал к атаке, после чего он и здоровяк-матрос набросились на чудовище с оружием наперевес. Копье боцмана сразу пронзило левый глаз чудищу. Его напарнику по оружию повезло меньше: жердь, чрезмерно гибкая, выгнулась в воздухе дугой, и острие поразило не тело монстра, а старнпост нашей шлюпки, и нож на оконечности копья вылетел из привязи. Ну и Бог с ним — удара, нанесенного боцманом, хватило, чтобы монстр оставил наконец лодку и торпедой влетел назад в море, оставив после себя шлейф пены и брызг — и след темной крови, хлещущей из пораженного ока.

Несколько минут мы ждали, пока не убедились в том, что монстр действительно ушел, после чего со всех ног кинулись к лодке и принялись как можно скорее тянуть ее ближе к берегу. Затем мы достали самое тяжелое из содержимого на берег и теперь могли без особых усилий вытащить лодку из воды.

Где-то через час все море вокруг нашего маленького пляжа окрасилось черным цветом, кое-где — со зловещими красными прожилками.

Глава 8
Странный шум в долине

Сразу после того, как мы вытащили из воды лодку и поставили в безопасном месте, что нам приходилось делать в лихорадочной спешке, боцман решил уделить внимание Иову. Парень до сих пор не пришел в себя после удара рукоятью весла под подбородок. Поначалу все попытки боцмана привести его в чувство не давали результата, но спустя время, после того как боцман смочил его лицо морской водой, а грудь в области сердца растер ромом, парень начал проявлять признаки жизни. Вскоре он уже открыл глаза, и боцман сразу дал ему хорошенько глотнуть рому, а затем спросил, как тот себя чувствует. На это Иов слабым голосом ответил, что у него голова «кружится и трясется», да еще к тому же «сильно хворает шея». Боцман велел ему не вставать до тех пор, пока боль не пройдет. Мы оставили Иова лежать в теньке, под навесом из паруса и тростника. День был жарким, а песок — сухим; мы решили, что это место будет для него наиболее безопасным.

Далее по приказу боцмана мы соорудили очаг для костра, чтобы приготовить на нем обед, ибо были безумно голодны. Казалось, что прошла целая вечность с того часа, как мы завтракали. Боцман послал двух матросов вглубь острова собрать ворох сухих водорослей — мы собирались сварить солонину. Впервые с того дня, как мы покинули разваливающийся корабль в той жуткой гавани, мы готовили себе нормальную вареную пищу.

Тем временем, до возвращения ребят с горючим материалом, боцман нашел нам всем занятие, чтоб никто не сидел сложа руки. Двоих он послал срезать охапку тростника, а еще двоим приказал принести мясо и железный котел — один из тех трофеев, что мы успели спасти со старой развалины.

Вскоре вернулись наши гонцы с сухими водорослями, причем таких я еще в жизни не видывал: все сплошь гнутые да перекрученные, и с корневищами толщиной, пожалуй, с голову взрослого мужчины. Но эти гиганты, вусмерть усушенные, ломались очень легко. Мы развели костер и стал подбрасывать в него наломанные куски сушняка и тростник. Как вскоре стало ясно, последний не особо тянул на добрую растопку

— больно сочные стебли; такой и не наломать толком!

Когда костер хорошо разгорелся, боцман набрал в котел морской воды, примерно где-то до половины, и сложил туда куски солонины. Посуду с надежно прихлобученной сверху крышкой он вдвинул в самое пекло, и уже скоро в ней весело-оживленно булькало-ворчало наше варево.

Пока варился обед, боцман занялся устройством лагеря на ночь. Начал он с того, что сложил из тростниковых шестов простой, но прочный каркас. На него мы натянули сверху паруса и шлюпочный чехол, укрепив вбитыми в песок колышками, наструганными из тех не пошедших в костер тростниковых стволов. Когда палатка была готова, мы перенесли в нее все пожитки. Потом боцман повел нас на дальний край острова за сухими водорослями — каждому посчастливилось собрать по две полные охапки.

Когда мы вернулись к костру с запасом топлива, мясо уже сварилось; не имея других неотложных дел, мы сели на песок и прекрасно отобедали вареной говядиной и галетами, запив их доброй чаркой рома. Когда с едой было покончено, боцман пошел проведать Иова и обнаружил, что тот пре спокойно спит; дышал он все еще с трудом,

однако мы не знали, как облегчить его состояние, и решили не тревожить его в надежде, что естественный ход вещей возьмет свое, и парень исцелится без нашего неумелого вмешательства.

Время было уже послеполуденное, поэтому боцман дал нам вольную до закатной поры — справедливо отметив, что мы заслужили достойный отдых.

— Но не забывайте, молодцы, — добавил он, — ночью вам предстоит по очереди стоять вахты и охранять лагерь! Мы, конечно, уже не в море, а на твердой земле, но утверждать, что нам не грозит тут никакая опасность, нельзя. Вспомните сегодняшнее утро!

— Что, если эта дикая тварь вылезет на берег, пока мы спим, сэр? — вопросил бледный как мел юнга Джордж, по-черепашьи втянув голову в плечи.

— Не думаю, — отмахнулся боцман. — Не так уж она и страшна, сдается мне, эта нечисть, ежели не подходить слишком близко к воде.

После этого почти все наши ребята улеглись на песок и проспали до самой темноты, и только боцман, неся одинокую вахту, тщательно осматривал шлюпку, пытаясь обнаружить повреждения, причиненные ей штормом или

щупальцами каракатицы. Довольно скоро он убедился, что кое-какой ремонт нужен: вторая от киля планка обшивки треснула со стороны штирборта и прогнулась внутрь. Скорее всего, повреждение произошло в тот момент, когда лодку вытаскивали на пляж — она напоролась на какой-то камень в воде, лежащий у самого берега. Вне всяких сомнений, если нашей подружке-каракатице посчастливится уцелевшим глазом различить пробоину, она вскроет шлюпку, как консервную банку. Вроде бы и нет тут серьезной беды, а заняться починкой все ж надо, прежде чем на воду спускать; ну, слава Богу, все прочее было в порядке.

Сна у меня не было ни в одном глазу, и поэтому я решил помочь боцману. Нужно было немного приподнять шлюпку, поставить, а потом снять несколько досок настила на дне, чтобы мы могли обследовать поврежденный участок получше. Когда мы закончили с лодкой, боцман решил посмотреть наши запасы и проверить их состояние: стоило уточнить, как долго они смогут еще храниться. Тщательно осмотрев наши бочонки с питьевой водой и простучав каждый из них, наш неунывающий лидер заявил, что неплохо было бы найти на этом острове какой-нибудь

завалящий ручей.

Уж близился вечер, когда боцман решил проведать Иова и нашел, что тот выглядит гораздо лучше, чем во время нашего последнего визита в послеобеденный час. Убедившись в улучшении его самочувствия, боцман приказал мне принести одну из обшивочных досок подлинней, что я и сделал. Используя ее как носилки, мы перенесли бедолагу под наш тент. После этого мы с боцманом перетащили в палатку все, что еще оставалось в шлюпке из движимого имущества, включая содержимое устроенных под банками рундуков: немного смоленой пеньки для конопачения швов, мелкий корабельный топор, рулон трепаной и чесаной полуторадюймовой пеньки, пилу в отличном состоянии, жестяную банку рапсового масла, мешок с медными гвоздями, несколько нагелей[35] со стопорными кольцами, два мотка рыбацкой лески, три запасных уключины, трезубец без черенка, запас бечевы, три бухты крученой нити, кусок брезента с четырьмя здоровенными иглами для шитья, воткнутыми

[35] Примечания: 35

На́гель — специальный крепежный элемент, используемый для соединения деревянных деталей между собой. Он представляет собой цилиндрический стержень с насечками или резьбой, обеспечивающий весьма надежное сцепление с деревом.

прямо в него, судовой фонарь на керосине, запасную шлюпочную пробку и, наконец, белый равендук[36], используемый для изготовления и ремонта парусов.

И вот ночь опустилась на остров. Лишь только начало темнеть, как боцман сразу разбудил наших ребят и приказал им подбросить дров в огонь, уже почти прогоревший и превратившийся в раскаленные уголья, основательно присыпанные пеплом. После этого один из матросов налил в котел пресной воды до половины, и каких-то четверть часа спустя мы с наслаждением поужинали холодным вареным мясом, галетами и ромом, разбавленным горячей водой. За ужином боцман объявил расписание ночных вахт, подробно перечислив, кто и когда будет охранять лагерь — так, мне выпало дежурить с полуночи до часу; затем он рассказал, что случилось со шлюпкой, и объяснил, почему надо починить обшивку, прежде чем пускаться в дальнейший путь.

— Начиная с нынешнего вечера, — без энтузиазма, но твердо подвел черту он, — нам придется весьма экономно расходовать провизию, ребятушки. На этой проклятой полосочке земли мы

---

[36] Примечания: 36

Равенду́к — особый сорт парусиновой ткани повышенной крепости.

пока не нашли ничего, годного в пищу. Ко всему прочему, если мы не сможем найти здесь какой-нибудь ручей, то нам придется выпаривать соленую воду, чтобы как-то возместить все выпитое. И это потребно будет сделать до того, как мы покинем остров!

Итак, к тому времени, когда боцман закончил объяснять эти вопросы, мы перестали есть, и вскоре после этого каждый из нас подыскал по себе удобное место на песке внутри палатки и улегся спать. Какое-то время я чувствовал себя очень бодро, что, возможно, было связано с ночной жарой. И действительно, в конце концов я встал и вышел из палатки, полагая, что мне будет лучше выспаться на открытом воздухе. Практика — критерий истины; когда я лег снаружи, с той стороны навеса, что ближе всего к костру, я в скором времени погрузился в глубокий сон, поначалу лишенный сновидений.

Однако спустя какое-то время мне приснился очень странный сон. Мне снилось, что я остался один на острове и, брошенный всеми на произвол судьбы, сижу на краю того самого огромного котлована с водой, на чьей поверхности кружится коричневая пена. Внезапно я начинаю понимать, что вокруг меня очень тихо и невероятно

темно, и от этого начинаю ежиться. Кажется, будто ко мне незаметно подкрадывается до такой степени отвратительное нечто, что его близость не вынести *органически.* Почувствовав, что оно уже где-то рядом, я хочу во что бы то ни стало обернуться и посмотреть в темень, за коварные тени огромных грибов, целым густым лесом вымахавших у меня за спиной, но сил на это нет. А мерзостная тварь — все ближе, ближе, хотя слух не улавливает ни звука; и я издал крик, или же только попытался закричать — но мой голос не нарушил наступившей тишины. А затем что-то мокрое и холодное коснулось моего лица, скользнуло вниз и закрыло мне рот, и замерло там на мерзкий, бездыханный миг…

Кто-то упал, споткнувшись о мои ноги, и я проснулся. Это был матрос, несущий вахту: он делал обход вокруг места нашей стоянки и не подозревал, что я сплю рядом с тентом, пока не свалился, зацепившись за мои сапоги. Он немного растерялся и опешил, но тут же успокоился, когда понял, что я — не какой-нибудь таящийся в ночи демон. Все то время, пока я отвечал на его вопросы, меня не покидало неприятное и странное чувство — мне казалось, будто что-то *отлипло* от меня в тот самый момент, когда я

проснулся. В моих ноздрях стоял едва ощутимый, но до ужаса отвратительный запах, и я не могу сказать, что он был абсолютно мне незнаком. Я вдруг почувствовал, что мое лицо стало каким-то влажным, и почему-то вдобавок у меня начало першить в горле. Я поднял руку и потрогал свое лицо, а когда я убрал ее, она вся была покрыта какой-то липкой слизью.

Тогда я поднял другую руку и прикоснулся к горлу — оно было целым, но со стороны трахеи на нем появилось маленькое припухшее пятнышко, вроде укуса комара, хотя я точно знал: никакой комар меня не кусал.

Я так подробно рассказываю о том, что думал и чувствовал, что впору подумать, будто с моего пробуждения прошло изрядное время. На деле же понадобилось меньше минуты, чтобы прийти в себя. Поднявшись с земли, я вслед за матросом прошел к костру — знобило, да и оставаться одному не хотелось. Остатками воды из котла я сколь возможно тщательно омыл лицо и шею, почувствовав себя получше. Потом я попросил вахтенного осмотреть мое горло, надеясь, что он сможет рассказать, на что походит странный отек. Добрый малый поджег пучок водоросли и самым тщательным образом осмотрел кожу у

меня на горле, но не увидел ничего необычного, кроме нескольких небольших округлых отметин, багровых по центру и кипенно-белых по краям. Один такой след все еще немного кровоточил.

— Не заметил ли ты чего странного у палатки? — спросил я тогда.

— Никак нет, — ответил Ремус, славная морская душа. — Вахта спокойная выдалась — ни крика, ни шума. Ну, правда, по временам слышал я какие-то звуки… но они все шли откуда-то издалека. Боцман очень устал за день, я решил не будить его по пустякам.

Столь же не стоящими внимания Ремус счел и оставшиеся у меня на горле следы, предположив, что меня покусали песчаные блохи, но я покачал головой и рассказал ему свой сон. После этого парень, явно напуганный, старался не отходить от меня — как и я от него, впрочем.

Наступила глубокая ночь; пришла моя очередь заступать на вахту. Еще какое-то время Ремус оставался со мной. Насколько я понял, он из добрых побуждений хотел составить мне компанию, чтобы я ничего не боялся. Я сказал ему идти спать, заверив в том, что больше не убоюсь ничего и чувствую себя всяко лучше. После этого он ушел, и я остался сидеть возле костра один. Какое-то

время я бдел в тишине, напряженно вслушиваясь, но даже усилием воли обостренный слух не улавливал ни шороха в царстве тьмы, обступившем меня. Я вдруг несказанно *остро* ощутил, до чего малы наши шансы выжить в этом ужасном краю, вдали от всех путеводных троп человеческих, и сердце горестно заныло в тоске.

Огонь, почти позабытый мной, умирал; последние угольки тускло отсвечивали сквозь мрак. Вдруг со стороны долины до моих ушей донесся глухой звук тяжелого удара — его я различил с поразительной ясностью. При этом я понял, что не выполняю свой долг ни перед остальными, ни перед самим собой, сидя и позволяя огню погаснуть. Распекая себя на чем свет стоит за ротозейство, я взял охапку сухих водорослей и бросил их в огонь. В ту же секунду огромный всполох пламени взвился высоко вверх в ночное небо. Я бросил настороженный взгляд по сторонам, положив руку на рукоять заткнутого за пояс палаша. Наверное, только благодаря Всевышнему из-за моей беспечности никто не пострадал — она, как я склонен считать, была вызвана странной слабостью, навалившейся на меня, порожденной страхом. Так или иначе, покуда я стоял да озирался, сквозь безмолвие ночного пляжа донес-

лось шуршание. Кто-то тихо, на змеиный манер, скользил вперед-назад — и, кажется, был он там не один: судя по этим звукам, сейчас вся долина была полна тайком снующих змей-пластунов. Подбросив еще сушняка в костер, я стал смотреть в сторону предполагаемой угрозы внимательнее.

Вдруг я увидел что-то очень похожее на колышущуюся тень. Она была совсем рядом с костром — там, где свет прочертил границу супротив тени. В этот момент я заметил копье, торчащее в песке — Ремус позабыл его здесь. В приступе какого-то отчаянного ухарства я схватил его и метнул со всей дури в перешептывающийся, шуршащий мрак. Ни звука оттуда — попал я или нет? Результат один — снова гробовая тишина опустилась на остров, и только что-то тихо всплеснуло вдали, среди бескрайних просторов моря.

Несложно понять, что события этой ночи хорошенько промотали мне нервы, поэтому я то и дело вздрагивал и оглядывался. Мне постоянно казалось, что какая-то демоническая тварь вот-вот нападет на меня. Прошло довольно много времени без единого звука. Ничто не указывало на присутствие какого-нибудь живого создания, и я уже не знал, что и думать. Может, и все предшествующее мне всего лишь почудилось?..

А затем, когда сомнения уже начали брать верх, я вдруг убедился в том, что нисколько не ошибся. Вся долина вновь преисполнилась шорохами. Что-то стремительно двигалось к нам, перемежая шелест упругим столкновением чего-то с чем-то — будто незримые бурдюки с водой стукались боками; постукают друг о друга — и покатятся дальше…

«*Наверное, все духи Преисподней решили напасть на нас разом*», — подумал я, прежде чем закричать что есть мочи в попытке поднять боцмана и наших ребят.

Боцман первым выскочил из палатки; за ним торопились и остальные. За исключением Ремуса, чье копье я метнул в невидимого врага — оно все еще валялось где-то в темноте за пределами круга света, и сходить за ним мне не хватало храбрости, — все держали наготове оружие.

— Что произошло? Чего голосишь? — суровым шепотом обратился ко мне боцман, но я ничего не смог ответить — только поднял руку, призывая моих товарищей к тишине. Однако, когда они замолчали, шорох и шелест в долине тоже прекратились. Боцман уже повернулся ко мне, собираясь потребовать дальнейших объяснений, но я знаком попросил его выждать еще немного;

он кивнул, и спустя минуту или около того странные звуки возобновились. Теперь мои товарищи слышали достаточно, чтобы понять: я прервал их сон не без веских на то оснований. Мы стояли, тревожно вглядываясь в темноту в той стороне, где лежала долина, и мне вдруг показалось, что я снова вижу на границе света и тени какое-то странное движение. В тот же миг один из матросов громко вскрикнул и метнул свое оружие в темноту, но боцман тут же бросился на него с упреками: метнув свое копье, этот парень остался без оружия, а это создавало новые угрозы для всей нашей группы. Впрочем, если вспомнить, немногим раньше я поступил так же!

Долина вновь притихла. Не зная, что нам от этого ожидать, боцман схватил охапку сухих водорослей, зажег их от костра и тут же ринулся на тот участок пляжа, что отделял нас от угрозы. Там он бросил горящий сушняк на песок, приказав ребятам принести еще водорослей для того, чтобы мы могли развести огонь и там. Это могло нам дать возможность в случае нападения лучше видеть то, что вылезет из самых черных глубин своего гнездовья.

Нечего и говорить, запалили мы славную цепочку костров! В разлитом по побережью рдяном

свете мы смогли отыскать два наших копья — оба воткнулись своими наконечниками в песок на расстоянии не более ярда друг от друга. Это показалось мне весьма странным.

Из долины перестали доноситься непонятные звуки. Теперь ничто не могло нарушить тишину, охватившую остров, за исключением отдельных всплесков, раздававшихся время от времени от заросшего водорослями моря. Затем, спустя примерно час после того, как я разбудил боцмана, один из наших матросов, как раз следивший за огнем, подошел к нему и сказал, что у нас на исходе запасы для растопки. Ремус вспомнил о запасенной нами заранее вязанке тростника. Пришлось из всех разожженных костерков выбрать один, самый нужный, а всеми остальными пожертвовать. Вновь незримые враги в долине оживились. Мы стояли в сгущающейся тьме, держа наготове оружие и напряженно всматриваясь вдаль. Временами остров казался нам невероятно тихим и спокойным, а потом опять слышались шорохи. Угрюмая давящая тишина послужила бы нам даже более суровым испытанием, чем все эти странные звуки… Но вот, благодарение Богу, наступил долгожданный рассвет.

Глава 9
Что случилось в вечерних сумерках

С наступлением рассвета бесконечная тишина незаметно прокралась через остров в долину. Поняв то, что бояться больше нечего, боцман разрешил нам отдохнуть, а сам встал в дозор. Вот когда, наконец-то, я смог поспать; пусть недолго, но зато сон мой был крепкий, и это дало мне достаточно сил для работы на весь день.

Спустя несколько часов боцман поднял нас и повел в дальнюю часть острова собирать горючий материал. Вернулись мы довольно быстро, при этом каждый прихватил с собой по огромной охапке, так что уже совсем скоро наш костер опять полыхал бойко и весело.

На завтрак у нас был хэш[37] из солонины и дробленых галет, в него мы добавили еще немного устриц, собранных на берегу у подножия дальней горы. Вся эта мешанина была обильно

---

[37] Примечания: 37

Хэш — популярное блюдо, состоящее из измельченного мяса, картофеля и лука, обжаренных на сковороде. Название происходит от фр. hacher («нарезка»). Блюдо возникло как способ использовать мясные остатки. К 1860-м годам в США оно стало ассоциироваться с дешевыми ресторанами, известными как «хэш-хаусы» или «хэшерии».

сдобрена уксусом, но про него боцман говорил, что его лучше поберечь, так как он может помочь при цинге и иных хворях. На десерт у нас была патока, разбавленная горячей водой и приправленная ромом.

После завтрака боцман вернулся в палатку, чтобы еще раз проведать Иова; он уже побывал у него рано утром, но состояние раненого внушало нашему начальнику опасения. Иов оказался парнем на диво деликатного здоровья, хотя внешне производил впечатление крепкого мужчины. Со вчерашнего вечера ему почти не стало лучше, а мы по-прежнему не знали, что можно сделать, чтобы ему помочь. Одно средство мы, впрочем, попробовали; зная, что со вчерашнего утра Иов ничего не ел, мы пробовали влить ему хотя бы несколько капель горячей воды с ромом и патокой. Мы полагали, что его слабость объяснима не только раной, но и общим истощением; провозились с ним добрых полчаса — и все равно не смогли привести в чувство настолько, чтобы он мог глотать. Поить его силком мы не хотели, боясь, что хворающий попросту захлебнется. Пришлось, оставив его под тентом, идти заниматься прочими делами — а их у нас было невпроворот.

Перед тем как взяться за что-нибудь еще, боц-

ман повел нас в долину, намереваясь как следует ее осмотреть на тот случай, если вдруг где-нибудь притаился дикий зверь или еще какие-нибудь дьявольские твари, способные напасть на нас за работой. Также его живейшим образом интересовало, что за шуршащие дьяволы досаждали нам всю эту ночь.

Еще ранним утром, ходя за топливом, мы старались идти по верхнему кряжу долины, где горная порода ближайшей к нам горы переходила в пористую почву. Сейчас же мы шли к самому ее центру, прокладывая путь мимо огромных грибов, прямо к котловану, похожему на огромный колодец, занявший все дно долины. Несмотря на то что почва под нашими ногами была очень мягкая, она славно упружила. Пройдя немного, мы обратили внимание на то, что не оставляем за собой никаких следов — ну, или *почти* никаких. Потом, на близких подступах к котловану, почва стала рыхлее, и наши пятки стали в ней заметно утопать. Там мы нашли самые любопытные и сбивающие с толку свидетельства присутствия безвестных существ по соседству с нами, ибо среди слякоти, окаймлявшей яму — она, как я хотел бы упомянуть здесь, вблизи уже не так походила на яму, — было множество отметин. Их

я могу сравнить не с чем иным, как со следами могучих слизней в грязи, только они не были совсем похожи на следы слизней. Имелись и другие — такие, что могли быть оставлены ползучими сворами миног и угрей, выброшенных на берег; по крайней мере, такое у меня сложилось о них впечатление — и я им делюсь.

Землю близ ямы укутывал слой блестящей слизи; такая же пакость, но в куда меньших количествах, встречалась нам среди поганок по всей долине, но ничего иного, что могло бы пролить свет на природу таинственных ночных тварей, мы не нашли. Впрочем, чуть не забыл: значительное количество уже начавшей подсыхать слизи мы обнаружили на шляпках грибов в той части долины, что примыкала к нашему пляжу; многие грибы были сломаны или вырваны с корнем, и на них тоже остался блестящий секрет. Глядя на них, я вспомнил мягкие, тупые удары, слышанные ночью — думается, наши враги взгромождались на грибы, чтобы следить за нами, ломая или выворачивая их из земли своей тяжестью. Видимо, их там собралось великое множество — одна тварь залезала на другую, следом еще, и еще, поэтому они сломали или вывернули с корнем там много грибов. Такие у меня водились домыслы.

В конце концов мы завершили исследование острова, и сразу же после этого боцман нашел для каждого из нас еще работенку. Первым делом он повел нас назад на пляж, помочь ему перевернуть лодку, чтобы он подобрался к поврежденной планке. Имея возможность хорошо рассмотреть дно лодки, он обнаружил, что имеется еще одна пробои на. Оказалось, что одна из планок днищевой обшивки, стоявшая прямо возле киля, отошла, а это, как ни крути, чревато при выходе на воду. Конечно, такую тонкость мы не смогли углядеть, покуда лодка стояла в положении «килем вниз».

— Не сомневаюсь, что и с такой бедой можно справиться, — заметил боцман, осмотрев поломку. — Эта посудина еще походит. Разве что мы дольше с ней повозимся теперь…

Он надеялся на проверенный метод — сначала прибить гвоздями замененную планку к длинной доске сверху настила, а потом заделать все щели паклей. Проблема оставалась в том, что, даже перетряхнув все наши запасы, мы не смогли найти сколько-нибудь стоящего, подходящего материала. Требовалось все-таки не абы какое дерево, а весьма крепкое.

— Так ведь мачта и стеньга есть! — Я хлопнул

себя по лбу, озаренный.

— О чем это ты? — спросил боцман.

— Мачта и стеньга, что валяются на другом берегу острова. Помните?..

Боцман призадумался на мгновение — и тут же горячо закивал:

— Да-да, вспомнил. Они нам подойдут. Топор да пила, конечно, не лучший инструмент под распил такого сырья. Много сил и времени уйдет… Ну да ладно, грех жаловаться! Так, значит: топайте на ту оконечность острова и чистите те деревяшки от мха, грязи, налипших водорослей. Я скоро присоединюсь — только поставлю эти две снятые планки на место!

Добравшись до того места, где лежал рангоут[38], мы со всем рвением принялись за дело, стараясь очистить мачту и стеньгу от морского мусора. Пришлось очень долго провозиться с оснасткой, остававшейся на них; но как только весь излишек был отброшен в сторону, нам стало ясно, что дерево в относительно неплохом состоянии — особенно самая нижняя мачта, добротно сра-

[38] Примечания: 38

Рангóут (от нидерл. Rondhout — «круглое дерево») — общее название устройств для постановки парусов (их подъема, растягивания, удержания в штатном рабочем положении), выполнения грузовых работ, подъема сигналов и т. д.

ботанная из могучего дуба. Стоячий такелаж[39] нижней мачты и стеньги тоже сохранился, хотя в иных местах был порядочно перекручен с прогнившими вантами[40]. Также мы выяснили, что большая часть снастей не сгнила, к тому же великолепно сохранился пеньковый трос, а такое случается, если только корабль совсем недавно затонул.

К тому времени, когда мы уже закончили очищать мачту от водорослей и мусора, пришел боцман, неся с собой пилу и топорик. Под его руководством мы отрезали талрепы[41] от стень-вант, а после этого сразу начали пилить немного выше эзельгофта[42]. Однако, скажу я вам, ох, и тяжелая это была работа! Она по времени заняла большую часть утра, несмотря на то, что мы постоянно сме-

---

[39] Примечания: 39

Стоячий такела́ж — совокупность судовых снастей, служащая для раскрепления неподвижных элементов рангоута и передачи тяги парусов корпусу судна. Будучи раз заведенным, стоячий такелаж всегда остается неподвижным. К стоячему такелажу относят: ванты, фордуны, штаги, бакштаги, перты, а также кливер и бом-кливер леера.

[40] Примечания: 40

Ва́нты (от нидерл. want) — снасти стоячего такелажа, укрепляющие мачты, стеньги и брам-стеньги с бортов судна. Число вант зависит от толщины мачты и площади парусов.

[41] Примечания: 41

Та́лреп (от нидерл. taal — «талевая» и нидерл. reep — «веревка») — устройство для стягивания и выбирания слабины такелажа, кабелей. Представляет собой двойную винтовую стяжку; в нее с двух сторон

ввинчивают стержни с разнонаправленной резьбой. При повороте корпуса талрепа остающиеся неподвижными винты, в зависимости от направления вращения, сходятся или расходятся, изменяя рабочую длину.

[42] Примечания: 42

Эзельго́фт (нидерл. ezel hoofd — «ослиная голова») — деталь крепления добавочных рангоутных деревьев к основным (утлегаря к бушприту, стеньги к мачте, брам-стеньги к стеньге).

нялись за пилой. После того как мы все сделали, радости нашей не было предела. Боцман велел одному из наших ребят набрать сушняка и идти разводить костер для обеда, а затем поставить на огонь котел с куском солонины.

Сам боцман начал рубить стеньгу футах в пятнадцати от нашего надпила, ибо такова была длина необходимого ему бруска. Когда матрос, посланный в лагерь, вернулся и сказал, что обед готов, работы предстояло еще много. После еды и краткого отдыха — мы выкурили по трубочке, маясь напропалую, — боцман повел нас назад: ему хотелось перепилить стеньгу до наступления темноты.

Вернувшись на берег, мы быстро допилили стеньгу в том месте, где ее начал рубить боцман, после чего нам было дано новое задание: от оставшейся части стеньги нужно было отпилить кусок длиной около двенадцати дюймов. Когда мы справились и с этим, боцман, ловко орудуя топором, наколол из получившегося чурбачка клиньев и обтесал их. Наконец он сделал на торце пятнадцатифутовой заготовки глубокую зарубку и начал загонять в нее клинья. Мастерство и удача в равной степени помогли ему расколоть бревно на две равные половинки — разломалось

оно очень ровно, прямо по центру.

Прикинув, как долго еще до заката, боцман велел нам собрать побольше водорослей и отнести в лагерь; только одного матроса он послал вдоль берега к утесу собрать на взморье раковины устриц. Сам же продолжал трудиться над расколотым бревном, оставив меня при себе помощником, и уже через час в нашем распоряжении оказался кусок дерева толщиной примерно в четыре дюйма, отколотый от одной из половинок при помощи все тех же клинь ев. Насколько я видел, боцман доволен, хотя результат казался более чем скромным с оглядкой на затраченные непомерные усилия!

Пока мы работали, над островом сгустились сумерки, и наши товарищи, закончив носить сухие водоросли, вернулись за нами, чтобы вместе выдвинуться в лагерь. Почти одновременно со стороны утеса появился матрос, посланный набрать моллюсков; на копье он нес крупного краба, сраженного ударом в подбрюшье. Краб насчитывал не меньше фута в поперечнике и имел весьма устрашающий, поистине богатырский облик. Сваренный в соленой воде, он оказался еще и на диво вкусным.

Лишь только этот парень вернулся, мы сразу

отправились обратно, прихватив готовую доску, вытесанную из стеньги. К тому времени уже порядком стемнело, и было довольно необычным находиться среди огромных грибов, пока мы шли по дальнему краю долины через их плантацию на противоположный берег острова. Я подметил, что омерзительный запах плесени, исходящий от этих поразительных даров природы, к ночи заметно усилился и обострился. Хотя, возможно, мне это лишь казалось, ибо в вечерней полутьме я все менее полагался на зрение и все более — на обоняние и слух.

Темнота продолжала сгущаться необычайно быстро, но ничто пока не указывало на приближение опасности. Мы прошли уже половину пути, когда мои ноздри защекотал некий новый, пока еще совсем слабый запах, отличный от того, что исходил от гигантских грибов. Не успел я задуматься о том, что это может быть, как мерзкая вонь обрушилась на меня волной. Зловоние было таким нестерпимым, что меня едва не вырвало; справиться с тошнотой помог только ужас от нахлынувшего воспоминания о жуткой человекоподобной твари, виденной мной в предрассветной мгле у борта шлюпки накануне нашего прибытия на остров. Я сообра-

зил наконец, *что* испачкало слизью мои лицо и шею предыдущей ночью, *что* оставило странный запах, донимавший меня по пробуждении. Все это обрушилось на меня в считаные доли секунды, и тотчас я крикнул боцману, что нам надо поторопиться, ибо в долине неподалеку от нас — враг. При этих словах кое-кто из моих товарищей бросился было наутек, но боцман самым решительным тоном приказал им держаться остальных, так как во тьме между грибами тварям будет очень легко перебить нас поодиночке. Скорее из-за боязни окружающей нас ночи и того, что в ней скрывается, а не из страха перед боцманом, они его послушались, и только тогда мы смогли без приключений выбраться из долины. Все то время, пока мы шли, немного ниже по склону, позади наших спин, мы все время слышали какой-то странный шелест и шорохи, будто кто-то неотступно полз за нами.

В лагере боцман велел нам разжечь вокруг палатки четыре костра, по одному с каждой стороны; так мы и поступили, взяв угли, чтобы запалить кучи сухих водорослей, в золе первого костра, коему мы столь опрометчиво дали прогореть. Вскоре костры весело пылали, а мы занялись ужином, опустив в котел с кипящей

водой чудовищного краба, о чем я уже упомянул. Благодаря этому крабу наша вечерняя трапеза получилась на редкость вкусной и сытной, однако, даже воздавая ей должное, мы держали оружие под рукой. Никто из нас не сомневался, что среди грибов в долине скрывается какая-то дьявольская угроза или целый сонм угроз; впрочем, аппетита нам это осознание нисколько не испортило.

Разделавшись каждый со своей порцией, мы взялись за курительные трубки. Боцман велел одному из матросов подняться на ноги и быть начеку — всем нам вполне может грозить опасность быть застигнутыми врасплох во время отлеживанья боков на песке. Я счел такую меру разумной: легко заметить, что команда *слишком* охотно полагала себя в безопасности из-за яркости костров вокруг них.

Пока наши ребята отдыхали на площадке с четырьмя кострами по углам, боцман зажег одну из свечей, прихваченных с застрявшего в бухте корабля, и пошел посмотреть на Иова, целый день провалявшегося под тентом. Я сразу вскочил, упрекая себя за то, что мы забыли о бедняге, и подорвался следом; но только мы заглянули в палатку, как боцман вдруг издал приглушенный вскрик и, наклонившись, поднес свечу к тому

месту, где лежал Иов. Тотчас мне стало очевидно, что так взволновало нашего лидера: в углу никого не было! Я поспешно вошел в палатку и сразу уловил хотя и слабый, но хорошо различимый запах — точно такое зловоние, что чуть не свело меня с ума в долине. Еще раньше я столкнулся с ним на лодке — точно так вонял упырь, намеревавшийся залезть к нам на борт. Я мгновенно сообразил, что наш Иов стал жертвой этих мерзких тварей, и когда я это понял, то сказал боцману, что они забрали его — и после этого мне на глаза попались следы той же самой липкой слизи, выделявшиеся на песке. Я наклонился к ним и проверил, не мерещатся ли они мне.

Лишь только сообразив, о чем я толкую — впрочем, слова мои только подтверждали его собственные мысли, — боцман стремительно вышел из палатки, на ходу отдав пару резких команд нашим товарищам, сгрудившимся у входа, обескураженным и напуганным вестями. Из связки тростниковых стволов, нарубленных нами для костра, боцман выбрал несколько самых толстых экземпляров и привязал к одному из них огромный пучок сухих водорослей; другие матросы, раскусив его план, сделали то же, и вскоре в руках у каждого оказалось по большому

мощному факелу.

Как только мы закончили свои приготовления, каждый из нас взял свое оружие и зажег свой факел, окунув его в костер, и мы пошли по следам, оставленным на песке проклятыми тварями, тащившими волоком тело нашего Иова. Похоже, бедному матросу крепко от них досталось. Следы и слизь, повсеместно попадавшиеся нам на пути, были хорошо заметны, и оставалось только дивиться тому, что мы не обратили на них внимание раньше.

Боцман шел впереди, по тянущемуся следу ведя нас прямиком в долину. Незаметно его быстрый шаг перешел в бег; при этом факел он держал неизменно высоко над головой. Мы тоже бросились бегом, выставив коптящие тростники перед собой, ибо в эти минуты нас всех объединяло одно желание — держаться вместе. Думаю, не ошибусь, если скажу, что вдобавок мы все хотели отомстить за Иова, так что страх терзал нас не так сильно, как могло бы быть в иных обстоятельствах.

Не более чем через полминуты мы достигли края долины — и здесь нас ждало горькое разочарование: почва в этом месте по своей природе не благоприятствовала сохранению следов. Мы

стали гадать, куда же двинуться дальше; боцман громко позвал Иова по имени, надеясь, что тот еще жив. Но никто нам не ответил — лишь глубокое низкое эхо, вселявшее тошнотный сплин, вторило голосу. Поняв, что нельзя терять ни секунды, боцман бросился в самый центр долины, и мы последовали за ним, озираясь по сторонам. По преодолении где-то половины пути один из наших матросов закричал, что впереди что-то видно; правда, боцман увидел это даже раньше — он сразу кинулся к нужному месту, размахивая факелом и абордажной саблей. Но удара он так и не нанес. Вместо этого боцман вдруг опустился на колени, причем, когда мы поравнялись с ним, мне показалось, будто я углядел чуть дальше несколько белесоватых, призрачных фигур, быстро отступивших в темноту между грибами. Я, однако, не слишком задумывался об этом, разглядев в отблесках факелов нашу жуткую находку. Перед нами на земле простерся окоченевший труп Иова. Неизвестные насильники раздели нашего товарища — и не оставили на нем живого места. Все его тело покрывали точно такие же круглые, с мертвенной каймой, укусы, как и у меня на горле — только их было ужасно много, и все они разом кровоточили. Смотреть на это без

содрогания ни у кого не выходило.

Увидев растерзанное тело Иова, мы сильно испугались и застыли как завороженные. Воцарилось молчание. Боцман положил руку на сердце несчастного парня, но оно уже давно не билось, хотя тело еще хранило последнее тепло. Сразу после этого он поднялся с колен — выражение беспредельного гнева запечатлелось на его мужественном лице. Схватив за древко лежащий на земле факел, он начал напряженно всматриваться в безмолвную пустоту ночи, но ни единого живого существа — ничего, кроме гигантских грибов и причудливых теней, отбрасываемых огнем на концах палок, — он не видел. В этот момент один из матросских факелов, почти догорев, развалился на куски — от него не осталось ничего, кроме обугленной опоры, — и сразу же еще двум пришел такой же конец. После этого мы испугались, что огня нам не хватит на обратный путь до лагеря, и все как один уставились на боцмана, ожидая спасительных распоряжений. Но он, все так же храня молчания, всматривался в окружившие нас тени. Затем четвертый факел упал на землю дождем тлеющих углей, и я инстинктивно обернулся на произведенный им звук. В то же мгновение позади меня вспыхнул яркий столп

света, сопровождаемый глухим «*фумп*» внезапно подожженного сухого вещества. Я быстро оглянулся на боцмана, а тот уставился на одну из гигантских поганок, охваченную пламенем по всему ближнему краю и горевшую с невероятной яростью, стреляя во все стороны искрами и прогорающими спорами. Стоило этой сгорающей на лету пакости угодить нам в дыхательные пути, как вмиг каждого второго согнуло в приступе изматывающего кашля, как при чахотке. Сейчас я просто убежден, что если бы в тот момент на нас напали дьявольские твари, то мы бы погибли сразу же — в силу полнейшей беспомощности.

Почему вдруг нашему боцману пришло в голову поджечь один из ближайших грибов, я не ведаю; скорее всего, он просто случайно задел эту махину факелом. Так или иначе, наш лидер воспринял это происшествие как несомненный знак, данный нам Провидением, и, не тратя ни минуты драгоценного времени, поспешил поднести огонь к другому грибу, пока остальные еле дышали из-за мучительного кашля. Вновь его беспримерное мужество вдохновило нас; утирая слезы и размазывая по лицу сажу прогоревших в воздухе спор, мы взялись поджигать росшие вокруг нас грибы. Те же, у кого в руках остались

только рукоятки прогоревших факелов, нанизывали на них отломанные от шляпок большие куски.

Благодаря этому всего через каких-то пять минут с того момента, как мы нашли тело Иова, вся эта гнусная долина полыхала до самых небес ярким пламенем; от края до края ее заволок едкий дым. Сгорая от желания отомстить за несчастного парня, мы исходили ее во всех направлениях, воинственно размахивая оружием и намереваясь во что бы то ни стало отыскать мерзких тварей, грозящих людям такой страшной смертью. Увы, ни одного упыря мы так и не обнаружили — мстительный порыв там и остался не вымещенным. Нас теперь донимал не столько душевный, сколько физический жар — грибная долина мало-помалу превращалась в представительство Преисподней на земле: по сторонам разлетались, рдея, искры, вздымались облака ядовитой пыльцы. Мы отправились в обратный путь, прихватив с собой мертвого товарища, и несли его до самого берега.

За всю эту ночь ни один из наших ребят не прилег ни на минуту, а грибы продолжали полыхать вдалеке колоннами пламени. Даже с приходом утра пожар не унялся. Лишь только днем, когда

стало совсем светло, кое-кого из наших измотанных и уставших до изнеможения парней поборол сон, тогда как другие так и оставались бодрствующими.

А когда мы проснулись, поднялся великий ветер — и грянул ливень, нескончаемыми потоками обрушившись на остров.

Глава 10
Свет среди водорослей

С моря дул очень сильный ветер, угрожая перевернуть нашу палатку, и не успели мы закончить со своим завтраком, угрюмым и невеселым, а он, в конце концов, этого добился! Посмотрев на валяющийся на земле тент, боцман велел нам его обратно не ставить, а просто растянуть на земле и приподнять края, закрепив их на колышках из срезанных стеблей тростника, так, чтобы в него собиралась дождевая вода. Для нас это было вопросом первой необходимости: требовалось пополнить запасы воды до того, как мы снова выйдем в море. Пока одна половина команды занималась водосбором, боцман велел другой поставить еще один тент из запасов равендука, поменьше габаритами. Под него мы спрятали все из наших пожитков, что требовало защиты от дождя.

А ливень только креп со временем, и довольно быстро в нашем парусе набралось воды почти с целый бочонок. Едва только мы собрались залить ее в одну из своих емкостей, как боцман крикнул

нам не спешить.

— Прежде чем смешивать ее с нашими остатками, — сказал он, — попробуйте-ка на вкус.

Мы зачерпнули воды в пригоршни и узнали, что собрали препротивнейшую, соленую, ни капли не пригодную для питья влагу.

— Ага, вот, значит, как, — сообщил боцман в ответ на наше всеобщее удивление. — Вот что про изошло: во время нашего долгого плавания равендук пропитался морской солью. Теперь его надобно промыть большим количеством свежей воды, чтобы вышла вся соль. Растяните-ка его на пляже и хорошенько прополощите песком с обеих сторон, после чего оставьте — ливень сделает свое дело, промоет его. Дальше вода уже получше пойдет — видит Бог, не первый сорт, но и не такая поганая…

Мы так и сделали, и, вдобавок, промыли равендук еще раз, благодаря чему вся соль вышла. Так мы смогли набрать хорошей воды столько, сколько нам требовалось для запаса.

Ближе к полудню яростный ливень сменился неприятной холодной моросью, на фоне порывов шквального ветра казавшейся еще более леденящей, чем на самом деле. Ветер этот оказался даже понастойчивее дождя — дул и дул упорно, с

одной и той же стороны моря, и не унимался все то время, что мы находились на острове.

После того как дождь окончательно сошел на нет, боцман собрал всех для того, чтобы подобающим образом похоронить несчастного Иова, чье тело на всю ночь мы оставили на одной из обшивочных досок со дна лодки. Немного посовещавшись, мы решили похоронить его на пляже. Единственным местом на острове, где почва была мягкой, оставалась долина, но из всей команды никто не испытывал желания возвращаться туда. Кроме того, песок был рыхлым и легко поддавался раскопкам, а по той причине, что у нас не имелось подходящих инструментов, решение похоронить его на пляже казалось единственно верным. С помощью обшивочных досок и весел, да еще нашего топорика, мы вырыли достаточно глубокую и просторную могилу, куда и уложили бедолагу. Некому было произнести надгробную речь, так что мы по чтили погибшего товарища простой минутой молчания, после чего боцман подал знак засыпать могилу песком. Покрыв мертвое тело и разровняв насыпь, мы оставили Иова спать вечным сном в этой чужой, безвестной земле.

После похорон мы приготовили обед, и боцман

выдал всем по большой порции рома, стремясь вернуть нам бодрое расположение духа. Обед мы завершили, выкурив по трубочке табаку, затем боцман разделил нас на два отряда, чтобы обследовать каменистые части острова и попытаться отыскать дождевую воду, залегшую во впадинах и трещинах скал; мы, конечно, собрали немало на равендук, но для длительного хода по морю требовалось и того больше. Отправляться нам предстояло немедленно; боцман особо настаивал на этом, боясь, что, если из-за туч снова покажется солнце, жара очень скоро высушат небольшие лужицы, намеченные целью поисков.

Один отряд боцман собирался вести сам, во главе второго поставил матроса Ремуса. Перед отправлением командиры еще раз напомнили нам о необходимости держать оружие наготове, и мы разошлись: группа боцмана двинулась к скалам у подножия близлежащего утеса, тогда как группе Ремуса предстояло осмотреть дальний, более высокий утес. Отряды волокли за собой привязанный к паре тростниковых жердей пустой бочонок — емкость для сбора обнаруженной нами драгоценной влаги; чтобы черпать из трещин и луж, мы собрали наши оловянные кружки и одну из шлюпочных леек.

Мы долго блуждали среди камней, прежде чем посчастливилось набрести на мелкую естественную заводь с дождевой водой, оказавшейся на диво чистой и вкусной; пустив в ход кружки, мы вычерпали водоем почти до дна, набрав примерно три галлона отличной воды. Впоследствии нам попался еще пяток похожих заводей — не таких вместительных, как первая, но на немилость судьбы жаловаться не приходилось: бочонок наполнился почти на две трети. Залив его доверху, мы повернули назад в лагерь, втайне рассчитывая на такой же успех у партии Ремуса.

Приблизившись к тому месту, где стояла наша палатка, мы обнаружили, что наши товарищи уже вернулись; при этом у них был такой довольный вид, что мы могли даже не спрашивать, удалось ли им наполнить свой бочонок. Они же, едва завидев нас, бросились к нам навстречу и рассказали, что нашли целое озеро пресной воды, скопившейся в глубокой впадине на склоне дальнего утеса примерно на трети его высоты. Услышав об этом, боцман тотчас велел нам поставить наш бочонок на землю, и мы вместе поспешили к утесу, чтобы убедиться, что сообщенные нам новости действительно так хороши.

Следуя за нашими товарищами из второй партии, мы обогнули утес и увидели, что склон его, доселе скрытый от взглядов, весьма отлог и удобен — со множеством выступов и трещин, слагавших своего рода естественную лестницу. Вскарабкавшись по этому склону футов на девяносто-сто, мы наткнулись на провал размером примерно двадцать на двадцать футов, заполненный до того чистой и прозрачной водой, какая бывает разве что в горных ключах, заповедных и труднодоступных. Глубина у водохранилища оказалась порядочная, что мы установили, погрузив в него древко копья.

Боцман, убедившись в том, что мы располагаем превосходным запасом пресной воды, пригодной для всех нужд, похоже, почти совсем успокоился и уверенным тоном объявил:

— Дня через три — это максимум — мы покинем эту Богом проклятую глушь.

Известие восприняли с должной радостью. По правде сказать, если бы наша лодка не была повреждена, мы бы уплыли отсюда сразу, еще в самый первый день нашего прибытия; но «если бы да кабы» — плохое основание для путешествий. Пока еще нам предстояло очень многое предпринять для того, чтобы починить нашу

лодку и сделать ее пригодной к длительным хождениям по морям.

Подождав, пока боцман завершит свой осмотр, мы повернулись, чтобы спуститься, думая, что таков будет дальнейший приказ; но он крикнул нам остаться, и, оглянувшись, мы увидели, что он собрался закончить подъем на холм. Мы поспешили за ним, хотя и не имели представления о причине забираться выше. Достигнув верха, мы оказались на просторном плато — совершенно ровном, будто бы утрамбованном искусственно. Не считая двух-трех трещин и расколов шириной от полуметра до двух, а длиной — от трех до шести саженей да разбросанных крупных валунов, ландшафт вершины отличался твердым, ровным складом — приятный контраст для ног, уставших бороздить рассыпчатые песчаные барханы внизу.

Сдается мне, я уже тогда ухватил назревающую у боцмана идею, ибо, подступившись к выходившему на долину краю плато, я бросил взгляд вниз и, узрев под собой практически отвесный склон, машинально кивнул, словно эта картина полностью отвечала моим еще не до конца вызревшим чаяниям. Потом я огляделся по сторонам и, заметив, что боцман стоит на плато с того края, где

маячил плавучий континент, направился к нему. Там я снова увидел, что холм обрывался очень круто, и после этого мы перешли к обращенной к морю кромке — и там обрыв был почти таким же крутым, как и на стороне, обращенной к морским сорным полям.

Прикинув в уме, что к чему, я прямо сказал боцману о посетившей меня, пока я глядел вниз, идее. Я хотел разбить здесь лагерь, так как место выглядело вполне безопасным. Никто не мог напасть на нас ни с тыла, ни с боков, а спереди, где вниз спускался пологий склон, все хорошо просматривалось. Все это я выложил боцману с вящей запальчивостью, ибо мне хотелось побыстрей сюда перебраться: я до ужаса боялся провести грядущую ночь внизу.

Выслушав мою взволнованную речь, боцман признал, что — как я верно догадался! — думал о том же, о чем и я; теперь, когда его совершенно устроили результаты проведенной разведки, он тотчас велел остальным поскорее спуститься вниз и доставить на утес наше имущество. План обрадовал всех, и матросы дружно принялись за работу.

Что касается боцмана, то он, взяв меня в качестве помощника, снова занялся шлюпкой. В

первую очередь ему требовалось основательно обтесать деревянный брусок, чтобы он как можно плотнее прилегал к килю и, главное, к нижней планке обшивки, выбитой из паза. На эту кропотливую работу боцман потратил большую часть дня; правда, из инструментов у него были только топорик да нож, но и ими он орудовал с поразительной ловкостью. И все же, когда настал вечер, работа не пришла к концу. Не стоит, однако, думать, будто боцман только обтесывал брус — ему приходилось еще и руководить нашими товарищами; кроме того, один раз он взошел на утес, чтобы выбрать место для палатки. Когда же мы поставили тент, он велел матросам сносить в новый лагерь запасы для растопки, чем они и оставались заняты почти до сумерек.

— Не планирую коротать здесь ни одну ночь впредь, не скопив сушняка побольше, — бросил бывалый морской волк, хмурясь.

Двух матросов он послал собирать устриц. Задачка была под силу и одному, но боцман не желал подвергать ребят излишнему риску, пусть сумерки покамест и не застигли нас. Мы, вполне возможно, видали еще не все опасности этого острова! Его предусмотрительность в очередной раз окупилась: спустя всего пару часов мы услышали

пронзительные крики на противоположном конце долины. Не зная еще, что именно грозит нашим товарищам — лишь в том, что они нуждаются в помощи, у нас не было сомнений, — мы похватали наши копья и поспешили на выручку. Обогнув выжженную нами долину грибов, где теперь лишь местами торчали обугленные остовы гигантских поганок, мы достигли дальнего берега. Там мы все стали свидетелями невиданного зрелища: двое матросов со всех ног мчали к нам по пляжу, заваленному сухими водорослями, а их по пятам преследовал монструозный краб, отставая не более чем на пяток морских саженей.

А я-то думал, что краб, встреченный нами перед прибытием на остров — это какое-то непревзойденное чудо природы; но *это* отродье превышало положенный крабам размер, наверное, *втрое*. Казалось, что за нашими парнями гонится огромный оживший стол. Более того, несмотря на свою чудовищную массу, монстр пробирался через водоросли куда резвее, чем от него ожидалось. Он мчал боком, воздев одну из мощных клешней почти на дюжину футов в воздух.

Как нашим ребятам удалось увернуться от этого урода и выбраться из моря на твердую почву долины, где они смогли прибавить скорости, знать

не знаю. Неожиданно у одного из бегущих нога запуталась в водорослях, он споткнулся и упал лицом вниз, совершенно беспомощный, да так и оставался лежать. Еще одно мгновение — и он бы погиб, если бы не отважный товарищ, смело кинувшийся на монстра с двадцатифутовым копьем наперевес. Насколько я смог разглядеть, копье попало примерно на фут ниже огромного нависающего панциря, защищавшего крабу спину; благодаря Провидению он сумел поразить чудовище в одно из самых уязвимых мест. Получив удар, громадный краб перестал за ними гнаться и вцепился в рукоять копья клешней. Он выдернул копье и переломил пополам — с легкостью, как соломинку. К тому времени, как мы подбежали к мужчинам, тот, что споткнулся, снова был на ногах и повернулся, чтобы помочь своему товарищу; но боцман выхватил у него копье и сам прыгнул вперед, потому что краб бросился теперь на второго матроса. Однако он не пытался повторить удар в тулово, а сделал два быстрых выпада, метя в стебельчатые глаза твари — и уже через секунду краб съежился, беспомощно подогнув лапы, а потом начал бесцельно водить по сторонам огромной клешней. Мы видели, как корчится от боли монстр, но боцман заставил нас

всех отойти от него подальше. Тот паренек, что нанес первый удар, рвался побыстрей покончить с чудовищем, выкрикивая в боевом задоре, что из этой ходячей табуретки выйдет отличный ужин; но боцман сказал, что даже будучи смертельно раненой, эта махина способна натворить еще много дел, и лучше держаться от нее подальше.

— Приглядись к его челюстям, сынок, — бросил он. — Акулья пасть — и та дружелюбнее выглядит. Он оставит тебя без рук, если ты его недооценишь.

После этого случая боцман запретил матросам ходить за устрицами.

— Вам полезнее и спокойнее будет взяться за снасти и попробовать словить немного рыбы с во-о-он того безопасного уступа. — Он указал на склон утеса, на чьей вершине мы обустроили лагерь. — Дерзайте. — Повернувшись к нам спиной, он вернулся к починке лодки.

Незадолго до того, как вечерние сумерки опустились на остров, боцман прекратил работу и сказал нашим ребятам, к тому времени уже натаскавшим в наш лагерь топлива для костра, чтобы они далеко не уходили и помогли ему спрятать полные бочонки с водой — их мы решили не волочь наверх из-за большого веса. Тотчас

несколько матросов приподняли борт, а остальные закатили под него бочонки; потом боцман положил туда же брусок, так и не обтесанный до конца, и шлюпку опустили. Мы надеялись на то, что ее вес защитит от посягательств любого чудища наши жизненно необходимые запасы.

Сумерки сгущались; стоило поспеть в лагерь еще до наступления полной темноты. Неимоверно устав, мы мечтали о сытном ужине. Взойдя на вершину холма, мы увидели наших ребят, тащивших в снастях огромную рыбину, чем-то смахивающую на золотистого каранкса[43]. Они сказали, что уже собирались доставать сеть и уходить восвояси, как вдруг улыбнулась удача поймать такого здоровенного зубастика.

— Чешуя здоровая, в пасти чисто — значит, годится, — заключил боцман, осмотрев улов. Матросы тут же выпотрошили рыбину и сели чистить ее от чешуи. Кстати сказать, рыбина эта хоть и была похожа на каранкса, все же им точно не являлась — во рту у нее было полным-

[43] Примечания: 43

Золотистый кара́нкс, или голубой каранкс (лат. Caranx crysos) — вид морских лучеперых рыб из семейства ставридовых. Представители вида распространены в западной части Атлантического океана от Бразилии до Канады и в восточной Атлантике от берегов Анголы до Великобритании, включая Средиземное море. Максимальная длина тела — 70 см. Ценная промысловая рыба, популярный объект спортивной рыбалки.

полно страшных зубов, не таких, как у своего двойника. Их предназначение я понял лучше, когда увидел содержимое ее желудка, где не было ничего, кроме свернувшихся кольцами щупалец кальмаров и каракатиц. Этой нечисти несметно много водилось среди водорослей! Поворошив содержимое желудка рыбины, я отметил, какими длинными и толстыми были иные щупальца; впечатленный, я мог только предположить, что эта конкретная рыба, надо думать, отчаянный боец — способна успешно атаковать монстров, чья масса бесконечно больше, чем у нее самой.

Пока готовился ужин, боцман велел Джорджу и Ремусу растянуть запасной парус на двух толстых стеблях тростника, чтобы сделать защитный экран от ветра. Здесь, на холме, ветер дул до того сильно, что того и гляди был готов разметать наш костер во все стороны. Задача выпала несложная, потому что как раз немного подальше от нашего бивака — и аккурат с наветренной стороны костра — проходила одна из трещин в плато. Именно в ней парни и закрепили опоры, так что совсем скоро костер наш был надежно отгорожен.

Вскоре ужин был готов, и я нашел рыбу очень вкусной, хотя и несколько грубоватой; но это было не повод для беспокойства при таком

пустом желудке, как у меня. Здесь следует заметить: с этого дня в течение всего времени нашего пребывания на острове рыбалка была для нас действительным подспорьем, помогая сберечь наши запасы провианта. Воистину, дай человеку рыбу — он будет сыт на день; научи человека ловить рыбу — он будет сыт всю жизнь! После вкусного обеда мы устроились с комфортом и закурили. Оказавшись на такой высоте, никакого нападения мы не боялись, окруженные глубокими пропастями с каждой стороны за исключением той, что спереди. Лишь только мы покурили и немного отдохнули, как боцман назначил часовых охранять наш лагерь — беспечность была этому деятельному человеку глубоко противна.

Наступала ночь. К тому времени мрак еще не поглотил остров, но уже с трудом можно было различить объекты, даже находящиеся на весьма близком расстоянии. Настроение мое располагало к одиноким думам, так что я отошел недалеко от костра, на подветренную сторону вершины холма. Здесь я долго расхаживал взад-вперед, думая о всяком и попыхивая трубкой. Вдруг мое внимание что-то привлекло, и я всмотрелся вдаль, за темнеющую линию горизонта. Почему-то в этот момент я вспомнил о тех людях, чьи

корабли застряли среди этой бесконечной плантации, и мои мысли как-то сами собой перешли на одинокое судно, видневшееся в полумраке. Тогда я представил, какой жестокой должна быть смерть всех тех, кто находился на его борту, и с еще большей силой сердце мое охватила печаль. Всех, кто был там, наверняка убил голод; а ежели не голод, то какой-нибудь демон моря, еще одно из сонма гнусных порождений коварной вотчины Нептуна. Эти думы закручивались в моем сознании в темный, беспроглядный и безотрадный омут, но боцман, тихонько подойдя ко мне сзади, вдруг огрел меня тяжелой ладонью по плечу.

— Ступайте к костру, добрый сэр, — произнес он насмешливо, но дружелюбно. — Нечего здесь торчать — отбросьте ко всем чертям тоску и уныние.

Кто не с нами, тем уж не помочь — и в том, что их нет, нет и вашей вины!

Что и говорить, морской волк обладал поразительным чутьем на перемены настроения у вверенных ему людей. За это, да и за многие другие вещи, я начал еще больше уважать его. Ему я мог доверять почти во всем, и его суровая забота как никогда обнадеживала. Тем не менее его слов

было явно недостаточно для того, чтобы понять его истинное отношение ко мне, хотя тогда я тешил себя надеждой, что оно были именно таким, каким казалось.

Я вернулся к огню. До моей вахты, назначенной на полночь, оставалось еще долго, так что я залез в палатку, собираясь немного поспать. На лежанке из самых мягких пучков сухих водорослей госпожа Дрема пришла быстро, и в ее сладостных объятиях я даже не услышал, как окликнул боцмана часовой. Однако оживление, охватившее наш стан, все равно меня растормошило — я приподнялся с импровизированного травяного ложа и понял, что лежу совершенно один в опустевшей палатке. Подбежав к выходу, я поднял глаза на занявшую небо яркую луну — в предшествующие две ночи грозовые тучи надежно скрывали ее от нас. Влажная духота отступила — ее унес ветер вместе с облаками. Все это я отметил практически подсознательно, ибо в эти минуты больше всего волновался о том, где мои товарищи и что заставило их так спешно покинуть палатку. К счастью, выбравшись наружу, я почти сразу увидел их: они собрались группой на возвышенности с подветренной стороны холма. Я не стал кричать им, поскольку не знал, грозит ли нам сейчас какая-то

опасность; тихо подбежав к боцману, я спросил шепотом, что за тревога всех подняла. В ответ он молча показал рукой вдаль, в раздолье водяных полей, заросших водорослями.

Я всмотрелся в тускло освещенные луной бескрайние, призрачные просторы, но не увидел поначалу ничего — не сразу нужный объект попал в поле моего зрения.

За плотными завесами разросшихся водорослей… за странными, мелко дрожащими глыбами, напоминавшими непомерно огромные напластования студня, в безнадежной своей заброшенности дрейфующие по поверхности моря… там, где и быть не могло быть никакой жизни… свет! Еле заметный огонек! Несколько секунд я смотрел на него неотрывно, во все глаза. Не сразу до меня дошло, что источник света находится на борту застрявшего среди водорослей старого судна — того самого потерпевшего крушение парусника, на чей корпус я с такой грустью взирал всего несколько часов назад и об ужасной судьбе чьей команды размышлял с жалостью и печалью. А теперь — вот так чудо! — в иллюминаторе одной из кормовых кают (так мне, во всяком случае, казалось, хотя обманчиво яркий лунный свет не позволял разглядеть во мраке даже очертаний

корабля) горит свет. Зажженный человеческой рукой — в этом нет сомнений!

С той самой минуты и до наступления утра никто из нас не смог сомкнуть глаз. Кроме того, мы еще сильнее развели костер и расселись вокруг него, чувствуя сильное нервное возбуждение, словно в предвестии какого-то чуда. При этом мы то и дело вскакивали, чтобы посмотреть, горит ли еще этот свет или уже погас. Примерно через час с того момента, как я впервые его увидел, свет пропал, но это еще больше подтверждало тот факт, что такие же жертвы морской стихии, как и мы, находятся всего в полумиле от места нашей стоянки.

А потом наконец-то наступил день.

Глава 11
Сигналы с корабля

Когда уже стало совсем светло, мы все как один вышли на самый край подветренной стороны холма, чтобы посмотреть на застрявшее судно. Теперь мы имели все основания перестать считать его брошенным. Несмотря на то что мы больше двух часов таращились, глаз от него не отводя, мы не заметили на палубе никаких признаков жизни. Если подумать, ничего странного — особенно если учесть то, что судно закрыто от наших глаз массивной надстройкой. После столь долгого плавания и опасных приключений в безымянных землях нам невероятно сильно хотелось связаться с собратьями по несчастью — и терпения в этом вопросе нам явно не хватало. Оставалось уповать на то, что пребывающие на борту гнилого корыта люди соизволят напомнить еще раз о своем существовании.

В конце концов бездействие показалось чем-то сродни преступлению, и мы решили докричаться до судна.

— На счет «три» голосим что есть мочи! — рас-

порядился боцман.

Мы надеялись на то, что громкое слаженное звучание хора из нескольких голосов вернее «достанет» до корабля. Однако же, сколько бы мы ни старались, никакого ответа не приходило — вопреки тому, что так громко никто из нас не кричал никогда в жизни. Когда наш ор стал отдаваться болезненным звоном в собственных ушах, мы решили это гиблое дело прекратить и попытаться придумать другой способ поставить в известность о своем присутствии тех, кто пребывал сейчас на этой развалине.

Мы обсуждали варианты — один предлагал одно, другой другое, — но едва ли хоть один из них выглядел толковым.

— Погодите-ка! — Юнга Джордж хлопнул себя по прыщавому лбу и побледнел. — Вы мне вот что скажите… Почему, увидев огонь, разведенный нами в долине, люди с корабля не поняли, что кто-то есть на острове?

— Потому что если бы они это поняли, то вполне резонно было бы предположить, что они наверняка постарались бы установить постоянное наблюдение за островом вплоть до того, пока не смогут привлечь наше внимание, — подхватил его мысль Ремус. — Но этого нет!

— Да и сомнительно уже то, что они не стали разводить огонь в ответ — и не вывесили на надстройку флаг, чтобы мы уж точно подметили изменения, — включился я в разговор.

Энтузиазм сразу завял. По сумме слагаемых выходило, что свет, виденный прошедшей ночью, — дело случайное, не имеющее целью обратить чье-либо внимание на себя.

Немного времени спустя мы пошли завтракать, причем ели с большим удовольствием. После целой ночи без сна наш аппетит значительно улучшился. Тем не менее, как бы нам ни хотелось есть, мы никак не могли забыть о таинственном корабле-одиночке; поэтому я сильно сомневаюсь, чтобы кто-то из наших ребят в ту пору сильно беспокоился о том, какой пищей набить урчащее брюхо.

— На этом корабле, может, вообще нет людей, — заметил один матрос, обгладывая кость рыбы.

— Да, или это демоны выбрались из водорослей и хозяйничают там теперь! Нечего и соваться на то судно, братцы! — Малодушный юнга Джордж, как всегда, предполагал самое худшее. От его слов всем вдруг стало как-то не по себе — повисло гнетущее молчание.

Но даже версия Джорджа, в конце концов, не

охладила наших надежд на спасение. Да, страхов прибавилось, конечно — этого добра в нашей насущной жизни и так скопилось хоть отбавляй. Послушав наши пересуды со стороны, боцман презрительно сплюнул.

— А вы не подумали, что люди на этом судне могли сами испугаться огромного пожара, полыхавшего в долине? — спросил он. — Вы бы сами приняли его за указание на то, что на острове появились товарищи по несчастью? Никто точно не знает, — продолжал он, — какие мерзкие твари и демоны населяют эти сорные поля. Мы здесь недавно — и всякого успели навидаться; насколько же больше нашего должны знать те, кто много лет прожили, будучи осажденными этими отродьями со всех сторон! Думаю, опрометчиво думать так, как малыш Джордж. Тамошние люди прекрасно о нас осведомлены — просто решили не раскрываться до тех пор, пока сами не увидят, что от нас нет угрозы. Ждем, ребята! Нужно ждать, пока они сами не захотят проявить себя как-нибудь посмелее.

Речь боцмана привела нас в чувство, и все разом повеселели. Все-таки этот человек умел убеждать. Однако очень многое еще оставалось загадкой, и это тревожило всю команду — напри-

мер, почему днем нет дыма над камбузом? Не могут же они там вовсе не готовить!

— Наш лагерь прежде стоял в таком месте, откуда ничего не видно, кроме этих зарослей водяной травы — поди за ними разгляди хоть что-то, — резонно заметил на это боцман. — Да и потом, вы что, все время смотрели на этот корабль? Заходя на тот край острова, мы обычно занимались строго локальными задачами. Не до корабля было…

— К тому же, — включился я, — вплоть до последнего дня мы всего-то один раз сходили на гору! Даже теперь, с места нашей стоянки, корабль не видно целиком, а для того, чтобы его увидеть, нужно подойти как можно ближе к краю с подветренной стороны на вершине холма!

На это боцман лишь одобряюще кивнул.

Закончив завтрак, мы всей гурьбой пошли смотреть: не появилось ли каких-нибудь признаков жизни на старой развалине? Целый час мы проторчали на утесе, но ничего так и не высмотрели. Терять понапрасну время было глупо, и боцман решил поставить одного дозорного, приказав ему занять такую позицию, чтобы его легко могли заметить с судна, а всех остальных повел за собой на помощь в починке шлюпки. От-

туда, в течение всего дня, он посылал ребят нести вахту на горе, по очереди, и велел им махать, если вдруг что-нибудь увидят. Назначив дежурных, он заставил всех нас работать так, что и головы было некогда поднять. Кому-то он велел натаскать водорослей, чтобы поддерживать костер, запаленный близ лодки; одного из парней поставил на подхват, чтобы тот либо поворачивал доску в процессе починки, либо придерживал ее, если требуется. Еще двое отправились через весь остров к останкам мачты — снять с нее стальные вант-путенсы[44], сработанные из железных прутьев (что само по себе редкость). Когда их принесли, мне велено было накалить их на огне, а потом колоть точно по одному концу. Когда я хорошенько проковал эти штуковины и придал им нужную форму, боцман поручил мне прожечь дыры в киле нашей шлюпки — в специально отмеченных им местах. Это требовалось для того, чтобы вставить туда нагели, с чьей помощью боцман намеревался закрепить починенную доску.

---

[44] Примечания: 44

Вант-пу́тенсы (нидерл. wantputting) — металлические полосы, стержни или цепи, проходящие снаружи борта парусного судна и прочно скрепленные с набором и обшивкой. К верхним концам вант-путенсов крепят талрепы или нижние юферсы вант и стень-фордунов. На шлюпках вант-путенсами называют фасонные обушки или планки с проушинами, служащие для обтяжки вант. Вант-путенсы шлюпки располагают по бортам симметрично, крепят к планширю шлюпки.

Сам он все продолжал ровнять доску и корпел над ней до тех пор, пока она не стала во всем соответствовать его требованиям. Все это время он звал то одного из наших ребят, то другого и давал им разные поручения. Наблюдая за тем, как он со всем справляется, я понял, что кроме починки лодки и приведения ее в мореходное состояние он хотел сделать так, чтобы все трудились на общее благо. Наши ребята были настолько заняты мыслями о возможных собратьях по несчастью, что ему трудно было удержать их в подчинении.

Если посмотреть на то, как он себя вел, нельзя было сказать, что его меньше нашего беспокоит этот корабль. Я заметил, что он то и дело посматривает на вершину дальнего холма — видимо, в ожидании вестей от нашего дозорного. Так прошло все утро, но никаких сигналов наш дозорный так и не подал. Выходит, что люди на корабле пока не решаются себя раскрыть. Еще немного поработав, мы отправились обедать. Во время обеда, как того и следовало ожидать, у нас опять состоялся разговор о странном поведении людей на борту заброшенного судна. Тем не менее никто не смог дать более разумного объяснения, чем до этого — боцман, и мы решили, что он все-таки правее всех.

Мы устроились в сторонке, немного отдохнули, покурили, так как боцман наш не был тираном, а потом по его приказу поднялись и уже собирались опять спуститься к морю, на пляж. Вдруг, именно в этот момент, юнга Джордж решил специально сбегать на край холма, чтобы взглянуть на старый корабль перед тем, как идти вниз. Добежав до края, он обернулся и стал кричать нам, что часть огромной надстройки над кормовой частью судна куда-то делась — или, может быть, ее убрали — и на палубу вышел какой-то человек; очень похоже на то, что он смотрит в подзорную трубу на остров. Радость, обуявшую нас после его слов, невозможно передать словами. Мы со всех ног бросились к нему, не в силах поверить в то, что это правда; смотрим — да, действительно, так и есть! Человека мы видели очень хорошо, только он казался нам очень маленьким — уж очень большое расстояние нас разделяло. Мы сразу поняли и то, что он тоже видит нас, потому что он начал махать чем-то — по-моему, той самой подзорной трубой, — причем махать наидичайшим образом и даже при этом как-то подпрыгивать: вверх-вниз, вверх-вниз. Кроме того, я неожиданно поймал себя на том, что кричу вместе со всеми как сумасшедший, размахиваю

руками и ношусь туда-сюда по вершине холма. Лишь немного придя в себя, я заметил, что наблюдатель с подзорной трубой куда-то исчез, но ненадолго. Вскоре он вернулся, а с ним за компанию — еще человек десять; мне показалось, что среди них есть и женщины, да вот только с такого расстояния точно не определишь. Тут уже все они, увидев нас на гребне холма — где мы, должно быть, отчетливо выделялись на фоне неба, — сразу же начали весьма активно махать нам; и мы, отвечая таким же образом, до хрипоты кричали тщетные приветствия. Правда, мы быстро утомились — да и подобный способ показать свою радость перестал нам нравиться. Тогда один из наших ребят придумал следующее: притащил здоровенный прямоугольный кусок парусины, стал махать им; тот развевался на ветру, словно флаг. Второй последовал его примеру, а третий свернул из парусины некий аналог рупора и попытался докричаться через него до судна — хотя сомневаюсь, чтобы этакая кустарная штуковина сильно ему в этом помогла. Что до меня, то я схватил валявшийся подле костра обрубок тростниковой жерди и принялся им жонглировать, устроив целое представление. Мы проделали много разных глупостей, показывающих нашу

искреннюю радость от встречи с людьми в этом унылом краю — с людьми, точно так же отрезанными от мира, долгое время ютившимися на дряхлеющем среди водорослей судне.

И вдруг нас всех осенило: они-то застряли среди водорослей, а мы сидим на вершине холма и не знаем, как соединить две эти крайние точки мостом. Крепко мы призадумались над этим — что нужно сделать для того, чтобы спасти людей с той старой посудины? Увы, мы, похоже, не могли предложить ничего такого, что реально было бы осуществить; правда, Ремус вспомнил, что однажды был свидетелем того, как на судно, потерявшее ход недалеко от берега, забрасывали канат с помощью пушки. Это ничего нам не давало, ибо пушки у нас не было. На это Ремус возразил, что пушка может оказаться на корабле и тогда канат могут перебросить к нам оттуда. Мы задумались: ежели дело верное, проблема связи могла быть решена. Нам, однако, никак не удавалось придумать, как убедиться в наличии пушки на корабле — и как объяснить наш план находящимся там людям. Тут нам на помощь пришел боцман. Он велел одному матросу взять несколько стволов тростника и обжечь на огне их концы; пока тот работал, боцман расстелил на

скале кусок запасной парусины. Когда все было готово, он приказал подать ему один ствол; обугленным его концом боцман записал на парусине наш вопрос, требуя по мере надобности принести еще угля. Закончив, он велел двум матросам взять парусину за концы и растянуть так, чтобы на корабле увидели и прочли наше послание. Когда все было готово, несколько человек на паруснике спустились в трюм, но вскоре вернулись с куском парусины, на котором крупными буквами было начертано только одно слово: «НЕТ». После такого ответа нам снова пришлось голову ломать над тем, как их вызволить с этой плавучей тюрьмы. Внезапно мы осознали, что наше общее горячее желание покинуть этот остров отошло на второй план — теперь у нас появилось стремление во чтобы то ни стало спасти людей с ветхого судна. И действительно, если бы мы не думали об этом, нас стоило бы считать последними негодяями! Впрочем, с уверенностью могу сказать: ничто нас в тот момент не заботило, кроме спасения тех, кто сейчас с надеждой в глазах смотрел на нас с корабля, застрявшего в водорослях. Мы думали лишь только о том, как снова вернуть их миру, коему они за столь долгое время сделались совсем чужими.

И мы продолжали размышлять над тем, как лучше добраться до корабля, стоя на краю утеса. Мы спорили и строили самые фантастические планы, то и дело оборачиваясь, чтобы помахать рукой тем, кто с волнением следил за нами; прошло, однако, много времени, а мы так и не придумали способа спасти людей оттуда. Тут мне в голову пришла одна мысль — полагаю, навеянная упоминанием о метании каната на корабль при помощи мортиры; я вспомнил о том, что давным-давно читал книгу о прекрасной девушке, чей любовник помог ей сбежать из заточения в башне при помощи похожего хитроумного изобретения. Только там вместо мортиры он использовал арбалет, а вместо каната — веревку. Его возлюбленная поймала один конец веревки, а к другому концу ее любовник привязал канат, и она затащила его к себе в окно.

Я решил, что можно будет заменить пушку на арбалет — если только мы сможем найти подходящий материал для постройки такого орудия. Держа свой план в голове, я взял один из длинных стеблей тростника и оценил упругость — очень даже неплохую, как выяснилось. Принимая во внимание удивительный рост того растения, поминаемого мной прежде как «тростник, внешне

похожий на бамбук», стоит отметить, что на самом деле все сходство ограничивалось внешним, а вот по свойствам растение сильно от бамбука отличалось. Оно было плотнее и жестче! Испытав его на гибкость, я пошел к палатке и отрезал себе кусок прочной лески, найденной среди наших инструментов и утвари. Ее я привязал к концам стебля тростника — и получил самый настоящий лук. Найдя очень молодой и гибкий стебель того же тростника, лежавший в охапке вместе с остальными, я смастерил из него стрелу: оперением послужили широкие и жесткие листья растения, произраставшего неподалеку. Вооруженный таким образом, я вернулся к своим товарищам, все еще совещавшимся на краю утеса; увидев в моих руках лук, они решили, что я задумал какую-то шутку. Терпеливо объяснив им свой замысел, я навлек на себя лишь всеобщий скептицизм: ну разве можно чем-то, кроме порохового выстрела, забросить тяжелый канат на дальнее расстояние? Часть матросов предлагала взять шлюпку — само собой, когда с ее ремонтом будет закончено, — и попытаться пробиться к судну сквозь плотный ковер водорослей (возможно, прорубив в нем узкий водоходный канал). В ответ на эти высказанные с изрядной горяч-

ностью предложения боцман только покачал головой и напомнил о гигантских каракатицах, крабах и других, еще более страшных тварях, таящихся среди водорослей и тины.

— Моряки на том корабле давно бы организовали такой канал, будь это возможно, — многозначительно произнес он, вмиг охладив неразумный пыл матросов и погрузив их в пристыженное молчание.

И только боцман это сказал, как мы получили подтверждение его слов. Вдруг один из матросов закричал, призывая нас посмотреть на корабль. Мы все враз обернулись и увидели суетящихся на открытой площадке людей. Они носились по палубе как угорелые, и кто-то из их числа пытался закрыть задвижку, преграждающую любой доступ водорослей, а вместе с ним — и обзор. Немного присмотревшись, мы сразу поняли причину их волнения. Рядом с форштевнем[45] вода взбурлила, и через мгновение гигантские щупальца воспрянули прямо из водоворота, метя присосками в палубную надстройку. Но «защитный экран» уже встал на место, и людям на борту ничего не угрожало. Ребята, стоявшие рядом со

[45] Примечания: 45

Форштевень — носовая оконечность судна, являющаяся продолжением киля.

мной — особенно Джордж и те, кто предлагал плыть к судну на лодке, — при виде огромных щупалец завопили от ужаса. Стало ясно как день: вздумай мы прибегнуть к этому способу, люди на судне были бы *обречены* на погибель.

Сообразив, что сейчас самое время опять напомнить о своей идее, я начал излагать свой план повторно — надеясь, главным образом, на внимание боцмана. Я рассказал о том, что читал, как уже в древние времена люди делали мощные орудия, способные метать камни весом с двух взрослых мужчин на расстояние, превышающее четверть мили. Более того, им, древним, вполне давалась постройка внушительных аркбаллист[46], запускавших не просто стрелы, а массивные стальные гарпуны на гораздо бóльшие расстояния.

— Сомневаюсь, что при наших-то ресурсах мы сумеем построить подобное оружие, — мягко заметил боцман.

— Это не так уж и сложно! — горячо возразил я. — Для меня это не составит труда — у меня в голове прочно засел чертеж одной такой мета-

[46] Примечания: 46

Аркбалли́ста — средневековая двухплечевая деформационно-тенсионная метательная машина, большой станковый арбалет на колесном лафете. Приспособлена для стрельбы как стрелами, так и каменными или свинцовыми снарядами.

тельной машины. Все ресурсы можно найти на острове! — Кроме того я упомянул, что, во-первых, на нашей стороне ветер, а во-вторых, мы находимся на довольно значительной высоте, что позволит стреле пролететь намного дальше, прежде чем она упадет в воду (или, в нашем случае, в сонм водорослей).

Я решил показать боцману, на что я способен, подошел к самому краю холма, вставил стрелу в тетиву, натянул лук и выстрелил. Принимая во внимание отправную высоту, моя стрела, подхваченная ветром, справилась неплохо — преодолела расстояние, приблизительно равное *двум сотням ярдов*, то есть около четверти всего расстояния до старой развалины.

И боцман, впечатленный, решил меня поддержать. При этом, как он заметил, стрела пролетела бы гораздо меньше, если бы к ней была привязана веревка, с чем я был вынужден согласиться.

— Но мой демонстрационный лук слишком мал, — напомнил я. — Из него так далеко не выстрелишь — да и я не лучник! Обещаю: если мне удастся сделать такой арбалет, как я хочу, то стрела долетит как раз до корабля… Но это возможно при одном условии: вы мне поможете и вдохновите всю команду работать сплоченно!

О своей идее я говорил с видом великого знатока, так что моя вера в себя и свои знания вызвала среди ребят неслабый ажиотаж. Во всяком случае, в тот момент я был убежден в том, что у меня все получится, и сгорал от нетерпения проверить задумку на практике. Вот почему после длительного обсуждения за ужином было принято решение разрешить мне заняться изготовлением метательного орудия.

Глава 12
Изготовление гигантского арбалета

Наша четвертая ночь на острове прошла спокойно; впервые никто не потревожил наш покой. На корабле, завязшем в водорослях, снова зажигали свет — но теперь, когда мы хоть немного познакомились с его обитателями, это было уже не столько поводом для волнения, сколько для созерцания. Что касается долины, где мерзкие твари положили конец Иову, то она была очень тихой и пустынной при лунном свете, и ни одна тень не шевельнулась там. В этом я имел возможность убедиться своими глазами, ибо еще с вечера решил в свою вахту чаще поглядывать в ту сторону. Выжженная твердь не только приобрела вид необитаемой, но еще и несоразмерно унылой, гнетущей; ее длительное созерцание сулило боль глазам, а долгие думы о ней умертвляли разум, так что я старался почаще отвлекаться и подолгу не думать о ней. В конце концов, здесь, на вершине утеса, мы могли не опасаться вероломной атаки морских тварей — пожар в грибном лесу сильно испугал их и заставил держаться от

нас подальше. Правда, насколько на самом деле ошибочной была эта мысль, я узнал позже.

Должен признаться, что, пока я стоял на вахте, мысли мои были заняты не столько долиной или продолжавшим мерцать на судне, за завесами водорослей, огнем, сколько моим планом постройки гигантского арбалета; всевозможным его деталям я уделил столько внимания, что к моменту, когда меня пришли сменять, уже твердо знал, как действовать и с чего начать завтрашним утром.

Назавтра, сразу же после завтрака, мы приступили к работе над метательной машиной. Я излагал последовательность действий, а боцман командовал матросами. Согласно моему плану, в первую очередь следовало поднять на утес пятнадцатифутовую половинку стеньги — другая половина, как я уже рассказывал, пошла на батенс для ремонта шлюпки.

Для этого мы все спустились на пляж, где лежали обломки мачты, и, взяв нужный нам кусок, сволокли к подножию утеса. Затем послали наверх одного из матросов, и он спустил канат, с чьей помощью во время шторма мы крепили

плавучий якорь[47]; крепко связав конец каната и стеньгу, мы снова поднялись в лагерь и ценой многих усилий втащили груз наверх.

Прежде чем я мог действовать дальше, плоскую часть полукруглой заготовки нужно сделать прямой и ровной; за эту работу взялся боцман, уже поднаторевший в обработке древесины, а сам я с несколькими матросами спустился к тростниковой роще, где с великим тщанием выбрал самые прочные стволы для плеч гигантского лука; затем отыскал несколько прямых и тонких тростин под изготовление стрел. Срубленные стволы мы отнесли в лагерь, где я очистил их от листьев, отложив последние в сторону, ибо и на них у меня имелись виды. С дюжину тростин я опилил до двадцатипятифутовой длины, выстругав на концах лунку под тетиву. Двух человек я еще раньше послал на пляж, чтобы они срезали с мачты пеньковые ванты[48]. После того как они вернулись на наш бивак, я дал им другое задание

---

[47] Примечания: 47

Плавучий якорь позволяет удерживать в правильном положении малогабаритное судно, надувную лодку или парусную яхту при дрейфе или стоянке. Он имеет форму усеченного конуса и изготавливается из водонепроницаемого текстиля с несущим каркасом.

[48] Примечания: 48

Нижние (пенько́вые) ва́нты были на парусных кораблях самыми толстыми, их диаметр достигал 90-100 мм. Стень-ванты делали тоньше, а брам-стень-ванты еще тоньше. Выбленки были тоньше своих вант.

— распустить ванты на пряди, чтобы выделить тонкие белые нити, которые были хорошо протированы[49] и скрывались под слоем смолы и дегтя. Когда они до них добрались, оказалось, что эти нити хорошо сохранились и были очень прочными — а это нам и требовалось. Затем я велел ребятам сплести жгуты по три нити в каждом, собираясь сделать из них тетиву для луков.

Я сказал «луков», во множественном числе; думаю, мне следует здесь объясниться? Поначалу я хотел сделать один большой лук, чьи плечи состояли бы из связанных воедино нескольких стволов, но, поразмыслив, счел такую конструкцию не особо-то и удачной, ибо при выстреле значительная часть мощности лука расходовалась бы на взаимное смещение этих самых стволов. Чтобы избежать этого и заодно облегчить натягивание, я в конце концов решил сделать двенадцать отдельных луков. Их все я собирался прикрепить к концу ложи — один над другим, — так, чтобы все пребывали в одной плоскости. Такое расположение мне позволяло натягивать луки по очереди, зацепляя все их тетивы за стопорный крюк; а чтобы все двена-

[49] Примечания: 49

Тирова́ть (морск.) — мазать, покрывать тиром, смолой; смолить, осмаливать.

дцать сработали как один, я придумал связать их в том месте, куда приходится черенок стрелы. Задумку я объяснил боцману — он, как оказалось, тоже ломал голову над проблемой натяжки столь мощного лука перед выстрелом и комплектования всей крупной конструкции одной тетивой. Я разрешил обе проблемы разом — будто свалил двух зайцев за один ружейный выстрел.

Вскоре боцман подозвал меня — к тому времени он уже зачистил поверхность бревна и сделал ее в достаточной степени гладкой и ровной, то есть у него получилось настоящее ложе для стрелы. Мне было нужно, чтобы он вдобавок прожег на верхней поверхности ложа направляющий паз, проходящий от одного конца бревна до другого, прямо по центру. Я хотел, чтобы это было сделано с наибольшей точностью, поскольку главным образом от этого зависел верный полет стрелы. Затем я вернулся к своим делам — я пока еще не закончил делать зарубки для закрепления тетивы на луках. После того как я это сделал, я спросил у ребят про ванты. К тому времени они уже успели их расплести, а потом, с помощью одного из них, мне удалось поставить тетиву на один из луков. Проверили натяжение; тетива вышла очень упругая, из-за чего мне потребова-

лось приложить все свои силы для того, чтобы ее натянуть. Работу мы сделали на совесть!

Теперь настало время поручить ребятам заняться веревкой, которую мы собирались привязать к стреле. Я решил сделать ее также из белой пеньковой пряжи. С учетом ее легковесности достаточно было взять всего одну прядь из плетеного жгута — даже так она отличалась завидной прочностью и выдерживала сильное натяжение. Я велел напарникам по работе распутать плетеный жгут и связывать нити вместе за концы так, чтобы получить легкую и прочную веревку. Задачка не из тех, что запросто можно выполнить за считаные минуты — мне нужна была веревка длиной не менее полумили! В результате пришлось нам возиться с этим даже после того, как непосредственно арбалет был завершен.

Когда работа вовсю уже кипела, я занялся одной из стрел. Сейчас меня беспокоило одно: как сделать так, чтобы стрела обладала наибольшей ударной силой? Многое зависело от сбалансированности летящего снаряда. Вскоре мне удалось изготовить очень неплохую на вид стрелу. Выстругав ее ножом и оперив листьями, я вставил в ее пустотелый передний конец небольшой болт из запасов боцмана; по моим представлениям,

это стабилизировало бы стрелу в полете, однако проверить правильность выбора могла лишь практика. Я еще не успел закончить со стрелой, а боцман уже прожег паз и позвал меня, чтобы я полюбовался его работой. Я подошел к нему и убедился: сделано с поражающей точностью.

Я так подробно описывал, как мы строил наш гигантский арбалет, что забыл упомянуть о временных рамках — и о том, как люди с корабля снова махали нам руками, а мы отвечали на их сигналы и написали углем на парусине: «ЖДИТЕ!»; кроме того, несколько человек готовились к предстоящей ночи, собирая топливо для нашего костра.

Наступил вечер, но мы не прекращали работу; боцман велел разжечь второй костер рядом с первым, и при его ярком свете мы трудились еще довольно долго, не замечая бега времени, ибо занятие захватило нас с головой. Наконец боцман приказал нам заканчивать и садиться ужинать; после еды мы больше не работали, а отправились спать, так как все очень устали. У костра остались только назначенные после трапезы вахтенные.

Когда настал мой черед охранять лагерь, я успел проспать несколько часов и, несмотря на утомление прошедшего дня, чувствовал себя пре-

восходно. Как и в предыдущую ночь, я заполнял свое дежурство мыслями инженерного характера — и в итоге измыслил наилучший способ закрепить луки на ложе. Прежде я сомневался, не зная, какой вариант предпочесть; но если вырезать в торце ложи двенадцать горизонтальных борозд, уложить в них средние части луков (одну над другой), а потом привязать их к болтам или гвоздям, забитым с обеих сторон в боковые поверхности колоды — это ли не оптимальное решение? Надежно, не особо трудоемко — то есть в нынешних обстоятельствах то, что доктор прописал!

Хоть я и подолгу раздумывал над устройством моего чудо-оружия, не стоит из-за этого подозревать во мне недобросовестного часового. Напротив, я обходил место, где стоял наш бивак, дотошно — на случай непредвиденных обстоятельств держа наготове тесак. Но мое дежурство прошло в целом спокойно, если не считать одной странности, немножко встревожившей меня. Дело было так: когда я приблизился к нависавшему над долиной краю утеса, мне вдруг пришло в голову посмотреть вниз. Луна по-прежнему светила очень ярко, и в ее холодных лучах долина меж скал выглядела совершенно безжизненной; но в какой-то момент мне показалось, что среди

сморщенных, почерневших, но не сгоревших до конца грибов, одиноко торчавших у провала почти в самом ее центре, я различаю какое-то тайное движение. Причем я ни в коей мере не мог быть уверен в том, что увиденное мною не игра воображения, распалившегося при виде долины, исподволь вызывающей суеверный страх; более того, меня скорее всего вводила в заблуждение та иллюзорность, каковую придавал таинственному пейзажу лунный свет. Все же мне хотелось быть уверенным до конца, что с той стороны нам не грозит никакая опасность; поэтому я отступил на несколько шагов и, отыскав на земле подходящего размера камень, с разбега метнул его в долину — примерно в то место, где, как мне почудилось, что-то промелькнуло пару секунд назад. Почти тотчас некая тварь юркнула в густую тень под грибами; еще мгновение спустя что-то шевельнулось чуть правее, но, уставившись в ту сторону, я ничего не различил. Снова обратив взгляд на то место, куда угодил мой снаряд, я заметил, что вода в лежащем поблизости центральном пруду рябит и волнуется. И снова я колебался, не зная, как поступить, ибо, пока я, напрягая зрение, следил за озером, вода в нем совершенно успокоилась, и только покрывавшая

берега слизь тускло поблескивала. После этого я довольно долгое время следил за долиной весьма пристально, но так и не увидел ничего, что могло бы возбудить во мне новые подозрения. Наконец я прекратил слежку, опасаясь, что расходившаяся фантазия может сыграть со мной дурную шутку, и отошел к краю утеса, обращенному к просторам плавучего континента.

Сразу же после того, как меня сменили, я пошел спать — и продрых до самого утра. Ни свет ни заря мы постарались как можно быстрее справиться со своим завтраком, потому что все сгорали от нетерпения увидеть готовый арбалет, и принялись за работу; при этом каждый выполнял то, что ему было поручено. Мы с боцманом занялись прожиганием пазов для размещения луков на торце здоровенного бревна. Эту работу мы выполняли с помощью железного вант-путенса: сначала мы его раскалили по центру, а затем каждый взял его со своего конца, обернув парусом, чтобы не обжечься, и приложил его нужное количество раз к заранее нанесенным меткам. Эта работа заняла, считай, все утро, потому что гнезда нам требовались глубокие. К тому времени ребята распутали почти всю плетенку, расходуемую на тетиву для луков; те же, кто

занимался канатом, требующим закрепления к стреле, к тому времени успели сделать чуть более половины. Я отозвал Джорджа, занимавшегося тетивой, и направил его в помощники к тем, кто вязал веревку.

После обеда мы с боцманом вставляли луки в гнезда, и с этой работой мы успешно справились. Затем мы закрепили их при помощи двадцати четырех нагелей, по двенадцать — с каждой стороны. Нагели мы вогнали глубоко в дерево, отступив на двенадцать дюймов от края бревна. Закончив с этим, мы принялись сгибать луки и натягивать на них тетиву, уделяя большое внимание тому, чтобы каждый следующий лук имел точно такой же сгиб, как и тот, что был под ним, поэтому начали с самого нижнего. Еще до заката мы успели одолеть и эту часть нашей работы.

Два костра, разожженных вчера вечером, сильно истощили наши запасы топлива, и боцман счел необходимым сделать в работе небольшой перерыв. Мы спустились на пляж, чтобы набрать сухих водорослей и нарубить тростника. Собранного материала для растопки оказалось так много, что пришлось поднимать его наверх в несколько подходов; только когда над островом уже сгущались сумерки, мы переправили все.

Как и накануне, мы развели второй костер и, поужинав, снова взялись за дело; на сей раз все матросы трудились над тонким линем, и только мы с боцманом решили изготовить еще по одной стреле — мне казалось, что нам придется сделать один-два пробных выстрела, прежде чем мы сумеем точно нацелить нашу метательную машину на корабль.

Было, наверное, около девяти вечера, когда боцман приказал нам отложить работу и отправляться спать; как всегда, он распределил вахты, после чего свободные от дежурства матросы скрылись в палатке, служившей нам надежным укрытием от сильного и холодного ночного ветра.

В эту ночь, когда настал мой черед заступать на вахту, я сразу же наказал себе почаще заглядывать в долину. В течение получаса я несколько раз подходил к краю утеса, но в глаза мне не бросилось ничего такого, что убедило бы меня в реальности угрозы минувшей ночи. В большей степени я склонялся к мысли, что ужасные дьявольские твари, погубившие Иова, нас больше не побеспокоят.

Должен, однако, признаться, что во время своей вахты я все же видел одну странную вещь, но не

в долине, а в полосе чистой воды, отделявшей берег острова от края плавучего континента. Когда я заступил на оконечность утеса и посмотрел вниз, мне показалось, будто я вижу стаю каких-то крупных рыб, стремительно двигавшихся от нашего острова к границе водорослей… но не по кратчайшему пути, а как бы по диагонали. Необычным мне сказалось то, что они плыли вереницей, строго одна за другой, стараясь не отклоняться от правильной линии. При этом они не выпрыгивали из воды, как это делают белухи или гринды[50]. Однако, не следует думать, будто я встревожился при виде зрелища — мне просто хотелось понять, что за вид плескается там, в мутной водице. Сначала мне даже показалось, что у каждой из рыб по паре хвостов; присмотревшись получше, я решил, что вижу что-то вроде щупалец, но иных подробностей так и не дознался.

На следующее утро мы торопливо проглотили завтрак и снова вернулись к работе, ибо каждый надеялся закончить строительство арбалета до

[50] Примечания: 50

Белу́хи — вид зубатых китов из семейства нарваловых. Гринды, или черные дельфины (лат. Globicephala), — род млекопитающих из семейства дельфиновых, содержащий два вида: обыкновенная гринда (Globicephala melas) и коротко-плавниковая гринда (Globicephala macrorhynchus). Само название «гринда» происходит из фарерского языка.

обеда. У боцмана ушло совсем немного времени на доделку порученной ему стрелы; вскорости готова была и моя. Призвав на помощь самых сильных матросов, я, выбрав для установки орудия самый ровный каменистый участок на вершине холма, откуда открывался вид на водоросли, натаскал камней, и из них мы сложили основание. Мы водрузили орудие на камни. Я отправил матросов довязывать веревку, а сам решили правильно нацелить огромное орудие. После того как мы с боцманом навели его на старую посудину, я убедился в точности прицела, взглянув одним глазком вдоль выжженной в ложе борозды-направляющей. Потом мы занялись стопорным крюком и спуском. Первый представлял собой простой горизонтальный пропил в ложе, служащий для зацепления всех тетив по мере натяжения луков, второй — обрезок доски, свободно поворачивающийся на вбитом в ложу сбоку крепком нагеле аккурат под пропилом. Чтобы выстрелить из лука, достаточно было нажать на этот импровизированный рычаг; при этом доска поворачивалась на гвозде, ее конец поднимался вверх и выталкивал тетивы из пропила.

Мы стали поочередно натягивать луки, двигаясь снизу вверх, покуда все не оказались в

боевом положении. После этого мы с большой осторожностью положили стрелу в паз на ложе. Я взял кусок обмоточной пряжи и связал тетивы всех двенадцати луков с каждой стороны зацепа — твердо зная, что все они сойдут единовременно, в унисон, и будут дружно толкать хвостовик стрелы. Все было готово для первого пробного выстрела; я поставил ногу на рычаг, сказал боцману, чтобы тот следил внимательно за полетом стрелы, и выстрелил.

Спущенная тетива оглушительно зазвенела; массивная ложа вздыбилась на подставке из камней, и наш снаряд, заложив высокую дугу, понесся вдаль. Легко представить, с каким живейшим интересом, с каким замиранием сердца следили мы за его полетом! Уже через минуту стало ясно, что мы слишком сильно забрали вправо — стрела вонзилась в водоросли прямо по носу корабля, но зато далеко за ним! Увидев это, я готов был лопнуть от радости и гордости; матросы, пришедшие следить за испытаниями, приветствовали успех громкими криками. Сам боцман, улыбаясь, крепко хлопнул меня ладонью по плечу в знак преклонения перед чудесами инженерии.

В эти минуты — минуты триумфа! — казалось,

что теперь-то дело за малым: требуется только поправить прицел, и через день, самое большее — два, узники судна будут спасены. Доставив на судно конец линя, мы сумеем протянуть между берегом и кораблем еще один трос потолще, а уже с его помощью — пробросить еще и крепкий судовой канат. После всех этих основательных приготовлений люди с корабля переправятся на остров при помощи простейшего блок-механизма и люльки, транспортируемой по веревочной привязи вперед и назад по несущему канату.

Убедившись, что выстрел из арбалета достает до корабля, мы поспешили зарядить вторую стрелу. В то же время мы сказали ребятам, вязавшим веревку, снова приступать к работе, ибо совсем скоро она нам понадобится. Чуть поправив орудие и нацелив его левее, я убрал крепежные завязки с тетивы, так что теперь можно было натягивать каждый лук по отдельности, после чего мы снова зарядили аркбаллисту. Убедившись, что стрела улеглась точно в паз, я опять связал тетиву крепежными завязками по обеим сторонам зацепа и сразу же выстрелил. На этот раз, к моей превеликой радости, стрела прошла прямехонько над кораблем, едва не задев надстройку, и куда-то упала за него. После столь удачного выстрела я

просто сгорал от нетерпения как можно быстрей закинуть веревку на старую посудину. Увы, вязальщики еще не закончили — они соединили всего четыреста пятьдесят морских саженей; боцман произвел замеры, зажимая один конец и разводя руки вдоль груди в разные стороны. Как бы мы ни старались, пришлось сначала идти обедать. Затем мы все дружно «навалились» на веревку и примерно уже через час навязали ровно столько, сколько нужно. Предварительно я прикинул на глаз и решил, что будет весьма неразумно с нашей стороны стрелять, имея в запасе веревку протяженностью менее пяти сотен морских саженей.

Боцман приказал одному из матросов уложить наше «плетение» аккуратной бухтой подле метательной машины. Встав рядом, он внимательно осматривал укладываемый трос, изучая соединения и стыки. Ему все понравилось; я привязал трос к стреле, а стрелу закинул в баллисту. Вскоре все было готово к новому выстрелу.

Я не упомянул, что на протяжении всего утра с борта корабля за нами наблюдал в подзорную трубу один из далеких моряков — очевидно, из страха перед морскими тварями стоявший так, что его голова едва-едва возвышалась над краем

надстройки. Проследив за пробными выстрелами, он легко догадался о наших намерениях, ибо сразу понял боцмана, когда тот знаком дал ему понять, что сейчас будет произведен третий выстрел. Махнув своей трубой в ответ, он исчез из вида. Предварительно обернувшись, чтобы убедиться, что трос не запутался и никто на нем не стоит, я с тяжело бьющимся от волнения сердцем нажал на спусковой рычаг.

Снова зазвенела тетива, Стрела метнулась вперед, но из-за веса веревки она летела не так шустро, как в предыдущие разы. Пару секунд спустя она воткнулась в водоросли, не долетев до корабля почти две сотни ярдов, и я чуть не взвыл от досады.

Сразу после моего неудачного выстрела боцман велел ребятам тянуть веревку на берег, но только тянуть осторожно — так, чтобы она не порвалась, если стрела где-нибудь зацепится за водоросли. Затем он подошел ко мне и сказал, что надобно изготовить стрелу потяжелей — вполне вероятно, из-за малого веса нынешней недолет и случился. И снова забрезжила надежда на то, что я сумею добиться цели; я сразу побежал мастерить новую стрелу, и сам боцман взялся за дело, только свою стрелу он решил сделать легче, чем та, что упала,

не долетев. Как он мне сказал, в том случае, если более тяжелая стрела не долетит, должна долететь более легкая; а если обе не долетят, значит, всю силу удара забирает на себя трос — в этом случае придется признать нашу затею провальной.

Двумя часами позже тяжелая стрела была готова; боцман закончил свою чуть раньше, и мы приготовились к очередной попытке перебросить наш снаряд через старую посудину. К этому времени матросы уже выволокли из воды трос и уложили его на камни аккуратными кольцами. Увы, и во второй раз нас ждало разочарование, причем недолет оказался таким существенным, что дело показалось мне совершенно безнадежным. Боцмана, однако, это не смутило, и он настоял на испытании еще и легкой стрелы. Результат вышел удручающим — до того, что я впал в амок и даже крикнул, чтобы боцман сломал бесполезную машину или вовсе спалил ее к чертям собачьим. Крайняя неудача уязвила меня столь глубоко, что я уже не мог ни подбирать нормальные слова и выражения, ни просто держать себя в руках.

Боцман, послушав, как я захлебываюсь проклятиями, предложил временно отложить все мысли о судне и плененных на нем моряках; также он

призвал позаботиться о насущном, а именно о топливе для костра, ибо подкрадывались сумерки и свет дня тихо угасал. Мы отправились вниз, все еще пребывая в расстроенных чувствах из-за того, что успех будто бы был так близок, но в последнее мгновение ускользнул, и теперь цель представлялась еще недостижимее, чем прежде.

Когда мы приволокли на утес несколько больших охапок сухих водорослей, боцман отправил Джорджа и Ремуса попытать счастья в рыбной ловле: пара рыбин к ужину нам бы не помешала. Когда рыболовы спустились вниз на нависшую над морем скалу, остальные расселись вокруг костра и снова заговорили о том, как лучше добраться до людей на судне. Поначалу высказывались предложения гротескные или, во всяком случае, осуществимые с трудом, но потом меня посетила вполне достойная, как мне казалось, идея, и я заявил:

— Братцы, а почему бы нам не сделать воздушный шар? Скажем, из того же равендука. Нагнетем в него горячий воздух, направим к кораблю — пусть он этот трос и тащит!

Какое-то время все ребята, сидевшие вокруг костра, молчали — идея сказалась новой, им нужно было ее хорошенько переварить. А потом, когда

они сообразили, о чем я толкую, встал резонный вопрос:

— А почему бы не попробовать смастерить воздушного змея?..

Услышав это, я был в прямом смысле слова *ошарашен* — таким простым и толковым казалось решение, до сих пор не приходившее никому из нас в голову! Ведь, действительно, что могло быть проще, чем отправить к ним один конец веревки по воздуху, привязанным к воздушному змею? Сделать его в наших условиях было далеко не непосильной задачей.

Таким образом, после долгого совещания было решено, что завтра утром мы займемся изготовлением воздушного змея и с помощью него попытаемся забросить трос на корабль. Эта цель выглядела абсолютно достижимой — уже хотя бы по той причине, что в сторону завязшего судна подолгу и без устали дул морской ветер.

Мы сготовили себе ужин из очень вкусной рыбы, которую наловили наши два рыбака, пока мы совещались. Затем боцман назначил дозорных, а все остальные пошли спать.

Глава 13
Жители царства водорослей

В ту ночь, когда я заступил на дежурство, на небе не было луны, и утопавшую во тьме верхушку холма освещал лишь свет костра. Это не могло стать для меня серьезным поводом для беспокойства, хотя бы по той причине, что после того, как мы сожгли гигантские грибы в долине, у всех прошло чувство нависшей опасности. Благодаря акту огненного мщения я даже избавился от навязчивого страха, не покидавшего меня со дня смерти Иова. Так что, не особо страшащийся чего-либо, я предпринял только самые базовые шаги к самозащите и развел большой костер. Затем, прихватив палаш, я стал обходить лагерь. У гребня скал, защищавших нас с трех сторон, я вставал, устремлял взор в темноту и прислушивался, хотя от последнего и было мало проку: постоянно ревущий в моих ушах ветер заглушал все и вся. Я ничего не увидел и не услышал, но меня обуяло странное беспокойство, заставившее несколько раз вернуться к гребню скалы. В очередной безрезультатный заход я поклялся

не давать фантазии спуску, не приближаться к гребню и держаться поближе к возвышенности над склоном, служившей нам изведанной и опробованной «лестницей» сюда.

Затем, когда минула, возможно, первая половина моего дежурства, из густых зарослей водорослей с наветренной стороны донесся звук, давящий мне на ухо, перерастающий в ужасный крик или вопль, а затем, угасая, превращающийся в странные рыдания вдалеке — и где-то там заглушаемый воем ветра. Услышав столь страшный сигнал, несущийся из этой мерзости запустения, я был, как можно догадаться, несколько потрясен. Явилась мысль, что этот пронзительный вопль доносится с судна в плену водорослей, и я, немедленно подбежав к гребню скалы, воззрился во мрак. Смотрю я, значит, и вижу: на корабле горит свет, но этот душераздирающий визг идет откуда-то из другого места, явно находящегося дальше старой посудины, и к тому же — правее. Кроме того, мои чутье и опыт свидетельствовали о том, что при столь сильном противном ветре слабые человеческие голоса ни в коем случае не смогли бы достичь утеса.

Какое-то время я стоял, мусоля нервные думы и вглядываясь в ночь, и вскоре заметил на го-

ризонте тусклый свет. Показался верхний край луны — весьма приятное зрелище. Свет позволял мне не будить почем зря боцмана и избежать конфуза в том случае, если никакая реальная опасность не заявит себя. Но пока я наблюдал за восходом ночного светила, вновь послышался напоминающий женские стенания звук. Он рос и крепчал, покуда не прорезал рев ветра с разящей ясностью. А затем, словно вторя самому себе, многажды отражаясь нескончаемым эхом, этот горестный, надрывный плач унесся куда-то — и стих. Мои уши больше не улавливали ничего странного, один только ветер свистел.

Я сфокусировал свой взгляд в том направлении, откуда исходил звук, а потом рванул к нашему биваку, будить боцмана. Я не знал, что сулит нам этот вой, а второе его появление помогло мне освободиться от всякой робости. Боцман тут же проснулся — только я собрался его тормошить, а он уже и сам вскочил на ноги. Схватив саблю, всегда лежащую где-то в близкой доступности, он выбежал из-под тента и проследовал за мной на вершину холма. Там я объяснил, что услышал очень страшный звук, доносившийся, казалось, из скоплений водорослей; когда он повторился, я решил позвать его, поскольку не знал, не

предвещает ли он приближение какой-нибудь опасности. Боцман похвалил меня за это решение, но также и побранил за то, что я не решился позвать его после первого же вопля. Вместе со мной он встал с наветренной стороны, ожидая и слушая, не повторится ли звук вновь.

Около часа мы очень тихо стояли там и слушали, но слышали одно лишь непрестанное завывание ветра. Несколько устав от ожидания — да и луна взошла уже высоко, — боцман кивком велел мне продолжить обход лагеря и пошел со мной. Вот тогда-то, повернувшись и случайно бросив взор вниз, на участок чистой воды, я был поражен, увидав внушительный косяк крупных рыбин, плывущих к острову из водорослевых скоплений. Они направлялись прямиком к берегу, и я подступил ближе к гребню, надеясь увидеть их вблизи суши — но все они будто куда-то исчезали, не одолевая ярдов тридцать до прибрежной линии. Изумленный обилием рыбы, ее странным поведением и тем, как косяк, не прерывая движение к острову, так и не достигал его, я окликнул боцмана, успевшего пройти несколько шагов вперед. Он подбежал ко мне и, наклонившись над обрывом, заглянул вниз, однако диковинное зрелище озадачило и

его, ибо он даже не пытался дать ему какое-то объяснение. Впрочем, вскоре он перестал на них смотреть и сказал:

— Хватит нам стоять, мало ли чего еще здесь можно увидеть! Лучше пойти проверить, как там наш бивак.

И мы отправились в обход вокруг вершины холма. Все то время, пока мы там стояли как завороженные, прислушиваясь к каждому шороху и наблюдая, костер тихо умирал. При этом, вопреки тому, что луна взошла высоко и светила ярко, темнота все еще каким-то чудом не дозволяла в подробностях рассмотреть лагерь. Понимая это, я подошел к костру, желая подбросить в него дров, и резко обернулся — мне показалось, будто я заметил в тени возле палатки какое-то копошение. Со всех ног я бросился туда, размахивая палашом и крича, но не нашел никого и поэтому, чувствуя себя немного глуповато, опять вернулся заниматься костром. Пока я возился с дровами, ко мне подбежал боцман и еще трое ребят, разбуженных моими воплями. Сказать мне им было нечего, кроме того, что мое воображение сыграло со мной дурную шутку. Двое отправились обратно под тент досыпать; третий же, здоровенный парень, получивший от боцмана абордажную

саблю, пошел с нами. Несмотря на то, что он все время молчал, мне показалось, что он начал догадываться о том, что мы с боцманом чем-то встревожены, а чем — не хотим ему говорить. При этом я, со своей стороны, не могу сказать, что его присутствие меня сильно тяготило.

Мы пошли на другую сторону холма, нависающую над долиной. Там я сразу поднялся на самый край, чтобы еще раз взглянуть на нее, ибо демонический ландшафт манил меня к себе, околдовывая своим жутким очарованием. Я посмотрел вниз и не поверил глазам! Как ужаленный, я тут же ринулся к боцману и начал дергать его за рукав, а тот молча взглянул на меня, увидел, что я невероятно взволнован, и сразу же пошел со мной узнать, что могло меня так сильно напугать. За все это время я тоже не произнес ни единого слова, от страха потеряв дар речи. Подойдя поближе, он посмотрел вниз и тотчас же отпрянул; затем опять украдкой взглянул, отступил немного назад, привстал на цыпочки, склонился вперед и начал ошалело таращиться во все глаза. Мы оба замерли как завороженные, видя перед собой до ужаса странную картину.

Вся долина под нами кишмя кишела отвратительными существами, казавшимися нам совсем

белыми в свете луны. Их движения чем-то напоминали движения огромных слизней, хотя своей формой они с ними имели мало общего, а больше походили на тела обнаженных людей, к тому же очень упитанных. Обманчиво медленно волочась на студенистых брюхах вперед, они каким-то образом умудрялись передвигаться до жути проворно. Высунувшись из-за широкой спины боцмана, я смог разглядеть, что эти люди-слизни лезут из котлована в самом центре долины. Сразу вспомнилась вереница странных рыб, плывших на моих глазах к острову, но потом, так и не добравшись до берега, исчезнувших. Тут я понял: проникают эти твари в подводную оконечность котлована по какому-то *естественному каналу,* причем разведанному ими *уже давно*.

У тварей было по две коротких и толстых руки; там, где у нормального человека были бы пальцы, у них «расцветали» пучки мелких клейких щупалец. Когда они ползли по дну долины, эти придатки пульсировали, толчками помогая им в движении. Их «ноги», если так можно назвать эти конечности, тоже в какой-то момент переходили в путаницу щупалец. Но существа были видны не столь хорошо, как может показаться из описания, так что я бы не стал ручаться за полную

достоверность описания.

Едва ли я сумею передать то необычайное отвращение, вызванное во мне видом этих людей-слизней! Неосуществимая задача! Будь я красноречивым мастером пера, уверен, любого читателя замутило бы от того же страха, что обрушился на меня в тот момент. Пока я смотрел, содрогаясь от омерзения и дурных предчувствий, на поползновения нечисти из моря, всего в одной сажени ниже моих ног — а может, и того ближе — показалось лицо, да такое, какое я даже в кошмаре не видел. Оно как две капли воды походило на то, что я видел ночью, когда мы дрейфовали у границы плавучего континента. Будь страх не столь силен, я бы, наверное, крикнул, но эти большие, размером с пятишиллинговую монету глаза, клюв (как у попугая, но загнутый кверху) и бочкообразное тулово, похожее на непомерный шмат ходящего ходуном холодца, лишили меня дара речи, страшно поразив. Пригнувшись, я беспомощно застыл на месте, а боцман, зычно выругавшись мне в ухо, полоснул эту нечисть абордажной саблей — отродье, как оказалось, на моих глазах преодолело целый ярд по пути наверх. Услышав брань боцмана, я внезапно пришел в себя и так энергично бросился вниз,

что едва не последовал за трупом рассеченной саблей твари: потеряв равновесие, я секунду-другую балансировал на краю вечности. Боцман схватил меня за пояс и отдернул от края, назад к безопасности. Переводя дух, я заметил, что уже почти весь утес облеплен морскими упырями — и, повернувшись к боцману, сообщил о масштабе угрозы. Но он уже и сам бежал от меня в сторону костра, крича людям в палатке, чтобы они, ежели жить охота, поспешили к нам на помощь. Несколько мгновений спустя он уже бежал назад с огромной охапкой сухих водорослей, а за ним спешил здоровяк-матрос с тлеющим пучком, взятым из костра, в руке. Пламя заполыхало — а моряки несли еще водоросли, ибо мы собрали немалый запас их на вершине холма, и за это теперь хвалили Всевышнего, научившего нас, неразумных, предусмотрительности. Не успели мы разжечь этот костер, как боцман велел запалить еще один — чуть дальше, вдоль края площадки. В ту же секунду я заметил какие-то движущиеся тени у обрыва, выходившего к морю, и, издав предостерегающий крик, бросился туда. В той стороне громоздилось несколько крупных валунов и обломков скал; их верхушки освещали луна и костер, но между ними залегали густые

тени. Подбежав к камням, я лицом к лицу столкнулся сразу с тремя чудовищами. Ныряя во мрак, лазутчики медленно, но неотвратимо ползли к биваку — а из-за обрыва уже маячили фигуры новых бестий того же вида.

Я громко закричал, моля Бога о помощи, и напал на этих трех, и, когда я уже собирался нанести удар, они привстали на своих странных конечностях и в ответ набросились на меня. Тут я понял, что они просто раздавят меня — смотрю, вот уже и их щупальца потянулись ко мне! Я начал неистово махать палашом, нанося по ним косые удары, при этом задыхаясь и разевая рот от нехватки воздуха. Внезапно я почувствовал приступ тошноты, мне стало до невыносимости дурно от нахлынувшей на меня волны омерзительной вони. Запах исходил от рассеченной плоти этих существ — это я уже хорошо знал. Вдруг что-то вцепилось в меня, что-то мерзкое и скользкое, и я увидел, как острый разинутый клюв вплотную приблизился к моему лицу. Тем не менее я нашел в себе силы нанести своим палашом удар снизу вверх, после чего тварь отцепилась от меня. Обессилев, я продолжал наносить рубящие удары, сам не свой от головокружения и тошноты. Вслед за этим я услышал топот ног

за моей спиной, а потом увидел яркую вспышку огня и услышал подбадривающие крики боцмана. Секунда — и этот безмерно бравый человек в компании здоровяка-матроса выступил вперед меня и швырнул в монстров горящие охапки водорослей, привязанные, чтобы не обжигаться, к тростниковым жердям. Атакующие отступили, с чавканьем сползая вниз по краю скалы.

Я пришел в себя и принялся стирать с себя слизь, оставленную лапой чудовища. Потом я бегал от костра к костру и бросал туда водоросли. Какое-то время мы были в безопасности, ибо к тому моменту наши костры горели по всей вершине холма, а чудовища смертельно боялись огня. Без огня мы бы точно погибли, все до единого горемыки, той ночью.

Еще задолго до рассвета мы вдруг обнаружили — причем уже во второй раз за время пребывания на острове, — что если будем продолжать дальше в таком же количестве сжигать наше топливо, как сейчас, то всю ночь не протянем. Боцман велел ребятам оставить каждый второй из костров, надеясь на то, что таким образом нам удастся немного выиграть время и отсрочить погружение во мрак, а с ним — и нападение мерзких людей-слизней, удерживаемых огнем на

почтительной дистанции. В конце концов наши запасы тростника и водорослей иссякли, и боцман велел очень внимательно следить за краями скалы, при любом подступе нещадно рубя врага. На случай осады он оговорил команду «Сомкнуть ряды» — по ней мы все должны были сойтись у главного костра для последней, решающей битвы. Боцман с проклятиями обрушился на луну, спрятавшуюся за большое скопление облаков — да, скажу я вам, не до веселья нам было! С каждой минутой становилось все темнее и темнее, по мере того как костры выгорали. Вдруг я услышал, как один из наших ребят поднял крик — парень находился на той части холма, что выходила на море, покрытое водорослями. Его вопли достигли моих ушей вопреки тому, что ветер дул в противоположную сторону. Боцман, услышав его, созвал нас и велел готовиться к бою. Уже в следующую секунду я рубил и колол морского упыря, молча выросшего напротив меня над гребнем скалы.

Прошла, должно быть, минута — и со всех сторон послышались крики. Я понял, что водорослевый народ активно, со всех сторон, осаждает наш бивак. Над гребнем рядом со мной появились еще два существа, возникнув бесшумно, как привидения. Первому я нанес удар в дряблую шею,

и враг упал. Вторая тварь, даже уже пронзенная, перехватила лезвие пальцами-щупальцами и чуть не обезоружила меня. Я ударил упыря ногой в лицо — и он (скорее, по-моему, от удивления, чем от боли) свалился и канул во мрак. На все про все ушло от силы десять секунд — а я уже заметил еще четырех существ, подступавших справа. В тот миг казалось, что старуха с косой наступает нам на пятки — я не ведал, как мы справимся со столь отважным и резво передвигающимся противником. Несмотря на малые шансы, я ни на секунду не потерял присутствие духа и бросился в атаку, но на этот раз не рубил и не колол, а стремился рассечь мерзкие клювастые морды, поняв, что от этого гораздо больше проку. Действуя подобным образом и применив не более трех ударов, я избавился сразу от трех, но четвертый подбирался ко мне с самой крутой части утеса и встал на свои задние конечности, готовый вот-вот обрушиться на меня, как делали другие раньше. Не на шутку испугавшись, я попятился назад; за спиной вокруг меня кипела жестокая битва. Прекрасно понимая, что помощи ждать неоткуда, я кинулся в атаку на поганую тварь. Когда та подалась вперед, сцапать меня, и выпростала щупальца из одного из своих обрубков, я

отскочил назад и ударом тесака отрубил их все, а затем нанес ей сокрушительный удар в живот. От такого «сюрприза» слизняк рухнул на землю и, свернувшись в белый шар, начал кататься в агонии, сперва в одну сторону, затем в другую, а потом вовсе отскочил к краю обрыва и свалился вниз. А я так и остался стоять — хотя был едва способен держаться на ногах, и меня страшно мутило от ужасной вони, исходившей от этих дьявольских порождений.

К этому времени все костры на гребнях холма догорели и превратились в кучки тускло мерцающих угольков. Лишь у входа в палатку еще пылал огонь, но от него нам было мало проку: свет не доходил до того места, где мы сражались. Да еще и луна — я поднял на нее свой полный отчаяния взгляд — казалась призрачным наваждением, прикрытая огромным скоплением облаков, лениво плывущих по небу. Аккурат тогда, когда я смотрел наверх через левое плечо, пытаясь отыскать луну на небе, я неожиданно почувствовал страх, будто что-то неприятное до омерзения находилось совсем рядом. Я почуял гнусный смрад — такой мог исходить только от этих упырей! — и в то же мгновение отпрыгнул в сторону. Это меня и спасло; если бы я хоть на секунду замешкался,

меня бы не стало. В тот миг я предельно ясно ощутил, как щупальца человеко-червя уже прикоснулись к моему затылку, испачкав его липкой слизью. Отпрянув, я развернулся всем корпусом и начал наносить по слизняку удары палашом, порубив его на мелкие куски.

Сразу же после этого я заметил, что во мраке между двумя кучками тускло мерцающих угольков, соседней и лежащей поодаль на вершине холма, ползет новое чудовище. Не тратя понапрасну времени, я подбежал к нему и, прежде чем оно успело встать на задние лапы — в таком положении они, очевидно, представляли наибольшую опасность, — дважды ударил по его голове палашом. Но едва я прикончил его, как ко мне устремилось, наверно, еще с дюжину тварей, успевших тем часом тихо преодолеть гребень. Я кинулся к ближайшей кучке углей; морские упыри, почти не уступая мне в скорости, поползли следом. К счастью, я опередил их на пути к костру; подхватив на широкое лезвие палаша, как на лопату, горсть угольев, я швырнул их во врагов. На мгновение все эти белесые, омерзительные морды с раззявленными клювами, обнажившими утыканные бурыми пеньками четырехсторонние челюсти, предстали передо

мной во всем своем непотребстве — затем настал миг мрака; но я поддал по углям ногой, и искры вновь брызнули во все стороны, отваживая тьму. Твари отпрянули прочь от меня — они отступали! То же самое происходило и на остальных гребнях верхушки холма: боцман и матросы бросались углями, пытаясь таким способом прорвать осаду.

После этого для меня настала краткая передышка. Похоже было на то, что слизняки испугались и отступили — мы поддали им жару! Как бы там ни было, меня всего трясло; я оглядывался по сторонам, не ведая — вдруг один червяк, или даже несколько, притаились где-то и готовятся напасть? При каждом удобном случае я смотрел на луну и молил Господа о том, чтобы облака поскорее ушли, иначе нам всем несдобровать. И, пока я взывал к Богу, раздался страшный, нечеловеческий вопль — кричал один из наших ребят. В тот же момент какая-то новая, едва ли похожая на клювастых упырей, но абсолютно неразличимая во тьме тварь начала штурмовать край скалы впереди меня. Все, что я видел, — бурдюки трясущейся плоти и отблеск единственного огромного глаза на длинной, похожей чем-то на лошадиную, голове. Эту голову я успел рассечь пополам, а весь «остаток» пинками отправил в полет с

обрыва, не дав монстру занять позицию выше. В моих ушах по-прежнему эхом отдавался истошный вопль, звучавший с другой стороны холма, расположенной левее от меня. Тем не менее я не посмел бросить свой пост, потому что, если бы я это сделал, я бы мог потерять все: и выигранное преимущество, и жизнь. По этой причине я так и остался стоять там, где стоял, пребывая в полном неведении относительно того, что происходит в нескольких шагах от меня, терзаемый муками неопределенности и собственными страхами.

И вновь я получил короткую передышку, когда на меня никто не нападал; ни справа, ни слева от себя я ничего не видел, хотя остальным не так повезло, судя по проклятьям и звукам ударов; затем вдруг кто-то снова закричал от боли, и я, вновь устремив взор на луну, взмолился вслух о том, чтобы она вышла из-за туч и, прежде чем все мы будем убиты, осветила вершину холма, но она не появилась. Тут мне вдруг в голову пришла одна мысль, и я во всю мощь своих легких крикнул боцману:

— Арбалет! Поджигайте арбалет!

— Ты с ума сошел! — откликнулся визгливо юнга Джордж, и я порадовался, что этот малодушный сорванец еще жив. — Сколько мы его

строили!

— Плевать, сейчас бы самим спастись! Дерево славное, сухое — займется как надо!

И тут же боцман, услышав меня, громовым ревом призвал матросов тащить наш арбалет в костер. Они это сделали — и уже через минуту яркий свет залил бивак от края до края. Огонь плясал на центральной балке и пожирал тросы, подгоняемый ночным ветром — а я смотрел перед собой, ища взглядом, не появится ли на гребне передо мной, либо справа или слева, мерзкое лицо слизняка.

Примерно через пять минут на нас вновь напали, и на этот раз я чуть не поплатился жизнью, подойдя по собственной глупости слишком близко к гребню скалы. Пучок щупалец внезапно взметнулся снизу из темноты, обхватил мою левую лодыжку и потянул меня. Я плюхнулся на зад, и обе мои ноги перевесились через край пропасти; только по милости ангела-хранителя я не полетел в долину вниз головой! Тварь, вцепившаяся мне в ногу, изо всех сил тащила меня за собой, но я отбивался, руками и собственным седалищем помогая себе удержаться. Видя, что таким образом не выйдет убить меня, чудовище осла било хватку и впилось в ботинок, прокусив

толстую кожу и почти отхватив мой мизинец. Однако теперь у меня отпала нужда держаться обеими руками, и я, наполовину обезумев от боли и страха, внушенного мне этим отродьем, в бешенстве нанес сокрушительный удар палашом. Однако мне не удалось освободиться тотчас же, ибо морской упырь каким-то образом перехватил лезвие. К счастью, я успел вырвать его до того, как чудовище стиснуло его мертвой хваткой — эти твари, хватая какой-то предмет, не обвивали его щупальцами, а будто *присасывались* к нему, — и тут же нанес еще удар, гораздо более удачный. Мертвая тварь выпустила меня и полетела вниз, а сам я торопливо вскарабкался на площадку, к относительной безопасности.

После этого мы уже больше не подвергались атакам, хотя и не знали, не предвещает ли это спокойствие нового нашествия водорослевого народа. Наступил рассвет, и за все это время луна так и не пришла к нам на помощь, не выглянула из-за туч, затянувших все небо целиком перед началом пасмурного, невеселого дня.

В этом сером свете мы обследовали долину, но не обнаружили там никого из чудовищ — даже их трупы было не сыскать, ибо они, по-видимому, унесли своих убитых и раненых. Нам не удалось

рассмотреть морских упырей при дневном свете, и, хотя мы и не нашли их мертвых тел, все гребни скал перепачкала смрадная кровь и выделения, присущие отродьям. Вонь недолго досаждала нам: ветер развеял ее довольно скоро и наполнил наши легкие приятным и свежим воздухом.

Поняв, что опасность миновала, боцман собрал всех у центрального костра, где все еще догорали остатки арбалета. Первым делом мы обнаружили, что одного из матросов с нами нет. Мы сразу же пустились на его поиски и обошли вершину холма вдоль и поперек; потом искали в долине, и дальше, по всему острову, но… напрасно.

Глава 14
Связь с кораблем

О поисках, предпринятых в долине на предмет обнаружения тела Томпкинса (именно так звали пропавшего парня) у меня остались только обрывочные печальные воспоминания. Прежде чем мы покинули лагерь, боцман дал нам всем по изрядной порции рома, а также по сухарю на каждого, и после этого мы поспешили вниз, с готовностью держась за оружие. Когда мы подошли к пляжу, подпирающему долину со стороны моря, боцман повел нас к подножию холма, где скалы переходили в более мягкий материал, покрывавший долину, и тщательно осмотрели все на случай, если Томпкинс свалился и лежал где-то тут, мертвый или раненый. Затем, внезапно, я заметил что-то белое внизу, в море, слева от меня, и я полез дальше по выступу.

Вскоре я понял, что объект, привлекший мое внимание, был мертвым телом одного из водорослевых людей. Я мог видеть его, но смутно, лишь мельком, когда поверхность воды временами разглаживалась.

С грустью признав, что Томпкинс, скорее всего, похищен у нас и почти наверняка убит, мы свернули поиски. Но сначала, прежде чем мы покинули это место, боцман выдвинулся в сторону мертвого сорнякового пришельца, чтобы изучить его останки. За ним ожидаемо потянулась вся команда — было уж очень любопытно поглядеть, что за твари напали на нас под покровом ночи.

Вскоре, насмотревшись на труп настолько, насколько позволяла мутная вода, мы снова вышли на берег, а затем мы вернулись на противоположную сторону острова. Мы подошли к лодке, чтобы посмотреть, не пострадала ли она, но обнаружили, что она целехонька. Тем не менее то, что эти существа были повсюду, мы могли понять по отметинам на песке.

Затем один из матросов заметил, что монстры разворошили могилу Иова, выкопанную недалеко от места нашей первой стоянки. Мы все посмотрели в ту сторону — и точно, вместо нее зияла огромная яма. В состоянии крайнего замешательства вперемешку с недоумением и испугом мы побежали туда. Могила оказалась пустой — ночные гости изъяли тело бедного Иова и утащили неизвестно куда. После этого мы стали бояться их еще сильнее, чем раньше. Теперь мы

поняли — это самые настоящие гули[51], не оставляющие в покое даже мертвых, похороненных в земле.

После этого боцман повел нас всех обратно на вершину холма и там осмотрел наши раны. Один матрос потерял два пальца в ночной схватке, другой был жестоко укушен в левую руку, а у третьего вся кожа на лице была содрана в тех местах, где одно из чудовищ вцепилось в него своими щупальцами.

Все то утро мы таскали на вершину холма топливо — водоросли и тростник — и смогли передохнуть только в полдень, когда боцман угостил нас еще одной порцией рома, а после этого снарядил матросов выловить рыбу на ужин. Он попросил человека по имени Джессоп, предложившего ранее пустить воздушного змея к судну, застрявшему в водорослях, сказать, есть ли у того какие-нибудь навыки в изготовлении подобных штуковин.

Джессоп решил полагаться не на слово, а на дело. Он взял две тростниковые жерди и обрезал их до длины около шести футов; затем связал их по-

---

[51] Примечания: 51

В доисламском восточном фольклоре гу́ли — оборотни, живущие в пустынях вдоль дорог и охотящиеся на путников, пьющие кровь, разграбляющие могилы и поедающие мертвую плоть.

середине, чтобы получился крест Святого Андрея. После этого Джессоп сделал еще два таких «креста»; когда они были закончены, он взял четыре тростинки длиной около дюжины футов и велел нам поставить их вертикально в форме квадрата, чтобы они образовывали четыре угла. Подхватив одну из крестовин, он положил ее на квадрат так, чтобы все четыре конца касались четырех стоек, и в таком положении привязал. Затем, взяв вторую перекладину, он прикрепил ее в середине, между верхней и нижней стойками. Потом Джессоп привязал третий прутик наверху — так, чтобы все трое служили распорками, удерживающими четыре более длинных прутика на своих местах, подобно стойкам маленькой квадратной башни. Внезапно до боцмана дошло, что мы не запаслись веревкой для запуска воздушного змея; он подозвал к себе Джессопа и спросил, какой прочности должен быть леер. Тот ответил, что вполне должен сгодиться плетеный линь в десять нитей. Что ж, сказано — сделано. Боцман послал двоих ребят и меня вместе с ними к разбитой мачте, валявшейся на дальнем пляже; там мы ободрали с нее все, что осталось от вант, и принесли наверх к себе на бивак, где принялись их распутывать. Мы брали десять нитей, но сплетали их по две.

Благодаря этому работа спорилась быстрей, чем если бы мы оставили по одной нити. Мы сидели вокруг лагерного костра, когда из-за туч вдруг показалось солнце — зрелище, с самого утра не виданное. Свет порядком приободрил нас: до сих пор пасмурная погода сильно омрачала житье, и без того не слишком веселое вследствие гибели Томпкинса, пережитых страхов и полученных в битве с чудовищами ран. Но под солнцем мы почувствовали себя бодрее и с новой энергией взялись за изготовление змея.

Пока мы работали, я время от времени поглядывал на Джессопа. Тот обвязал каждый конец изготовленного им каркаса полосой из легкой парусины. Эти полосы, как я прикинул, были шириной около четырех футов, благодаря чему змей приобрел забавное сходство с балаганным вертепом, разве что со слишком уж большой прорезью спереди. После этого Джессоп привязал уздечку к двум стойкам, сделав ее из куска хорошей пеньковой веревки, найденной в палаточных пожитках, а затем крикнул боцману, что воздушный змей, по сути, готов.

Боцман подошел, чтобы осмотреть изобретение, а следом за ним — и все мы, ибо никто из нас никогда не видел ничего подобного. И будь

я проклят, если ошибаюсь, но тогда, при взгляде на поделку Джессопа, мало кто верил, что она взлетит — до того несуразной и, что и греха таить, громоздкой эта штуковина выглядела. Джессоп, конечно, уловил сей всеобщий скептический настрой. Крикнув одному из нас, чтобы тот держал воздушного змея против ветра, он пошел в палатку и вытащил остаток пеньковой веревки — той самой, что пошла на уздечку. После этого он взялся за веревку и, передав конец в наши руки, велел нам держаться за него до тех пор, пока не будет устранена вся слабина. Тем временем он закреплял змея.

Когда мы отошли на достаточное расстояние, Джессоп крикнул, чтобы мы держались за веревку как можно крепче, а затем, наклонившись, схватил змея за нижнюю часть и с силой подбросил его в воздух. К нашему изумлению, поначалу немного кренившийся в сторону змей быстро выровнялся — и взмыл в небо, как настоящая птица.

Сущее чудо — видеть, как столь громоздкий предмет летит с грацией и упорством!..

Уважительно кивнув, боцман велел нам приземлить змея, что мы и сделали с большим трудом из-за его размера и силы ветра. И когда мы снова

подняли его на вершину холма, Джессоп очень надежно прикрепил его к большому куску скалы. После этого, получив наше одобрение, он вместе с нами занялся изготовлением леера.

После трехдневной работы над леером мы получили что-то около четырехсот морских саженей длины, необходимой для нашей цели, хотя рассчитывали, что выйдут все пятьсот. На утро следующего дня мы все прямо сгорали от нетерпения — до того хотелось увидеть, как полетит наш воздушный змей. Нам почему-то казалось, что мы сможем вытащить людей со старой развалины еще до наступления вечера, и эта приятная, но пустая надежда одаряла сердца теплом скорого триумфа. Несмотря на это, еще до того, как боцман позволил нам подступиться к змею, он настоял на том, чтобы мы натаскали достаточный запас топлива, как заведено. Его приказ, несмотря на всю его разумность и оправданность, вызвал у нас неимоверное раздражение — по той простой причине, что нам не терпелось начать спасение несчастных узников с той дряхлой калоши. Наконец все было готово — мы размотали леер и проверили крепость всех его узлов, убедились в отсутствии зацепов. Кроме того, перед тем, как запустить змея, боцман повел

нас на самый дальний пляж, и мы притащили оттуда брам-стеньгу и бом-брам-стеньгу[52] — они валялись, все еще прикрепленные к стеньге. Когда мы подняли их наверх, он зажал концы этих бревен между двух здоровенных каменных глыб, после чего засыпал их большими камнями и обломками скалы, оставив центральную часть свободной. Вокруг центральной части он обвязал леер нашего воздушного змея раза два или три, а затем дал свободный конец Джессопу, чтобы тот закрепил его на лямке воздушного змея. Теперь все было готово для его запуска в сторону старой развалины.

И вот последняя отмашка была дана — конструкция взмыла в воздух. Ветер, подхватив змея, заставил его воспарить так высоко, что боцман с Джессопом еле успевали разматывать веревку. Перед запуском Джессоп привязал к змею невероятно длинный плетенный леер, так что теперь те, кто был на корабле, могли поймать один конец, когда наш посланец до них долетит. Сгорая от любопытства и желая узнать, оправдаются ли наши старания, мы всей гурьбой помчались на самую

[52] Примечания: 52

Брам-сте́ньга — прямое, круглое дерево, служащее продолжением мачты; бом-брам-сте́ньга — рангоут, дерево, являющееся продолжением брам-стеньги.

вершину холма следить за полетом. Уже через пять минут мы увидели, как люди на корабле стали махать, чтобы мы прекратили травление веревки, и сразу после этого змей начал стремительно снижаться, благодаря чему мы поняли, что они поймали его, и теперь тянут к себе. А затем мы услышали громкие крики радости, после чего сели на землю и закурили, дожидаясь, пока они прочтут наше послание, написанное на корпусе змея.

Примерно через полчаса они подали нам сигнал натянуть леску, что мы и сделали без промедления.

В результате, потратив на это изрядное количество времени, мы вытянули на берег весь свой плетеный леер и дошли до части, присоединенной узниками застрявшего судна — отличной пеньковой веревки диаметром в три дюйма. Мы не были уверены, что она выдержит натяжение, необходимое, чтобы полностью поднять его из воды; без этого же мы не могли надеяться переправить людей с корабля на твердую землю. Между тем с корабля снова дали сигнал тянуть; мы начали выбирать канат и вскоре увидели, что

к нему привязан толстый и прочный перлинь[53]; трехдюймовый же канат служил лишь в качестве подсобного средства для доставки на нашу сторону более тяжелой веревки. Чтобы вытянуть ее целиком, нам пришлось потратить еще больше времени и усилий, и все же дело было сделано. Мы завели перлинь на утес и увидели, что это превосходно сработанный трос — где-то четыре дюйма в диаметре, ровный и гладко сплетенный из отличных жгутов и вдобавок ко всему хорошо скрученный.

К концу большой веревки они привязали письмо в клеенчатом мешочке, посредством коего передавали нам слова поддержки и благодарности. Они также снабдили нас краткой сигнальной азбукой, призванной существенно облегчить дистанционное сообщение берега и судна. В конце письма они спрашивали, не следует ли им переслать нам на берег какие-либо припасы. Как они объяснили, транспортер на буксирной линии уже был закреплен, нужно только натянуть трос — и все будет работать на совесть. Читая письмо, мы спросили у боцмана, уместно ли просить прислать нам немного свежего хлеба; бывалый

[53] Примечания: 53

Перли́нь — трос кабельной толщины от четырех до шести дюймов в окружности.

морской волк вспомнил еще и о корпии[54], бинтах и мази для наших ран. Список он велел мне фиксировать на широких листьях тростника; в конце послания попросил отметить, что взамен мы можем предложить свежую воду из запасов. Закончив писать, я передал свои труды боцману, и тот положил листья в клеенчатый куль, после чего подал сигнал людям на корабле подтянуть меньшую веревку, что они и сделали.

Через минуту они подали нам знак, чтобы мы тянули «почтовую линию» на себя. На их оконечности был подвязан все тот же небольшой мешочек — полный корпии, бинтов и всех запрошенных медикаментов. В приложенном письме сообщалось, что на корабельном камбузе уже печется хлеб — они пришлют нам, сколько смогут, когда он будет готов.

В дополнение к средствам для заживления наших ран и письму они прислали пачку бумаги, несколько перьев и чернильницу. В конце своего послания они искренне просили нас поведать им какие-нибудь новости из внешнего мира, поскольку они были заперты на своем дряхлом оплоте *уже более семи лет*.

---

[54] Примечания: 54

Ко́рпия — растребленная ветошь, нащипанные из старой льняной ткани нитки, раньше употреблявшиеся как перевязочный материал.

На корабле жило двенадцать человек, трое из них — женщины, в том числе супруга капитана. Сам капитан погиб вскоре после того, как судно запуталось в водорослях, а вместе с ним — более половины команды; шлюпку атаковала гигантская химера во время попытки освободить судно от водорослей. Впоследствии оставшиеся в живых возвели над главной палубой надстройку для защиты от поползновений спрутов, химер и «морских чертей», как они поименовали водорослевый народ. Пока она не была поставлена, опасность ни днем ни ночью не ослабевала и никто из выживших по-настоящему не ведал покоя.

На наш вопрос о том, нуждаются ли они в воде, люди на корабле ответили, что у них ее достаточно и, кроме того, что они очень хорошо обеспечены провизией. Корабль отплыл из Лондона полностью нагруженным — в трюмах хранилось огромное количество продуктов питания в самых разных формах. Эта новость нас очень обрадовала, поскольку мы поняли, что больше не придется беспокоиться о нехватке продовольствия. Итак, в письме, за чьим написанием я уединился в палатке, я позволил себе упомянуть, что мы тут питаемся весьма скуд-

но; в глубине души я надеялся, что прозрачный намек побудит экипаж присовокупить к испрошенному у них хлебу нечто более весомое. Кроме того, я припомнил и описал самые заметные события, происшедшие в мире за последние семь лет, увенчав рассказ кратким отчетом о наших собственных злоключениях. Закончил я описанием ночной атаки на наш бивак, после чего задал жильцам корабля несколько вопросов, подсказанных любопытством и страхом перед многочисленными опасностями морских сорных полей.

Я писал это письмо, сидя на пороге палатки, и мне было хорошо видно, как боцман с помощью остальных матросов заводит канат за огромный валун, вросший в скалистую почву в десятке саженей от подветренной стороны утеса. Он делал все очень тщательно, дополнительно укрепив конец полосками парусины в тех местах, где камень был слишком острым и мог перетереть пеньку. К тому моменту, когда я закончил писать, канат привязали к скале, словно к причальной тумбе. На край утеса, также имевший с веревкой несколько точек соприкосновения, боцман уложил обернутый парусиной батенс, чтобы не допустить перетирания.

Письмо, как уже сказал, было готово, но, когда я собирался отдать его боцману для отправки на судно, он сказал, чтобы прежде я сделал приписку, где сообщил бы адресатам, что конец большого каната закреплен и они могут начать натягивать его в любой удобный для них момент. После этого послание было уложено в клеенчатый мешок и отправлено при помощи тонкого линя, каковой наши товарищи по несчастью начали выбирать из воды по сигналу.

К тому времени уже перевалило за полдень, и боцман позвал нас состряпать что-нибудь вроде ужина, оставив одного человека присматривать за кораблем на случай, если ответ не заставит себя ждать. В суматохе рабочего дня мы пропустили прием пищи и теперь остро ощущали голод. В самый разгар готовки вахтенный крикнул, что с судна идет ответ, и мы все побежали посмотреть, что достанется нам на этот раз. С помощью кодовой азбуки мы поняли, что на корабле ждут, когда мы потянем на себя почтовую линию; через десять минут мы без лишней суеты проволокли над водорослями что-то довольно-таки тяжелое. Кажется, нас ждал весьма солидный гостинец; надежда придавала нам силы и подогревала энтузиазм.

Без особого труда мы догадались, что в передачке — хлеб, обещанный нам, и оказались правы. Буханки были аккуратнейшим образом завернуты в несколько слоев просмоленной парусины. Сам леер тоже ей обвязали, причем парусина эта была очень прочно закреплена по краям, тем самым образуя куль конусной формы, с легкостью транспортируемый поверх морских сорных полей, без страха где-нибудь зацепиться. Открыв сверток, мы обнаружили, что мой намек был понят — кроме хлеба в посылке лежал вареный окорок, голова сыра (судя по всему, голландского), две бутылки превосходного портвейна, очень надежно обвязанные, чтобы не разбиться, мягкой тканью, и четыре фунта табака в плотно закупоренной таре. Получив такой царский презент, мы всей командой поднялись на вершину холма и долго-долго махали людям с корабля в знак признательности. Они отвечали нам тем же, радуясь тому, что связь наконец-то налажена. Затем мы опять вернулись к трапезе и с разгулявшимся аппетитом отведали новые яства.

Здесь я хочу отметить, что, помимо еды, в сумке присутствовало еще кое-что, а именно письмо, сформулированное донельзя изысканно и выписанное усердной женской рукой. Кажется, одна

из трех дам на борту исполняла обязанности писца под диктовку. В письма содержались ответы на ряд моих вопросов; в том числе поминалась потенциальная природа странных криков, предшествующих нападениям морских чудовищ. Жители судна слышали эти крики перед каждой атакой, и в итоге пришли к выводу, что это, возможно, сигнал для общего сбора или призыв к действию. Им так и не удалось выяснить, кто или что посылало этот сигнал, поскольку «морские черти», даже тяжело раненные в бою, не издавали ни звука; я оговорюсь, что мы так и не узнали, откуда исходил тот пронзительный вой, даже самым отважным из нас внушавший оторопь. Увы — за время нашего пребывания на острове мы не смогли раскрыть и малую часть загадок, хранимых зловещим плавучим континентом! Хотя оно, может, и к лучшему…

Еще одним интересным моментом представлялось постоянство ветра, уже не первый день дувшего с той же силой в одном направлении. Письмо извещало, что в этих широтах ветер и впрямь может дуть строго в одном направлении в течение полугода. Также меня заинтересовало упоминание о том, что судно провело большую часть своего семилетнего плена не в том месте,

где мы его увидели впервые; поначалу оно пребывало глубоко в дебрях сорных полей, настолько далеко от края, что открытое море казалось лишь тонкой чертой на горизонте. Порой в густой массе запутанных, гниющих водорослей проявлялись разрывы или длинные каналы протяженностью в десятки миль; это обычно происходило в моменты, когда ветер менял свое направление. Предположительно, именно ветры и, возможно, какие-то подводные течения постоянно изменяли форму и характер колонии водорослей, понукая застрявшее в переплетениях судно медленно дрейфовать с места на место.

Из содержания письма мы смогли узнать много нового о повседневной жизни людей на судне. Подобно нам, они применяли сухие водоросли вместо дров и собирали дождевую воду для питья — особенно в период обильных дождей в этом регионе. Бывали также сухие годы, когда приходилось дистиллировать морскую воду для своих нужд, но и эту нехитрую технологию жители судна освоили. В настоящее время экипаж трудился над укреплением обломка бизань-мачты с кани-

фас-блоком[55] для натяжения большого каната на бизань-шпиль, что позволило бы обеспечить нужное напряжение для транспортировки по нашей «почтовой линии» не только грузов, но и людей.

Когда мы закончили с нашим обедом, боцман взял корпию, бинты и мазь, присланные нам с корабля, и стал обрабатывать наши раны, начав с парня, потерявшего свои пальцы, — тот, к счастью, уже начал поправляться. Потом мы все вместе пошли на край утеса, а нашего дозорного отправили грузить баклан[56] в трюм, так как в его желудке до сих пор не побывало ни крошки. Мы про него не забыли, оставив ему несколько больших кусков хлеба, солидную часть окорока и сыра, так что обижаться ему на нас было не за что.

Через час боцман сообщил, что, похоже, экипаж судна принимает меры по натяжке того большого каната, упомянутого в послании. Я оставил все

---

[55] Примечания: 55

Канифа́с-блок (от голл. kinnebaks-block) — одношкивный блок, служащий для изменения направления тяги троса при грузоподъемных и такелажных работах на судне. Для закладывания троса в оковке блока имеется откидная часть.

[56] Примечания: 56

Баклáн — пища, угощение (морск. жаргон). Грузить баклан в трюм — есть, набивать брюхо.

дела и поспешил к обрыву, чтобы понаблюдать за процессом. У боцмана имелись резонные сомнения насчет того, сможет ли бизань-шпиль натянуть канат так, чтобы тот поднялся над водой достаточно высоко — чтобы переправляющимся по нему людям не грозила опасность угодить в щупальца голодного спрута или, что еще хуже, в скользкие лапы водорослевых упырей.

Вечер подкрался незаметно. Мы заготовили кипы водорослей для ночных костров и продолжили следить за «канатными работами». Трос медленно поднимался из воды — едва заметно на первых порах, но в конце концов он повис в воздухе на внушающей уверенность высоте над водой. Мы показали свое одобрение друзьям на корабле, помахав руками — на случай, если кто-то из них наблюдал за островом. Еще много работы оставалось проделать; канат уже не касался воды, но его нужно было поднять еще выше, чтобы он мог помочь нам воплотить наши планы. Потрогав его, я убедился в основательности натяжения — при такой-то длине даже просто «выбрать слабину» означало подвергнуть канат нагрузке в несколько тонн. Немудрено, что наш боцман становился все более беспокойным с каждой минутой; он вставал и проходил вдоль валуна, фиксирующего

привязь, трогал узлы и места соединения, а затем отправлялся на край утеса, чтобы убедиться, что батенс все еще на месте.

Все шло гладко, но мрачное выражение не покидало лица моряка.

Когда наступила ночь, набросив на бивак темный покров, мы разожгли наши костры и приготовились к ночлегу, расставив дозоры так же, как и в предыдущие ночи.

Глава 15
На борту

Когда я должен был начать вахту — в компаньоны мне снова достался бывалый силач-матрос, — луна еще не появилась на небе. Вся округа пребывала во мраке, и лишь вершина утеса, где горели многочисленные яркие костры, требующие дозора, оставалась светлой. Примерно через полчаса после начала нашей смены матрос, управлявший огнем на кострах с левой стороны площадки, подошел ко мне и попросил сопровождать его: ему показалось, что веревка слегка колышется, будто люди на судне хотят передать нам какое-то сообщение.

Я ощутил глубокую тревогу и мгновенно спросил его, замечал ли он, как товарищи на корабле махали фонарем — мы договорились использовать именно этот способ для передачи сигналов в темноте. Он ответил, что не видел никаких огней, и чтобы убедиться, я подошел с ним к краю скалы; я не хотел задеть его недоверием, поэтому коснулся меньшего каната, привязанного к скале на ночь, и почувствовал вибрацию. Похоже, с

корабля действительно пытались передать что-то; чтобы убедиться, я побежал к костру и, взяв горящие водоросли, трижды махнул ими над головой, но ответного сигнала не последовало.

Я вернулся к веревке и вновь схватился за нее рукой, подумав, что, возможно, ветер тревожит ее. Но судя по ощутимым рывкам, это было нечто совсем иное — похоже на то, как сеть дергается, когда в него попадает огромная рыба! Поняв, что на веревке висит какое-то чудовище, выбравшееся из сорных полей, я сперва перепугался — а ну как порвется трос! Но потом я подумал, что оно, вероятно, пытается забраться к нам, и, велев товарищу по вахте беречь себя, побежал к палатке, чтобы разбудить боцмана.

Когда я выразил ему свои опасения, он моментально встал и покинул палатку; чтобы убедиться в моей правоте, он коснулся веревки ладонью и ощутил ее дерганье. Затем боцман приказал мне разбудить остальных и разместить их возле костров для защиты от возможной внезапной атаки, ибо тьма покрывала слишком многих наших врагов. Сам он и вахтенный матрос остались у камня, пристально вглядываясь во мрак, стараясь засечь приход угрозы.

Очень долгий час прошел в напряженном ожи-

дании; мы продолжали патрулировать бивак и поддерживать костры, но ничего не происходило — что было в чем-то даже хуже, чем прямое «объявление войны».

Подбросив в огонь, горевший поблизости, новую порцию сухих водорослей, я пошел к боцману с намерением перекинуться парой словечек и снять напряжение, проедавшее мне душу насквозь. Однако, случайно коснувшись большого троса, я изумленно вскрикнул: он был значительно менее натянут, чем раньше! Пришедший на зов боцман тут же проверил трос и был поражен не меньше меня, так как в последний раз, когда он щупал его, тот был натянут как струна и издавал легкое гудение на ветру.

Это открытие нас сильно потрясло, мы были уже практически уверены, что какое-то чудовище перегрызло веревку. Спешно собранные матросы стали искать слабину; хотелось удостовериться, что веревка была порвана неизвестным существом, но, несмотря на все усилия, нам не удалось вытащить ее конец на скалу. Обстоятельство нас немного ободрило; теперь мы могли надеяться, что канат уцелел, хотя никто из нас не мог догадаться, с чего бы ему так сильно провиснуть.

Через час-полтора взошла луна, и мы смогли

рассмотреть остров и полосу воды между ним и кромкой колонии водорослей. Но ни в долине, ни на склоне горы, ни в воде не было никаких признаков активности живых существ; участок, покрытый водорослями, был полон густых теней, и не выходило разглядеть что-либо среди них.

В любом случае, мы точно убедились: никакие посланцы морского ада не пытаются подняться по веревкам, чтобы добраться до нашего лагеря, притулившегося на краю обрыва. Боцман предложил всем, кто не был на дежурстве, отправиться отдохнуть. Моя смена уже закончилась, и перед тем, как пойти спать, я еще раз проверил веревку. Причина ее резкого прогиба оставалась загадкой — а в лунном свете мы отчетливо видели, что теперь перлинь уходит вниз гораздо круче, чем накануне вечером. Оставалось предполагать, что сам экипаж застрявшего судна ослабил канат по каким-то своим соображениям. Постояв еще немного на краю, мы пошли к себе в палатку и завалились спать.

Рано утром нас разбудил один из дозорных, забежавший с важной вестью для боцмана. Оказалось, что старая посудина ночью сдвинулась с места, и теперь ее корма была сильнее ориентирована в сторону острова. Мы всей гурьбой

вылезли из палатки и побежали на край утеса смотреть на корабль. Вскоре все убедились в правдивости слов дозорного, и тогда я сразу сообразил, почему трос начал провисать. После того как в течение нескольких часов корабль был вынужден выдерживать напряжение натянутого каната, он в конце концов поддался приложенной силе — и развернулся кормой к нам! При этом ему пришлось также немного продвинуться всем корпусом ближе к острову.

Через малый промежуток времени мы заприметили фигуру на верхней палубе корабля, энергично махавшую руками в знак приветствия; мы откликнулись таким же образом, после чего боцман приказал мне незамедлительно отправить письмо нашим друзьям и выведать, смогут ли они вывести корабль в безопасные воды возле острова. Я выполнил это поручение в мгновение ока — внезапно открывшееся окно возможностей взволновало меня, боцмана и прочую команду до глубины души. Каждый из нас осознавал: если вдруг наш экипаж сумеет освободить корабль от смертельной хватки водорослевой колонии, греза о возврате домой станет ближе к осуществлению, чем когда-либо. Верить в такую возможность было сложно, но я не мог не питать надежд на

благополучный исход.

Когда я закончил с письмом, мы аккуратно запаковали его в мешочек и, прикрепив к веревке, отправили на корабль с надлежащим сигналом. Но едва моряки на судне потянули за свой конец, как в водорослевых тенетах неподалеку от борта активизировалось движение, сопровождаемое громкими всплесками, и дело сразу застопорилось. Поглядев в ту сторону, я увидел, как наблюдатель с судна показывает на что-то в гуще морских сорняков. Потом у него над головой выросло маленькое дымное облачко — и пару секунд спустя до нас с легким опозданием докатился треск мушкетного выстрела. Видимо, матрос стрелял в замеченную им морскую тварь. Грянул следующий выстрел, а за ним — еще один, и только после этого моряки на судне снова взялись за канат. На сей раз дело пошло без задержек, и мы поняли, что выстрелы достигли цели, хотя и не могли видеть, на кого наблюдатель истратил столько патронов.

С судна дали знак, что ответ готов — можно вытягивать канат на свою сторону. Мы дружно взялись за дело, однако груз лишь с большим трудом поддавался нашим усилиям; внезапно наблюдатель на судне просигналил нам помед-

лить, а сам снова принялся палить из мушкета во что-то, скрытое в тине. Об успешности атаки нам оставалось лишь строить догадки. Наконец с корабля просигналили, что мы снова можем тянуть, и на этот раз канат пошел легче, хотя и не так легко, как мы рассчитывали, ведь теперь он волочился по ряске, будоража ее, а по временам даже погружался в воду. Когда же он наконец преодолел участок водорослей и оказался в чистой воде, мы увидели огромного краба, уцепившегося за канат. Высота утеса позволила нам поднять его в воздух — жадное создание напрочь отказывалось выпускать добычу.

— Так ведь он и перекусит его, поганец, — неодобрительно протянул боцман, оценивая ситуацию. — Эй, Джордж, подай-ка копье! Ремус, все прочие, тянем медленно, не совершая резких движений!

Мы стали тащить трос потихоньку, без рывков, как нам и велели, и вскоре подволокли этого морского разбойника поближе к краю утеса. Тогда боцман подал нам знак рукой, и мы замерли. В этот момент он поднял копье и ударил им в глаз недотепы, как это он уже делал в прошлый раз. Краб тут же отпустил леер и свалился с громким всплеском в воду у подножия утеса. Затем боцман

велел нам вытягивать оставшуюся часть каната на берег, пока мы не смогли снять с него мешок с письмом, после чего он внимательно его осмотрел, нет ли на нем повреждений от клешней. Нам повезло — не считая небольших потертостей, леер был цел.

После вскрытия клеенчатого мешка и извлечения письма, мы обнаружили, что оно было написано знакомым женским почерком, хотя автором выступала не женщина, а кто-то из моряков. В сообщении подтвердилась наша догадка о том, что тугой канат помог судну разорвать плотное кольцо травы и водорослей, окружавших его; также второй помощник, единственный выживший офицер на борту, выразил мнение, что у экипажа есть все шансы выбраться из травяного плена, при условии движения на медленном ходу — чтобы водоросли раздвигались сами; при ином раскладе судно завязнет еще прочнее, уткнувшись в плотную гряду сплетенных сорняков. Под завершение письма наши друзья высказали самые добрые пожелания и выразили надежду на благополучную обстановку в последующие ночи. Уж эти-то слова — готов был об заклад биться — вдохновляло нежное женское сердце. Кто же это — вдова капитана? Или кто-то из прочих

двух дам?

Правда, из состояния глубокой задумчивости я был вынужден очень быстро вернуться к суровой действительности, окружавшей нас — когда один из наших матросов сообщил, что на корабле снова начали натягивать буксирный трос. Уже через мгновение я стоял на краю утеса и смотрел на то, как медленно поднимается вверх провисшая часть буксирной линии и как постепенно нарастает степень ее натяжения.

В этот миг, на расстоянии, приблизительно равном двум третям от общей длины троса, среди водорослей поднялась какая-то возня. Потом перлинь поднялся над сорными полями, и я увидел, что на нем повисло не меньше десятка исполинских крабов. При одном взгляде на этих переростков наши парни — а особенно, разумеется, Джордж — не смогли сдержать хриплых отрывистых воззваний к Богу. Тем временем на корабельную надстройку вышло несколько вооруженных мушкетами мужчин. Не мешкая, смельчаки открыли по чудовищам беглый огонь; крабы один за другим выпустили перлинь и осыпались в мутные воды. Тогда наши товарищи на судне вернулись к шпилю; несколько поворотов — и перлинь натянулся на высоте в несколько

футов над водорослями. Натянув буксирный трос так, как сочли нужным, они начали цеплять к нему массивный блок. Установив его, они дали нам сигнал понемногу травить более тонкий канат, спеша подтянуть к себе его центральную часть, после чего обвязали его вокруг шейки блока, а к ушку стропа, продетого через блок, прикрепили люльку. Транспортировочное средство было готово — с ним мы могли переправлять все, что необходимо, как на корабль, так и с него, не давая грузу касаться поверхности вод, заросших водорослями. Ранее приходилось тягать грузы через морские сорняки в непромокаемых кулях, запросто способных застрять или угодить в когти чудовищных тварей.

Главное состояло в том, что мы планировали таким методом транспортировать людей с борта на остров. Но сейчас планы изменились — сейчас мы хотели спасти сам корабль! Кроме того, перлинь находился слишком близко к воде — ни о какой безопасности переброса не шло и речи. Мы не хотели натягивать его слишком сильно, поднимая на большую высоту, дабы избежать риска разрыва и осложнений в дальнейшем ходе спасательной операции.

Боцман поручил Джорджу и Ремусу заняться

приготовлением завтрака. Потерявшего пальцы матроса мы поставили на вахту у обрыва, а сами отправились к палатке, где уселись вокруг костра, чтобы насладиться остатками еды. После трапезы боцман приказал сменить раненого, чтобы и тот смог поесть, а остальных отправил вниз — запасать сухую водоросль на ночь. Труды эти заняли у нас изрядную часть утра; уже почти настал полдень, когда мы доставили последние охапки топлива на утес. Свалив их у костра, мы поспешили обратно к обрыву — оценить насущную обстановку.

Часовой сообщил, что во время нашего отсутствия перлинь опустился практически до уровня воды дважды, заставив моряков на корабле крутить шпиль для натяжки. Благая весть — видимо, судно все еще медленно двигалось в нужном направлении к острову, пускай даже и кормой вперед. Нам показалось, что корабль приблизился, но это была иллюзия: даже при наилучших обстоятельствах его положение могло измениться всего на несколько ярдов. Тем не менее и это нас сильно обрадовало. Мы принялись радостно махать судовому дозорному, стоявшему на надстройке, и он в ответ тоже отсалютовал нам.

В послеобеденный перекур мы с удовольстви-

ем смолили трубочки. Боцман проверял наши начинающие заживать раны. Почти весь остаток дня мы провели, наблюдая с утеса за кораблем, и своими глазами видели, как моряки трижды поднимались к мачте подтянуть провисший парус. В целом, корабль приблизился к острову на тридцать саженей; мы узнали об этом из ответа на письмо, по просьбе боцмана заброшенное на далекую палубу.

За весь день мы обменялись несколькими посланиями, и теперь почтовый транспортер очутился на нашей стороне. В своем последнем письме товарищи написали, что ночью будут поддерживать натяжение буксирного троса и линии и не дадут им провиснуть до уровня воды.

После захода солнца боцман велел разжечь костры. Мы поужинали и стали готовиться ко сну. Ночь прошла, на счастье, спокойно: на огонь у морских упырей сохранялась стойкая идиосинкразия. Вплоть до рассвета светили огни на палубе корабля, что сделало дежурство нашей группы более компанейским; когда утро наступило, мы с радостью убедились, что за прошедшее время судно существенно приблизилось к берегу. Его местоположение столь явственно изменилось, что уже никто не списывал прогресс на

разыгравшуюся фантазию. Корабль преодолел больше полусотни саженей сквозь водоросли, и мы уже могли различить черты лица вахтенного на надстройке и прелюбопытнейшие особенности конструкции, что закрывала верхнюю палубу от атак морских чудовищ.

Обратив внимание на нашу гурьбу на скале, сторожевой махнул нам приветственным жестом, и прежде чем мы смогли ответить, рядом с ним появилась другая фигура, воздевшая над собой белую ткань наподобие платка — вероятно, это была дама. В ответ те из нас, у кого еще остались головные уборы, сняли их и помахали ими в воздухе.

Вахтенный вскоре обрадовал нас известием, что за то время, пока мы занимались своей типичной островной рутиной, моряки на корабле выбирали слабину большого каната не менее четырех раз; как раз ею они занимаются в насущную минуту. Обратив взгляды в ту сторону, мы еще больше окрепли духом: теперь было видно невооруженным глазом, что за утро судно подошло к краю плавучего континента еще ближе. Когда же наши товарищи по несчастью закончили натягивать канат, я невольно обратил внимание, что на всем своем протяжении он

поднялся над водой и водорослями на двадцать и более футов. Тут в голове зародилась дерзкая мысль, заставившая меня броситься к боцману. Я вдруг подумал: почему бы не навестить наших соседей на борту? Я изложил боцману свою идею, и он долго качал головой, возражая против моего намерения. Только потом, осмотрев канат и вспомнив, что из всех матросов легче меня только юнга Джордж, а вот смелее — не всякий, боцман нехотя дал добро.

Боясь, как бы он не передумал, я поскорее бросился к люльке, остававшейся на нашей стороне, и запрыгнул в нее. Остальные матросы, догадавшись о моем намерении, дружно приветствовали его подбадривающими криками. Призвав всех к спокойствию, боцман стал привязывать меня к люльке обрывком линя. Покончив с этим, он просигналил на корабль, чтобы там тянули за тонкий леер; а сам тем временем взялся управлять моей «передачей» с помощью нашего конца троса, не давая люльке со мной провиснуть и зачерпнуть воды.

И вот я отправился в путь. Сначала я двигался вниз и вскоре достиг самой нижней точки нашей почтовой линии; затем перлинь снова начинал подниматься вверх, к верхушке бизань-мачты.

Здесь я обнаружил, что под действием моего веса канат провис куда сильнее, чем я рассчитывал; до поверхности плавучего континента теперь было рукой подать, и, живо припомнив все жуткие сюрпризы, скрывающиеся под обманчиво-безмятежным зеленым покровом морских сорных полей, я испытал приступ сильнейшего страха. К счастью, в этой нижней точке я завис ненадолго; увидев, что я нахожусь ниже, чем диктовало благоразумие, моряки на судне дружнее налегли на буксирный конец, так что уже через минуту я оказался в нескольких футах от цели.

Когда я уже был рядом с кораблем, люди толпились на верхней площадке надстройки, находившейся чуть ниже сломанного топа[57] бизань-мачты. Они с громкими приветствиями приняли мою люльку в распростертые объятия, а затем помогли побыстрей выкарабкаться из нее, но при этом так спешили, что разрезали все мои крепежные веревки, не став их даже развязывать. Не успели они высадить меня на палубу, как подошла какая-то пышногрудая женщина и, не дожидаясь, пока я приду в себя после головокружительного перехода, крепко

[57] Примечания: 57
Топ — верхняя часть мачты.

обняла меня и жарко поцеловала. От ее поцелуя я просто ошалел, в то время как стоявшие вокруг меня люди только смеялись. Спустя мгновение она отпустила меня, а я встал и стою, и не могу понять, кто я для них — шут или герой, хотя, если судить по тому, как они на меня смотрели, здесь больше подходило второе, нежели первое. Уже через минуту подошла другая женщина, поприветствовавшая меня куда более прохладно и чопорно, одним лишь кивком головы. Для нее, кажется, все выглядело так, словно мы собрались по какому-то строгому поводу, а не находимся на корабле, застрявшем в бескрайнем море. После ее прихода все веселье с окружающих будто ветром сдуло — все стали вести себя очень сдержанно и тихо; пышногрудая женщина смущенно отступила в сторонку, давая ей пройти. Наблюдая за всем этим, я бросал свой взгляд то на одного, то на другого, пытаясь понять причину перемены настроения. Женщина снова кивнула мне и тихим голосом произнесла какую-то фразу — что-то о погоде. А потом она посмотрела мне в лицо, и я увидел ее глаза — очень печальные, совсем далекие. В тот момент я очень удивился тому, почему она выглядит такой странной. Казалось, она совершенно не понимала всего того, что про-

исходило вокруг нее. Но потом, когда я узнал, что это жена капитана, чей супруг погиб на ее глазах, сойдясь в смертельной схватке с морской гидрой, я понял, почему тоской и тревогой пропитан каждый ее жест.

Глядя в безумные от горя очи этой женщины, я был до того потрясен и ошеломлен, что не смог найти слов ответить ей. Оказалось, что в этом нет никакой необходимости — она сама повернулась и пошла по направлению к лестнице, ведущей в кают-компанию. Там ее встретила некая юная леди — очень красивая, тактичная и деликатная; нежно взяв странную даму за руку, она проводила ее внутрь, и обе пропали из виду. Вскоре юная леди появилась снова; схватив меня за обе руки, она тепло пожала их, глядя на меня так, что все тягостные чувства, вызванные появлением бедной вдовы, в тот же миг улетучились из моего сердца. Не выпуская моих рук, девушка наговорила много лестных вещей о моих удали и отваге. Я понимал, что расточаемые ею похвалы, строго говоря, мною нисколько не заслужены, но не прерывал ее, пока она, совладав с первым порывом, не обнаружила, что все еще сжимает мои ладони в своих — против чего я, конечно, нисколько не возражал! Девушка смутилась и,

зардевшись, поспешно убрала руки и отступила на полшага назад; должно быть, смущение велело ей после столь горячего приветствия говорить со мной чопорнее и сдержаннее. Но и эта манера не задержалась между нами — мы оба, в конце концов, были очень молоды, и мне кажется, что именно по этой причине нам было интересно и весело вместе. Кроме того, у каждого из нас скопилось очень много личного, чем хотелось поделиться, — вот мы и болтали без умолку, не успевая отвечать на вопросы, сыпавшиеся градом. Матросы посмотрели на нас — и решили оставить одних, а сами потихоньку перешли к шпилю. Там они намотали буксирный трос на барабан, взялись за свои вымбовки[58] и пошли потихоньку по кругу. Трос нужно было немного подтянуть, так как корабль к тому времени еще сдвинулся со своего места, и буксирная линия заметно провисла.

Девушка — ее звали Мэри Мэдисон, и она оказалась племянницей жены капитана, — пред-

---

[58] Примечания: 58

Вымбо́вка (от нидерл. windboom, от winden — «навивать» и boom — «дерево») — один из выемных деревянных или металлических рычагов, служащий на судах для вращения балера ручного шпиля, стоячего ворота, навоя, бочки. Вставляется горизонтально в четырехугольное гнездо (шпильгат) в головке ручного шпиля. В шпильгате вымбовка раскрепляется с помощью специального шпильболта.

ложила мне осмотреть корабль, и я согласился с большой охотой. Для начала я решил внимательно изучить обрубок бизань-мачты и тот способ, каким люди с корабля поставили его — уж очень умело сработано! Обратил я внимание и на то, как убрана часть надстройки вокруг верхушки мачты, чтобы канат свободно проходил к блоку, не оказывая давления на саму надстройку.

Когда я закончил осматривать ют[59], Мэри повела меня на главную палубу; там на меня большое впечатление произвели как размеры конструкции, воздвигнутой над палубой для защиты от тварей, так и мастерство, с каким она была выстроена. Перекрещивающиеся опоры каркаса придавали всему сооружению вящую прочность. Непонятно было только, откуда на корабле взялось столько дерева для столь внушительной постройки, но Мэри объяснила, что

[59] Примечания: 59

Ют — кормовая надстройка судна или кормовая часть верхней палубы. Ют, частично утопленный в корпус судна, называется «полуютом».

матросы разобрали почти все твиндеки[60], какими можно было пожертвовать без вреда для общей конструкции; кроме того, в ход пошли паллеты, служившие в качестве подстилки под груз. Наконец-то мы дошли до камбуза; там я узнал, что пышногрудая женщина была у них за кухарку. Возле нее вилась парочка чудесных ребятишек — бойкий мальчишка лет пяти и совсем маленькая девочка, еще не умевшая ходить. Увидев детей, я обернулся и спросил госпожу Мэдисон, не ее ли это племянники, но вдруг понял, что такое невозможно — ведь со дня гибели капитана прошло приблизительно семь лет. На мой вопрос ответила хозяйка камбуза: она повернулась ко мне с немного покрасневшим лицом и сказала, что это ее дети. По правде сказать, такому повороту я немного удивился; я предположил, что на этот корабль она попала вместе с мужем, но здесь немного ошибся. Как следовало из ее дальнейшего рассказа, она по

---

[60] Примечания: 60

Твиндéки — междупалубное пространство внутри корпуса грузового судна (только сухогруза; для балкеров, танкеров, газовозов, контейнеровозов, цементовозов, костеров и прочих торговых судов это неприемлемо) между двумя палубами или между палубой и платформой. При наличии трех палуб различают верхний и нижний твиндеки, при большем количестве палуб — верхний твиндек, второй, третий и далее, сверху вниз. Обустроенный твиндек может служить для размещения грузов или пассажиров/экипажа.

уши влюбилась в корабельного плотника, а когда их корабль застрял в водорослях, все начали думать, что теперь они навеки оторваны от родины и им никогда уже не удастся вернуться домой. В силу сложившихся обстоятельств они решили прямо здесь, на корабле, и пожениться — второй помощник капитана взял на себя церковную власть и обвенчал прямо на палубе. Затем она рассказала, как попала на корабль вместе со своей госпожой, женой капитана, помогать ей с ее племянницей, тогда еще маленькой девочкой. По этой причине она была крайне привязана к ним обеим — так же, как и они к ней. Так она дошла до конца своего рассказа, а в заключение произнесла, что надеется на то, что ничего плохого в том нет, если их венчал не священник в церкви, а помощник капитана на корабле, поскольку нет ее вины в том, что все так сложилось. Я ответил, что ни один нормальный человек никогда ее ни в чем не упрекнет! При этих моих словах женщина-кок отложила поварешку и шагнула ко мне, с самым решительным видом вытирая о фартук свои огромные руки, но я поспешил уклониться от ее объятий: мне не хотелось, чтобы госпожа Мэдисон стала свидетельницей подобной смутительной картины! Увидев краску на моих щеках,

добрая дама от души расхохоталась и благословила меня со всей сердечностью, на какую была способна; и мы с племянницей капитана ушли гулять дальше по кораблю.

Совершив обход, мы вернулись на ют. Там мы увидели, что матросы снова натягивают буксирный трос, подтверждая тот факт, что корабль опять сдвинулся с места. Немного времени спустя девушка оставила меня, а сама пошла к своей тетушке, требующей заботы и внимания в силу пошатнувшегося душевного равновесия. Улучив такой момент, матросы обступили меня и стали спрашивать о мире за бескрайним зелеными покровом, поэтому весь следующий час приходилось отвечать на их многочисленные вопросы. Затем пришел второй помощник капитана и позвал их натягивать трос. Подчинившись приказу, они все вернулись к шпилю, и я пошел вместе с ними. Встав вокруг барабана, мы дружно налегли на свои вымбовки и двинулись по кругу, пока не подняли трос на нужную высоту. Потом все опять столпились вокруг меня и настояли на продолжении рассказа — все-таки за семь лет их заточения в открытом море изменилось очень многое! Я, в свой черед, спросил у них о том, о чем забыл спросить у мисс Мэдисон, и они поведали

мне о всех напастях, скрытых под водорослями; о непреодолимом страхе и отчаянии, накатывающих, лишь только стоило подумать о том, что всем им, до единого, суждено погибнуть здесь, не увидав снова родной земли и своих близких.

Вдруг я почувствовал, что очень сильно проголодался, так как отправился на корабль еще до обеда, положенного у нас по времени, и поэтому был совсем не прочь перекусить. Только о еде я как-то совсем забыл, потому что не видел, чтобы кто-нибудь из них на корабле ел. Вне всяких сомнений, все уже отобедали еще до того, как я перебрался к ним по тросу. Но теперь благодаря настойчивому урчанию своего желудка я понял, что мне требуется, и поинтересовался, нет ли у них чего-нибудь, чем можно было бы подкрепиться. В тот же миг один из матросов помчался к пышной тетушке на камбуз и сообщил ей, что я сегодня горюю без обеда. Из-за этого она очень сильно расстроилась, всплеснула руками и начала вовсю суетиться-хлопотать, тут же встав у плиты и приготовив для меня очень хороший обед. Сама же она его и принесла, и накрыла мне в кают-компании, после пригласив меня туда.

Устроившись поудобней, я вдруг услышал за своей спиной еле уловимый звук шагов по дере-

вянному полу, а когда обернулся, то увидел мисс Мэдисон, внимательно смотревшую на меня с озорным огоньком в глазах. Я сразу же вскочил на ноги, но она велела мне сесть, а сама расположилась напротив, продолжая добродушно подначивать меня и кокетничать. Я был не то чтобы против и ее игру решил поддержать в меру сил и возможностей. Немного погодя я опять пристал к ней с вопросами, и среди всего прочего мне удалось выяснить, что это она писала письма от лица всей команды корабля. На это я ответил, что так я говорил от лица всех наших ребят с острова. Постепенно в нашей беседе появились более личные нотки; тогда я от нее узнал, что ей примерно около двадцати лет, на что я ей ответил, что мне уже полных двадцать три. Мы сидели и болтали, позабыв обо всем, пока я не вспомнил, что мне уже пора готовиться в обратный путь на остров. Я встал и собрался уходить, но мне совершенно не хотелось спешить: я чувствовал себя на пике счастья, находясь рядом с ней, и в тот момент мне показалось, что ей тоже хочется, чтобы я остался. Впрочем, скорее всего, я это выдумал — и тем не менее, когда я собрался уходить, ничего похожего на раздражение я не заметил ни в ее жестах, ни в мимике. Хотя, вполне вероятно, я сам себе льщу.

Выйдя на палубу, я застал моряков снова натягивающими буксирный трос, и пока они не закончили, у нас с мисс Мэдисон было достаточно времени для разговоров обо всем, что только могло прийти в голову юноше и девушке, совсем недавно сведшим знакомство. Как только буксирный трос был приведен в рабочее положение, я поднялся на шканцы[61] и залез в люльку; один из матросов надежно закрепил меня на моем сидении. Правда, когда они стали сигнализировать, чтобы меня тянули на берег, никакого ответа не последовало. Мы увидели, что мои компаньоны с острова подают какие-то сигналы, но толком понять их не смогли, но сообразили, что сейчас меня нельзя отправлять обратно. В результате моряки с корабля отвязали меня, а сами стали составлять послание на остров, желая узнать, что же там произошло. В ответном сообщении говорилось, что буксирный трос местами протерся об острые камни утеса — порвалась одна или несколько из его прядей, поэтому придется

[61] Примечания: 61

Шка́нцы (от нидерл. schans; нем. Schanze — «вязанка хвороста»), или квартерде к (англ. quarterdeck, от quarter — «четверть» и deck — «палуба») — помост либо палуба в кормовой части парусного корабля, где обычно стоит шкипер, а в его отсутствие — вахтенные или караульные офицеры (там же устанавливали компасы). Позднее шканцами называли часть верхней палубы военного корабля от грот-мачты до бизань-мачты.

его ослабить. В то время они как раз этим и занимались — лазили на самый край обрыва, при этом от страха наверняка поминая всех святых. Так прошел, наверное, час; мы наблюдали за тем, как наши ребята возятся с тросом именно там, где он проходил над самым краем обрыва, и все это время мисс Мэдисон была рядом с нами и не спускала с них глаз. Смотреть на это было невероятно жутко: неизвестно почему вдруг начинало казаться, что кто-нибудь из них вот-вот сорвется со скалы. Наконец, ко всеобщему облегчению, с острова нам подали сигнал ослабить почтовую линию — что мы и сделали, давая возможность забрать на сторону острова транспортер, — и тянуть. Подтащив к себе канат, мы обнаружили мешок с письмом; боцман рассказал о том, что укрепил буксирный трос и обернул батенс, подложенный под него, новой порцией парусины, так что мы снова можем выбрать слабину шпилем. С этим он советовал быть осторожнее — не натягивать перлинь так туго, как раньше. В заключение боцман писал, что запрещает мне возвращаться на остров по крайней мере до тех пор, пока судно не достигнет открытой воды, ибо опасался, что канат мог ослабеть и в других местах и разойтись, если подвергнуть его существенной нагрузке.

Последнее замечание заставило всех нас встревожиться, ведь вероятность того, что боцман прав, существовала. Мы тешили себя тем, что канат ослаб и разошелся только в том месте, где терся о край утеса, и что в других местах он по-прежнему крепок. Я вовсе не был в этом уверен, ибо помнил: боцман первым делом позаботился именно о том, чтобы перлинь не перетерся о камни на обрыве. Я счел за лучшее промолчать: не хотелось огорчать моих новых товарищей попусту.

В конечном итоге эту ночь мне пришлось провести на корабле. Однако в тот момент, когда я шел следом за мисс Мэдисон в кают-компанию, я нисколечко о том не жалел. Кроме того, я почти забыл о всех своих страхах и переживаниях, связанных с тросом.

А на палубе все так же весело громыхал барабан шпиля.

Глава 16
Спасенные из плена

В кают-компании госпожа Мэдисон устроилась в кресле и, предложив мне сделать то же самое, начала разговор, который я оценил в различных аспектах. Сначала она выразила беспокойство относительно состояния каната, но я убедил ее, что нет повода для тревоги, и вскоре мы перешли к другим темам, а затем обсудили себя, как часто бывает между юношей и девушкой, — и могу сказать, что эта тема была нам наиболее близка. После этого в салон вошел второй помощник с запиской от боцмана, переданной Мэри с просьбой прочесть. Она сразу же предложила мне присоединиться к чтению, и из этого сообщения, составленного простым языком и со множеством ошибок, я узнал, что боцман предлагал переправить к нам на корабль длинные багры из тростника, чтобы раздвигать снопы водорослей перед кормой и упрощать движение судна. Когда мы передали содержание записки второму помощнику, он сказал, что будет очень благодарен за инструмент и обязательно опробу-

ет предложенный метод. Всю эту информацию Мэри сразу перенесла на новый лист бумаги и передала мне — на всякий случай, если я захочу добавить что-то свое.

Я не имел необходимости вносить дополнения, поэтому галантно вернул бумагу. Мэри передала ее второму помощнику, тут же отправившемуся на палубу, чтобы осуществить отправку на остров. Чуть позже за нашими спинами прошла пышная повариха с камбуза и стала накрывать стол, занимавший центр кают-компании. Занимаясь этим, она успела задать невероятное количество разных вопросов, при этом не особенно стесняясь в выражениях и, по-видимому, не особо волнуясь о том, что здесь, кроме меня, присутствует еще и девушка. Было видно, что она очень любит госпожу Мэдисон, и поэтому за такое поведение я ее ни за что и никогда не посмею упрекнуть. Ясно было и то, что девушка очень сильно любит свою няню. Женщина заботилась о ней все эти годы, проведенные в заточении на корабле — уча никогда не унывать и будучи трепетно преданной.

Я все продолжал отвечать на вопросы полногрудой хозяйки кухни, а между делом и на те, что мне осторожно подбрасывала госпожа Мэдисон.

Вдруг прямо над нашей головой раздался топот ног, а потом мы услышали глухой стук, будто что-то тяжелое бросили на палубу; кажется, с острова прибыла партия тростниковых багров. Когда мы вышли под сень надстройки, моряки уже начали разбирать ту ее часть, что прикрывала корму. Покончив с этой задачей и вооружившись массивными шестами, они стали ворошить морские сорняки, облепившие судно с бортов.

Я заметил, что они были готовы к возможной угрозе: около них стояли вооруженные мушкетами второй помощник и два матроса. Все здесь на личном опыте знали, что среди запутанных скользких стеблей могут скрываться неизвестные существа, и не спускали глаз с воды. Прошло немного времени, и стало видно, что меры, предложенные боцманом, несли результат: парус значительно опустился, и два матроса торопливо наматывали веревку на балер шпиля, чтобы не дать тросу коснуться воды.

Заметив, что их силы истощились, я быстро подоспел к ним с поддержкой; то же самое сделала госпожа Мэдисон, и я понял из ее энергичного и бескорыстного усердия, что Мэри не страшится никаких трудностей. Мы продолжали работать до того момента, пока вечер не окутал пустынные

просторы плавучего континента. Вскоре на палубу вышла повариха и приказала нам отправиться на ужин, обращаясь ко мне и госпоже Мэдисон с теплотой, словно мы были ее собственными детьми.

Мэри откликнулась, просив дать ей минутку времени, так как у нас важное дело, но ее нянька лишь засмеялась и, сделав потешно-строгое лицо, медленно приблизилась к нам, словно намеревалась увести нас насильно, как отводят шаловливых детей с улицы.

В этот момент, ни с того ни с сего, на корме прогремели мушкетные выстрелы, а потом по ушам ударили «голоса» других ружей, раскатистые, словно гром, — лишь в малой степени приглушенные огромной нависающей надстройкой. Парни, разрежающие водорослевые путы за кормой, внезапно бросили свою работу и кинулись врассыпную. Огромные толстые щупальца, как оказалось, пролезли в проем, проделанный в надстройке; задержавшись как будто в задумчивости над бортом, они рванулись внутрь и принялись алчно обшаривать все углы. Не растерявшись, дородная повариха схватила за шиворот матроса, оказавшегося рядом, и буквально спасла его от неминуемой гибели. Затем, схватив за руку мисс

Мэдисон, она побежала на верхнюю палубу. Это произошло в какие-то доли секунды, причем я даже не успел осознать того, что случилось, и в какой мы находимся опасности. Тем не менее я сообразил, что лучше держаться подальше от кормы, после чего сумел достичь безопасного места, где стоял и смотрел на громадное чудовище и его невероятных размеров щупальца, плохо различимые в сгущающейся тьме. Они извивались и рыскали по всем углам в поисках жертвы, но так никого и не смогли схватить. Вернулся второй помощник капитана, неся с собой ружья — достаточно, чтобы вооружить всю команду, плюс запасной мушкет для меня. Получив оружие, мы начали дружными залпами стрелять по наглому спруту. Взъярившись, этот непрошеный гость принялся шарить по палубе с пущей неистовостью; но вскоре его придатки, изрядно отягощенные лишним металлом, вяло сползли к отверстому проему и с всплеском скрылись под ковром из водорослей. Несколько ребят сразу кинулись ставить на место те части надстройки, что были убраны, и я поспешил за ними; правда, помощников там хватало, так что они сумели обойтись и без моих потуг. Благодаря тому, что я ничем не был занят, пока они заде-

лывали отверстие, я мог следить за обстановкой вокруг. От кормы корабля до самого острова вся поверхность воды очень сильно волновалась; ее покрывала рябь, словно где-то там металась громадная рыбина. Еще до того, как ребята поставили на место последнюю из щитовых досок, я заметил, как водоросли начало подбрасывать кверху, словно они варились в огромном котле. Через несколько секунд появились очертания тысяч огромных щупалец. Сперва они высоко взметнулись в воздух, а потом все разом потянулись к кораблю.

Моряки поставили последний щит на место и начали быстро укреплять его бревнами и толстыми досками. После завершения этой работы мы долго стояли, слушая внимательно, но в море звучала лишь грустная песнь ветра, реющего над темными просторами морских сорных полей.

Я был поражен этим явлением и, обратившись к морякам, спросил, почему не слышно шума от тварей, штурмующих корпус. В ответ они повели меня на смотровую площадку на верхней палубе. Глянув вниз, я увидел лишь неподвижные водоросли, шевелящиеся только под воздействием ветра. Нигде не было видно признаков морских чудовищ. Увидев мое недоумение, моряки пояс-

нили, что твари привлекаются любым шумом или движением, и направляются к источнику звуков, надеясь на добычу, но редко поднимаются на корабль, если на палубе нет движущихся объектов. Они утверждали, что иногда у судна собирается целая армия спрутов — они беззвучно покоятся среди водорослей, готовясь «выстрелить» щупальцами вверх, — но если мы будем осторожны и не станем привлекать их внимание, то к утру они все уйдут в глубину. Моряки рассказывали мне об этом с таким равнодушным отношением, как будто это было чем-то обыденным, ибо за годы они привыкли к подобным явлениям. Вдруг я услышал, что госпожа Мэдисон меня зовет, и спустился вниз, где горел целый легион самодельных масляных ламп. Позже я узнал, что это масло извлекали из туш определенных рыб, обитающих в море под водорослями и жадно ловивших любую наживку.

Но даже без этого света я осознал, что заставило ее выкликать меня. В темной ночи за кормой, в узком и длинном оконном проеме, маячила сверкающая золотая корона, похожая на ангельский нимб. Зрелище захватило меня. Я уставился на него в немом изумлении, не сразу осознав, что это огни наших костров на вершине утеса. Утес

терялся во мраке, из-за чего и казалось, что наш форпост попросту парит в воздухе. Пока я смотрел, на самом краю появился маленький силуэт человека; издалека казалось, что это какое-то насекомое, но по росту я понял, что это юнга Джордж пришел к обрыву — посмотреть на судно или проверить канат.

После моего выразительного словесного излияния госпожа Мэдисон открыла мне, что не раз вставала ночью тут, наслаждаясь прекрасным видом разведенного рукой человека огня. Возвращаясь на палубу, мы заметили, как матросы подготавливались к ночной смене, вращая шпиль и проверяя канаты. Они планировали дежурить поочередно, вызывая друг друга из кубрика по мере необходимости. Мэри проводила меня к выделенной мне каюте, после чего мы пожелали друг другу спокойной ночи и расстались: она отправилась в гости к тетушке, а я поднялся на верхнюю палубу — пообщаться с членом вахты. Там я оставался почти до полуночи, и за это время нам трижды приходилось вызывать остальных моряков, чтобы повернуть штурвал — до того быстро теперь продвигалось судно сквозь водорослевый пласт. В конце концов усталость взяла свое, и я, пожелав вахтенному удачного

дежурства, отправился в каюту и лег на койку, чтобы впервые за много-много недель провести ночь на удобном матраце.

Проснулся я утром от голоса госпожи Мэдисон, выкликавшей меня из-за двери каюты, шутливо называя меня лентяем и лежебокой. Вскочив в спешке, я быстро оделся и вышел в кают-компанию, где меня ждал готовый завтрак — только лишь глядя на него, я понял, что жалеть о раннем пробуждении не стоит. Однако, прежде чем я сел за стол, госпожа Мэдисон повела меня на смотровую площадку; она шла впереди, напевая что-то, не скрывая своего восторга и радости. Поднявшись на крышу надстройки и оглядевшись, я сразу понял, что у нее были все основания для этого: открывшаяся мне картина поражала и восхищала за пределами всякого воображения.

Всего за одну ночь произошло невероятное: корабль преодолел расстояние, равное двумстам саженям, сквозь водоросли и теперь находился всего в тридцати саженях от края плавучего континента. За моей спиной мисс Мэдисон пританцовывала, выстукивая рьяный ритм ножками по полу смотровой площадки и напевая один знакомый мне с детства мотив, который я уже не слышал лет, наверное, десять. Все это заставило

меня до самой глубины души прочувствовать, как долго эта милая и по-детски непосредственная девушка, которой только-только исполнилось тринадцать лет, когда корабль застрял среди этого бескрайнего царства Нептуна, была оторвана от мира. Затем, именно в тот момент, когда я повернулся к ней, высоко над нашими головами кто-то нас громко окликнул. Посмотрев наверх, я увидел, что на самом краю утеса стоит человек и машет нам обеими руками, и в то мгновение до меня дошло, как высоко вздымается холм. Казалось, будто он с минуты на минуту подступит вплотную к судну — хотя до самого ближнего края утеса все еще оставалось никак не меньше семидесяти морских саженей. Помахав товарищу в ответ, мы вместе с госпожой Мэдисон поспешили на палубу и принялись вращать барабан вместе с матросами, поскольку и нам хотелось принять участие в этом последнем усилии, призванном вырвать судно из долгого плена. Это, однако, была небыстрая работа, и пока мы не торопясь двигались вокруг шпиля, я нет-нет да и поглядывал на девушку, налегавшую на рычаг рядом со мной. Лицо у госпожи Мэдисон сделалось строгим и торжественным, и я подумал, что для нее эти минуты безумно важны — после

стольких лет в затерянном и страшном краю, где она день и ночь грезила о большом мире, ей предстояло наконец вернуться в него, жить в нем и на собственном опыте узнать, насколько он отличается от ее взлелеянной в семилетнем заточении мечты. Такими мыслями я про себя наделял ее ум, поскольку мне казалось, что на ее месте я бы думал лишь об этом; я даже сделал попытку — признаюсь, весьма неуклюжую — показать, что понимаю, какая буря бушует сейчас в ее душе. В ответ она подняла голову и улыбнулась — вроде бы весело, а вроде и с легкой тоской. Наши глаза встретились, и в ее взгляде я прочел нечто совершенно для меня новое — что-то такое, что меня вдруг бросило в жар от щемящей боли и сладостного восторга. Уж эти-то два чувства мое сердце молодого мужчины не замедлило истолковать единственно возможным образом! До этого я не осмеливался прислушиваться к его настойчивому шепоту, твердо зная только одно: без Мэри я сразу же начинаю томиться и тосковать, хотя нашему знакомству едва исполнились сутки.

Но вот госпожа Мэдисон опустила взгляд и стала смотреть на свои руки, лежавшие на вымбовке шпиля. Мне захотелось сказать ей что-то теплое, дружеское, но мне помешал крик второго

помощника, скомандовавшего:

— Взять шпиль на пал[62]! Вымбовки выбрать!

По этой команде матросы вынули вымбовки из гнезд шпиля и, побросав их на палубу, с громкими криками бросились к трапу, ведущему на наблюдательную площадку. Последовав за ними, мы с госпожой Мэдисон тоже поднялись на надстройку и увидели, что судно наконец вырвалось из цепкого плена сорных полей — и теперь двигалось в полосе вольной воды между островом и колонией водорослей.

Убежденные в том, что проклятый морской сорняк больше не держит судно, матросы заполнили воздух неистовыми криками, что не вызывало удивления или изумления: радость этих людей не поддается обычной оценке; мы тоже восклицали и смеялись вместе с ними, после чего госпожа Мэдисон вдруг схватила меня за рукав и указала на тот край острова, где утес выходил в море. Взглянув туда, я увидел, что наша шлюпка появилась из-за скалы, а вскоре заметил и боцмана, стоявшего на корме с рулевым веслом. Очевидно, за время, пока я оставался на борту корабля, он закончил ремонт этой посудины.

---

[62] Примечания: 62

Пал — металлический брусок, препятствующий обратному вращению шпиля.

Матросы заметили шлюпку и встретили ее громкими приветственными возгласами, одновременно готовя швартовый конец. При приближении шлюпки к кораблю мои друзья перестали грести, удерживая ее на месте, и с любопытством рассматривали нас. Боцман снял кепи и учтиво поклонился госпоже Мэдисон, заслужив улыбку в ответ. Позже Мэри призналась мне, что боцман ей понравился, хотя она не привыкла видеть таких высоких мужчин: раньше-то ей доводилось общаться исключительно с матросами из корабельной команды, а все они, по стечению обстоятельств, были мужчинами среднего роста.

Едва ребята с лодки нас приветствовали, боцман сообщил второму помощнику, что он проведет нас по морю к дальней части острова. Тот согласился — полагаю, недолго колебался этот малый, прежде чем сделать решающий выбор между возможностью сохранить свою жизнь или же погибнуть среди бескрайней плантации водорослей! Открепив буксирный канат на вершине холма, обрушившийся в воду с потрясающим всплеском и брызгами, мы его подняли на корабль с помощью шпиля, а затем в голове поставили шлюпку, чтобы она вела нас. Следуя за нею, удалось обогнуть самый дальний край

холма; но, почувствовав, что ветер крепчает, мы поспешили привязать к тросу верп[63] и подтянуться к наветренной части острова. Оказавшись в сорока морских саженях от береговой линии, мы прекратили травить трос и отдали верп.

После того как завозка и отдача верпа были завершены, второй помощник пригласил моих друзей на борт, и те не заставили себя долго ждать. Весь день прошел за бесконечной беседой, сопровождаемой обильным угощением, поскольку ребята с корабля никак не могли наговориться с нашими. Перед самыми сумерками они водрузили назад часть надстройки за обрубком бизани — прежде снятую, чтобы не мешала травить трос, — и, убедившись в том, что щит надежно закреплен, и ни одна морская тварь не пролезет во внутренние помещения, все как один завалились на боковую и заснули крепким сном. Отдых, что ни говори, многим из нас был крайне необходим.

На другой день второй помощник и боцман

---

[63] Примечания: 63

Верп — вспомогательный якорь на судне; используется в качестве станового якоря в случае его потери или в аварийных ситуациях, например для снятия судна с мели, перемещения его на другое место при отсутствии хода и т. п. В этих случаях верп завозится на шлюпках с кормы судна и сбрасывается в нужном месте. Самый большой верп на судне называется стоп-анкером.

дружно согласовали решение о демонтаже самодельной защитной конструкции над верхней палубой, установленной для отпугивания чудовищ. Экипаж судна приступил к этой задаче с огромным энтузиазмом. Однако задача выдалась трудная, и прошла почти неделя, прежде чем верхняя палуба была восстановлена. Начались поиски запасного такелажа — он давно не использовался, и никто точно не помнил, где его теперь искать; но нам он срочно требовался, чтобы поставить аварийную оснастку. На то, чтобы все найти, ушло еще полтора дня; потом мы принялись оснащать временные мачты из доступного нам инвентаря.

С того дня, как корабль был размачтован, прошло уже порядка семи лет. Несмотря на это, команда сумела сохранить почти весь рангоут прикрепленным к мачтам по той причине, что снять его не рискнули даже в момент смертельной опасности, когда корабль схлопотал пробитие в борту, и пришлось использовать почти все имеющееся дерево для ее заделки. Что и говорить, у экипажа были все основания быть теперь благодарными судьбе; а у нас в распоряжении появились и фок-рей, и марса-рей, и грот-брам-рей, и фор-стеньга. Кроме того, удалось

сохранить и многое другое — правда, пришлось использовать рангоут размером поменьше для укрепления надстройки, поэтому они его сохранили целиком, по всей длине, так как его не пришлось резать. Кроме спасенного рангоута уцелели запасная марс-стеньга, лежавшая хорошо связанной и прикрепленной внизу к фальшборту левого борта, запасной брам-рей и бом-брам-стеньга, также лежавшие прикрепленными и связанными, только уже вдоль правого борта.

Первым делом второй помощник и боцман велели корабельному плотнику заняться запасной марс-стеньгой, поручив ему сделать для нее лонга-салинги, краспицы и наделки в виде толстых досок для поддержки лонга-салингов[64] и огонов[65] верхотур стоячего такелажа; при этом они не стали его утруждать сверх меры и велели пока вместе их не собирать. Затем они распорядились подготовить те же элементы для фор-стеньги,

---

[64] Примечания: 64

Ло́нга-са́линги — продольные брусья, прикрепленные к нижней части топа мачты или стеньги, служащие как основа марса или салинга. Краспица — на больших парусных судах поперечный брус, укладываемый на лонга-салингах и являющийся составной частью марсов и салингов.

[65] Примечания: 65

О́гоном называется петля, сделанная в конце или середине троса путем пробивки прядей. По назначению и способу изготовления огоны бывают простые, рангоутные, подковообразные, разрубные и связные.

запасной брам-стеньги и бом-брам-стеньги. Пока одни готовили оснастку, другим поручили установить временную грузовую стрелу, с чьей помощью собирались поднять запасную марс-стеньгу и поставить ее вместо грот-мачты. Когда же плотник выполнил все поручения, его послали вырезать на палубе три пяртнерса[66], по одному для каждой мачты, а потом установить для каждой мачты степс[67], куда вставлялись шпоры мачт[68]. Когда и это было сделано, потребовалось усилить их, поставив дополнительно полубимсы между мачтовыми бимсами[69] перед каждым обломком мачты и наложить на каждый пяртнерс брюканец[70]. Затем, подняв грот-мачту, мы поставили ее на подготовленное место и начали оснащать. Далее мы перешли к фок-мачте,

---

[66] Примечания: 66

Пя́ртнерс (от англ. partners, мн. ч.) — отверстие в палубе, через которое проходит нижний конец мачты, а также устройство упора бушприта.

[67] Примечания: 67

Степс — деревянное или железное гнездо, куда вставляется мачта своим шпором.

[68] Примечания: 68

Шпор мачты (англ. heel of a mast) — нижний конец всякого вертикального дерева (мачты, стеньги), а также внутренний конец у бушприта, утлегаря, выстрела и лисель-спирта.

[69] Примечания: 69

Бимс (от англ. beams — «брусья») — поперечная балка, поддерживающая палубу; предназначена для придания жесткости перекрытиям; распределения нагрузки палубы на борт, конструкции и переборки;

обеспечения поперечной прочности корабля. Полубимс — бимс, идущий не по всей ширине корабля, а от борта до карлингса или до выреза в палубе.

[70] Примечания: 70

Брюка́нец — кусок крашеной или просмоленной парусины, предохраняющий от попадания воды в щель между палубой и мачтой парусного корабля (судна) или в амбразуру орудийной установки.

поставив вместо нее фор-стеньгу из корабельного запаса, а последней укрепили бизань-мачту, вместо нее задействовав запасные брам-стеньгу и бом-брам-стеньгу.

Способ, избранный нами для того, чтобы закрепить мачты, перед тем как оснащать их такелажем, заключался в привязывании их тросом к обломкам нижних частей мачт. Ставя мачту, мы сначала забивали в пяртнерс клинья, жестко фиксирующие ее положение, а потом привязывали ее к обломку и засовывали деннаж[71] между мачтой и тросом для надежности, причем таким образом закрепляли каждую мачту. Устанавливая оснастку, мы были уверены в том, что мачты выдержат любые паруса, какие бы мы на них ни навесили. Но еще до того, как мы подняли мачты, боцман велел плотнику изготовить из квадратного дубового бруска толщиной в шесть дюймов эзельгофты[72]. Квадратным пазом они должны были надеваться на обтесанные надломы нижних мачт, а круглый паз предназначался

[71] Примечания: 71

Денна́ж — наполнитель или материал, употребляемый на судах для более компактной укладки груза и предупреждения перемещения груза во время качки.

[72] Примечания: 72

Эзельго́фт — деталь крепления добавочных рангоутных деревьев к основным.

для аварийной мачты. Боцман надоумил сделать их из двух брусков — для более легкого скрепления после того, как мачта будет установлена. На грот-мачту мы подняли фока-рей, выступавший теперь за грот-рей; точно так же мы укрепили на фоке марса-рей, а на бизани — брам-рей; рангоут был практически готов, за исключением бушприта с утлегарем[73]. Короткий и толстый бушприт с заостренным концом мы вытесали из перекладины, служившей одной из опор временной надстройки; у нас, однако, имелись все основания опасаться, что он не выдержит натяжение бакштага и фока-штага, поэтому для надежности мы пропустили оба каната через якорные клюзы и там закрепили. На реях мы подняли столько парусов, сколько мог понести наш временный рангоут, и на том завершили работы по перевооружению судна.

Теперь ничто не мешало нам отправляться в путь! Но, дорогой читатель, боюсь, что я бросил тебя на произвол судьбы посреди водоворота из судостроительного жаргона, и за это я прино-

---

[73] Примечания: 73

Утле́гарь (от нидерл. uitleggen — букв. «удлинять») — добавочное рангоутное дерево, служащее продолжением бушприта вперед и вверх. Иногда к утлегарю в качестве его продолжения крепят бом-утлегарь — равноценное рангоутное дерево, являющееся продолжением утлегаря.

шу свои самые искренние извинения, надеясь успокоить твои паруса, когда будем мы вместе бороздить недолгие воды, разделяющие нас с финалом этой истории.

Итак, на то, чтобы оснастить корабль, поставить паруса и подготовиться к плаванию, мы потратили без малого семь недель. За все это время ни одно из жутких детищ Нептуна не нападало на нас. Хотя, вполне вероятно, причина в том, что мы постоянно жгли костры из высушенных водорослей у себя на палубе. Их мы разводили на плоских камнях, которые переправили с острова специально для того, чтобы не повредить корабль. Несмотря на то что чудовища нам никаких неприятностей не доставляли, далеко не один раз приходилось нам обнаруживать присутствие довольно странных существ недалеко от корабля. При этом несколько пучков горящих водорослей, свешенных через борт на стеблях тростника, всегда служили достаточной мерой, способной отпугнуть непрошеных гостей.

И вот наконец настал тот день, когда мы были уже настолько готовы, что боцман со вторым помощником решили отправиться в плавание. Предварительно плотник с особой внимательностью осмотрел корпус судна и убедился в том,

что он нигде не течет. Все днище корабля и вся нижняя часть наружной обшивки были толстым слоем покрыты моллюсками, водорослями и прочими морскими паразитами, но с этим мы ничего поделать не могли — у нас не было никакой возможности произвести очистку корпуса и днища судна, учитывая то, что воды вокруг нас кишмя кишели адскими чудовищами.

За эти семь недель госпожа Мэдисон и я сильно сблизились, и я повадился называть ее просто Мэри, забыв про все другие имена, и это ее имя стало для меня легко узнаваемым, если не самым дорогим среди всех других женских имен, вместе взятых. Впрочем, все это может показаться читателю буйством фантазии, если я начну открывать сердце и излагать свои чувства здесь, на бумаге.

Сейчас я снова думаю о нашей любви и пытаюсь понять, как этот великий человек, наш боцман, смог так быстро догадаться о том, что мы со всей тщательностью скрывали от всего мира. Потому что в один прекрасный день он очень тонко намекнул мне на это, сказав, что до него вдруг дошло, «в какую сторону дует ветер». Сказано это было вроде как в шутку — или, может, мне показалось, что в его голосе я уловил легкую иронию. Как бы там ни было, в ответ я смог лишь

только хлопнуть своей ладонью по его ладони, а он крепко пожал мне руку в ответ — и сразу ушел от этой темы.

Глава 17
Как мы вернулись на родину

Когда же наконец-то настал день исхода от далекого острова и из вод странного моря, в сердцах наших поселилась некая необычайная легкость. Благодаря ей мы весело и дружно брались за любую работу, какая только требовалась на корабле. Не успели мы оглянуться, а уже пора было отправляться в путь. Мы выбрали верп и резко дали право руля, а чуть позже положили судно на левый галс без каких-либо трудностей (хотя наша оснастка скрипела и стонала — этого стоило ожидать). И вот мы уже готовы выйти в отрытое море! Вся команда собралась на палубе у подветренного борта, чтобы последний раз окинуть взглядом остров. Попрощаться с царством Нептуна вместе с нами пришли и хозяева корабля. Воцарилось молчание, длившееся совсем недолго. Тихо стояли они рядом с нами и смотрели куда-то вдаль за корму, при этом не произнеся ни единого слова. Мы понимали, почему они молчат: сколько лет им пришлось пробыть здесь в плену водорослей, в окружении демонов моря!

Боцман подошел к передней оконечности полуюта и велел всем собраться на корме, что ребята и сделали, и я тоже пошел вместе с ними, потому что теперь я считал себя членом команды, а их — самыми лучшими товарищами. Всем матросам налили по стопке рома, да и меня не обделили. После передышки боцман велел команде убрать инструменты с палубы и проверить, все ли в порядке. Я тоже пошел выполнять его приказ вместе со всеми, за столько дней уже привыкнув работать в команде. Тогда он велел мне подняться на полуют, что я и сделал. Там он стал разговаривать со мной очень уважительно и напомнил мне о том, что теперь для меня нет никакой необходимости выполнять тяжелую работу на корабле, ибо ко мне снова возвращаются все права пассажира, какие я имел до того, как «Глен-Карриг» потерпел крушение. На это я ему ответил, что я имею такие же права, как и любой из членов его команды честно отработать свое право вернуться домой, а также сказал, что я заплатил за билет на «Глен-Карриг», но я не платил за билет на «Буревестник» — так назывался этот корабль. На это мне боцман ничего не ответил, но я почувствовал, что ему понравился мой настрой, и поэтому с этого самого момента до того,

как мы достигли лондонского порта, я принимал участие во всех работах, исполняемых моряками на корабле во время плавания в открытом море и благодаря этому приобрел достаточный профессиональный опыт, умение и сноровку. Я без жалости поступился всеми привилегиями, какие мне давал пассажирский статус, и сказал, что буду жить вместе со всей командой в отсеке в кормовой части корабля. Это давало мне возможность видеть гораздо чаще мою возлюбленную, мисс Мэдисон.

Но вернемся ко дню нашего отплытия. После полудня боцман и второй помощник разделили между собой смены на вахте, и мне досталась смена у боцмана, что меня очень обрадовало. После того как вахтовых назначили, наши командиры дали каждому задание и велели драить палубу, чистить якорные цепи — в общем, приводить корабль в должный вид. В результате, ко всеобщей радости, наш «Буревестник» засияла чистотой.

Сразу после этого мы приступили к повороту через фордевинд. Понадобились все рабочие руки на борту; нам удалось исполнить маневр удачно, хотя изначально имелось сомнение, что с такими парусами да обросшим днищем нам придется долго маневрировать, чтобы изменить курс.

Вдруг нас начнет сильно сносить в подветренную сторону — тогда как мы старались, насколько это возможно, держаться наветренной, стремясь держать предельно большую дистанцию между нашим кораблем и плантацией водорослей? Помню, пару раз — а может, и больше, — нам приходилось делать поворот оверштаг[74]; причем, резко поворачивая во второй раз, мы чуть не наскочили на пласт водорослей, дрейфовавший прямо под нашим носом. Все море с наветренной стороны до острова, чью самую высокую гору мы все еще видели с борта корабля, покрывали праздно качающиеся на волнах массы водорослей. Иные напоминали небольшие островки, иные — далеко выступающие рифы. Из-за этих масс все море вокруг острова оставалось тихим и спокойным — даже случайная волна не достигала берега острова, несмотря на то что в течение многих дней дул довольно крепкий ветер.

Когда наступил вечер, мы опять были вынуждены лечь на левый галс, делая примерно четыре узла в час. Будь у нас хорошая оснастка и чистое, без ракушек и моллюсков, днище, при таком ветре и спокойном море мы могли бы делать

---

[74] Примечания: 74

Поворот оверштáг — изменение курса корабля с переменой галса.

восемь, а то и все девять узлов. Но, вопреки всем трудностям, плыли мы по морю уверенно. Остров находился с подветренной стороны — отсюда до него было приблизительно миль пять, но если брать с кормы, то впору счесть и все пятнадцать. Время шло; мы уже готовились ко сну, как вдруг, незадолго до ночи, обнаружили, что граница плавучего континента впереди круто изгибается в нашу сторону и если мы снова не изменим курс, то пройдем в полумиле от нее. Боцман и второй помощник стали совещаться, не разумнее ли будет лечь на другой галс и сохранить максимальное удаление судна от морских сорных полей? В итоге сошлись на том, что бояться нам нечего — мы что так, что сяк шли по чистым водам, и казалось маловероятным, что обжившие эту колонию водорослей твари попытаются совершить в нашу сторону марш-бросок длиной в полмили. Мы оставили курс неизменным, решив, что если заметим, как водоросли сильнее выдаются на восток, то сразу сделаем резкий поворот на все девяносто градусов и с ветром в

раковину[75] уйдем от них.

С восьми вечера до полуночи боцман должен был нести вахту — все восемь склянок; а я с еще одним матросом должны были его сменить и дежурить четыре склянки[76]. Во время нашей вахты мы держались вместе и дружно ходили по палубе взад-вперед. Сложилось так, что судно проходило мимо колонии именно в нашу вахту, поэтому мы весьма пристально вглядывались во мрак с подветренной стороны. Ночка выдалась темная — луна ожидалась только ближе к утру, — а близость плавучего континента, с чьими кошмарами мы все уже в душе попрощались, переполняла сердца тревогой. Тут матрос, несший вахту со мной, резко схватил меня за плечо и махнул рукой на нос судна. Повернувшись в ту сторону, я увидел, что «Буревестник» подошел к сорным полям ближе, чем рассчитывали боцман

---

[75] Примечания: 75

Раковина (морск.) — на парусных судах свес на бортах кормовой части судна, где располагались сантехнические принадлежности. В дальнейшем, с изменением конструкции корпуса, выражение «на правой / на левой раковине» стало означать «справа/слева по корме».

[76] Примечания: 76

Склянкой на флоте, помимо песочных часов с получасовым ходом, называли сам получасовой промежуток времени. Количество склянок показывает время (счет ведется с полудня). Так, восемь склянок означают четыре часа. Через каждые четыре часа на судне сменяется вахта, и счет склянок начинается снова.

и второй помощник, по-видимому, забывшие взять в расчет дрейф в подветренную сторону. Недолго думая, я закричал боцману, что мы скоро врежемся в водоросли; тогда он приказал рулевому повернуть штурвал крепче против ветра, и в тот же момент «Буревестник» проскользнул по толстому слою плавучих сорняков. Мы все сдерживали дыхание, ожидая целую минуту, и в конце концов корабль благополучно миновал препятствие, оказавшись в открытой воде за колонией. Но пока мы продолжали движение, задевая обшивкой за колышущиеся на волне водоросли, я увидел нечто белое, быстро скользящее между запутанных стеблей. Разглядев еще несколько светлых пятен в мутной воде, я мгновенно спустился на палубу и помчался к боцману на корму.

Добежав до середины главной палубы, я увидел, как морская мерзость — уже знакомый белесый клювастый упырь, — перелазит через леерные ограждения правого борта. Я сразу заорал во все горло, чтобы разбудить всех, кто был на корабле, затем схватил вымбовку со стеллажа поблизости, и со всей силы врезал по слизню, при этом продолжая заходиться в крике и звать на помощь. Монстр с проломленной головой

соскользнул назад в море; ко мне в этот момент как раз подоспели боцман, юнга Джордж, сильно возмужавший в ходе всех наших приключений, Ремус и другие матросы.

Боцман видел, как я ударил тварь, и, вскочив на планширь, выглянул вниз — но тотчас отпрянул назад, крикнув мне, чтобы я поднимал по тревоге дневную вахту. Все море кишело морскими дьяволами, быстро плывшими к судну от края водорослевой колонии! Я со всех ног бросился в кубрик будить остальных матросов; оттуда побежал на корму, где находилась каюта второго помощника, и минуту спустя снова вернулся на палубу, неся палаш, фонарь, висевший на крючке в кают-компании, и абордажную саблю боцмана.

Вернувшись, я поразился тому, как стремительно развивались события. Ребята бегали по палубе в одних кальсонах и ночных рубашках, кто-то с камбуза принес огня, а другие подожгли сухие водоросли с подветренной от камбуза стороны. В это время вдоль леерных ограждений правого борта уже во всю кипела кровавая битва: команда, подобно мне в свое время, хватала вымбовки и крушила ими черепа врагов. Мне удалось ловко бросить саблю боцмана точно ему в руки; в ответ он издал громкий клич, чтобы поднять наш бое-

вой дух, выхватил фонарь из моих рук и ринулся к левому борту еще до того, как я успел понять, что я остался без света. Я побежал за ним, в тот момент не имея ни малейшего представления о том, до чего удачный момент был выбран для обороны левого борта. В свете фонаря я узрел трех упырей, перелезающих через леерные ограждения; не успел я подойти к боцману, а он уже порубил их всех на куски. Однако и для меня в скором времени нашлась забава по плечу, поскольку ближе к корме — немного дальше от моей позиции, — на палубу высыпал десяток кошмарных тварей. Я атаковал их с яростью былинного героя — и, наверное, погиб бы, не подоспей ко мне на выручку Ремус.

К тому моменту вся палуба светилась ярким огнем — на ней горело несколько костров, к тому же второй помощник принес с собой несколько зажженных фонарей. Схватившись за сабли, всяко больше подходившие для сражения, чем вымбовки, матросы ринулись в бой с новой силой. Ужасный смрад поднимался от мертвых тел наших потусторонних врагов; ют превратился в сущую преисподнюю. Услышав мольбу о помощи, я рванулся вперед, и вдруг увидел, как дородная повариха, орудуя топором для рубки мяса, тюк-

нула по голове упыря, посмевшего распустить свои щупальца и ухватить ее за платье. Впрочем, если бы она сама не сумела его прикончить, то мой палаш помог бы ей в этом наверняка. Еще раз оглянувшись по сторонам, я вдруг увидел, как жена капитана с огнем разъяренной тигрицы в очах орудует морским кортиком с ловкостью, какой я от нее вовсе не ожидал. Ее уста были разомкнуты, являя миру плотно сжатые зубы. В миг смертельной опасности она не кричала, не дозволяла себе лишнего слова; такова была ее отложенная месть морю за гибель мужа.

Какое-то время я сражался вместе со всеми. В пылу боя мне удалось найти повариху и спросить у нее, где сейчас находится мисс Мэдисон. Задыхаясь, она ответила, что заперла ее в своей каюте, подальше от беды. Узнав об этом, я был готов ее расцеловать, ибо мне во чтобы то ни стало требовалось убедиться, что моей возлюбленной ничего не грозит.

Вскорости бой пошел на убыль, а там, наконец, и окончился — враг был разгромлен, а корабль отошел довольно далеко от сорных полей и теперь находился на открытом месте. Я побежал к моей возлюбленной и отпер дверь в каюту. Какое-то время она плакала, обняв меня за шею;

страх за меня и за всю команду корабля едва не доконал ее. Вскоре, утирая слезы, она выразила серьезное недовольство поварихе за то, что та заперла ее, и почти час отказывалась разговаривать с этой доброй женщиной. Тем не менее, лишь только я сказал ей, что она могла бы серьезно помочь с обработкой полученных в битве ран, столь знакомые мне веселость и ясность взора снова вернулись к ней. Прихватив бинты, мазь и корпию, она отправилась лечить раненых.

Позднее на корабле снова поднялась суматоха: выяснилось, что куда-то пропала жена капитана. Узнав о случившемся, боцман и второй помощник организовали поиски, но нигде не смогли ее найти, и с тех самых пор никто на корабле нигде ее больше не видел. Похоже, водорослевый народ все-таки взыскал с нас еще одну, последнюю, жертву. Три дня и три ночи, измотавшись и доведя себя до полного упадка сил, моя возлюбленная не могла найти себе места. За этот срок «Буревестник» отошел на довольно приличное расстояние, оставив бескрайние просторы зеленого царства смерти далеко по правому борту.

После путешествия, длившегося без малого семьдесят девять дней, если считать со дня отчаливания, мы прибыли в порт Лондона, отка-

завшись по пути от всех предложений о помощи. Здесь я попрощался со своими товарищами, ставшими мне едва ли не братьями за столь долгие месяцы пережитых вместе опасностей и приключений. При этом, являясь человеком, не лишенным средств к существованию, я позаботился о том, чтобы каждый из моих друзей получил ценный дар на добрую память обо мне. Кроме того, я обеспечил нашу пышную повариху — так, что теперь ей не было никакой необходимости работать на мою возлюбленную. Для успокоения своей совести она пошла со своим мужем в церковь, как и положено, и там они обвенчались, а после этого поселились в небольшом домике на краю моего поместья. Все это произошло после того, как моя несравненная мисс Мэдисон заняла законное место супруги и стала полноправной хозяйкой в моем имении, расположенном в графстве Эссекс. Что ж, если кому-то из вас доведется побывать в моем поместье, там вы всегда можете встретить человека могучего телосложения, пусть даже и немного прибавившего в летах и изрядно поседевшего, удобно устроившегося на крыльце; можете, если вам вдруг захочется, завести долгий разговор о неизведанных землях, куда еще не ступала нога

человека, и узнать о бескрайней плантации водорослей с ее жуткими обитателями, несущими смерть; послушать о Земле Обреченных, каковую некий Божий произвол засадил деревьями, что некогда были людьми, и о многом другом… Но если вдруг дети спустятся на крыльцо — нам, добрый сэр, придется переменить тему; потому что в присутствии детей нужно говорить только о светлом и о любви, и ни в коем случае — никаких страшных рассказов.

Саргассово море

Захватывающие и подчас печальные истории о том, как моряки и путешественники противостоят зловещему очарованию моря, претворяя извечную борьбу с непостижимой мощью природы, завораживающие и наводящие ужас, посвященные местам, где в равной степени торжествуют красота и мерзость, надежда и отчаяние, — изведанные из разных источников и надлежащим образом беллетризованные Уильямом Хоупом Ходжсоном.

Из моря без отливов и приливов
Часть первая

Капитан шхуны, перегнувшись через поручень, с минуту пристально всматривался вдаль.

— Дай бинокль, Джок, — сказал он, протягивая назад руку.

Джок, бросив на мгновение штурвал, исчез в небольшом сходном люке. Он тут же вернулся с приспособлением и вложил его в протянутую руку. Изучив предмет в бинокль, капитан опустил его и протер линзы.

— Похоже, там полузатопленная бочка… Кому-то еще и разрисовать ее вздумалось, — еще раз взглянув, проговорил он. — Круче держи к ветру, Джок, тогда нам удастся получше ее рассмотреть.

Джок повиновался, и вскоре шхуна двинулась почти прямо на предмет, привлекший внимание капитана. Когда до него оставалось футов пятьдесят, он крикнул юнге, чтобы тот передал отпорной крюк.

Шхуна, поскольку ветер едва дул, приближалась очень медленно. Наконец бочка оказалась

в зоне досягаемости, и капитан попытался зацепить ее отпорным крюком. От его толчков она закачалась на водной глади и чуть было, как показалось на мгновение, не ускользнула.

Затем он крепко зацепил крюком привязанную к ней гнилую на вид веревку. Капитан не стал поднимать найденный предмет за веревку, а приказал юнге обвязать его булинем. После того как это было сделано, они вдвоем втащили его на палубу.

Да, это оказался небольшой бочонок для воды! Его верхнюю часть украшала изрядно испорченная надпись — какое-то написанное краской название.

— «Д… МОС», — с трудом прочел капитан и поскреб голову. — Взгляни-ка сюда, Джок. Посмотри, может, ты чего поймешь…

Стоявший за штурвалом Джок нагнулся, откашлялся и уставился на бочонок. С минуту он молча разглядывал его.

— Похоже, часть букв смыло водой, — наконец проговорил он. — Сомневаюсь, что нам удастся хоть что-то прочесть. Или, быть может, в конце концов и удастся? — предположил он, чуть подумав. — Да, поломаешь тут голову…

— Она пробыла в воде чертовски много време-

ни, — заметил капитан, переворачивая ее вверх дном. — Смотри, сколько тут усоногих! — А затем бросил юнге: — Принеси из рундука топорик.

Пока юнга отсутствовал, капитан наклонил бочонок и сбил часть рачков с днища. Вместе с ними отвалилась и покрытая смолой раковина. Он наклонился и внимательно посмотрел на нее.

— Будь я проклят, если бочонок не осмолили! — воскликнул он. — Его нарочно бросили в море и не хотели, чтобы то, что там находится, было повреждено.

Капитан сбил еще один крупный кусок смолы, покрытый рачками. Затем, повинуясь внезапному порыву, он поднял бочонок и хорошенько встряхнул его. Послышался глухой стук, словно внутри находился небольшой и мягкий предмет. Тут юнга принес топорик.

— Отойди! — крикнул капитан и поднял топорик. В следующее мгновение он вогнал его в край бочонка, затем порывисто подался вперед, засунул внутрь руку и вытащил небольшой, зашитый в клеенку сверток.

— Не думаю, чтобы здесь было что-то ценное, — произнес он. — Но, полагаю, нам будет что порассказать, когда окажемся дома.

При этих словах он разрезал клеенку. Под ней

оказался еще один слой из того же материала, под ним третий, а под ним продолговатый сверток в просмоленной парусине. Когда ее содрали, взору представился черный, цилиндрической формы ящик, оказавшийся на самом деле жестяной банкой, залитой смолой. Внутри нее, тщательно завернутые в клеенку, лежали свернутые в трубку исписанные листы бумаги. Капитан потряс содранную клеенку, но больше ничего не нашел. Он протянул Джоку рукопись и сказал: «Это больше, полагаю, по твоей части, чем по моей. Ты читай, а я послушаю».

— Принеси сюда ужин. Мы с помощником устроимся здесь, ты же встань к рулю… Ну, давай, Джок!

И Джок начал читать.

— «Гибель „Домоседа“».

— «Домоседа»! — воскликнул капитан. — Ба, да он пропал, когда я еще был парнишкой. Дай-ка вспомнить. В семьдесят третьем. Ага, точно. В конце семьдесят третьего он вышел в море, и больше о нем никто не слышал. Во всяком случае, я. Дальше, Джок…

* * *

...Сегодня сочельник. Два года тому назад мы пропали для всего мира. Два года! А кажется, будто двадцать лет прошло с тех пор, как я в последний раз праздновал сочельник в Англии. Сейчас о нас, верно, уже забыли, а это судно числится среди пропавших без вести! Боже мой! При мысли о том, как мы одиноки, я задыхаюсь и у меня теснит грудь!

Я пишу эти строки в кают-компании парусника „Домосед“ и почти не надеюсь, что они когда-нибудь попадут на глаза человеку, ибо мы находимся в сердце мертвого Саргассова моря — моря без приливов и отливов в Северной Атлантике. Со сломанной бизань-мачты видно, что до самого горизонта тянутся бесконечные водоросли — коварное, молчаливое и безбрежное пространство, затянутое илом и внушающее омерзение.

По левому борту на расстоянии семи или восьми миль виднеется какая-то бесформенная, бесцветная масса. Ни одному из тех, кто впервые увидел бы его, и в голову бы не пришло предположить, что это остов какого-то длинного заблудившегося судна. Из-за странной надстройки на нем оно

мало напоминает морской корабль. Изучение судна с помощью оптической трубы позволило установить, что ему уже много лет. Сто, а может, и двести. Только представьте! Двести лет посреди этой мерзкой пустыни! Целая вечность.

Сначала мы гадали, что же это за необычная надстройка. Позднее мы узнали ее назначение на своем опыте — и воспользовались уроком, преподанным давно отошедшими в мир иной моряками. Удивительно, что мы оказались вблизи этого капища смерти! Никогда не думал, что на земле может быть столько одиночества, сколько сейчас вокруг меня; пройди я сотню миль в любом направлении, даже тогда бы мне не попалась ни одна живая душа! А то судно, одиноко нарушавшее монотонный пейзаж, памятник скорби, лишь усиливало ужас одиночества, ибо оно являлось олицетворением страха, повествовало о трагедиях, прошлых и грядущих!

Ну а теперь обратимся к началу. Я поднялся на борт „Домоседа“ как пассажир в начале ноября. Мое здоровье оставляло ожидать лучшего, и я надеялся, что морское путешествие пойдет мне на пользу. Первые две недели стояла ненастная и безветренная погода. Затем подул южный ветер, и мы на всех парусах промчались через сороковые

широты, правда, дальше на запад, чем хотелось бы. Здесь мы попали в чудовищный ураган. Наше положение было столь опасным, что на уборку парусов послали не только матросов, офицеры тоже, желая помочь им, полезли наверх. На юте остались капитан (вставший за штурвал) и я. На главной палубе кок по указу главного помощника отпускал канаты. И тут где-то впереди, в слабом тумане, я заметил по левому борту очертания громадного черного облака.

— Смотрите, капитан! — воскликнул я, но оно исчезло, прежде чем я успел договорить. Спустя минуту оно появилось снова, и на сей раз его увидел и капитан.

— Боже правый! — закричал он и бросил штурвал. Капитан прыгнул в сходной люк и схватил рупор. Затем выскочил на палубу и поднес его к губам.

— Все вниз! Вниз! Вниз! — закричал он. И вдруг его голос заглушили страшные отзвуки шума, доносившегося с левого борта. Это был глас бури — рев. Боже мой! Ничего подобного мне ни разу не доводилось слышать! Он прекратился так же внезапно, как и начался; и в наступившей тишине было слышно, как стонут снасти. Затем с палубы донесся лязг меди, и я быстро обернулся.

Капитан бросил рупор и ринулся к штурвалу. Я взглянул наверх и увидел, что многие матросы уже добрались до такелажа и с кошачьей ловкостью стремительно спускаются вниз.

Рядом послышалось быстрое прерывистое дыхание капитана.

— Держитесь крепче, если хотите жить! — закричал он хриплым, одичавшим голосом.

Я взглянул на него. Он пристально, с какой-то болезненной напряженностью всматривался в ту сторону, откуда дул ветер. Я тоже поглядел туда и увидел всего в каких-то четырехстах футах громадную массу пены и воды, шедшую прямо на нас. Тут же послышался ее свист и сразу же визг, столь сильный и страшный, что я невольно сжался от ужаса.

На переднюю часть судна обрушился поток воды и пены. Парусник тут же наклонило на борт, и над ним полетели громадные фонтаны морской пены.

Казалось, ничто уже не спасет нас. Мы переворачивались, и вот я уже качаюсь на палубе, как на стене дома, ибо успел, когда капитан крикнул, ухватиться за леер. Вися на нем, я стал свидетелем странного происшествия. Передо мной находилась ютовая шлюпка. Внезапно с

нее, словно огромной невидимой рукой, сорвало парусину. В следующее мгновение в воздух, подобно перьям, полетели весла, мачты и разные странные приспособления, брошенные ветром в ревущий хаос пены. Шлюпку же, приподнятую с полуклюзов, неожиданно швырнуло на главную палубу, где она, разбившись, осталась лежать грудой белых обломков.

Миновала самая страшная минута; затем вдруг парусник выпрямился, и я увидел, что снесло три мачты. Рев шторма был столь ужасен, что я не услышал, как они ломались.

Я взглянул в сторону штурвала, но там никого не было. Затем я разглядел возле леера какую-то бесформенную массу. Пробравшись с трудом к ней, я увидел, что это лежит капитан. Он был без чувств, а его правая рука и нога были какими-то обмякшими. Несколько матросов ползли по юту к кормовой части судна. Я подозвал их кивком головы, указал сначала на руль, затем на капитана. Двое матросов направились ко мне, один — к штурвалу. Тут сквозь водяную пыль я разглядел фигуру второго помощника. С ним были матросы, толкавшие перед собой канатную бухту. Они торопились, как я узнал впоследствии, поднять плавучий якорь и развернуть судно

носом к ветру.

Мы снесли капитана в его каюту и положили на койку. Затем, оставив его на попечении дочери и стюарда, я вернулся на палубу. Через минуту наверх поднялся и второй помощник, а с ним все, кто уцелел. Всего, как оказалось, семь человек — остальные погибли.

День прошел ужасно: ветер с каждым часом крепчал, хотя даже самые сильные его порывы и отдаленно не походили на тот первый шквал.

Наступила ночь — ночь страха, когда громадный океан грохотал и свистел в воздухе над нами, а ветер ревел, словно первобытный громадный зверь.

Потом, перед самым рассветом, ветер стих почти мгновенно; парусник закачался и опасно накренился, и вода — сотни тонн! — захлестнула палубу. Тут ветер снова обрушился на нас, в основном на бимс, и положил судно на бок — с такой силой воздействовала стихия на его застывший корпус. Когда мы снова встали носом к ветру, парусник выпрямился и поплыл среди тысяч фантастических холмов фосфоресцирующего пламени.

Ветер опять улегся — и вновь, после еще более длительного перерыва, подул, а потом снова,

в один миг, утих. И затем в течение ужасных тридцати минут судно двигалось по самому страшному, безветренному морю, какое только можно вообразить. Не было никаких сомнений, что мы угодили в спокойный центр циклона — спокойный, поскольку здесь не было ветра, но в то же время в тысячу раз опасней, чем самый неистовый ураган.

Ибо мы окружены огромным Пирамидальным морем — если однажды увидишь эти водные просторы, вовек их не забудешь! В этом море из пучин океана восстают к небесам громадные столбы воды, не устремляющиеся под давлением ветра вперед, а вздымающиеся все выше — и низвергающиеся, ярясь и пенясь, с продолжительным грохотом вниз.

Представьте, если можете, эту картину, — а потом еще тучи, внезапно рассеивающиеся над вашей головой, луну, освещающую это адское бурление, и вам откроется зрелище, редко выпадающее на долю смертных, разве что только в момент гибели. И всему этому мы были свидетелями, и вряд ли, по-моему, у человека найдется, с чем сравнить его.

И тем не менее, несмотря даже на впоследствии подувший ветер, мы остались в живых. Прошло

еще два дня и две ночи, прежде чем шторм перестал представлять для нас опасность, — и лишь потому, что он занес нас в поросшие водорослями просторы Саргассова моря.

Здесь огромные волны впервые перестали пениться и уменьшались по мере того, как мы продвигались вперед среди плавающих по поверхности скоплений водорослей. Однако ветер был по-прежнему столь неистов, что парусник все равно плыл вперед, иногда между водорослями, а то и над ними.

Мы шли так в течение суток, а потом я заметил с кормы огромное скопление водорослей — значительно больше, чем все встреченные нами до сих пор. Ветер нес нас на него кормой вперед, и мы вторглись в него. Вдруг, немного проплыв, наше судно, как мне показалось, стало замедлять ход. Я тут же предположил, что плавучий якорь на носу запутался в водорослях и держит нас. В тот момент, когда я об этом подумал, откуда-то из-за носовой части донесся слабый, однообразный, звенящий звук, смешивающийся с ревом ветра. Послышался хлопок, и судно дернуло назад. Оборвался трос, соединявший нас с плавучим якорем.

Я видел, как второй помощник с несколькими

матросами бросились туда и, взявшись за трос, вытащили его оборванный конец на борт. Между тем судно, утратившее поддержку, стало разворачиваться бортом к ветру. Я видел, как матросы закрепили цепь на оборванном тросе, а затем травили его, после чего судно вновь развернулось носом к ветру. Когда второй помощник поднялся на корму, я спросил его, зачем это было сделано, и он объяснил, что, пока парусник идет кормой вперед, он будет плыть по водорослям. Я поинтересовался у него, почему он хочет, чтобы он двигался по водорослям, и он сообщил мне, что один матрос заметил за кормой, как ему показалось, чистую воду и что, если мы доберемся туда, нам, возможно, удастся вырваться.

Весь день мы плыли кормой вперед по громадному скоплению водорослей, но оно нисколько не редело, а даже, напротив, становилось гуще, и по этому мы шли все медленнее, пока судно почти не перестало двигаться. В таком положении нас застала ночь. Утром мы увидели, что находимся в четверти мили от огромного участка чистой воды — очевидно, открытого моря; но, к несчастью, ветер практически стих, и судно застыло на месте, завязнув в водорослях, чьи громадные пучки росли со всех сторон, всего в нескольких

футах от нашей главной палубы.

Одному матросу велели залезть на сломанную бизань-мачту и осмотреть окрестности. Оглядевшись, он сообщил, что по ту сторону воды что-то видит, возможно водоросли, но ни в коей мере, поскольку очень далеко, не уверен. Тут же он крикнул, что по левому борту что-то виднеется, но что именно, сказать не может, и только после того, как принесли оптическую трубу, мы установили, что это корпус старинного судна, уже упомянутого мной. Второй помощник сразу стал предпринимать меры, чтобы вывести парусник на чистую воду: приказал привязать парус к рее и поднять его на верхушку сломанной бизани. Таким способом помощник хотел избавиться от буксировки троса через нос, что, конечно, мешало продвижению судна. Кроме того, парус бы помог паруснику плыть через водоросли. Затем он, вытащив пару стоп-анкеров[77], привязал их к короткому тросу, к его петле, концу длинного витка крепкой веревки.

После этого он велел спустить с кормы по правому борту шлюпку. Конец другой веревки второй помощник привязал к носовому фалиню лодки.

---

[77] Примечания: 77

Стоп-а́нкер — самый тяжелый из вспомогательных якорей корабля (около 0,5 массы станового якоря).

Потом он отобрал четырех матросов и приказал им взять с собой, помимо весел, цепные крюки; помощник собирался добраться на шлюпке до чистой воды. Там, среди скопления водорослей, он бросит верпы в самые густые их заросли, после чего мы подтянем шлюпку обратно к судну за канат, привязанный к фалиню. «Потом, — сказал он, — мы прикрепим канат к подъемному вороту и вытащим его из этой чертовой силосной ямы!»

Водоросли оказались большим препятствием для шлюпки, чем, по-моему, он рассчитывал. После получасовых усилий они едва отплыли от парусника на двести футов, однако столь густыми были заросли водорослей, что видели мы не саму лодку, а лишь то, как они колышутся, когда они прокладывают через них путь.

Минуло еще четверть часа — все это время три оставшихся на корме матроса травили канаты. Вдруг меня кто-то позвал по имени. Обернувшись, я увидел в сходном люке капитанскую дочь, жестами звавшую меня к себе. Я подошел к ней.

— Мой батюшка хочет знать, мистер Филипс, как у вас обстоят дела?

— Неважно, мисс Ноулз, — ответил я. — Неважно. Тут очень густые заросли водорослей.

Она понимающе кивнула и, повернувшись,

собралась спуститься вниз, но я на мгновение задержал ее.

— Как самочувствие вашего отца? — осведомился я. Она быстро вздохнула.

— Уже очнулся, — сказала она, — но так слаб. Он… Громкий возглас одного из матросов не дал ей договорить:

— Боже правый, парни! Что это было!

Я резко обернулся. Перегнувшись через гакаборт, матросы пристально смотрели перед собой. Я бросился к ним, а за мной — мисс Ноулз.

— Тсс! — вдруг произнесла она. — Слушайте!

Я уставился туда, где, как я знал, находилась шлюпка. Заросли вокруг нее как-то странно дрожали — даже там, куда они не могли дотянуться баграми и веслами. Неожиданно раздался голос второго помощника:

— Берегитесь, парни! Боже мой, берегитесь!

И тут же хрипло вскрикнул, словно от внезапной мучительной боли.

Я видел, как взметнулось вверх весло и с ужасающей силой обрушилось вниз, как будто им по чему-то ударили. Затем второй помощник заголосил: «Эй, на борту! На борту! Тяните канат! Тяните канат!» — и голос его был полон отчаяния.

Когда мы ухватились за канат, я увидел, как

заросли со всех сторон заколыхались, и до нас через всю эту бурую мерзость донесся страшный, тут же захлебнувшийся крик.

— Тяните! — завопил я, и мы принялись за дело. Канат натянулся, но лодка с места не сдвинулась.

— Привяжите ее к кабестану! — проговорил, с трудом дыша, кто-то из матросов.

Не успел он договорить, как трос ослаб.

— Она пошла! — закричала мисс Ноулз. — Тяните! Тяните же!

Она тоже ухватилась за канат, и мы вместе стали тянуть к себе лодку, с удивительной легкостью приближавшуюся к нам.

— Вон она! — закричал я и тут же отпустил канат. В шлюпке никого не было. С полминуты мы ошеломленно глядели на нее. Затем я обратил свой взор назад — к тому месту, откуда мы притащили ее. Там, в громадном скоплении водорослей, что-то поднималось. Я видел, как это нечто, извиваясь, бесцельно заколыхалось на фоне неба, качнулось один или два раза из стороны в сторону и, прежде чем я успел рассмотреть его, погрузилось в громадные скопления водорослей.

Меня привели в себя чьи-то всхлипывания.

Мисс Ноулз стояла на коленях на палубе и держалась обеими руками за одну из железных стоек леера. Казалось, она полностью утратила власть над собой.

— Встаньте, мисс Ноулз, — мягко проговорил я. — Вы обязаны быть мужественны. Ваш отец в его нынешнем состоянии не должен узнать о том, что произошло.

Она позволила мне помочь ей подняться на ноги. Я чувствовал, как она вся дрожит. Вдруг, когда я подыскивал слова утешения, со стороны сходного люка раздался глухой стук падения. Мы обернулись. На палубе лицом вниз, наполовину высунувшись из люка, лежал капитан. Очевидно, он все видел. Мисс Ноулз дико вскрикнула и бросилась к отцу. Кивком головы я подозвал одного из матросов, и мы, снеся его вниз, вновь уложили в кровать. Через час он очнулся. Он был спокоен, хотя и очень слаб, и, судя по всему, сильно страдал.

Через дочь капитан сообщил мне, что хотел бы передать мне всю полноту власти на судне. После недолгих колебаний я принял его предложение, так как убедил себя в том, что мне не придется выполнять обязанности, требующие специальных шкиперских знаний. Парусник прочно застрял

— и, насколько я могу судить, навсегда. Когда капитан поправится и снова возьмет власть в свои руки, у нас будет время поговорить о том, как вызволить его.

Я поднялся на палубу и сообщил матросам о предложении капитана. Затем я назначил одного из них боцманом и приказал ему до наступления ночи привести судно в порядок. Я оказался достаточно благоразумен, чтобы не мешать ему, ибо понимал, что он лучше меня знает, что делать. День близился уже к закату, и я с тоскливым чувством наблюдал за тем, как огромный диск солнца погружается все ниже и ниже. Какое-то время я расхаживал по корме, то и дело замирая и оглядывая окружавшее нас мрачное и пустынное пространство. Чем больше я озирался по сторонам, тем сильнее давило чувство одиночества, накатывал страх… Я много размышлял над произошедшим сегодня ужасным событием, и в результате передо мной встал жизненно важный вопрос: что же таится там, в тиши зарослей, что за существо напало на лодку и погубило находившихся в ней людей? И ответа на него я не знал, а скопления водорослей хранили молчание — страшное молчание!

Солнце почти склонилось к туманному гори-

зонту, и я с грустью глядел на огромные сгустки красного пламени на водной, тянущейся вдаль глади. Вдруг, когда я смотрел, его нижний идеально круглый край исказила какая-то неровная тень. С минуту я ошеломленно глядел перед собой. Затем я спустился в сходной люк и взял с анкера бинокль. Взглянув в него, я понял, какая судьба нам уготована. Линия, портящая солнечный диск, была не чем иным, как краем еще одного огромного скопления водорослей.

Я вспомнил, что матрос, посланный сегодня утром на верхушку сломанной бизань-мачты, сообщил, что позади воды что-то виднеется, но, что именно, он не смог сказать. У меня тут же промелькнула мысль о том, что если утром это скопление было видно только с вершины бизани, то теперь оно заметно и с палубы. Мне пришло в голову, что ветер, возможно, собирает окружающие судно скопления водорослей и гонит их к более крупному участку. Чистая же полоска воды — это всего лишь временное явление в сердце Саргассова моря. Вероятно, так все и было.

За этими раздумьями меня застала ночь. Еще несколько часов я расхаживал в темноте по палубе, стараясь понять непостижимое, но только измотал себя. Потом, примерно в полночь, я от-

правился спать.

Поднявшись следующим утром на палубу, я обнаружил, что за ночь участок чистой воды исчез и теперь все видимое глазу пространство было покрыто водорослями.

Ветер стих окончательно, и воцарилась абсолютная тишина. Мы, видимо, и впрямь добрались до Кладбища океана!

День прошел без происшествий. Лишь однажды, когда я раздавал провизию матросам и кто-то из них спросил, нельзя ли им получить немного изюма, я с болью в сердце вспомнил, что сегодня первый день Рождества. Я дал им, как они и хотели, изюма, и они, готовя обед, провели целое утро на камбузе. Сначала их равнодушие к страшным событиям последнего времени почему-то пугало меня, но потом я вспомнил, какая у них жизнь и какой была. Бедняги! Один из них решился во время обеда подняться наверх и предложил мне кусок того, что он называл «сливовым пудингом». Он принес его на тарелке, найденной в камбузе и тщательно вычищенной песком и водой. Он застенчиво протянул ее мне, и я взял ее, притворившись, ибо не хотел обижать его, как умел, благодарным, хотя запах у его угощения был отвратительным. Во второй половине дня я, взяв

у капитана его оптическую трубу, внимательно изучил старинный остов корабля, виднеющийся на носу по левому борту. Особенное внимание я уделил необычной надстройке вокруг его бортов, но тем не менее не мог понять, как уже говорил, ее назначение.

Вечер я провел на корме, устало оглядывая мерзкую пустыню, и там дождался ночи — рождественской ночи, священной благодаря тысяче счастливых воспоминаний. Я мысленно вернулся в прошлогоднюю рождественскую ночь и на короткое время забыл о том, где я. Мое возвращение к действительности было внезапным — и страшным. Откуда-то из темноты, окутывавшей главную палубу, донесся голос. Сначала, какую-то долю секунды, в нем слышалось удивление, затем появились боль и страх. Внезапно он, казалось, переместился куда-то наверх, затем за пределы корабля, потом наступила тишина, нарушаемая лишь топотом ног и хлопаньем двери.

Я спрыгнул вниз с лестницы и помчался по главной палубе к баковой надстройке. Когда я бежал, что-то сбило с меня фуражку. В тот момент я почти не обратил на это внимания. Подбежав к баковой надстройке, я ухватился за дверную щеколду. Я поднял ее и толкнул дверь, но она

была заперта. «Эй, там внутри!» — закричал я и принялся барабанить кулаком по дереву.

Изнутри послышалось бессвязное бормотание.

— Отвори дверь! — заорал я. — Отвори дверь!

— Да, сэр, я… я иду, сэр, — запинаясь проговорил кто-то из матросов.

До моего слуха донеслась чья-то неуверенная поступь. Затем кто-то завозился с задвижкой, и дверь под тяжестью моего тела распахнулась.

Тот, кто открыл мне дверь, отпрянул назад. Над головой он держал горящую масляную лампу, и, когда я вошел, он поднес ее к моему лицу. Его рука заметно дрожала. Рядом с ним стоял один из его приятелей, весь в холодном поту. Матрос с лампой разинул рот и, казалось, хотел что-то сказать, но не издал ни звука.

— Что… что же это было? — наконец, задыхаясь, произнес он.

Другой матрос, выйдя из-за его спины и встав рядом, принялся жестикулировать.

— Что, что было? — резко спросил я, переводя взгляд с одного матроса на другого. — Где ваш приятель? Что это был за крик?

Второй матрос провел ладонью по брови и потом стряхнул капли пота с пальцев на палубу.

— Мы не знаем, сэр! Мы не знаем! Это был

Джессоп! Нечто схватило его, когда мы шли в кубрик. Мы… мы… он… он… Хвать!

Когда он говорил, у него дергалась голова, а после того как замолчал, никто не пошевелился. Прошла минута, и я уже было собрался заговорить, как вдруг откуда-то с безлюдной главной палубы послышался странный, приглушенный шум, словно что-то украдкой передвигалось по ней туда и обратно. Матрос с лампой схватил меня за рукав, а затем резким движением захлопнул и запер дверь.

— Это Оно, сэр! — воскликнул он, и в голосе его прозвучали страх и уверенность.

Я велел ему замолчать и прислушался; однако из-за двери не доносилось ни звука, поэтому я, повернувшись к матросам, приказал им рассказать все, что они знают.

Знали они немногое. Они сидели на камбузе и травили байки, а затем, устав, решили отправиться в кубрик на боковую. Потушив свет и закрыв за собой дверь, они вышли на палубу, но не успели пройти и одного шага в направлении кубрика, как Джессоп пронзительно закричал. В следующее мгновение он уже вопил над их головами, и они, поняв, что на них напало какое-то ужасное существо, тотчас помчались со всех ног

к спасительной баковой надстройке.

Потом подошел я.

Когда они рассказывали конец своей истории, мне показалось, будто снаружи доносятся какие-то звуки. Призывая к тишине, я поднял руку и вновь услышал какой-то звук. Кто-то звал меня по имени. Это была мисс Ноулз. Очевидно, она, не ведая о происшедшем здесь ужасном событии, приглашала меня к ужину. Я бросился к двери. Возможно, она искала меня на главной палубе. А там находилось Нечто, о чем я не имел ни малейшего представления — нечто невидимое, но несущее смерть!

— Стойте, сэр! — закричали матросы, но я открыл дверь.

— Мистер Филипс! — послышался где-то рядом голос девушки. — Мистер Филипс!

— Иду, мисс Ноулз! — отозвался я и выхватил лампу у матроса.

В следующее мгновение я, держа лампу высоко над головой и со страхом оглядываясь по сторонам, уже мчался к корме. Добежав до места, где когда-то стояла грот-мачта, я увидел девушку, направлявшуюся в мою сторону.

— Возвращайтесь назад! — вскричал я. — Возвращайтесь назад!

Она обернулась на мой вопль и побежала к кормовому трапу. Я догнал ее и пошел следом за ней. На корме она повернулась ко мне лицом.

— В чем дело, мистер Филипс?

— Не знаю, — поколебавшись, ответил я.

— Мой папа что-то услышал, — начала она, — и послал меня. Он…

Я поднял руку. Мне послышалось, что на главной палубе что-то двигается.

— Быстро! — резко сказал я. — Вниз в каюту!

И она, будучи смышленой девушкой, не теряя времени даром, повернулась и бросилась вниз. Затворив и закрыв сходной люк, я последовал за ней. В кают-компании я шепотом рассказал ей обо всем.

Она держалась мужественно и не проронила ни слова, хотя глаза у нее были широко открыты, а лицо покрыто бледностью. Затем из соседней каюты послышался голос капитана.

— Там мистер Филипс, Мэри?

— Да, папа.

— Приведи его ко мне.

Я вошел.

— Что это было, мистер Филипс? — спокойно спросил он.

Я не решался сказать ему правду, так как хотел

уберечь его от плохих новостей, но, увидев его невозмутимые, устремленные на меня глаза, я понял, что его не проведешь.

— Что-то случилось, мистер Филипс, — тихо проговорил он. — Не бойтесь сказать мне правду.

И я рассказал ему все, что знал, а он слушал и понимающе кивал головой.

— Это, должно быть, что-то огромное, — заметил он, когда я закончил свой рассказ. — И тем не менее вы ничего, поднявшись на корму, не увидели?

— Нет, — ответил я.

— В водорослях что-то скрывается, — произнес он. — Вам не следует появляться на палубе ночью.

После этого наша беседа не затянулась; подивившись недюжинному самообладанию, буквально «вшитому» в тон его голоса, я покинул его и отправился спать.

На следующий день я взял двух человек, и мы вместе тщательно обыскали судно, но так ничего и не обнаружили. Мне было ясно, что капитан прав. Ужасное существо скрывается в водорослях. Я подошел к борту и посмотрел вниз. Оба матроса последовали за мной. Неожиданно один из них

показал на что-то рукой.

— Смотрите, сэр! — воскликнул он. — Прямо под вами, сэр! Два глаза точно два чертовых здоровенных блюдца! Смотрите!

Я посмотрел, но ничего не увидел. Стоявший рядом со мной матрос побежал на камбуз. Через минуту он вернулся с большим куском угля.

— Вон там, сэр, — сказал он и бросил его в водоросли как раз под тем местом, где мы стояли.

Слишком поздно, я заметил существо, притаившееся там — два огромных глаза, чуть ниже водорослей. Я сразу понял, кому они принадлежат, ибо несколько лет тому назад мне довелось, когда плавал в водах Австралии, видеть крупные виды осьминогов.

— Берегись, матрос! — закричал я и схватил его за руку. — Это осьминог! Назад.

Я спрыгнул на палубу, и в тот же миг, разбрасывая скопления водорослей во все стороны, в воздух взметнулись с полдюжины громадных щупалец. Одно обвилось вокруг его шеи. Я поймал его за ногу, но не удержал, и сам свалился на палубу. Поднимаясь на ноги, я услышал истошный крик второго матроса. Я посмотрел туда, где он стоял, но его там уже не было. Позабыв об опасности, в сильном волнении, я вскочил на

леер и устремил вниз испуганный взор, однако не увидел ни его, ни его товарища, ни чудовища.

Сколько я там простоял, ошеломленно глядя вниз, сказать не берусь, но, очевидно, несколько минут. Я был так поражен, что, казалось, утратил способность двигаться. Затем я увидел, как по траве пробежала легкая дрожь, и в следующее мгновение что-то стремительно поднялось из глубин. Хорошо, что я вовремя заметил опасность, а то бы разделил участь тех двух матросов — и остальных членов экипажа. Меня спасло только то, что я спрыгнул назад на палубу. На мгновение над леером показался, а потом исчез щупалец, и я остался один.

Прошел час, прежде чем я решился сообщить о последней трагедии капитану и его дочери. Закончив свой рассказ, я вернулся на ют, чтобы обдумать безнадежность нашего положения.

Шагая взад и вперед, я поймал себя на том, что постоянно смотрю на ближайшие заросли. События двух последних дней расшатали мою нервную систему, и я каждую минуту со страхом ждал, что, ища меня, над леером появятся смертоносные щупальца. Однако ют, располагаясь гораздо выше водорослей, чем главная палуба, был сравнительно более безопасным местом;

правда, только сравнительно.

Через минуту, когда я бесцельно расхаживал взад и вперед, мой взор упал на остов старинного судна, и тут меня осенило, для чего была возведена та огромная надстройка. Она служила защитой от ужасных существ, обитателей водорослей. Мне пришло в голову, что и я мог бы попробовать построить подобное сооружение, ибо мысль о том, что меня могут в любое мгновение схватить и утащить в илистую трясину, была невыносима. Кроме того, это занятие отвлечет меня и поможет выдержать захлестывавшее меня ужасное чувство одиночества.

Я решил не терять времени зря, и поэтому, поразмыслив о том, с чего бы начать, я отыскал несколько бухт каната и парусов. Затем я спустился на главную палубу и взял ваги от кабестана. Я прикрепил их в вертикальном положении к лееру вокруг юта. Затем я к каждой ваге привязал канат, натянул их, накрыл эту конструкцию парусами и, взяв бечевку и большие иглы, найденные мною в каюте помощника, пришил плотную парусину к канатам.

Не думайте, будто все было сделано в мгновение ока. Лишь через три дня, полные тяжких трудов, я закончил работу на юте. Затем я при-

ступил к возведению защитного сооружения на главной палубе. Это было грандиозное предприятие, и прошло целых две недели, прежде чем я все завершил: мне приходилось постоянно опасаться притаившегося врага. Однажды меня едва не застали врасплох, и только стремительный прыжок спас мне жизнь. В тот день я после пережитого сильного потрясения уже ничем не мог заниматься. Впрочем, на следующее утро я вновь приступил к работе и с тех пор, до самого конца, не подвергался нападению.

После того как работа вчерне была завершена, я решил усовершенствовать конструкцию. Этим я и занялся. Я просмолил паруса, и они приобрели такую прочность, что им даже шторм был бы нипочем. Потом я увеличил количество стоек, натянул новые канаты и — поверх сооружения — еще один слой парусов, щедро полив их смолой.

Так прошел январь и часть февраля. Затем, в последний день месяца, капитан прислал за мной и без околичностей заявил мне, что умирает. Я посмотрел на него, но ничего не ответил, ибо уже давно знал об этом. Он тоже как-то странно поглядел на меня, словно хотел прочитать мои самые потаенные мысли, и не спускал с меня глаз, вероятно, минуты две.

— Мистер Филипс, — наконец произнес он. — Не исключено, что завтра к этому часу я буду мертв. Вы когда-нибудь задумывались над тем, что моя дочь останется с вами одна?

— Да, капитан Ноулз, — тихо ответил я и стал ждать продолжения.

Несколько секунд он хранил молчание, но по меняющемуся выражению на его лице я видел, что он обдумывает, как лучше сказать о том, что занимало его мысли.

— Вы джентльмен… — наконец начал он.

— Я женюсь на ней, — сказал я, заканчивая за него предложение.

На его лице от изумления показался легкий румянец.

— Вы… вы серьезно все обдумали?

— Я очень серьезно обдумал этот вопрос, — пояснил я.

— Ага, — произнес он всеведущим тоном. Затем он какое-то время лежал молча. Мне было ясно, что он отдался во власть воспоминаний. Через минуту он очнулся и заговорил, очевидно имея в виду мою женитьбу на его дочери.

— Только одно, — ровным голосом проговорил он. Я наклонился, но он опять замолк. Немного помолчав, он вновь обратился ко мне:

— Вы… вы любите ее?

В его голосе слышалась острая тоска, а в глазах пряталась тревога.

— Она будет моей женой, — просто ответил я, и он кивнул головой.

— Бог странно обошелся с нами, — через минуту, скорее обращаясь к себе, произнес он.

Неожиданно он велел мне позвать ее, а потом сочетал нас узами брака.

Спустя три дня он скончался, и мы остались одни.

Первое время моя жена грустила, но постепенно время смягчило ее горе.

Затем, через восемь месяцев после нашей женитьбы, в ее жизни появился новый интерес. Она шепотом сообщила мне о нем, и мы, без жалоб сносившие свое одиночество, теперь с нетерпением ожидали появления нового существа. Оно связало нас и давало надежду на то, что мы, когда постареем, не будем одни. Постареем! Не успел я подумать о старости, как неожиданная мысль, как гром среди ясного неба, поразила меня: ПИЩА! До сих пор я считал себя почти мертвецом и потому заботился лишь о своих самых насущных нуждах, каждый день возникавших у меня. Одиночество этого необъятного Травяного

мира стало моим проклятием, притупившим мои способности, и поэтому мною овладела апатия. Однако, после того как я услышал застенчивый шепот жены, все изменилось.

Я сразу же занялся поисками провизии. Среди груза, в основном «общего» характера, я обнаружил консервы — их я осторожно сложил на одной стороне. В поисках провизии я облазил все судно. На это у меня ушло почти полгода, и после завершения этого нелегкого труда я, произведя на бумаге ряд вычислений, пришел к выводу, что припасов нам троим хватит лет на пятнадцать-семнадцать. Точнее я подсчитать не мог, поскольку не знал, сколько еды требуется растущему ребенку. Впрочем, продуктов в любом случае хватит только на семнадцать лет. Семнадцать лет! А потом…

Насчет воды я не беспокоюсь; я соединил брезентовой трубой большой парусиновый бочонок с резервуаром, и после каждого дождя беру оттуда воду. Уж что-то, а вода здесь не кончается.

Ребенок родился почти пять месяцев назад. Это красивая маленькая девочка, и ее мама, кажется, на седьмом небе от счастья. Я тоже мог бы быть счастлив, как и они, если бы не мысль о том, что случится через семнадцать лет. Правда, мы, воз-

можно, к тому времени давно уже будем мертвы, но если нет, то наша девочка превратится в подростка, а в этом возрасте вечно хочется есть.

Если бы кто-нибудь из нас умер — но нет! Многое может произойти за эти семнадцать лет. Я подожду.

Придуманный мною способ отправки этого послания, коему скопления водорослей не станут непреодолимым препятствием, скорее всего увенчается успехом. Я сконструировал небольшой воздушный шар и прикрепил к нему небольшой бочонок, куда поместил это письмо. Ветер быстро унесет его отсюда.

Если оно когда-нибудь попадет в руки цивилизованных людей, то они увидят, что отправлено оно…» Далее следовал адрес, почему-то почти полностью смытый. За адресом следовала подпись автора: «*Артур Самуэль Филипс*».

* * *

Капитан шхуны посмотрел на Джока, когда тот дочитал длинное письмо, и задумчиво пробормотал: — Провизии на семнадцать лет, значит… А послание вот это было написано где-то лет двадцать девять назад! — Он несколько раз качнул головой и воскликнул: — Эх, бедолаги! Как давно

это было, Джок, — как давно!..

Часть вторая

В августе 1902 года капитан Бейтман со шхуны «Агнес» подобрал в море небольшой бочонок, на котором краской было написано наполовину стершееся слово. Наконец ему удалось его разобрать — «Домосед», название парусного судна, вышедшего из Лондона в ноябре 1873 года и с тех пор не подававшего о себе вестей.

Капитан Бейтман вскрыл бочонок и обнаружил в нем завернутый в клеенку сверток с исписанными листами. Когда их прочитали, то оказалось, что в них говорится о судьбе «Домоседа», затерянного в безлюдных просторах Саргассова моря. Они были написаны неким Артуром Самуэлем Филипсом, пассажиром этого судна; из них капитану Бейтману удалось узнать, что парусник, лишившись мачт, находится в самом сердце ужасного Саргассова моря и что все члены экипажа погибли — одни во время шторма, занесшего их туда, другие — при попытке вызволить судно из плена окружавших их со всех сторон скоплений водорослей.

Выжить удалось только мистеру Филипсу и

дочери капитана, которых умирающий капитан сочетал узами брака. У них родилась дочь, и в конце послания автор трогательно упоминал о том, что они опасаются того, что у них когда-нибудь закончится провизия.

Немногое еще можно добавить к этому. Эта история попала почти во все газеты и вызвала широкий отклик. Пошли даже разговоры о спасательной экспедиции, но они ничем не кончились главным образом потому, что никто не знал, где именно на широких просторах огромного Саргассова моря искать судно, и мало-помалу вопрос о высылке спасательной экспедиции забылся.

Однако теперь снова появится интерес к судьбе этих трех людей, поскольку капитаном Болтоном из Балтиморы, хозяином небольшого брига, торгующим у побережья Южной Америки, был подобран второй бочонок, точно такой же, как и найденный капитаном Бейтманом. В нем оказалось еще одно послание от мистера Филипса — пятое, отправленное им людям; второе, третье и четвертое письма еще не нашли. «Пятое послание» содержит живой, поразительный рассказ об их жизни в 1879 году и представляет собой уникальный документ человеческого одиночества и тоски. Я изучал и читал его с напряженнейшим

и болезненным интересом. Оно написано хоть и нечетким, но разборчивым почерком; и на всем послании лежит отпечаток той же руки и образа мыслей, какие присутствуют и в печальном рассказе о трагической судьбе «Домоседа», о которой я уже писал и с которой многие, несомненно, хорошо знакомы.

В заключительных строках этого небольшого примечания меня так и подмывает спросить, будут ли когда-нибудь, где-нибудь найдены оставшиеся три послания? А может, и не только они. Что еще поведают они о напряженной борьбе человека с судьбой?

Нам остается лишь ждать и гадать. Возможно, мы так больше ничего и не узнаем, ибо это всего лишь одна незначительная трагедия из бесчисленных миллионов, безжалостно утаиваемых морем в своих молчаливых глубинах. Но, может быть, до нас дойдут вести из Неизведанной области — из одинокой тишины страшного Саргассова моря — самого одинокого и недоступного места из всех одиноких и недоступных мест на этой планете.

А засим — давайте подождем.

У. Х. Х.

Пятое послание

Это уже пятое послание, отправленное мною в мир над омерзительной поверхностью огромного Травяного царства — с мольбой о том, чтобы оно достигло открытого моря, прежде чем воздушный шар потеряет подъемную силу; впрочем, если даже оно попадет туда, в чем теперь я сомневаюсь, гожусь ли я для этого? Тем не менее я должен писать, иначе сойду с ума, и поэтому пишу, хотя и считаю, что ни одно живое существо за исключением гигантских осьминогов, обитающих в окружающих нас скоплениях водорослей, не увидит того, что я пишу. Свое первое послание я отправил в сочельник 1875 года, и с тех пор каждый год в канун Рождества Христова ветер уносит по небу в сторону открытого моря мое послание. При приближении этого праздника, когда после долгой разлуки встречаются близкие люди, меня переполняли эмоции, и я утрачивал безразличное спокойствие, царившее в моей душе на протяжении этих лет одиночества; тогда я, удалившись от жены и малютки, пытался при помощи чернил, пера и бумаги облегчить душу, терзаемую сдерживаемыми чувствами, грозившими порой вырваться наружу.

Вот уже шесть лет прошло с той поры, как Травяной мир отрезал нас от мира живых, — шесть лет вдали от наших братьев и сестер, от мира людей — шесть лет живьем в могиле! А сколько еще впереди! О боже! Боже мой! Боже мой! Мне даже страшно подумать об этом! Я обязан держать себя в руках.

И потом, малышка. Ей всего четыре с половиной года, и она прекрасно развивается в этих дебрях. Четыре с половиной года, и эта маленькая женщина из человеческих лиц видела лишь наши — только представьте! И не увидит, даже если проживет сорок четыре года… Сорок четыре! Глупо загадывать так далеко, ибо уже через десять — самое большее, одиннадцать — лет у нас не будет будущего. На больший срок нам провизии не хватит… Моя жена не знает, ибо грешно, по-моему, заставлять страдать ее еще больше. Ей только известно, что нам нельзя ни одной унции пищи расходовать зря, что же касается остального, то она воображает, будто большая часть груза съедобна. Возможно, я внушил ей эту мысль. Если что-нибудь случится со мной, продуктов им хватит еще на несколько лет; но моя жена должна считать это несчастным случаем, иначе ей кусок в горло не полезет.

Я часто и долго размышляю на эту тему, однако боюсь оставить их, ибо, кто знает, может быть, самая их жизнь будет больше зависеть от меня, чем от еды, которая когда-то непременно подойдет к концу. Нет, я не должен навлекать на них и себя близкую беду для того, чтобы отвратить бедствие, хоть и кажущееся не менее неотвратимым, постучится к нам все же позднее…

За последние четыре года с нами до недавних пор ничего не случалось, если не считать приключений, выпавших на мою долю, когда я предпринял безумную попытку вырваться из травяного плена на свободу и, слава богу, уцелел вместе с теми, кто был со мной[78]. Однако во второй половине этого года с нами вдруг приключилось происшествие, отвратительное и немыслимое, — происшествие, подвергнувшее нашу жизнь новой и еще большей угрозе, ибо тогда я узнал, что в траве обитают и другие существа, кроме гигантских осьминогов.

Да, я стал верить в то, что в этом мире безысходного отчаяния могут скрываться всякие ужасные создания. Только представьте вокруг себя бескрайнее и безлюдное пространство, буйно

[78] Примечания: 78

Об этом мистер Филипс, очевидно, написал в другом послании — одном из тех трех, что не достигли мира. — Примеч. автора.

поросшее бурыми водорослями и уходящее к далекой линии горизонта; место, где безраздельно владычествуют чудовища из морских глубин; где им нет, пожалуй, равного по силе противника и откуда они могут в любой момент нанести смертельный удар!

Описать это мне не под силу, и я даже не смею надеяться, что когда-нибудь смогу! Когда стихает ветер, на всем пространстве, от одного горизонта до другого, воцаряется тишина, но кажется, что в этой тишине бьется пульс окружающих нас таинственных существ, наблюдающих и ожидающих, ожидающих и наблюдающих, ждущих случая неожиданно выбросить свое огромное и смертоносное щупальце… Зря стараюсь! Мне не передать этого; мне не описать устрашающего завывания ветра, проносящегося над этими обширными, колышущимися просторами — шумного шелеста колеблемой ветром травы. Из парусинового укрытия нам кажется, что это бесчисленные жертвы могущественного Саргассова моря скорбно читают по себе заупокойную молитву. Или это снова моя фантазия, отравленная долгим одиночеством и длительными раздумьями, принимает их за шум, издаваемый наступающими полчищами громадных чудищ,

окружающих нас — и ждущих.

Ну а теперь — о появлении нового ужаса.

Мы узнали о его существовании в конце октября — по легкому стуку в ночи о борт судна, ниже ватерлинии; шум отчетливый и в то же время призрачно странный в ночной тиши. Впервые я услышал его ночью в понедельник. Я был в кладовой, где осматривал наши запасы, и вдруг услышал его — тук — тук — тук — о правый борт судна. Я прислушался, но так и не сумел определить, что могло стучать по борту в этом одиноком мире травы и ила. А затем, когда я стоял и слушал, стук прекратился, и я ждал, гадая, с каким-то противным чувством страха, теряя мужество и подбадривая себя.

Неожиданно он вновь раздался, но теперь с противоположной стороны судна, и я, слыша непрестанное постукивание, покрылся небольшой испариной, ибо мне казалось, что это какое-то отвратительное существо стучится в ночи и требует, чтобы его впустили внутрь. Тук — тук — тук — шло оно, и я, слыша непрекращающийся стук, столь перепугался, что был, казалось, не в силах шевельнуться, ибо чары этого травяного царства и страх перед его ужасными тайнами, тяжесть и пустота его одиночества настолько проникли

в мой спинной мозг, что я был способен, тогда и теперь, поверить в возможность таких явлений, которые на берегу и в окружении друзей вызвали бы у меня презрительный смех. Однако страшное одиночество этого странного мира, куда я попал, лишало человека мужества.

И вот я, как уже сказал, стоял и слушал, одолеваемый неясными, но пугающими мыслями; а тем временем постукивание продолжалось то с размеренным постоянством, то в быстром судорожном темпе, словно некое существо, существо разумное, подавало мне сигналы. Впрочем, я тут же избавился от овладевшего мною глупого страха и подошел к тому месту, откуда, казалось, доносился этот звук. Приблизившись к нему, я нагнул голову и, едва не касаясь борта судна, прислушался. И значительно отчетливей услышал эти звуки, и теперь ясно слышал, что по корпусу судна кто-то стучит тяжелым предметом, словно бьет по его железному борту молоточком.

Затем, когда я слушал, рядом с моим ухом раздался громовой удар, столь сильный и поразительный, что я в испуге отскочил в сторону. Вслед за этим последовал второй, а потом третий удар, будто кто-то колотил по борту судна тяжелой кувалдой. Потом наступила тишина, и я услышал

голос жены — стоя у люка кладовой, она спрашивала меня о причине столь страшного шума.

— Тише, дорогая, — прошептал я, ибо мне пришло в голову, что нечто может услышать ее. Впрочем, это было немыслимо, и я упоминаю об этом лишь для того, чтобы показать, насколько я в тот момент утратил присущее мне самообладание.

Жена повернулась и по трапу спустилась вниз в полумрак кладовой.

— В чем дело, Артур? — осведомилась она, приблизившись ко мне и беря меня под руку.

Словно в ответ на ее вопрос, на обшивку судна обрушился еще один ужасный удар, и по кладовой прокатился глухой грохот.

Моя жена испуганно вскрикнула, отскочила от меня, но в следующее мгновение вновь была рядом со мной и сильно сжимала мою руку.

— Что это, Артур? Что? — спросила она испуганным шепотом, и голос ее, хотя и был едва слышен, отчетливо прозвучал в наступившей тишине.

— Я не знаю, Мэри, — ответил я, стараясь говорить спокойно. — Это…

— Там опять что-то появилось, — оборвала она меня, когда вновь послышалось постукивание.

С минуту мы молча слушали эти ужасные зву-

ки. Потом моя жена обратилась ко мне:

— Это опасно, Артур? Ответь мне. Обещаю, что буду мужественной.

— Я не знаю, что сказать тебе, Мэри, — проговорил я. — Не знаю, но я намерен подняться на палубу и послушать… Возможно, — я на мгновение задумался, но тут пятый страшный удар по корпусу судна заставил меня забыть о том, что я собирался сказать, и я, испуганный и ошеломленный, застыл на месте, ожидая следующего удара. И он вскоре раздался. Тут моя жена схватила меня за руку и потащила к трапу.

— Прочь из этого темного места, — сказала она. — Я заболею, если хоть еще немного пробуду здесь. Быть может, существо слышит нас и, если мы поднимемся наверх, оно остановится.

Моя жена вся дрожала, я чувствовал себя немногим лучше и поэтому с радостью поднялся вслед за ней по трапу. Там мы, склонившись над открытым люком, прислушивались к тому, что происходит внизу. Минут пять, наверно, было тихо; затем постукивание возобновилось, подбираясь все ближе к тому месту, где стояли мы. Вдруг оно снова прекратилось и уже, хотя мы и прислушивались еще минут десять, не повторялось. Больше не раздалось ни одного из тех

страшных ударов.

Вскоре я отвел жену от люка и усадил ее в кают-компании, поскольку люк находился там же под столом. После этого я вернулся к нему и поставил крышку; прошел в нашу каюту — некогда занимаемую капитаном, ее отцом, — и взял оттуда один из револьверов. Я осторожно зарядил его и положил в боковой карман.

Потом я взял из кладовой, где хранил для удобства подобного рода вещи, сигнальный фонарь, используемый мною в темные ночи при уборке канатов с палуб. Я зажег его и, чтобы не было видно света, опустил шторку. Затем я скинул ботинки и, словно внезапно осененный мыслью, схватил из подставки около бизань-мачты один из американских топоров с длинной ручкой — острое и ужасное оружие.

После этого мне пришлось успокаивать свою жену, уверяя ее, что не подвергну себя ненужному риску, если и впрямь столкнусь с опасностью; хотя и не знал, что, пожалуй, и не удивительно, какая новая опасность может грозить нам. Взяв фонарь, я стал тихо подниматься наверх через сходный люк. Я добрался до верха и уже намеревался ступить на палубу, когда кто-то схватил меня за руку. Резко обернувшись, я увидел, что за

мной по лестнице поднялась жена, и по дрожанию ее руки, лежавшей на моей, догадался, что она ужасно волнуется.

— Милый, милый, не ходи туда! Не ходи! — горячо зашептала она. — Повремени хоть до рассвета. Останься на ночь внизу. Ты же не знаешь, что может ждать в этом страшном месте!

Я положил фонарь и топор на палубу рядом с люком, а затем, прислонившись к нему, взял ее за руки и принялся успокаивать ее, гладить волосы, одновременно обводя настороженным взглядом окутанные темнотой палубы. Через минуту она пришла в себя и, послушавшись меня, когда я стал убеждать ее, что ей лучше побыть внизу, вскоре ушла, еще раз взяв с меня слово, что я не буду напрасно рисковать.

Когда она ушла, я, взяв фонарь и топор, осторожным шагом направился к борту судна. Здесь я остановился и внимательно прислушался, ибо находился как раз над тем местом по левому борту, где в основном и слышал постукивание и те ужасные удары; но я, хотя и слушал, как уже сказал, очень внимательно, ничего не услышал. Вскоре я поднялся и прошел к срезу полуюта. Здесь, облокотившись на леер, я прислушался, окидывая пристальным взором тускло освещен-

ные главные палубы, но так ничего не увидел и не услышал. Не то чтобы у меня было основание ожидать увидеть или услышать нечто необычное на борту судна, ибо весь шум рождался за его бортом и, более того, ниже ватерлинии. Однако в том душевном состоянии я больше воли давал воображению, нежели здравому смыслу; ибо те странные глухие удары и стук, раздававшиеся снаружи в этом мире одиночества, произвели на мое воображение столь сильное впечатление, что мне стало казаться, будто ко мне из каждого затененного уголка на этих тускло освещенных палубах подкрадываются неведомые и страшные существа.

Потом, когда я все еще прислушивался, не решаясь, неудовлетворенный результатами своего осмотра, спуститься на главную палубу и бросить это занятие, я вновь услышал слабое, но отчетливо раздававшееся в ночной тишине постукивание.

Я выпрямился и прислушался, но ничего не услышал. Тогда я снова оперся о леер и пристально посмотрел вниз на главную палубу. И опять услышал постукивание. Тут я понял, что стук передается по лееру через железные пиллерсы, которыми он крепится к судну. Я повернулся и

очень осторожно, тихо направился к корме. Остановившись в том месте, где я впервые услышал постукивание, я нагнулся и приложил ухо к лееру. И вновь очень отчетливо услышал эти звуки.

Немного послушав, я выпрямился и откинул часть просмоленного защитного полога, закрывавшего отверстие в левом борту, через которое мы выбрасывали мусор; для удобства они были проделаны в обоих бортах. Я сделал это очень тихо, а затем, высунувшись из отверстия, уставился на окутанные мраком заросли. И тут же услышал тяжелый, приглушенный, смягченный водой удар. Мне показалось, что в темных, мрачных зарослях травы что-то происходит. Я поднял шторку на фонаре и направил луч света в окружавший мрак. На какое-то мгновение мне почудилось, что там движется множество каких-то существ. Однако я только и успел разглядеть, что они овальной формы и белого цвета. При вспышке света они исчезли, уступив место одним только бурым скоплениям водорослей.

Они произвели сильное впечатление на мой взбудораженный разум — впечатление, являвшееся, возможно, результатом болезненного состояния, порожденного длительным одиночеством; но, тем не менее, мне на мгновение

показалось, что на меня из травы смотрит множество бледных мертвых лиц.

Я смотрел на освещенный кружок водорослей, но мои мысли были в таком беспорядке и смятении, что я, поглощенный тем, что открылось моему внутреннему взору, едва ли что замечал перед собой. И вот из этого хаоса возникли причудливые и жуткие воспоминания — о вампирах, нежитях. В тот момент, когда я поддался страху, все казалось возможным. Лишь тот, кто утратил связь с другими людьми, затерявшись среди невыразимого одиночества громадных покрытых илом и водорослями просторов Саргассова моря, вправе рассказывать о том, какие страшные существа населяют этот мир.

И вот когда я, высунувшись, так глупо подвергал себя не мнимым, как я убедился на собственном опыте, опасностям, я заметил странное и слегка волнообразное движение, всегда свидетельствовавшее о приближении гигантского осьминога. Я тут же отскочил назад и, задернув отверстие просмоленной парусиной, остался стоять на месте, испуганно озираясь по сторонам и освещая палубы дрожащими вспышками света. И все это время я прислушивался-прислушивался, ибо мне казалось, что какое-то ужасное существо что-то

замышляет в ночной тиши и что оно способно в любой момент, приняв самый немыслимый вид, напасть на нас.

Затем в тишине послышался шепот, и я резко обернулся в сторону сходного люка. Там стояла моя жена; она протягивала руки и умоляла меня спуститься вниз. Когда свет от фонаря упал на нее, я увидел, что она держит в правой руке револьвер, и спросил, для чего он ей, и она ответила, что все время, пока я нахожусь на палубе, за исключением нескольких минут, понадобившихся ей для того, чтобы взять и зарядить оружие, она охраняла меня.

После этого признания, как нетрудно догадаться, я подошел к ней и, страстно обняв ее, поцеловал за любовь, руководившую ее поступками; после чего между нами завязалась тихая беседа: она просила меня спуститься вниз и закрыть дверцу сходного люка, я же отказывался, говоря, что слишком возбужден и потому не засну, что мне лучше побыть еще немного на полуюте. Затем, не успели мы еще договорить, я жестом призвал ее к молчанию. В наступившей тишине она, как и я, услышала его — медленное постукивание — тук, тук, тук, — раздающееся в темноте на главной палубе. Я почувствовал, как

мною стремительно овладевает отвратительный страх, как моя жена, хоть ее и била небольшая дрожь, стиснула мне руку. Высвободив ее, я направился к срезу полуюта; однако она тотчас последовала за мной, моля меня о том, чтобы я, если не желаю сойти вниз, хотя бы никуда не ходил.

Тогда я, хотя и был покорен ее заботой, строгим голосом велел ей оставить меня в покое и спуститься вниз в каюту. Но она не послушалась и весьма решительно, хоть и шепотом, заявила, что если я готов подвергать себя опасности, то и она тоже. Я поколебался с минуту, но потом решил дойти только до среза полуюта, а на главную палубу не спускаться.

Я молча подошел к срезу, и моя жена последовала за мной. Стоя у проходившего через срез леера, я посветил фонарем, но ничего не увидел и не услышал, так как постукивание прекратилось. Затем оно возобновилось вроде бы ближе к главной мачте по левому борту. Я повернул туда фонарь, и на одно короткое мгновение мне показалось, будто я вижу какое-то существо бледного цвета. Я тут же поднял револьвер и выстрелил, и моя жена поступила точно так же, хотя и без моего приказа. Слившись, грохот двух выстрелов

гулким эхом прокатился по палубам, и после того как он стих, нам показалось, будто мы слышим постукивание, удаляющееся в сторону носа.

Мы еще немного постояли, прислушиваясь и озираясь по сторонам, но все вокруг было тихо, и вскоре я согласился сойти вниз и запереть сходный люк, как того хотела моя жена, ибо в ее словах о бесполезности торчания на палубе было немало здравого смысла.

Ночь прошла довольно спокойно, и на следующее утро я очень тщательно осмотрел судно, палубы, заросли травы перед ним и его борта. Затем я снял крышки с люков и спустился в трюмы, но нигде не обнаружил ничего необычного.

Вечером, в конце ужина, мы услышали грохот трех страшных ударов, нанесенных по правому борту судна. Я тут же вскочил на ноги, схватил и зажег потайной фонарь, который держал под рукой, а затем быстро, не говоря ни слова, выбежал на палубу. Револьвер уже лежал в моем кармане, и мне не пришлось переобуваться, поскольку на мне были мягкие комнатные туфли. В сходном люке я оставил топор, и теперь, поднимаясь по лестнице, я схватил его. Выбежав на палубу, я тихо подошел к борту и отдернул парусиновую дверь; затем я высунулся наружу и открыл штор-

ку фонаря, осветив тот участок травы, откуда, видимо, доносились звуки ударов, но ничего необычного не обнаружил. Даже трава, казалось, не колыхалась. И поэтому я вскоре втянул голову назад и задернул парусиновый полог, ведь было бы глупо долго выглядывать наружу, когда, возможно, здесь, под травой, рыскают гигантские осьминоги.

Я пробыл на корме до полуночи, в основном негромко разговаривая с женой, которая поднялась в сходный люк. Иногда мы слышали стук то об один борт судна, то о другой. А между более громкими стуками — и легкое постукивание, с которого все и началось.

Около полуночи, осознав, что я ничего не могу поделать и что невидимые существа, по-видимому, окружающие нас, не причинят нам вреда, мы с женой, надежно заперев дверь сходного люка, спустились вниз.

Было около, пожалуй, двух часов ночи, когда мой беспокойный сон нарушил отчаянный визг нашего огромного борова. Я оперся на локоть, прислушался и окончательно проснулся. Я сел в постели и встал ногами на пол. Моя жена, судя по ее дыханию, мирно спала, поэтому мне удалось, не потревожив ее, накинуть на себя те несколь-

ко предметов одежды, которые составляли мой гардероб.

Затем я зажег фонарь, опустил шторку и, взяв топор в другую руку, спешно направился к двери, ведшей из передней части кают-компании на главную палубу, под спасительный срез полуюта. Перед тем как лечь спать, я замкнул эту дверь на ключ и теперь бесшумно открыл ее и очень осторожно повернул ручку. Я посмотрел вдоль тускло освещенной главной палубы, но ничего не увидел. Тогда я приподнял шторку и направил луч света на палубы, но и после этого не обнаружил ничего необычного.

Пронзительный визг свиньи уже давно сменился полной тишиной, и нигде не было слышно ни звука, если не считать редкого, случайного постукивания, доносившегося, по-видимому, от борта судна. Собравшись с духом, я вышел на палубу и медленно, светя перед собой, двинулся вперед. Вдруг из носовой части судна до меня донесся топот и скрип, да так громко и близко, что я чуть, как говорится, не дал деру. Пожалуй, целую минуту я простоял в нерешительности, освещая все вокруг себя и гадая, не прыгнет ли на меня из темноты какое-нибудь омерзительное существо. И тут я неожиданно вспомнил, что

не закрыл дверь, ведущую в кают-компанию, и подумал, что, если по палубам действительно бродит какое-нибудь опасное существо, оно могло добраться до моих спящих жены и ребенка. При этой мысли я, развернувшись, помчался обратно на корму и ворвался через дверь в каюту. Убедившись, что с моими двумя сонями ничего не произошло, я вернулся на палубу, затворил дверь и закрыл ее на ключ.

И вот, чувствуя себя очень одиноко на темной палубе и лишенным пути к отступлению, я был вынужден призвать все свое мужество, иначе бы не смог сдвинуться с места и никогда бы не узнал причину визга свиньи и топота. Тем не менее я зашагал вперед и по праву могу гордиться этим, поскольку одиночество и ужасное равнодушие Травяного мира лишали, как ни прискорбно, человека отваги.

Я с крайней осторожностью приближался к пустой баковой надстройке: светил вокруг себя фонарем и крепко держал топор, и сердце в моей груди трепетало — такой страх владел мною. Однако я все же подошел к свинарнику, и там моим глазам предстало ужасное зрелище. Свинья, громадный боров весом в четыреста фунтов, вытащенная на палубу, лежала мертвой перед

свинарником со вспоротым животом. Железные прутья свинарника — толстые прутья — были раздвинуты, словно это были соломинки, а его помещение и палубы залиты кровью.

Однако я уже не мог оставаться там, ибо неожиданно осознал, что это проделки какого-то чудовищного существа, которое, возможно, в этот момент подкрадывается ко мне; охваченный этой мыслью, непреоборимым страхом, лишившим меня мужества, я развернулся и бегом пустился в кают-компанию и остановился лишь тогда, когда запер на замок прочную дверь, защищавшую меня от того существа, которое столь жестоко расправилось с хряком. Стоя там и мелко дрожа от испуга, я непрестанно спрашивал себя, что же это за зверь, легко раздвинувший железные прутья и, как котенка, зарезавший борова. А потом задался и более существенными вопросами: как оно проникло на борт и где прячется? И снова — что это? И так в течение долгого времени, пока немного не успокоился.

Однако в эту ночь я так и не сомкнул глаз.

Утром, когда проснулась жена, я рассказал ей о ночном происшествии. Она сильно побледнела и принялась укорять меня за то, что я все же вышел на палубу, говорить, что я без нужды подверг себя

опасности и что мне, во всяком случае, не следовало оставлять ее одну, спящую и не ведающую о том, что происходит. А затем она заплакала, и мне пришлось утешать ее. Однако, успокоившись, она решила подняться со мной на палубу, чтобы при свете дня посмотреть на следы ночного происшествия. И от этого решения мне не удалось ее отговорить, хотя я и заверил ее, что ничего бы ей не сказал, если бы не хотел предостеречь ее от прогулок между кают-компанией и камбузом до тех пор, пока я не осмотрю тщательно палубы. Но, как я уже сказал, мне не удалось отговорить ее от намерения сопровождать меня, и поэтому я был вынужден, против своего желания, разрешить ей пойти со мной. Мы вышли на палубу через дверь, открывавшуюся под срезом полуюта; моя жена неуклюже держала обеими руками заряженный револьвер, я же свой — в левой руке, а топор на длинном топорище — в правой и был готов в любой момент пустить их в дело.

Выйдя на палубу, мы закрыли за собой дверь, заперев ее на ключ и вынув его, ибо помнили о нашем спящем ребенке. Затем мы медленно двинулись вперед, настороженно оглядываясь по сторонам. Когда мы подошли к свинарнику, и моя жена увидела то, что лежит перед ним, она

вскрикнула от ужаса, содрогнувшись, и неспроста, при виде изуродованной свиной туши.

Я не издал ни звука, а лишь, томясь дурным предчувствием и испытывая новый приступ страха, озирался по сторонам, ибо мне было ясно, что боров с тех пор, как я видел его, вновь подвергся нападению — голова была с ужасной силой оторвана от туловища, и, кроме того, его покрывали свежие и ужасные раны, одна из которых чуть ли не надвое разрывала бедное животное. И все это еще больше свидетельствовало о грозном нраве монстра или чудовища, напавшего на борова.

Я не задержался возле свиньи и не прикоснулся к ней, а кивком головы велел жене следовать за мной к передней части баковой надстройки. Здесь я отдернул парусиновый полог с небольшого светового люка, через который свет попадал в баковую надстройку, а потом, подняв тяжелую крышку, впустил поток света в темное помещение. Затем я высунул голову наружу и огляделся по сторонам, но нигде не заметил следов притаившегося существа и, вернувшись на главную палубу, прошел через дверь по правому борту в баковую надстройку. После этого я произвел тщательный осмотр, но обнаружил одни матросские сундучки, принадлежавшие нашему погибшему

экипажу.

Закончив осмотр, я поспешно выбрался из этого печального места на дневной свет и запер дверь, и не только эту, но и по левому борту. Затем я снова прошел к передней части баковой надстройки и, поставив крышку на место и задернув световой люк парусиновым пологом, тщательно задраил его.

Я потому таким образом и с необыкновенным тщанием обыскивал судно, запирал за собой каждое помещение, что хотел быть уверен, что ни одно существо не будет играть со мной в смертельные прятки.

Тем не менее я ничего не нашел, и, если бы не изуродованная туша мертвого борова, я бы счел, что мне все почудилось и прошлой ночью никто не рыскал в темноте по палубам.

Мое удивление, возможно, будет более понятно, когда я скажу, что, осмотрев сооружение из просмоленной парусины, возведенное мной для защиты судна от щупалец рыскающих в поисках добычи гигантских осьминогов, я не обнаружил в нем ни одной дырки, через которую какое-нибудь чудовище, обитающее в траве, могло забраться на борт.

Кроме того, не следует забывать о том, что судно

на много футов возвышается над поверхностью водорослей и на его палубу можно взобраться только по гладким железным бокам.

И тем не менее перед пустым свинарником валялась разодранная туша мертвого кабана! Неоспоримое доказательство того, что, выходя после наступления темноты на палубу, мы будем подвергаться опасности погибнуть страшной и загадочной смертью!

Весь день размышлял я над этой новой опасностью, свалившейся на нас, и особенно мне не давали покоя мысли о чудовищной и небывалой силе, с какой раздвинули в стороны крепкие железные прутья свинарника и оторвали голову хряку. Поразмыслив, я тем же вечером перенес наши постели из каюты в железную рубку — небольшое помещение на четыре койки перед сломанной грот-мачтой, где все было из железа, даже единственная дверь, выходящая в кормовую часть судна.

Вместе с постельными принадлежностями я перенес в наше новое жилище лампу, масло, потайной фонарь, пару топоров, два ружья и все револьверы, а также патроны. Потом я велел жене запастись провизией на неделю, вдруг понадобится, и, пока она была занята, почистил и

наполнил бочонок, взятый мною из рубки.

В половине седьмого я отправил туда жену с ребенком, а затем запер на ключ кают-компанию и все каюты и, наконец, тяжелую, тиковую дверь под срезом полуюта.

Затем я прошел к жене с ребенком, затворил и привинтил на ночь железную дверь болтами. После этого я обошел помещение и убедился в том, что железные откидные дверцы, закрывающие все восемь портов в рубке, в порядке, и мы стали ждать ночи.

К восьми часам вечера стемнело, а еще через полчаса окутавшая палубы ночная мгла скрыла их из вида. Тогда я опустил все железные дверцы и, крепко прикрутив их винтами, зажег лампу.

Настала пора ожидания. Время от времени я принимался шепотом утешать свою жену, когда она, сидя со спящим ребенком, смотрела на меня испуганными глазами, выделявшимися на пепельно-бледном лице; нами почему-то за последний час овладело чувство жуткого страха, проникавшего прямо в сердце и лишавшего мужества.

Вскоре неожиданный звук нарушил торжественную тишину — неожиданный глухой удар по борту судна, а за ним последовала череда тяже-

лых ударов, казалось, наносимых одновременно со всех сторон по корабельному корпусу. Вслед за тем воцарилась тишина, длившаяся около четверти часа.

Затем до меня вдруг донесся откуда-то спереди стук, потом грохот, неясный шум и громкий треск. После этого я слышал множество других звуков, но постоянно тот стук, повторяемый сотни раз, словно в передней части судна по палубам бегает войско солдат на деревянных протезах.

Вдруг постукивание стало приближаться ко мне. Оно подошло к рубке, задержалось примерно на минуту, а потом начало удаляться в сторону кают-компании — тук, тук, тук. По мне пробежала дрожь, и я возблагодарил Бога за то, что Он надоумил меня отправить жену с ребенком в спасительную железную рубку. Примерно через минуту до меня с кормы донесся сначала один страшный удар, затем второй, третий, наносимые, судя по звуку, по железу — железной перегородке, проходившей через срез полуюта. Послышался звук еще одного удара, тут же смешавшийся с треском ломающегося дерева. И меня сразу же стала бить дрожь, ибо моя малышка и жена могли спать в этот момент там, если бы провидение не внушило мне мысль отправить

их в рубку.

Одновременно с треском сломанной двери на корме откуда-то спереди послышался страшный шум, как будто в нашу сторону бежало по палубам множество людей на деревянных протезах. Стук все приближался и вот уже поравнялся с рубкой, где мы, сжавшись, затаили дыхание, боясь, что малейший шум привлечет То, что находится снаружи. Постукивание миновало нас и удалилось в сторону кормы, и я облегченно вздохнул. Затем, пораженный внезапной мыслью, я вскочил и потушил лампу, опасаясь, что свет будет виден под дверью. В течение часа мы сидели молча, прислушиваясь к звукам, доносившимся с кормы, глухим тяжелым ударам, редкому треску дерева и вновь приближающемуся к нам постукиванию.

Постукивание прекратилось как раз напротив правой стороны рубки, и затем целую минуту царила тишина. Вдруг на боковую часть рубки обрушился чудовищный удар. Моя жена судорожно вскрикнула, и тут же последовал второй удар, разбудивший ребенка. Малышка заплакала, и моя супруга принялась успокаивать ее.

Раздался третий удар, и небольшая рубка содрогнулась от грохота. Затем я услышал, как постукивание перемещается к задней части

нашего убежища. Вдруг воцарилась тишина, а потом на дверь обрушился страшный удар. Я схватил ружье, прислоненное мною к креслу, и встал, поскольку не был уверен в том, что существо в следующее мгновение не бросится на нас, столь чудовищна была сила его ударов. По двери вновь был нанесен удар, а потом постукивание переместилось на левую сторону рубки, и здесь на нее снова обрушился удар, но теперь я был более спокоен, ибо только удар по двери мог вселить в мое сердце ужас.

После череды ударов по левой стороне рубки воцарилась долгая тишина, как будто существо снаружи прислушивалось; однако, слава богу, моей жене удалось успокоить ребенка, и поэтому мы не выдали себя.

Затем наконец опять послышалось постукивание — тук, тук, тук, словно безмолвное существо удалялось по направлению к носу. Вскоре и на корме шум прекратился, а потом раздалось постукивание. Оно без задержки миновало рубку и проследовало вперед.

Более двух часов царила полная тишина, и поэтому я решил, что нам уже не угрожает опасность нападения. Час спустя я тихо обратился к жене, но, не получив ответа, понял, что она

заснула, и поэтому я вновь стал напряженно прислушаться, стараясь не производить способного привлечь ко мне внимание шума.

Вскоре по тонкой полоске света, пробивавшейся из-под двери, я понял, что день вступает в свои права. Я решительно поднялся и начал отвинчивать железные крышки портов. Сначала я снял крышки в передней части рубки и выглянул наружу в туманный рассвет, но ничего необычного на палубах с того места, откуда смотрел, не заметил.

Затем я обошел рубку и открыл по очереди все иллюминаторы, и, лишь сняв крышку с порта, выходящего на левую сторону кормовой части главной палубы, мне удалось обнаружить кое-что необычное. Я увидел — сначала смутно, но затем, по мере того как светало, яснее, — что дверь, ведущая из-под среза полуюта в кают-компанию, разбита вдребезги, одни ее обломки валялись на палубе, другие висели на согнутых петлях; еще же больше было, несомненно, разбросано в проходе, где я не мог их видеть.

Отвернувшись от иллюминатора, я взглянул на жену и увидел, что она спит, наполовину свесившись с детской кроватки и положив голову на одну подушку рядом с головкой малышки.

При виде этой картины меня охватило чувство громадной благодарности за то, что мы чудесным образом спаслись от ужасного и таинственного существа, бродившего прошлой ночью по погруженным во мрак палубам. Под влиянием этого чувства я подкрался к ним и, переполненный любовью, но не желая будить, нежно поцеловал их. Затем я улегся на одну из коек и проспал до тех пор, пока солнце не поднялось высоко в небо.

Когда я проснулся, жена уже покормила малышку и приготовила завтрак, на который я, выскочив из постели, набросился с огромным аппетитом, возбужденным, несомненно, ночными событиями. Во время трапезы мы обсудили только что пережитую опасность, но так и не нашли разгадку сверхъестественной тайны ужасного существа.

После завтрака мы долго осматривали палубы из разных иллюминаторов и только после этого решились совершить вылазку. Мы вышли наружу, инстинктивно соблюдая осторожность и тишину, и вооруженные так же, как и накануне. Чтобы в наше отсутствие ребенок не подвергался опасности, мы закрыли и заперли дверь на ключ.

Быстро оглядевшись вокруг, мы прошли по

корме к разбитой двери под срезом полуюта. У порога мы остановились, но не для того, чтобы осмотреть разбитую дверь, а потому, что, охваченные инстинктивным и естественным страхом, боялись войти в кают-компанию, где всего несколько часов назад хозяйничало какое-то фантастическое чудовище или чудовища. Наконец мы приняли решение подняться на ютовую надстройку и заглянуть внутрь через световой люк. Так мы и поступили, подняв для этого на куполе боковые стенки, но не смогли, хотя долго и внимательно смотрели, обнаружить следов притаившегося внутри существа. Там лишь повсюду в огромном количестве валялись обломки деревянных изделий.

После этого я отпер сходной люк и толкнул большую дверцу. Затем мы тихо спустились по трапу в кают-компанию. И тут, когда мы смогли оглядеть все помещение, нашему взору предстала необычайная картина: оно было полностью разгромлено, а перегородки всех кают, по шесть с каждой стороны, превращены в щепы. То одна дверь стояла нетронутой, перегородка же рядом с ней представляла собой груду обломков; то дверь была сорвана с петель, а деревянные перегородки целы. И такое зрелище открывалось нашему

взору повсюду, куда бы мы ни поглядели.

Моя жена направилась было к нашей каюте, но я остановил ее и пошел туда сам. Здесь картина погрома была почти столь же впечатляющей. Поручень с койки моей жены был сорван, а нижние доски моей кровати, после того как у нее была выдрана боковая стойка, попадали на пол.

Но поразило нас особенно не это, а то, что колыбель нашей малышки была сорвана со стоек и брошена через всю каюту в кучу покореженного и окрашенного в белый цвет железа. Увидев это, я взглянул на жену, она — на меня, и лицо ее страшно побледнело. Затем она опустилась на колени и зарыдала и стала благодарить Бога вместе со мной, ибо спустя мгновение я, смиренный и благодарный, оказался рядом с ней. Через минуту мы овладели собой, вышли из каюты и прекратили поиски. Кладовая оказалась нетронутой, что, впрочем, и не особо удивило меня, ибо у меня было такое чувство, что существа, ворвавшиеся в нашу каюту, искали нас.

Вскоре мы покинули разгромленную каюткомпанию и отправились к свинарнику: мне не терпелось посмотреть, уцелела ли свиная туша. Когда мы зашли за угол свинарника, я громко вскрикнул, поскольку здесь, на палубе, лежал

на спине гигантский краб, столь громадный, что мне даже не верилось, что может существовать чудовище столь колоссального размера. Он был коричневого цвета, и только его брюхо — бледно-желтого.

Одна клешня, или мандибула, была оторвана в схватке, в которой он, должно быть, и погиб (его всего выпотрошили). И эта клешня весила столько, что мне, поднимая ее с палубы, пришлось попыхтеть. И уже на основе одного этого можно представить размеры и устрашающий вид этого существа.

Вокруг громадного краба лежало около полудюжины крабов размером поменьше, не более семи или восьми дюймов в ширину, все белого цвета с редкими вкраплениями коричневого. Все они были перекушены громадной клешней, причем в каждом случае чуть ли не надвое. От туши же борова не осталось ни кусочка.

Вот и разрешилась эта тайна; а вместе с ее разрешением исчез и суеверный страх, душивший меня эти три ночи с тех пор, как я услышал стук. На нас напала бродячая стая гигантских крабов, которые, вероятно, перебираются в водорослях с места на место, пожирая все подряд на своем пути.

Взбирались ли они когда-нибудь на борт судна прежде, пристрастились ли они к человеческой плоти или напали из любопытства, сказать я не могу. Возможно, они сначала приняли остов судна за какое-то мертвое морское чудовище и поэтому били по его бортам, пытаясь, вероятно, пробить нашу необычайно крепкую кожу!

Или, быть может, они, обладая обонянием, могли по запаху обнаружить наше присутствие на судне, но это предположение (поскольку они не напали все вместе на рубку, когда мы в ней были) мне казалось невероятным. И все же — не знаю. Почему же тогда они напали на кают-компанию и нашу каюту? Ответить я, как уже говорил, не могу, и поэтому давайте оставим этот вопрос в покое.

В тот же день я выяснил, как они попали на судно, ибо, узнав, что за существо напало на нас, я более тщательно осмотрел борта и, только добравшись до передней части носа, понял, как это им удалось. Здесь я увидел, что со сломанного бушприта и утлегари в заросли водорослей свешиваются снасти, и, поскольку я не огородил парусиновым пологом пяту бушприта, чудовища сумели взобраться на снасти, а по ним без всяких помех на палубу.

Впрочем, я все быстро исправил; несколькими ударами топора я обрубил снасти, и те упали в водоросли. После этого я возвел между двумя концами защитного сооружения пока временное, а позднее и постоянное, деревянное укрепление.

С тех пор мы больше не подвергались нападению гигантских крабов, хотя и слышали на протяжении нескольких ночей странный стук о наши борта. Возможно, их привлекали отходы, которые мы выбрасывали за борт, и именно поэтому стук сначала раздался на корме, напротив кладовой, ибо как раз отсюда, через отверстия в парусиновом пологе, мы выбрасываем наши отходы.

Вот уже несколько недель как о них ничего не слышно, и у меня появилась надежда, что они куда-то удалились, может быть, для того чтобы напасть на других одиноких людей, доживающих свою короткую жизнь на каком-нибудь судне, затерявшемся посреди обширных просторов этого бескрайнего моря, заросшего водорослями и полного смертельно опасных существ.

Я отправляю это послание, как и предыдущие четыре, в просмоленном бочонке, привязанном к мелкому воздушному шару. Туда же я вложу

оторванную клешню монстра-краба[79] в подтверждение того, сколь полно опасностей это ужасное место. Если послание и клешня когда-нибудь попадут в руки человека, пусть он, глядя на эту громадную мандибулу, попытается представить размеры другого краба или крабов, способных уничтожить столь грозное существо, как обладатель этой клешни.

Какие еще ужасы этот мерзкий мир приготовил для нас?

Я хотел вместе с клешней положить и скорлупу одного из белых крабов. Должно быть, это именно они крались той ночью в траве, когда мое разыгравшееся воображение приняло их за вампиров и нежитей. Но, поразмыслив, я отказался от этой мысли; зачем доказывать то, что в доказательствах не нуждается; да и, кроме того, это бы увеличило вес, который бы пришлось поднимать шару.

Мне надоело писать. Ночь близится к концу, да и мне уже почти не о чем говорить. Я пишу эти строки в кают-компании, и, хотя я отремонтировал ее, насколько это было в моих силах, мне не удалось скрыть следов, напоминающих о той

[79] Примечания: 79

Капитан Болтон не упоминает о клешне в сопроводительном письме, присланном вместе с рукописью. — Примеч. автора.

ночи, когда громадные крабы врывались в эти каюты, разыскивая — *что?..*

Говорить больше не о чем. Я, моя жена и малышка здоровы, но…

Я обязан взять себя в руки и быть терпеливым. Нам никто не поможет, и нам следует переносить то, что выпало на нашу долю, со всем присущим нам мужеством. А засим я кончаю, ибо не хочу напоследок жаловаться.

Артур Самуэль Филипс
Сочельник 1879 года.

Тайна безлюдного корабля

«Таравак», корабль о четырех мачтах, всю ночь простоял в потоке Гольфстрима без движения. Случилось так, что экипаж попал в штилевую полосу — уже два дня и две ночи на море стояла полная тишь.

Не будь сейчас ночь, даже подслеповатый одноглазый пират видел бы: море поросло травой. Куда ни глянь до самого горизонта плавали водоросли, причем местами сбились так плотно, что их можно было принять за мели.

На подветренной стороне кормы, опершись на фальшборт, стоял матрос Дати. Он смотрел на восток — там показались робкие лучи рассвета. Моря в темноте было не видать, только первые переливы лимонного и нежно-розового.

Со временем проявилась и водная гладь — пока еще серая, изредка подергивающаяся серебристыми «морщинами» волн. Ложные мели и отдельные травинки торчали отовсюду непослушными лохмами.

Вскоре солнце накрыло тьму красным куполом, рассеяло мрак, и Дати вдруг увидел… нечто. В нескольких милях по правому борту, отчетливо

выделяясь на багряном фоне, на волнах дрейфовало что-то огромное и бесформенное.

— Сэр, вижу что-то по правому борту, — сообщил он старпому, который курил, прислонясь к фальшборту. — Да токмо невооруженным глазом поди разгляди.

Старпом выпрямился, потянулся, зевнул и подошел к пареньку вплотную.

— Где именно, Тоби? — устало спросил он и снова зевнул.

— Там, сэр, — сказал Дати, он же Тоби, — далеко на траверзе[80], вон куда солнце светит. Похоже на большой плавучий дом или стог сена.

Старпом проследил за взглядом озадаченного салаги, и усталость как рукой сняло.

— Тоби, подай бинокль со светового люка, — велел он.

Матрос повиновался. Старпом с минуту рассматривал странный объект, затем передал бинокль Тоби, велел приглядеться и сказать, что он видит.

— Похож на старую пороховую бочку, сэр, —

---

[80] Примечания: 80

Тра́верз — линия, перпендикулярная курсу судна или его диаметральной плоскости. Соответствует курсовому углу 90°. Корабль может быть на траверзе какого-либо объекта (например, маяка), что означает, что предмет виден в направлении, перпендикулярном курсу судна.

бодро отрапортовал юноша через пару минут.

Старпом согласно кивнул.

Рассмотреть таинственный объект в деталях они смогли позже, когда солнце уже полноценно вскарабкалось на небо. Оказалось, что внимание Дати привлекло чрезвычайно старое судно без мачт. Наверху была надстройка неизвестного назначения, похожая на крышу. Судно накренилось аккурат к одной из водорослевых «мелей», и весь его бок был покрыт зеленью.

Именно это дало старпому подсказку, как подобное чудо-юдо, старое и непригодное к плаванию, оказалось в океане настолько далеко. Перед глазами всплыла картинка: наверняка судно занесло из бескрайнего Саргассова моря, а до того оно десятки и десятки, если не сотни лет, числилось пропавшим.

Гипотеза взбудоражила старого волка, и он с еще большим интересом принялся разглядывать древнее судно. Он представлял, как оно годами курсировало по океану, забытое и заброшенное, какой ужас пережило и как умирало.

Целый день экипаж «Таравака», пристальнейшим образом изучал безлюдный корабль через все доступные стекла и иллюминаторы. И хотя находились они дай бог в шести-семи милях от

объекта, на предложение старпома снарядить лодку и проследовать к незнакомому судну капитан ответил отказом. Человек осторожный, он видел, что погода может измениться в любой момент, и не хотел, чтобы кто-то покидал корабль без особой нужды. Но все же и ему было не чуждо любопытство, и телескоп время от времени возвращался к древней громадине.

* * *

Во вторую вечернюю вахту, ближе к шести склянкам, позади заметили медленно, но верно поднимающийся парус. К восьми склянкам стало ясно, что это маленький баркас, поймавший попутного ветра: его реи стояли прямо, стежки парусов были ровными. Но ночь наступала быстро, и к одиннадцати часам ветер достиг и «Таравака». Парусина, дождавшись наконец потока воздуха, зашелестела и зашуршала, расправляясь, дерево тут и там заскрипело, адаптируясь к нагрузке.

По мере того как судно набирало ход, под носом и вдоль борта раздавался тихий шелест. Это продолжалось почти целый час; они скользили по воде со скоростью менее пары узлов.

Справа показался красный огонек маленького баркаса. Он теперь медленно-медленно обго-

нял их, очевидно, имея при таком слабом бризе преимущество перед большим и тяжелым «Тараваком».

Примерно без четверти двенадцать, сразу после смены вахты моряки заметили на баркасе мечущиеся огни, а к полуночи стало очевидно, что он по какой-то причине начал отставать.

Когда старпом поднялся на палубу, чтобы сменить второго помощника, тот сообщил, что на борту баркаса происходит какая-то чертовщина, рассказал об огоньках и о том, что баркас отстает.

Выслушав его, старпом отправил одного из юнг за биноклем ночного видения. Когда его принесли, он со всей внимательностью принялся разглядывать баркас — но и в бинокль можно было различить только силуэт, увенчанный тремя тусклыми башнями мачт и парусов.

Вдруг старпом вскрикнул, углядев позади силуэта баркаса нечто иное. Внимательно изучив смутные очертания, он изрек с ноткой страха, не обращая внимания на бестолковые вопросы второго помощника:

— То безлюдное судно! Баркас воткнулся в водоросли, окружающие эту развалюху!

Второй помощник хлопнул по фальшборту,

удивленно хмыкнув.

— Эвона что! — заявил он. — То-то мы опережать его стали. Теперь ясно, зачем огни: коли запутаться в этих водорослях, недалеко и столкнуться.

— Что-то тут не сходится, — ответил старпом, опуская бинокль и нашаривая трубку. — Не такой он быстрый, этот баркас, чтобы вышло серьезное столкновение.

Второй помощник, все еще глядя в бинокль, рассеянно выразил несогласие. Старпом тем временем набил и раскурил трубку, отметив, что ветер стихает.

Вдруг второй помощник привлек внимание старпома. Едва ему показалось, что ветер совсем стих, паруса с легким шелестом обвисли.

— Что такое? — спросил старпом и вновь поднял бинокль.

— Там происходит что-то странное, — сказал второй помощник. — Гляньте, как огни движутся, и… Видали?! — последнюю фразу он практически выпалил с упором на последнее слово.

— Что? — спросил старпом, вглядываясь пристальней.

— Стреляют, — ответил второй. — Смотрите! Опять!

— Бред! — отрезал старпом.

Ветер стих, на море воцарилось затишье. И вдруг откуда-то издалека долетел глухой треск выстрела, за которым почти сразу последовало еще несколько — отрывистых, но более отчетливых. В темноте звуки напоминали щелчки кнута.

— Боже правый! — воскликнул старпом. — Сдается мне, ты прав. — Он остановился и уставился на огни. — Вот! Теперь и я вспышки вижу. Кажется, стреляют с кормы… Надо позвать капитана.

Он развернулся и побежал в кают-компанию. Постучал в дверь капитанской каюты, вошел, зажег свет и, разбудив капитана, рассказал о том, что они со вторым помощником, как ему казалось, видели на борту баркаса.

— Это бунт, сэр. Стреляют на корме. Мы должны что-то предпринять, — запыхавшись, произнес молодой старпом, но капитан остановил его, спокойно подняв руку.

— Я поднимусь через минуту, мистер Джонсон, — сказал он. Старпом понял намек и выбежал на палубу.

Не прошло и минуты, как шкипер уже стоял на корме и смотрел в бинокль ночного видения на баркас и безлюдное судно. Но огоньки на борту

баркаса уже пропали, вспышки выстрелов прекратились — осталось только тусклое, ровное красное свечение левого бортового фонаря, а за ним смутно маячили очертания заброшенного судна.

Капитан стал опрашивать помощников, требуя деталей.

— Все закончилось, пока старпом докладывал вам, сэр, — объяснил второй помощник. — Но мы отчетливо слышали выстрелы.

— Похоже, стреляли не только из револьверов, но и из ружей, — добавил старпом, не переставая вглядываться в темноту.

Некоторое время они втроем обсуждали инцидент, а внизу на главной палубе тем временем стояли двое вахтенных — и на носу, и на корме уже судачили вовсю.

Вскоре капитан с помощниками приняли решение. Если это и был бунт, он закончился — неважно, в чью пользу, — и вмешательство со стороны экипажа «Таравака» ни к чему хорошему не приведет. Они слишком многого не знают — почти ничего, если на то пошло — и насколько им известно, никакого бунта могло не быть. Если он все-таки был и закончился в пользу мятежников — значит, сил им не занимать. Если же

бунт закончился победой офицеров, то все и без «Таравака» хорошо. Вмешиваться не стоит. Будь «Таравак» военным кораблем с большим, хорошо вооруженным экипажем, послать на разведку вооруженный отряд не составило бы проблемы. Но это всего лишь торговое судно, на котором, как водится, каждый человек на счету. Так что следует проявить осторожность. Они дождутся утра и подадут сигнал. Через пару часов рассветет. Дальше — по обстоятельствам.

Старпом подошел к краю кормы и крикнул матросам:

— Ложитесь-ка, парни, на боковую. К пяти склянкам можете нам понадобиться.

— Есть, сэр, — раздались невнятные возгласы, и некоторые матросы начали подниматься в кубрик. Другие остались: любопытство пересилило сонливость.

На корме, перегнувшись через поручни правого борта и ожидая рассвета, о чем-то переговаривались трое офицеров. Недалеко маячил Дати, старший матрос, только что произведенный в должность третьего помощника.

Вскоре небо по правому борту начало светлеть, возвещая долгожданное наступление рассвета. Солнце становилось все ярче, и глаза экипажа

«Таравака» все внимательнее всматривались туда, где виднелся угасающий красный огонек бортового фонаря баркаса.

Затем, в миг предрассветной тишины, над безмолвными волнами пронесся звук. Он доносился с востока — очень слабый, протяжный, пронзительный. Больше всего он напоминал посвист рассветного бриза — слабое, едва уловимое завывание, словно призрачный плач. Но в нем звучала странная, почти угрожающая нотка, и трое на корме сразу поняли: это не ветер. Слишком зловещим был звук.

Затем он прекратился, перейдя в нечто неопределенное, похожее на комариный писк, далекий, неясный и пронзительный. И снова наступила тишина.

— Я слышал это прошлой ночью, когда стреляли, — очень медленно произнес второй помощник, поглядев сперва на капитана, а затем на старпома. — Когда вы были внизу и вызывали капитана, — добавил он.

— Ч-ш-ш! — Старпом предостерегающе поднял руку, но как моряки ни прислушивались, не слышали больше ни звука. Так что они продолжили перебрасываться ничего не значащими вопросами и ответами наугад, как всегда бывает

в минуты раздумий. Время от времени они следили за баркасом в бинокли, но не обнаружили ничего примечательного. Лишь когда еще чуть-чуть рассвело, обнаружилось, что баркас пробил носом надстройку безлюдного судна, проделав в ней изрядную брешь.

Вскоре, когда утро перешло в день, старпом крикнул третьему помощнику, чтобы тот вместе с парой матросов принес сигнальные флажки и книгу кодов. Они так и поступили, подняли флажки, но на баркасе не обратили на это ни малейшего внимания. В конце концов капитан приказал сложить флажки и вернуть в шкафчик.

Затем он спустился посмотреть в бинокль. Вернувшись, посовещался с помощниками и отдал приказ спустить по правому борту спасательную шлюпку. Это заняло около получаса. Капитан отрядил туда шесть матросов и двух юнг.

Полдюжины винтовок с боеприпасами и столько же абордажных сабель передали матросам. Юнги было возмутились, что их обделили, но старпом спустился в шлюпку и вручил каждому по заряженному револьверу, предупредив, чтобы они не вздумали шутить с оружием. Это привело юнцов в несказанный восторг.

Когда шлюпка уже собиралась отчалить, по

приставному трапу спустился Дати. Спрыгнув, он сел на корму и положил ружье, которое принес с собой, на пол. Наконец шлюпка тронулась к баркасу.

Таким образом, в лодке было десять хорошо вооруженных человек. Старпом не сомневался, что справится с любой опасной ситуацией. В разумных пределах.

* * *

После почти часа тяжелой гребли шлюпка подошла к баркасу на расстояние примерно двухсот ярдов, и старпом крикнул матросам, чтобы они налегли на весла. Встал и крикнул:

— Эй, на корабле!

Ответа не последовало. Старпом покричал еще — тишина.

Он сел и жестом приказал матросам приналечь, подводя лодку еще на сотню ярдов. Снова покричал, вновь не получил ответа, наклонился за биноклем и какое-то время рассматривал в него два судна — древний безлюдный корабль и современный парусник.

Баркас угодил в самую гущу водорослей, его корма находилась примерно в двух десятках ярдов от края. Нос, как уже говорилось, пробил

покрытую зеленью надстройку судна, так что водораздел подошел очень близко к заросшему травой борту.

Теперь было отчетливо видно, что это действительно очень древнее судно — на таком расстоянии старпом легко мог различить, где корпус, а где надстройка. Корма значительно возвышалась над носом, а вокруг стойки шли галереи. В некоторых иллюминаторах еще оставались стекла, другие были надежно закрыты ставнями, а в третьих не осталось ни рам, ни стекол. Из-за этого в корме зияли темные дыры. И повсюду росла мокрая зелень, с одного взгляда вызывающая у любого необъяснимое отвращение. Воистину, что-то отталкивающее пронизывало эту древнюю развалину — что-то неуловимое, нечеловеческое, невыразимо отвратительное.

Старпом отложил бинокль и вытащил револьвер. При виде этого каждый в шлюпке инстинктивно кинул взгляд на свое оружие. Старпом вновь прикрикнул на матросов и направился прямо к зеленой массе водорослей. Шлюпка с некоторым усилием вспорола ее, и моряки с большим трудом, ярд за ярдом, стали продвигаться дальше.

Они подошли к корме баркаса, и старпом про-

тянул руку с веслом. Уперев его в борт судна, он мгновенно на него взобрался, ухватился за поручни, перелез на борт и, быстро окинув судно взглядом от кормы до носа, взялся за лопасть весла. Держась за него, старпом приказал остальным как можно быстрее следовать за ним. Они так и поступили, причем последний матрос поднял фаниль и прикрепил его к планке палубы.

Затем они быстро обыскали судно. В нескольких местах на главной палубе нашлись разбитые лампы, а на корме, на юте — дробовик, три револьвера и несколько деревянных брусьев. И хотя моряки осмотрели судно сверху донизу, открыли все люки и проверили лазарет, нигде не обнаружилось ни души: баркас был абсолютно пуст.

Быстро закончив поиски, старпом созвал экипаж: в воздухе витала угроза, и он решил, что впутываться — себе дороже. Он двинулся вперед и поднялся на верхнюю палубу кубрика, где обнаружил, что лампа на левом борту до сих пор горит. Старпом склонился над ней, поднял, открыл, задул пламя и вернул лампу на место.

Покончив с этим, он взобрался на нос и двинулся вдоль кливера, призвав остальных следовать за собой. Они молча исполнили приказ. Оружие держали наготове: каждый чувствовал гнет Не-

постижимого, что окружало их.

Старпом добрался до пробоины в огромной надстройке и вошел туда. Прочие последовали за ним. Они оказались в помещении, похожем на большую мрачную казарму, разве что полом ей служила палуба древнего судна. Изнутри надстройка выглядела как настоящее произведение искусства, к тому же, прекрасно укрепленное. Некогда она, должно быть, была невероятно прочна, но теперь вся про гнила и прохудилась. В одном месте, ближе к центру, было что-то вроде возвышения. Как предположил старпом, эта «платформа» могла служить смотровой, но представить себе, зачем нужна такая огромная надстройка, он не мог.

Осмотрев палубы, он уже собирался спуститься вниз, как вдруг Дати схватил его за рукав и напряженно прошептал:

— Слушайте!

Старпом повиновался и услышал из тьмы под ногами низкий, непрерывный пронзительный вой. В воздухе вдруг повеяло вонью зверинца. Еще входя в надстройку, он отметил краешком сознания какой-то странный запах, но лишь теперь ощутил его по-настоящему.

Пока старпом стоял в нерешительности, вой

внезапно перерос в истошный визг, заполнивший все пространство вокруг. Затем в ужасный, нечеловеческий, угрожающий рев. Старпом повернулся и заорал во всю глотку:

— Все, назад на баркас!!!

А сам, лихорадочно оглядевшись, бросился туда, где над палубой торчала верхушка мачты. Не переставая озираться, он подождал, пока все покинут безлюдный корабль, затем быстро вскочил на перекладину, служившую мостиком. И как только он это сделал, вой сменился тихим писклявым чириканьем. Старпом невольно оглянулся: внезапная тишина оглушила ничуть не меньше какофонии.

В первый момент увиденное показалось ему столь невероятным и чудовищным, что старпом даже не смог закричать. Собравшись с духом, он крикнул матросам, чтобы садились в шлюпку, а сам, весь дрожа, спрыгнул на баркас вслед за ними. Он бежал так, словно удирал от смерти, ибо увидел, что все палубы брошенного судна кишат живыми существами — гигантскими крысами, тысячами, десятками тысяч! — и во мгновение ока понял, куда подевался экипаж баркаса.

Старпом уже добрался до носовой части и бежал к трапу, а за ним по пятам неслись крысы, черной

рекою захлестывая кливер. Одним прыжком он оказался на главной палубе и помчался дальше. Дробный топоток стремительно настигал. Старпом добрался до ступенек на корме и, уже взбегая по ним, ощутил, как левую икру обожгла боль. Очутившись на корме, он, прихрамывая, продолжал бежать. Дюжина огромных крыс скакала вокруг, еще с полдюжины повисли на спине, а та, что вцепилась в икру, бешено моталась. Он помчался дальше, добрался до перил, ухватился за них и прыгнул прямо в водоросли.

Остальные уже были в шлюпке. Сильные руки втащили старпома на борт. Обливаясь потом, экипаж оттонял свое маленькое суденышко от корабля. Крысы по-прежнему вцеплялись в старпома, но несколько ударов абордажной саблей избавили его от смертоносной ноши. Тысячи других крыс облепили поручни и полукруг кормы, отчего часть шлюпки казалась живой массой черного цвета.

Шлюпка была уже на расстоянии вытянутой руки от баркаса, и вдруг Дати закричал:

— Они приближаются!

В то же мгновение около сотни самых крупных крыс бросились на шлюпку. Большинство не долетело до водорослей, но более десятка достигли

цели и яростно набросились на людей. Целая минута ожесточенной борьбы прошла, прежде чем враг был уничтожен.

Матросы вновь налегли на весла, продираясь сквозь заросли, и через минуту-другую, отчаянно гребя, подошли к борту на расстояние нескольких саженей. И тут их охватил новый приступ ужаса. Те крысы, что не долетели до шлюпки, теперь окружали ее со всех сторон, выпрыгивая из водорослей, взбегая по веслам и карабкаясь по бортам. Если хоть одна поднималась на борт, кому-то из членов экипажа обязательно доставалось. Все были искусаны и истекали кровью из множества ран.

Последовала короткая, но отчаянная схватка, и, зарубив последнюю тварь, матросы вновь принялись прорубать путь сквозь водоросли.

Прошла минута, они почти подошли к борту, и тут Дати крикнул:

— Смотрите!

Все оглянулись посмотреть на баркас и увидели, отчего закричал матрос. Крысы черными волнами прыгали вниз, в водоросли, и устремлялись к шлюпке. Огромные листья дрожали. За невероятно короткий срок маленькие чудовища захватили все водоросли между шлюпкой и

баркасом, и теперь приближались с головокружительной скоростью.

Старпом с воплем выхватил весло у одного из матросов, прыгнул на корму лодки, молотя по водорослям, а тем временем остальные неимоверными усилиями выводили шлюпку в открытое море. И все же, несмотря на их безумные усилия и смертоносные удары огромного четырнадцатифутового весла, черная живая масса окружила лодку и карабкалась на борт, пока моряки прорывались сквозь водоросли. Когда шлюпка выскочила на чистую воду, старпом громко выругался и, выронив весло, принялся голыми руками отрывать тварей от бортов и выбрасывать в море. Но едва он успел освободить шлюпку, как подоспели новые — им вполне хватило бы минуты, чтобы утащить на дно. Шлюпка так кишела этими паразитами, что казалась живой — но несколько моряков, взявшись за абордажные сабли, пластали тварей в куски, иногда убивая нескольких одним ударом. Так через некоторое время шлюпка снова была освобождена. Но все десять человек на борту были жестоко изранены и напуганы.

Старпом взялся за весло вместе со всеми, кто мог грести. Они медленно и мучительно гребли

прочь от ненавистного безлюдного корабля, а водоросли, захваченные его чудовищным экипажем, бурлили отвратительной жизнью.

С «Таравака» поступали сигналы тревоги, и старпом понял, что шторм, которого опасался капитан, должно быть, надвигается. Он подстегивал всех налегать на весла еще сильнее, пока они наконец не оказались в тени собственного судна, глубоко благодарные судьбе телом и душой, истекающие кровью, усталые и обессилевшие.

Медленно, с трудом экипаж вскарабкался по приставному трапу, и шлюпку подняли на борт. Но шторм уже наступал, и рассказать о своих приключениях они не успели.

Он налетел с востока полчаса спустя, явившись облаком белой ярости и уничтожив все следы таинственного судна и маленького баркаса, ставшего его жертвой. Целый день и целую ночь сражались моряки со стихией. Когда же буря стихла, уже не было видно ни двух судов, ни водорослей, покрывавших море ранее: ветер отнес их на десятки лиг к западу.

У моряков больше не было возможности — да небось и желания, — исследовать тайну этого странного артефакта прошлых эпох и населявших его крыс. Тем не менее эта история

пересказывалась много раз на многих кораблях. Было высказано множество предположений о том, как древнее судно оказалось посреди океана. Некоторые предполагали — беру на себя смелость утверждать это как факт, — что его, должно быть, вынесло из бескрайнего и пустынного Саргассова моря. По правде говоря, это предположение кажется мне наиболее логичным. А что касается крыс, очевидно обитавших там, тут разумного объяснения у меня не найдется. Я даже не могу сказать, были это настоящие корабельные крысы или те, что встречаются на заросших водорослями мелях и островках Саргассова моря. Возможно, это потомки крыс, долгие века живших на кораблях, затерянных в Море водорослей. Возможно, они научились жить в зелени, эволюционируя и развивая новые силы и инстинкты. И все же точно я сказать не могу, ведь говорю совершенно непредвзято и рассказываю эту историю только так, как ее рассказывают в кубриках многих старинных парусных судов — в пропитанной морской солью темноте, где молодежь постигает некоторые тайны моря. А тайн у него хватает…

Тварь среди водорослей

I

Это была необычайная история. Мы шли вдоль мыса Доброй Надежды и под влиянием пассатов, дувших сильнее обычного, удалились на запад на добрую сотню миль — гораздо дальше, чем я бывал прежде.

Я превосходно запомнил ту ночь. Полагаю, все случившееся отпечаталось в моей памяти: там сохранились тысячи мельчайших деталей, каковые в иной ситуации я позабыл бы через час. И, конечно, то, что мы часто разговаривали об этом происшествии, помогло сохранить в памяти всю последовательность удивительных событий.

Я помню, что стоял вместе со старшим помощником с наветренной стороны кормы и рассуждал о разных суевериях старых морских волков. Я был третьим помощником, и дело было между четвертой и пятой склянками на первой вахте, то есть между десятью и половиной одиннадцатого. Внезапно мой спутник замер, приподнял голову и несколько раз втянул носом воздух.

— Вот что я скажу, мистер, — произнес он, — ка-

жется, тянет каким-то испорченным ромом. Ты разве не чувствуешь?

Я пару раз вдохнул запахи, принесенные дувшим на траверзе легчайшим ветерком; потом я подошел к фальшборту и наклонился, снова вдохнув слабый бриз. И неожиданно я ощутил какое-то дуновение, слабое и неприятное, и все-таки слабо напоминавшее о каком-то запахе, с которым я сталкивался прежде.

— Я, кажется, что-то чувствую, мистер Ламмарт, — ответил я. — Вроде почти могу припомнить, что именно, а вот назвать никак не могу. — Я посмотрел далеко во тьму — туда, откуда дул ветер. — Что, по-вашему, это за вонь? — спросил я.

— Теперь уже ничего не чувствую, — ответил он, подойдя ко мне и остановившись у края палубы. — Оно исчезло. Нет! Ей-богу! Вот оно снова. Ну надо же! Уф!

Запах теперь окружал нас, он будто заполнил ночной воздух. Он по-прежнему казался неуловимо знакомым, и все-таки он был очень странным, а прежде всего — он был, разумеется, просто отвратителен.

Зловоние усиливалось, и тогда старпом попросил меня пройти вперед и узнать, заметил ли что-нибудь вахтенный матрос. Когда я добрался

до полубака, то позвал вахтенного, собираясь выяснить, чувствует ли он запах.

— Учуяли что-то, сэр? — воскликнул он. — Шутите, что ли?! Я точно уверен, что да. Я уже просто потравился здесь.

Я помчался вперед и остановился около вахтенного. Запах, конечно, был просто невыносим, сделав еще пару вдохов и получив весьма сомнительное удовольствие, я спросил вахтенного, не приходило ли ему в голову, что это может быть мертвый кит. Но он очень решительно возражал; по его словам, он ходил на китобойных судах почти пятнадцать лет и прекрасно знал, как пахнет мертвый кит, «так же точно, как вы узнаете запах дрянного виски, сэр», как выразился матрос.

— Нет там никакого кита, Бог ведает, что там такое. Думаю, что это Дэви Джонс вылез подышать.

Я оставался с ним еще несколько минут, неотрывно глядя во тьму, но не мог увидеть ничего; ведь даже если рядом с нами и находилось нечто огромное, сомневаюсь, сумел ли бы я его разглядеть — такой темной была ночь, без единой звезды, но полная смутными, мрачными туманами, со всех сторон окружавшими наш корабль.

Я вернулся к старпому и сообщил, что вахтенный матрос жаловался на запах, но ни он, ни я не

сумели в темноте ничего разглядеть и не смогли подыскать объяснения случившемуся.

К этому времени странный, отвратительный запах, казалось, разлился в воздухе вокруг нас, и старпом предложил мне спуститься и закрыть все люки, чтобы мерзкий аромат не проник в каюты и салон.

Когда я вернулся, он предложил, что нам стоит закрыть двери кают-компании, и после этого мы продолжали прохаживаться по корме, обсуждая необычайный запах и останавливаясь время от времени, чтобы воспользоваться ночными биноклями и осмотреться вокруг.

— Ну, скажу тебе, и воняет здесь, мистер, — заметил старпом, — и это очень похоже на тот огромный старый брошенный корабль, на борт которого я когда-то поднялся на севере Атлантики. То была настоящая древность, и у нас мороз по коже прошел. Там были только странная, темная, столетняя трюмная вода, мертвецы и морские водоросли. Я не могу позабыть о том дне, мы… почти подобрались к чему-то древнему и очень, очень необычному; хорошо, что мы не зашли далеко!

— Замечаете, как чертовски тихо вокруг в последние полчаса или около того? — сказал я

немного позже. — Должно быть, туман заглушает все звуки.

— Это туман, — сказал помощник, подходя к фальшборту и всматриваясь вдаль. — О Господи, что там такое? — воскликнул он.

Что-то сбило шапку с его головы, и она упала, резко стукнув где-то у моих ног. И внезапно, понимаете ли, я почувствовал: может случиться что-то нехорошее.

— Уходите от фальшборта, сэр! — резко выкрикнул я, одним прыжком подскочил к нему, ухватил за плечи и потащил назад. — Уйдите в сторону!

— В чем дело, мистер? — рявкнул он, рванувшись изо всех сил. — Что с тобой такое? Это ты сбил с меня шляпу? — Он наклонился и начал наощупь искать свой головной убор; пока он этим занимался, я услышал, как что-то постукивает по тому поручню, от которого только что отошел старпом.

— Боже мой, сэр! — прошептал я. — Там что-то есть. Слушайте!

Старший помощник замер, прислушиваясь; потом он услышал это. Было очень похоже на то, что некое существо ощупывало фальшборт в тем-

ноте совсем рядом, а не в целых двух фатомах[81] под нами.

— Кто там? — тотчас спросил старпом. Потом, когда ответа не последовало: — Что это за дьявольские шутки? Кто там валяет дурака? — Он быстро шагнул в темноте к поручню, но я ухватил его за локоть.

— Не надо, мистер! — сказал я, стараясь не повышать голоса. — Это не человек. Позвольте мне зажечь огонь.

— Тогда скорее! — ответил он. Я повернулся, бросился на корму к нактоузу[82] и схватил зажженную лампу. Пока я этим занимался, то услышал, как старпом что-то странным голосом кричит во тьме. Потом раздался громкий, резкий, грохочущий звук, затем треск; старпом тотчас закричал мне, чтобы я поспешил с огнем. Его голос стал иным, пока он кричал. Потом я услышал два громких, тупых удара и необычайный звук, будто кто-то задыхался; и затем, пока я мчался по корме, раздался громкий звон стекла, и тотчас воцарилась тишина.

— Мистер Ламмарт! — кричал я. — Мистер Лам-

---

[81] Примечания: 81

Фа́том — английское название морской сажени.

[82] Примечания: 82

Накто́уз — ящик, вмещающий судовой компас.

март! — А затем я достиг того места, где оставил старпома; с тех пор прошло секунд сорок, но его уже не было.

— Мистер Ламмарт! — снова закричал я, подняв лампу высоко над головой и осматриваясь по сторонам. Когда я пытался рассмотреть, что творится сзади, нога скользнула по какой-то луже, и я рухнул на палубу с ужасным громким стуком, разбив лампу и оставшись без света.

Я почти тотчас же вскочил на ноги. Я сразу нащупал лампу, но, занимаясь этим, я услышал крики людей на верхней палубе, а затем — топот их ног; матросы бежали на корму. Я нашел разбитую лампу и понял, что она бесполезна; тогда я проскочил по сходному трапу и полминуты спустя вернулся с большой лампой из кают-компании, лучи света от нее были очень яркими после недавней темноты.

Я снова помчался вперед, прикрывая на бегу верхний край стеклянного колпака, чтобы сквозняк не погасил лампу; ее пламя, казалось, делало наветренную сторону кормы такой же светлой, как днем — если бы не туман, который придавал какую-то неопределенность всем окружающим вещам.

Там, где я недавно оставил старпома, на па-

лубе виднелась лужа крови, но нигде не было никаких следов самого человека. Я подбежал к фальшборту и поднял над ним лампу. На металле виднелись следы крови, и сам металлический прут, казалось, согнула какая-то огромная сила. Я протянул руку и почувствовал, что стержень расшатан. Потом я наклонился через борт и, держа лампу на расстоянии вытянутой руки, осмотрелся вокруг.

— Мистер Ламмарт! — кричал я в ночь и в густой туман. — Мистер Ламмарт! Мистер Ламмарт! — Но мой голос, казалось, исчезал, потерянный, приглушенный и бесконечно слабый, во тьме среди волн.

Я слышал дыхание людей, стоявших на подветренной стороне кормы. Я развернулся к ним, высоко подняв лампу.

— Мы что-то слышали, сэр, — сказал Тарплей, старший матрос нашей вахты. — Что-то не так, сэр?

— Старпом исчез, — негромко произнес я. — Мы что-то услышали, и я отправился за лампой к нактоузу. Потом он закричал, и я слышал, как что-то ломается, а когда я вернулся, он исчез бесследно. — Я обернулся и указал лампой в сторону моря, и люди столпились у фальшборта и смотре-

ли, изумленные.

— Кровь, сэр, — произнес Тарплей, указывая вниз. — Здесь что-то чертовски странное. — Он махнул огромной рукой в темноту. — Оно воняет…

Он так и не договорил; внезапно один из матросов выкрикнул каким-то испуганным голосом: «Взгляните, сэр! Взгляните, сэр!»

Я увидел, всего лишь на один краткий миг, как нечто появляется над водой, как оно движется в жутких отблесках света; а затем, прежде чем я успел задуматься о том, что же увидел, лампа разлетелась на куски по всей палубе. В то же мгновение я пришел в себя и постиг невероятное безумие того, что мы делали; ибо мы стояли в темной, непостижимой ночи, а в темноте, вне всяких сомнений, скрывалось некое чудовищное создание; и все мы находились в его власти. Я, казалось, почувствовал, как оно скользит рядом с нами, и я ощутил отвращение, от которого мурашки побежали по всему телу.

— Отойдите от борта! — закричал я. — Отойдите! — Раздался топот ног, когда люди исполнили команду, внезапно почувствовав опасность; я последовал за остальными. И когда я бежал, то почувствовал, как некое незримое существо

коснулось моего плеча, и неописуемый запах ударил мне в ноздри — это был запах существа, двигавшегося за мной в темноте.

— Все вниз в кубрик! — завопил я. — Живее вниз! Не медлите ни секунды!

Началась суматоха на темной верхней палубе, а затем люди бросились вниз по сходному трапу в кубрик, падая и проклиная друг друга в темноте. Я окликнул рулевого, приказав присоединиться к нам, а потом тоже спустился.

Я натолкнулся на мужчин, собравшихся у подножия трапа и перекрывших проход, все они теснились в кромешной тьме. Голос капитана заполнил кают-компанию, и он весьма решительно потребовал объяснить, почему поднялся такой шум. Из каюты стюарда также донесся голос, затрещали спички, а потом зажглась и лампа в самой кают-компании.

Я протолкнулся сквозь толпу и отыскал капитана, он стоял в ночной рубашке посреди помещения, сонный и сердитый, хотя, возможно, замешательство одолевало все прочие чувства. Он держал в руке лампу; свет озарил всех собравшихся.

Я поспешил все ему объяснить, рассказал о невероятном исчезновении старпома и о соб-

ственном убеждении, что некая необычайная тварь скрывалась рядом с кораблем среди тьмы и тумана. Я упомянул странный запах, а потом сказал, как старпом предположил: мы дрейфуем рядом с какими-то древними, сгнившими в море остатками брошенного корабля. И знаете ли, когда я выразил свои подозрения — весьма неуклюже, но вслух, — в моем воображении начали возникать ужасные опасности; тысячи кошмарных и невозможных в море вещей внезапно стали возможными.

Капитан (по фамилии Джелди) не стал тратить время на одевание; он бросился в свою каюту и вышел через несколько мгновений с несколькими револьверами и горстью патронов. Второй помощник капитана примчался на шум и внимательно выслушал все то, что я рассказывал; затем он зашагал назад к своей койке и вернулся с лампой и огромным смит-и-вессоном, явно уже заряженным.

Капитан Джелди протянул мне один из своих револьверов и дал несколько патронов; мы начали поспешно заряжать оружие. Затем капитан подхватил лампу и направился к лестнице, приказав людям в кают-компании убираться с дороги.

— Вы хотите, чтобы они пошли с нами, сэр? — спросил я.

— Нет, — ответил он. — Совершенно бесполезно подвергать их еще какому-то ненужному риску. — Он, обернувшись, отдал приказ: — Оставайтесь здесь и молчите; если вы мне понадобитесь, я вас позову; тогда поторопитесь!

— Да, да, сэр, — сказали вахтенные хором; а затем я последовал за капитаном вверх по трапу, второй помощник капитана шел следом за нами.

Мы вышли по трапу на безмолвную, опустевшую корму. Туман стал куда гуще за то недолгое время, что я провел внизу, и ветер окончательно утих. Туман был таким плотным, что просто давил на нас, и наши лампы создавали в этой гуще нечто вроде светящихся ореолов, будто бы поглощавших весь свет каким-то особым способом.

— Где он был? — почти шепотом спросил меня капитан.

— На левом борту, сэр, — сказал я, — чуть впереди рубки и примерно в дюжине футов от фальшборта. Я покажу вам точное место.

Мы пошли вперед по наветренной стороне, продвигаясь медленно и осторожно, но тем не менее разглядеть сквозь туман нам удавалось совсем немного. Один раз, поскольку я шагал

впереди, мне показалось, что я слышу в тумане слабый звук, но он сливался со скрипом снастей, поскольку корабль слегка качало на странной, маслянистой поверхности. Кроме этого слабого звука и далекого шелеста парусов наверху, на всем корабле царила абсолютная тишина. Уверяю вас, тишина казалась мне почти угрожающей, что легко объяснить моим напряженно-возбужденным состоянием.

— Я оставил его где-то здесь, — прошептал я капитану несколько секунд спустя. — Опустите пониже вашу лампу, сэр. На палубе есть кровь.

Капитан Джелди так и сделал, слабый звук сорвался с его губ, когда он осмотрел палубу. Затем, не обратив внимания на мое поспешное предупреждение, он подошел к фальшборту, подняв лампу повыше. Я последовал за ним, потому что не мог его бросить; нас нагнал и второй помощник капитана со своей лампой. Они наклонились за борт и вытянули лампы в туман, в неведомую тьму, окружавшую корабль со всех сторон. Я помню, что лампы казались всего лишь двумя маленькими яркими пятнами в тумане, они были бесполезны, но все-таки могли в какой-то мере показать нам безбрежность ночи и всесилие тьмы. Возможно, я говорю странные вещи, но

это позволит вам понять, что я испытывал в тот момент. И все время, знаете ли, меня охватывало отвратительное, пугающее ожидание — что-то стремилось к нам из той бесконечной тьмы и тумана, в который погрузились и море, и ночь; а мы были лишь тремя окутанными туманом, незаметными силуэтами — и мы в испуге озирались по сторонам.

Туман теперь был настолько густым, что мы не могли разглядеть даже поверхность воды, по обе стороны от нас фальшборт уходил во тьму. И затем, пока мы стояли и наблюдали, я услышал движение на верхней палубе. Я схватил капитана Джелди за локоть.

— Уйдите от фальшборта, сэр, — сказал я очень тихо; он, быстро почувствовав опасность, сделал шаг назад и позволил мне отвести его подальше. Второй помощник последовал за нами, мы втроем стояли в тумане, озираясь и изо всех сил сжимая револьверы, а непроницаемые волны тумана медленно обвивали наши лампы, то расходясь, то сплетаясь в потоках воздуха.

— Что вы слышали, мистер? — спросил капитан через несколько мгновений.

— Тсс! — пробормотал я. — Вот оно снова. Что-то движется на верхней палубе!

Капитан Джелди теперь и сам все слышал, мы втроем замерли, что есть силы пытаясь расслышать побольше. Но нам, увы, нелегко было понять, откуда исходит звук. А затем внезапно раздался скрежет рым-болта на палубе, еще и еще раз, как будто кто-то или что-то возился и играл с ним.

— Эй, на верхней палубе! — громко вскрикнул капитан, голос казался мне хриплым и устрашающим, но туман немедленно заглушал его. — Эй, на верхней палубе! Кто там?

Но в ответ не раздалось ни звука. Мы стояли на месте, пытаясь увидеть и услышать хоть что-нибудь. Неожиданно второй помощник пробормотал:

— Смотрящий, сэр! Смотрящий!

Капитан Джелди тотчас понял намек.

— Эй, смотрящий! — выкрикнул он.

Затем донесся далекий приглушенный крик, ответ смотрящего с полубака:

— Сэр-р-р-р? — Эхо этого голоса долго звучало в странных туманных водоворотах.

— Спускайся в носовой кубрик, закрой все двери — и ни звука, пока я не прикажу! — крикнул капитан Джелди, и его голос растворился в тумане. Потом послышался ответ матроса: «Да, да,

сэр!» — показавшийся нам слабым и жалобным. Почти тотчас же лязгнула стальная дверь, звук был гулким и далеким; вскоре заперли и другую дверь.

— В любом случае, это должно их защитить, — произнес второй помощник. И в тот момент, когда он говорил, с верхней палубы снова донесся неясный шум: нечто двигалось с невероятной и неестественной осторожностью.

— Эй, на верхней палубе! — снова крикнул капитан Джелди. — Если там кто-то есть, отвечайте, иначе я буду стрелять!

Ответ был и удивительным, и ужасающим — внезапно палубу сотряс мощный удар, а затем раздался низкий звук, будто что-то огромное катили по верхней палубе. А потом — ужасающая тишина.

— Боже мой! — прошептал капитан Джелди, — Что это было? — Он поднял пистолет, но я вцепился в его запястье.

— Не стреляйте, сэр! — прошептал я. — Это бессмысленно. Это, что бы там ни было, но оно… кажется, оно просто огромное, сэр. Я думаю, не стоит стрелять. — Я не сумел выразить свои смутные мысли словами; но чувствовал, что на верхней палубе присутствовала некая сила, с ко-

ей бесполезно сражаться таким неэффективным оружием, как пули и револьверы.

И тогда, когда я сжимал запястье капитана Джелди, а он колебался, неспособный принять решение, послышалось блеяние овец, звук лопающихся веревок и ломающихся досок; а в следующее мгновение раздался громкий треск, за ним последовали такие же звуки. Овцы теперь блеяли непрерывно.

— Боже мой! — произнес второй помощник. — Овчарню кто-то разнес на куски. Бог ты мой! Кто же мог сотворить такое?

Ужасное избиение прекратилось, раздался громкий плеск; после этого наступила такая полная тишина, что, казалось, будто весь ночной воздух переполнен невыносимым и напряженным молчанием. И затем хлопки влажной парусины, где-то далеко вверху, заставили меня вздрогнуть — одинокий звук прорвался внезапно сквозь это адское молчание и ударил прямо по моим истерзанным нервам.

— Спускайтесь вниз, вы оба. Побыстрее! — пробормотал капитан Джелди. — Что-то бродит на корабле над нами или совсем рядом, и мы ничего не можем поделать, пока не станет светло.

Мы спустились и закрыли двери кают-ком-

пании, и так корабль лег в дрейф на просторах Атлантики, без рулевого и впередсмотрящего, без вахтенного офицера — только нечто невероятное блуждало по верхней палубе судна.

II

Несколько часов мы просидели в капитанской каюте, обсуждая положение дел; все вахтенные спали, растянувшись на полу кают-компании. Капитан Джелди и второй помощник по-прежнему оставались в пижамах, и наши заряженные револьверы лежали рядом, на столике в каюте. И мы с тревогой ожидали, когда же наконец наступит рассвет.

Когда стало светлее, мы попытались через иллюминаторы разглядеть море, но туман оставался таким густым, что мы как будто заглядывали в серое небытие, которое казалось белым теперь, поскольку начинался день.

— Что ж, — сказал капитан Джелди, — теперь нам нужно осмотреться.

Он вышел из кают-компании. Поднявшись наверх, капитан отпер обе двери, и туман опустился на нас, белый и непроницаемый. На некоторое время мы втроем замерли, стараясь сохранять тишину и прислушиваясь, держа револьверы

наготове; но до нас не донеслось ни единого звука, кроме странного, глухого хлопания парусов и слабого скрипа такелажа, когда корабль раскачивался на почти незаметных волнах.

Тогда капитан осторожно шагнул на палубу; он был в своих комнатных туфлях и потому ступал бесшумно. Я был обут в резиновые боты и шагал очень тихо, а второй помощник, шедший позади меня, шел босиком. Капитан Джелди сделал лишь несколько шагов по палубе, и туман окончательно скрыл его.

— Уф-ф! — услышал я бормотание капитана. — Вонь еще хуже прежнего! — В туманных вихрях его голос казался странным и неразборчивым.

— Солнце скоро разгонит весь этот туман, — заметил сзади второй помощник, стараясь говорить шепотом.

Мы последовали за капитаном и обнаружили его в нескольких морских саженях впереди; капитан стоял, окутанный туманом, и напряженно прислушивался.

— Ничего не слышу! — прошептал он. — Пойдем вперед, так же тихо, как раньше. Теперь ни звука.

Мы двинулись вперед, подобно трем теням, и внезапно капитан Джелди споткнулся обо что-то

на палубе и рухнул лицом вниз со страшным грохотом. Он быстро вскочил, грубо выругавшись, и мы замерли молча, ожидая, что какая-то адская тварь может в любой момент броситься на нас из этой белой туманной дымки. Как только я решил, что вижу приближение кого-то или чего-то, я поднял свой револьвер, но через мгновение понял: мне всего лишь почудилось. Напряжение нервов, связанное с ожиданием неизбежного, ослабло, и капитан Джелди наклонился, чтобы осмотреть лежавший на палубе предмет.

— Это наш курятник сюда сбросили! — пробормотал он. — Его просто в щепки разнесло!

— Вот, наверное, что я слышал вчера вечером, когда исчез старпом, — шепнул я. — Раздался громкий треск как раз перед тем, как он крикнул, чтобы я поторопился с лампой.

Капитан Джелди оставил разбитый курятник, и мы тихо, на цыпочках двинулись к фальшборту на юте. Здесь мы наклонились и уставились в чистую белизну тумана, скрывшую все вокруг.

— Ничего не вижу, — прошептал второй помощник. И в то же время, пока он говорил, мне показалось, что я слышу слабый, неясный, почти неразличимый шум где-то внизу, под нами; и я схватил своих спутников за руки, попытавшись

протиснуться мимо них вперед.

— Там что-то есть, — пробормотал я. — Ради всего святого, отойдите назад.

Мы сделали шаг или два, а затем остановились, вслушиваясь; и в тот самый миг легкий ветерок овеял нас, прорвавшись сквозь туман.

— Бриз начинается, — сказал второй помощник. — Взгляните, туман уже расходится.

Он был прав. Непроницаемая белая пелена исчезала, и внезапно мы смогли разглядеть угол комингса[83] сквозь рассеявшийся туман. Через минуту мы уже рассмотрели грот-мачту, а затем воздух очистился, корабль стал виден весь — словно великая стена белизны рассеялась, оставшись позади.

— Смотрите! — воскликнули мы все вместе. Весь корабль теперь был ясно виден; но взгляд наш был обращен совсем в другую сторону. Быстро осмотрев пустую верхнюю палубу, мы почти тотчас же увидели нечто за пределами судна. Все вокруг было покрыто водорослями — наверное, на добрую четверть мили в каждую сторону.

— Водоросли! — выкрикнул капитан Джелди, будто его осенило. — Водоросли! Взгляните!

---

[83] Примечания: 83

Ко́мингс — ограждение отверстия люка, колодца и т. п. в палубе судна, препятствующее стоку воды с палубы внутрь судна.

Ей-богу, я теперь, похоже, знаю, куда подевался помощник!

Он развернулся, подбежал к левому борту и осмотрелся. Внезапно он замер и тихо подозвал нас, обернувшись. Мы подчинились приказу и теперь стояли по обе стороны от него, всматриваясь в воду.

— Смотрите! — сказал капитан, указывая за борт. — Видите огромную тварь? Вот она… Там! Смотрите!

Сначала я не мог ничего разглядеть, кроме водорослей, простиравшихся повсюду, — мы, очевидно, попали в эти заросли вскоре после наступления темноты. Затем, когда я внимательнее присмотрелся, мой пристальный взгляд начал различать среди окружающих водорослей нечто кожистое, более темное, чем сама морская растительность.

— Мой Бог! — произнес капитан Джелди. — Какой монстр! Какой монстр! Только взгляните на него! Взгляните на глаза этого существа! Вот что схватило старпома. Какая адская тварь!

Теперь я все разглядел как следует; три массивных щупальца свивались среди скоплений водорослей; а затем я неожиданно понял, что два необычных круглых объекта, неподвиж-

ные и непостижимые, были глазами существа, скрывавшегося у самой поверхности воды. Оно, казалось, бессмысленно уставилось на наш корабль. Я слабо различил нечто бесформенное и чудовищное — вероятно, это можно было назвать головой существа.

— Мой бог! — пробормотал я. — Это какой-то огромный кальмар! Что за ужасная тварь! Что…

Тут последовал резкий ответ капитана. Он выстрелил в существо, и немедленно началось самое кошмарное волнение воды. Водоросли поднимались вверх буквально тоннами. Огромное количество растений было брошено на борт могучими щупальцами монстра. Море, казалось, почти закипело, обратившись в один большой котел из водорослей и воды, тварь была повсюду, а стальные борта корабля гудели от низких, могучих ударов, наносимых этим огромным существом. И в этот кружащийся вокруг смерч из щупалец, водорослей и морской воды мы разряжали наши револьверы — с такой скоростью, с какой мы успевали стрелять и перезаряжать. Я помню то чувство жестокого удовлетворения, какое испытывал, пытаясь таким образом отомстить за смерть старпома.

Внезапно капитан крикнул, чтобы мы отско-

чили назад, и мы тотчас повиновались. Едва все исполнили приказ, водоросли поднялись огромной горой на высоту более двадцати футов, и более чем тонна выплеснулась на палубу. В следующее мгновение три чудовищных щупальца протянулись через борт, и судно начало медленно и неуклонно крениться направо, поскольку монстр всем весом навалился на корабль. Тварь почти вылезла из моря по правому борту, и ее огромное мощное туловище, обвитое водорослями, казалось пропитанным кровью и странной черной жидкостью.

Щупальца, протянувшиеся на борт, извивались в разные стороны, и внезапно одно из них как-то отвратительно, подобно змее, обвилось вокруг основания грот-мачты. Оно, казалось, притянуло и остальные, два других щупальца добрались до мачты почти тотчас же и начали раскачивать ее с такой омерзительной силой, что все рангоутное дерево, на сто пятьдесят футов в высоту, начало явно дрожать, а потом и само судно закачалось от поразительных усилий существа.

— Он свалит мачту, сэр! — сказал второй помощник, задыхаясь. — Мой бог! Он тянет ее в сторону! Вот…

— Один из этих подрывных зарядов! — сказал я

Джелди; вдруг меня словно посетило озарение, и я завопил: — Разнесем мерзавца в клочья!

— Давайте один, скорее! — сказал капитан, решительно взмахнув рукой. — Вы знаете, где они лежат.

Через тридцать секунд я вернулся с патроном. Капитан Джелди вынул нож и срезал фитиль почти до основания; потом он очень аккуратно поджег остаток и спокойно держал снаряд, пока я не помчался назад, крича, чтобы он бросил бомбу — я знал, что через несколько секунд она должна взорваться.

Капитан Джелди бросил снаряд так, как бросают кольца, бомба упала в море как раз возле массы чудовища, находившегося у самой поверхности воды. Бросок был так хорошо рассчитан, что заряд взорвался сразу же, едва только коснувшись воды.

Воздействие взрыва на кальмара оказалось удивительным. Казалось, он был буквально уничтожен. Огромные щупальца выпустили мачту и беспомощно упали на палубу, а потом медленно и безжизненно уползли через фальшборт, когда огромное тело скрывалось из поля зрения, вдали, за бортом судна, среди водорослей. Корабль медленно накренился на правый борт, а затем

выровнялся. «Слава богу!» — прошептал я и посмотрел на своих спутников. Они побледнели и покрылись потом — наверное, у меня был такой же вид.

— Снова подул бриз, — произнес второй помощник минуту спустя. — Мы движемся. — Не говоря больше ни слова, он развернулся и бросился на корму к штурвалу, пока корабль шел, рассекая водоросли.

— Взгляните сюда, эта тварь разнесла овчарню! — закричал Джелди, указывая вперед. — Вот и световой люк над парусным складом разбит вдребезги!

Капитан подошел поближе и поглядел вниз. Внезапно он издал громкий удивленный крик:

— Здесь старпом! — завопил он. — Он вовсе не за бортом! Он здесь!

Он спустился вниз через световой люк, а я последовал за ним; и, разумеется, там мы обнаружили старпома, лежавшего без чувств на горе запасных парусов. В правой руке он сжимал открытый финский нож, который носил по старой привычке; левая рука была покрыта коркой засохшей крови — рана выглядела ужасно. Позднее мы пришли к выводу, что он порезался, пытаясь отсечь одно из щупалец кальмара, ухватившего

офицера за левое запястье. Кончик щупальца еще обвивался вокруг его руки, как будто был срезан секунду назад. В остальном, серьезных повреждений на его теле мы не нашли; существо, очевидно, в ярости отбросило его в сторону, и он через люк провалился на груду парусов.

Мы вытащили его на палубу, а потом уложили на койку, оставив стюарда позаботиться о раненом. Когда мы возвратились наверх, корабль уже вышел за пределы зоны водорослей, и мы с капитаном замерли на несколько мгновений, всматриваясь за корму.

Пока мы стояли и смотрели, что-то вздрогнуло в гуще водорослей — длинная, тонкая, мерзкая тварь, извивавшаяся и трепетавшая в лучах утреннего света, а теперь снова укрывшаяся в своем убежище — настоящий паук глубин, ожидающий в огромной сети, которую госпожа Природа связала из течений и потоков для этого создания.

А мы отправились дальше на север, подчиняясь усилившимся пассатам, и оставили позади тот чудовищный след посреди пустыни морской.

Поиски «Грайкена»

I

Уже год о передовом корабле «Грайкен» не было ни слуху ни духу, ни вестей ни костей. Даже самые оптимистичные друзья моего старого приятеля оставили надежды на то, что он до сих пор рассекает по морским просторам.

И все же я знал: в глубине души Нед Барлоу до сих пор надеется на Ее возвращение. Мой бедный старый друг! Как я за него переживал, как сочувствовал его горю!

Дело в том, что именно на «Грайкене» уплыла его возлюбленная год назад, тем черным январем. Отправилась попутешествовать, поправить здоровье, и с тех пор глубины океана хранили таинственное молчание. И корабль, и те, кто был на нем, бесследно исчезли. Последний раз «Грайкен» подал слабый сигнал в районе Азорских островов.

И все же Барлоу не терял надежды. Мы никогда об этом не говорили, но порой море болтовни выбрасывало на берег его глубинные, сердечные думы. Так я хотя бы косвенно мог узнать, что в

самом деле занимает его мысли.

Время так и не смогло стать ему врачевателем.

Эта история началась несколько позже, когда на меня обрушилось нежданное наследство. Преставился дядюшка, и ветер, гуляющий в моих карманах, вдруг сменился неслыханными богатствами. В мгновение ока я получил во владение дома, деньги, земли, и наконец — самая заветная моя мечта — великолепную яхту водоизмещением около двухсот тонн, полностью оснащенную.

Я не мог поверить, что обладаю теперь этим чудом: меня обуревало желание сбежать в Фалмут и выйти в море.

В былые времена дядюшка порой проявлял радушие и приглашал меня проплыть с ним вдоль побережья (или еще куда-нибудь, куда ему заблагорассудится). Но никогда, даже в самых сладких грезах, не представлял я, что яхта станет моей. И вот теперь спешил, готовился к хорошему долгому морскому путешествию, ведь море всегда было мне почти настоящим другом.

И все же, несмотря на красивые мечты и перспективы, я не был по-настоящему счастлив. Я хотел выйти в море вместе с Недом Барлоу. Но пригласить его боялся: мне казалось, что он, с его-то тяжелой утратой, должен ненавидеть море

всей душой.

И все же при мысли оставить его и отправиться в плавание одному на душе скребли кошки. Он в последнее время чувствовал себя неважно, и выход в море был бы как нельзя кстати… кабы не нарывающая злая память.

В конце концов я решился позвать его и таки позвал — за пару дней до назначенной даты.

— Нед, — сказал я, — тебе пользительно будет развеяться, сменить обстановку.

— Да, — сказал он усталым голосом.

— Поплыли со мной, старина, — продолжал я, осмелев. — Я выхожу в море на яхте. Было бы великолепно…

К моему ужасу, он вскочил на ноги и дерганой походкой подошел ко мне.

«Довел друга! — подумал я. — Вот болван!». А он тем временем воскликнул:

— Выйти в море! Боже мой! Я бы отдал… — Замолчал вдруг, замер передо мной, еле сдерживая чувства и даже не пряча лица. Помолчал несколько секунд, взял себя в руки и продолжил уже гораздо спокойнее: — Куда?

— Куда глаза глядят, — ответил я, внимательно наблюдая за его реакцией. Такое поведение меня сильно озадачило. — Сам пока толком не знаю.

Куда-то на юг — возможно, в Вест-Индию. Знаешь, это так ново и необычно — допускать даже мысль о том, что мы можем выходить в море куда вздумается. В голове не укладывается.

Он отвернулся и уставился в окно. Мы помолчали.

— Ты со мной, Нед? — опасаясь его отказа, я переволновался и задал вопрос слишком уж эмоционально.

Он отступил на шаг и тут же шагнул обратно.

— Я с тобой, — сказал он, дико сверкнув глазами.

Я подивился такой эмоциональности, но промолчал. Сказал только, что его согласие для меня — настоящая отрада.

II

Мы провели в море пару недель и были одни в Атлантике — по крайней мере, в той ее части, которая открывалась нашему взору.

Я стоял, перегнувшись через гакаборт, и смотрел вниз, на бурлящий кильватерный след, но ничего не замечал. Меня одолевали черные мысли. Я думал о Неде.

Едва мы подняли якоря, он переменился, определенно. Появилось в его поведении что-то

странное. Он весь был какой-то перевозбужденный, странная энергия только что из ушей не лилась.

Как я и говорил, смена обстановки пошла на пользу. Я надеялся, что бодрящий морской бриз поможет ему умственно и физически встряхнуться, но теперь бедняга вел себя так, что я забеспокоился за его душевное равновесие.

Покинув Ла-Манш, мы почти не говорили. Когда я отваживался завести беседу, он зачастую делал вид, что меня нет, или отделывался короткими лаконичными ответами, но сам не заговорил ни разу. Да еще предпочитал проводить все время среди матросов. С некоторыми, между прочим, вел долгие вдумчивые разговоры, но мне, своему приятелю — даже больше, настоящему другу — не сказал ни слова.

Еще одним сюрпризом стал величайший интерес Барлоу к местоположению судна, курсам и компасам. Я понял, что он, оказывается, прекрасно разбирается в ремесле штурмана. Однажды даже осмелился выразить свое удивление по поводу этих знаний, задал пару вопросов, где он учился навигации, — но он ответил все тем же абсурдно непробиваемым молчанием. С тех пор я с ним не разговаривал.

Так что неспроста меня снедали у того гакаборта черные, тревожные мысли.

Внезапно я услышал голос у себя за спиной:

— Сэр, разрешите переговорить, — раздалось вдруг сзади.

Я резко обернулся. Это был шкипер. Выражение его лица подсказало, что стряслось нечто из ряда вон выходящее.

— Ну, Дженкинс, выкладывай.

Он огляделся, словно опасаясь, что его могут подслушать, и подошел ко мне ближе.

— Кто-то испортил компасы, сэр, — тихо сказал он.

— Что?!

— Их работа нарушена, сэр. Магниты сдвинуты. Тот, кто это сделал, хорошо подкован в деле навигации.

— Тысяча чертей, что ты такое говоришь? — удивился я. — Зачем кому-то влезать в работу приборов? Какая от этого польза? Ты, наверное, что-то спутал.

— Нет, сэр, нет. К ним прикасались в течение последних сорока восьми часов. И он понимает, что делает.

Я пристально посмотрел на Дженкинса. Он был железно уверен в своей правоте.

— Но зачем, почему? — спросил я в замешательстве.

— Сэр, я больше знать ничего не знаю. Но дело серьезное. Хочу знать, как поступить. По мне, это какая-то чертовщина. Месячное жалованье бы отдал, тока узнать бы, кто это.

— Ну, — сказал я, — если кто их и трогал, то разве что офицеры. Ты ведь сказал, тот, кто сместил магниты, хорошо в этом разбирается.

— Нет, сэр, — он покачал головой и вдруг замолчал. Мы встретились взглядами. Кажется, мы оба подумали об одном и том же. Я от изумления схватил ртом воздух, почти ахнул.

Глядя на меня, он снова покачал головой.

— У меня были кое-какие подозрения, сэр, — продолжал он, — но видя, что он… он… — Ошарашенный, Дженкинс на мгновение потерял дар речи.

Я оторвался от поручней и выпрямился.

— О ком ты? — коротко бросил я.

— Ну, сэр, я же о нем… о мистере Неде…

Я оборвал его, а то наговорит еще. Воскликнул:

— Довольно, Дженкинс! Мистер Нед Барлоу — мой друг. Ты малость забылся. В следующий раз скажешь, что это я компасы сбил!

Отвернулся. Шкипер Дженкинс молчал, не смея

заговорить. Я защищал Неда с почти религиозной яростью, успокаивая собственные подозрения.

И все же ситуация выбила меня из колеи. Я не знал, что думать, делать или говорить. Так что не предпринял ничего вовсе.

III

Прошло около недели. Одним ранним утром я резко открыл глаза и понял, что лежу на своей койке, а в иллюминаторы пробивается слабый свет.

У меня было смутное ощущение, что что-то не так, что-то стряслось. Осознав это чувство, я попытался ухватиться за край койки и сесть, но не смог. Мои запястья надежно сковала пара тяжелых стальных наручников.

Совершенно сбитый с толку, я уронил голову обратно на подушку, и тут где-то на палубе над головой вдруг раздался пистолетный выстрел. В следующую секунду послышались голоса, шаги — и затем долгая давящая тишина.

В голове сверкнуло одно-единственное слово — бунт! В висках слегка стучало, но я изо всех сил старался сохранять спокойствие и думать. Совершенно обескураженный, стал прикидывать — кто? Зачем?

Прошел, наверное, час, в течение коего я задавался десятками тысяч бессмысленных вопросов. И вдруг услышал шуршание ключа в замочной скважине. Так я еще и заперт!

Дверь открылась, и в каюту вошел стюард. На меня он даже не посмотрел, просто подошел к стойке с оружием и начал его оттуда снимать.

— Тысяча чертей, Джонс, что все это значит?! — прорычал я, приподнимаясь на локте. — Что стряслось?

Недоумок ничего не ответил — он просто ходил туда-сюда, перенося оружие из моей каюты в соседнюю. В итоге я бросил его расспрашивать и лежал молча, лелея будущую месть.

Забрав оружие, стюард начал рыться в ящиках моего стола, освобождая их… кажется, вообще ото всего, что можно использовать как оружие или инструмент. Сделав это, он испарился и запер за собой дверь.

Прошло какое-то время, и наконец, около семи склянок, он появился снова, на этот раз неся поднос с завтраком. Поставив поднос на стол, он подошел ко мне и начал расстегивать наручники. И впервые обратился ко мне.

— Мистер Барлоу просил передать, сэр, что вы можете свободно находиться в каюте, если согла-

ситесь никому не причинять беспокойства. Если вам что-нибудь понадобится, я по его приказу доставлю вам все необходимое. — Он поспешно отступил к двери.

Я же почти от изумления и ярости чуть дара речи не лишился.

— Погоди-ка, Джонс! — крикнул я, когда он уже выходил из каюты. — Будь добр, объясни, что ты, черт побери, такое несешь. Ты сказал «мистер Барлоу». Это вот все по его милости? — И я махнул рукой, указывая на наручники в руках у стюарда.

— По его приказу, — поправил меня Джонс и снова повернулся, чтобы уйти.

— Я не понимаю! — оглоушенно произнес я. — Мистер Барлоу — мой друг, и яхта моя! Чего это вам взбрело выполнять его приказы? Выпустите меня!

На последнем выкрике я вскочил со своей койки и бросился к двери. Но стюард, даже не пытался меня запирать — наоборот, шагнул в каюту и распахнул дверь, чтобы я увидел двух матросов в проходе.

— Немедленно поднимайтесь на палубу! — сердито сказал я. — Что вы здесь делаете?

— Простите, сэр, — сказал один из матросов. —

Мы были бы очень признательны, если бы вы не создавали проблем. Но мы вас не выпустим, сэр. Не совершайте чертову ошибку.

Я поколебался, затем подошел к столу и сел. Остается только сохранять лицо.

Поинтересовавшись, может ли он еще что-нибудь сделать, стюард оставил меня наедине с завтраком и мыслями. Как можно догадаться, мысли были далеко не радужные.

Я был пленником на собственной яхте. Причем в плену меня держал человек, которого я любил и с которым дружил много лет. Мать моя морская гладь, какой же абсурд!

Я посидел какое-то время, затем встал и начал мерить каюту шагами. Немного успокоился, сел обратно и начал все-таки трапезничать.

Главное, что занимало мои мысли во время завтрака — почему мой приятель так со мной поступил? И даже если отложить этот вопрос — как ему удалось заполучить яхту в свои руки?

Многое вспомнилось мне — его фамильярная близость с матросами, его поведение со мной, которое я списал на временное помешательство, его игры с компасом (да, теперь я был уверен, что это он тогда напакостил). Но почему? Вот главный вопрос.

Пока я его обдумывал, в голову пришло происшествие примерно шестидневной давности. Это было на следующий день после доклада шкипера о сбитых компасах.

Барлоу впервые нарушил свое глубокомысленное молчание и заговорил со мной, но так эмоционально, что я вновь забеспокоился за его разум. Он высказал какую-то дикую идею, пришедшую ему в голову, и суровым тоном потребовал передать ему управление яхтой.

Он был совершенно не в себе и явно перевозбужден. Что-то бессвязно лепетал о безлюдном корабле, о каком-то мире среди морских водорослей… Нормальный человек так бы не рассказал.

Раз или два в этом потоке сознания прозвучало имя его возлюбленной… И как только я это вспомнил, это стало первой зацепкой, ведущей к разгадке творящейся на борту свистопляски.

Теперь я жалел, что оборвал его на полуслове, а не поощрил рассказывать дальше. Но я не мог выносить, когда он разговаривал в такой манере, так что сделал то, что сделал.

И все же из обрывков воспоминаний начала складываться стройная картинка. Кажется… только кажется, что Барлоу лелеет некую навязчивую идею — бог знает, как и когда она у него

возникла, — что его возлюбленная до сих пор жива и находится на борту какого-то заброшенного корабля посреди огромного «мира водорослей», как он его называл.

Если бы я не пытался привести его в чувство, он бы рассказал что-то еще, а так я ничего больше не знаю. И все же, припоминая его лепет, я решил, что он, должно быть, имел в виду бескрайнее Саргассово море — огромный, заросший водорослями океан, по площади почти равный континентальной Европе, прибрежье Атлантического океана.

А раз он лелеет весь этот бред, он без сомнения тронулся умом. А я, несмотря на это, ничего не могу сделать. Я здесь безвольный, беспомощный пленник.

IV

Прошло еще восемь дней. Ветер был переменчивый, но довольно сильный. Я все еще находился в каюте на положении пленника. Каюта прилегала к корме и занимала всю доступную ширину, так что и с боков, и с кормы я мог распахивать иллюминаторы и любоваться безбрежным океаном… который потихоньку начал покрываться водорослями. Огромные плавающие островки вплоть до

сотен и сотен ярдов в длину — вот, что я видел.

Тем не менее мы двигались дальше — по-видимому, к центру Саргассова моря. Это я предположил, исходя из карты, найденной в шкафчике, и курса, на который указывал сигнальный компас, вмонтированный в потолок каюты.

А еще через день мы оказались среди таких густых водорослей, что временами яхте было трудно пробиваться дальше. Водная гладь стала странно маслянистой, несмотря на довольно сильный ветер.

Ближе к вечеру мы наткнулись на участок, настолько заросший водорослями, что пришлось поворачивать и огибать их. Такое повторялось еще не раз, и ночь стала нам настоящим недругом.

Утро застало меня у иллюминаторов, жадно вглядывающимся в океан. По правому борту достаточно далеко я мог разглядеть огромную полосу водорослей — параллельную ходу яхты и, казалось бы, бесконечную. Местами она поднималась над уровнем моря выше двух футов.

Я смотрел на нее долго. Перешел к левому борту. Такой же импровизированный «берег», оказывается, тянулся и с другой стороны. Мы словно плыли вверх по огромной реке, низкие берега

которой образовывали водоросли, а не суша.

День шел час за часом, заросли становились все гуще и, кажется, приближались. Ближе к вечеру в поле зрения появилось что-то новое — далекий смутный силуэт судна без мачт, с покрытыми зеленью бортами. Нетипичной такой зеленью, отливающей коричневым в свете заходящего солнца.

Увидев по левому борту брошенное судно, я стал размышлять, разбирая роившиеся в голове вопросы. Очевидно, что мы попали в неизведанную центральную часть огромного Саргассова моря, Великого водоворота Атлантики, и этот одинокий, брошенный корабль, возможно, уже давно потерян для внешнего мира.

Аккурат перед закатом я увидел другое судно. Оно было к нам ближе, и на нем еще сохранились две голые мачты, которые одиноко торчали в темнеющем небе. От объекта до края зарослей была дай бог четверть мили.

Когда мы проплывали мимо, я высунул голову в иллюминатор, чтобы посмотреть повнимательнее. Сгустились сумерки, и вскоре судно исчезло из виду, растворившись в величии океана.

Всю ночь я просидел у иллюминатора и наблюдал, прислушивался, всматривался. Тайна этого

мира водорослей, мира без людей, была мне не по зубам.

Ни звука. Даже ветер едва слышен. Паруса и снасти тихо гудят, маслянистая поверхность воды не колышется. Тишина вокруг непостижимая, совершенно неземная.

Около полуночи по правому борту взошла луна, и до самого рассвета я любовался водорослями — тишина и слабый свет теперь словно приобрели призрачный флер — фантастический и невероятный.

Четыре раза мой взгляд натыкался на черные громады, возвышавшиеся над окружающими водорослями — остовы давно погибших кораблей. И в какой-то момент — как раз когда в небе понемногу забрезжил рассвет — до меня вроде бы донесся через неизмеримые заросли водорослей слабый, протяжный вой.

Нервы, и без того натянутые, как струны, испытали очередной шок. Я уверил себя, что это был крик какой-то одинокой морской птицы. А воображение уже тяготело к мистике и странным объяснениям.

На востоке заалела заря, и ее лучи, неуловимо растекаясь по небу, постепенно осветили «океан водорослей». От них повсюду было серым-серо,

и только сзади нас тянулся странный, словно широкая масляная дорога, след, напоминающий реку или залив.

Теперь «берега» стали ближе, гораздо ближе. В голову пришла неприятная мысль. Вдруг «схлопнется» огромный разлом, позволивший нам проникнуть в самое сердце Саргассова моря?! Тогда кладбище кораблей неизбежно пополнится еще одним — и в непостижимом океане станет еще одной неразрешимой загадкой больше.

Я отогнал эту мысль и стал думать о сегодняшнем дне. Ветер, очевидно, до сих пор слабый — движемся мы медленно, водоросли — я кинул взгляд — приближаются неторопливо.

Я проникся странным очарованием этого места и не хотел его утратить. Когда стюард принес завтрак, я сел есть к одному из иллюминаторов, глядя на океан. Мы неуклонно погружались в «мир водорослей».

Так я провел все утро.

V

Примерно через час после ужина я заметил, что проход между водорослями сужается с пугающей скоростью чуть ли не каждую минуту. Но я не мог ничего с этим сделать. Оставалось только

наблюдать и строить догадки.

Временами казалось, водоросли задавят нас своей огромной массой, но эту мысль я отгонял с помощью другой, обнадеживающей: мы наверняка приближаемся к какому-нибудь узенькому выходу из залива — он должен быть где-то там, за заслоном.

К обеду заросли обступили нас так близко, что время от времени выступающие части задевали борта яхты. Только теперь, увидев «мир водорослей» своими глазами, да еще с такого расстояния, я узнал, сколько среди мусора всякой живности.

Бесчисленные членистоногие повсюду, какое-то неясное шевеление прямо посреди большого островка… Не знаю точно, что там шевелилось. Потом я понял, что это *могло* быть, но тогда увидел только нечто темное и блестящее. Разглядеть больше не удалось: мы уже миновали тот островок.

Стюард как раз принес мне чай, когда сверху донеслись крики, и яхта тут же качнулась. Он поставил поднос и испуганно взглянул на меня.

— Что случилось, Джонс? — спросил я.

— Не знаю, сэр. Думаю, это все водоросли, — ответил он.

Я подбежал к левому борту, высунул голову и

посмотрел вперед. Нос яхты, похоже, запутался в водорослях. Я смотрел, как они остаются позади, уходят все дальше за корму.

В течение пяти минут мы вышли на полосу, где зарослей не было. Казалось, что мы плывем по течению, а не под парусом — так медленно шла яхта.

Мы причалили к противоположному краю, и развернулись бортом к водорослям. Положение зафиксировали, бросив бочонки с носа и кормы (об этом я узнал позже). Мы вильнули, и я наконец смог из своего иллюминатора видеть, что происходит впереди. И увиденное меня поразило.

Там, менее чем в трехстах футах от нас, за колышущимися водорослями, лежало затонувшее судно. У него было три мачты, но на месте была только бизань-мачта. Я смотрел на этот корабль, наверное, с минуту и едва дышал от любопытства.

Над фальшбортами, на высоте около десяти футов, повсюду тянулось что-то вроде ограждения. Сделали его, насколько я мог судить, из парусины, веревок и реек. Задумавшись, я не сразу услышал голос моего приятеля. Он пытался докричаться до корабля.

— Эй, на «Грайкене»! — крикнул он. — Эй, на

«Грайкене»!

Я чуть не подпрыгнул. *На «Грайкене»!* Что он такое несет?

Я уставился в иллюминатор. Лучи заходящего солнца ярко освещали корму судна и высвечивали название. Но мы были еще слишком далеко, чтобы я мог что-то увидеть.

Я подбежал к столу, чтобы поискать бинокль. Нашел в первом же ящике и побежал обратно к иллюминатору, на ходу перебирая содержимое. Нашел бинокль и поднес к глазам. Да, название судна «Грайкен» и порт «Лондон» читались совершенно отчетливо.

Я перевел взгляд с названия судна на странное ограждение. В кормовой части корабля что-то двигалось. Часть ограждения скользнула в сторону, и показались голова и плечи мужчины.

Я чуть не закричал от восторга, не веря своим глазам. Мужчина взмахнул рукой, и сквозь заросли травы до нас донесся неясный, глухой возглас. Через мгновение в зазоре появилось несколько десятков человек, и среди них я отчетливо различил лицо и фигуру девушки.

— Черт возьми, он все-таки был прав! — услышал я собственный голос, глухой от изумления. Через минуту я был уже у двери и колотил в нее

кулаками. — Выпусти меня, Нед! Выпусти!

Я понимал, что прощу ему все унижения, которые пришлось пережить. Более того, я, как ни странно, чувствовал, что это я должен просить у него прощения. Вся горечь исчезла, и я хотел только одного — получить свободу и помочь спасателям.

Но на мои вопли никто не явился, так что я просто вновь приник к иллюминатору и смотрел, что происходит.

Я увидел, что один из мужчин за водорослями сложил руки рупором и что-то кричит. Его голос донесся до меня слабо, хрипло: огромное расстояние мешало экипажу яхты разобрать смысл его крика.

Внезапно мое внимание привлекла другая сцена. На заросли бросили доску, и в следующий момент мой приятель шагнул на нее.

Я уже открыл было рот, чтобы крикнуть, что прощу ему все, только пусть позволит поучаствовать в спасении жены. Но слова застряли в глотке, не успев оформиться. Водоросли только казались густыми, но на самом деле, разумеется, не могли выдержать сколько-нибудь значительный вес. Барлоу на доске погрузился в зелень почти по пояс.

Он повернулся и обеими руками схватился за веревку. Вдруг издал вопль ужаса и начал карабкаться по борту яхты.

Наконец его ноги оторвались от водорослей, и я коротко вскрикнул. Что-то обвилось вокруг его левой лодыжки — что-то маслянистое, гибкое, остроконечное. Я смотрел, как оно снова вынырнуло из водорослей и, шаря в воздухе, попыталось схватить его за ногу. Промахнулось, стало бестолково выискивать. Пока Нед карабкался, за ним из водорослей что-то вылезало.

Затем я увидел, как сверху протянулись руки. Они схватили Барлоу под мышки, с огромной силой подняли его — и вместе с ним пучок водорослей, обволакивающий что-то кожистое со множеством извивающихся конечностей.

Чья-то рука взмахнула ножом, и отвратительное существо в то же мгновение упало в траву.

Еще пару секунд я простоял, задрав голову вверх. Показались лица. Я увидел, как экипаж протягивает руки и тычет пальцами. Наверху раздался хоровой хриплый возглас страха и изумления, и я быстро повернул голову, переводя взгляд вниз, на коварный, заросший сорняками мир.

Вся безмолвная доселе поверхность пришла в

движение одной огромной волной — как будто сама зелень ожила.

Движение продолжалось, и внезапно в сотне мест водоросли взметнулись вверх, образуя неожиданные бугры. Из них вырвались могучие лапы, и в одно мгновение вечерний воздух наполнился сотнями и сотнями конечностей, устремляющимися к яхте.

— Рыбы-дьяволы! — крикнул мужской голос с палубы. — Осьминоги! О боже!

Затем я услышал команду приятеля:

— Перерезать швартовы!

Должно быть, его послушались почти мгновенно, потому что между нами и ближайшими водорослями появилась быстро растущая полоса мутной воды.

— Отвалите, ребята! — услышал я крик Барлоу и в тот же миг уловил всплеск. Что-то шлепнулось в воду по левому борту. Я бросился к иллюминатору и выглянул. Увидел, что к противоположному берегу переброшена веревка и что люди теперь быстро спасают нас от этих ужасов.

Я бросился обратно к правому борту, и — о чудо! — словно по мановению волшебной палочки, между нами и «Грайкеном» теперь были тихие-скромные водоросли и около пятидесяти футов

воды. Невероятно, что такой ужас выглядел так спокойно.

На море быстро опустилась ночь, и смотреть стало не на что. Но с верхних палуб донесся стук молотков, и они стучали еще очень долго — даже после того, как я, утомленный ночным бдением, погрузился в беспокойный сон.

VI

— Ваш завтрак, сэр, — почтительно сказал стюард.

Я вздрогнул и открыл глаза. Наверху до сих пор с завидным упорством стучали молотками. Повернувшись к стюарду, я попросил объяснить, что происходит.

— Точно не знаю, сэр, — сказал он. — Там плотник что-то вытворяет с одной из спасательных шлюпок.

И был таков.

За завтраком я вновь стоял у иллюминатора и смотрел на удаляющийся «Грайкен». На берегу было совершенно тихо, а мы стояли словно в центре маленького озера.

В какой-то момент сбоку вроде бы что-то шевельнулось. Я потянулся за биноклем. Пригляделся и увидел несколько прилепившихся к

кораблю «каракатиц». Они почти звездообразно раскинули лапы по нижней части корпуса.

Время от времени одно из щупалец отделялось и шарило в воздухе — теперь я знал, что не просто так. Именно это и привлекло мое внимание. Увидев каракатиц вчера вечером и вновь видя сейчас, я понял, зачем ограждали «Грайкен». Очевидно, это была защита от мерзких обитателей странного, заросшего сорняками мира.

Я стал думать, как бы найти и спасти экипаж этого корабля. Но в голову ничего не приходило.

Пока я так ел и размышлял, наверху послышались оживленные голоса. Через какое-то время к ним присоединился и голос Барлоу: он выкрикивал приказы. По правому борту раздался всплеск.

Я высунул голову в иллюминатор и стал наблюдать за экипажем. Они спустили на воду одну из спасательных шлюпок. К борту приделали надстройку с крышей, похожую на гигантскую собачью конуру.

Из-под острых концов шлюпки торчали две доски под углом в тридцать градусов. Их, судя по всему, прибили намертво. Я предположил, что с их помощью шлюпке будет легче преодолевать водоросли, а значит, она станет быстрее.

На прочный кольцевой болт в корме намотали конец однодюймовой манильской веревки. Вдоль бортов, высоко над планширем, в надстройке проделали отверстия для весел, а в одном из скатов крыши сделали люк. Я нашел это поразительно остроумным, весьма подходящим для спасения «Грайкена» решением.

Всего пара минут, и вот один из членов экипажа перебрасывает веревку наверх. Открывается люк, и он спускается. В руках у него абордажная сабля и револьвер.

Очевидно, мой приятель прекрасно понимает, с какими трудностями придется столкнуться. Через несколько секунд за вооруженным мужчиной последовали еще четверо. Замыкал шествие сам Барлоу.

Увидев его, я изо всех сил вытянул шею и закричал:

— Нед! Нед, старина! Позволь, я пойду с вами!

Но он словно и не услышал. Я видел, с каким выражением лица он захлопывал люк. Необычно застывшее, неприятно отстраненное. Словно у лунатика.

— Черт возьми! — пробормотал я и подавленно замолчал. Выпрашивать что-то у них? Какое унижение!

Из глубины шлюпки донесся приглушенный голос Барлоу. Сразу четыре весла вставили в уключины по бортам, вынув пару весел из надстройки. К лопастям последних были прибиты деревянные колодки.

Как я понял, их использовали, чтобы шлюпка держала баланс, а нос легче продавливал водоросли, сквозь которые нужно прорваться.

Из глубины этого странного сооружения донесся еще один приказ. Все четыре весла сразу же опустились, и шлюпка устремилась к водорослям, а веревка, протянутая с палубы выше моей головы, поволоклась за кормой.

Укрепленная с боков шлюпка носом подхватила водоросли, что-то хлюпнуло-плеснуло, и судно, казалось, устремилось вверх, выпрыгнуло из воды прямо в колеблющуюся массу.

Теперь я понял, почему уключины сделали так высоко. Под водорослями не было видно саму шлюпку — только верхнюю часть надстройки, торчащую из воды, как рука утопающего. Будь уключины пониже, управлять шлюпкой было бы невозможно.

Я устроился поудобнее и стал наблюдать. Возможно, меня ждало потрясающее зрелище, а раз помочь не могу, так хоть глаз порадую.

Первые пять минут ничего не происходило. Шлюпка медленно приближалась к безлюдному кораблю. Она прошла, наверное, около двадцати или тридцати ярдов, как вдруг со стороны «Грайкена» донесся хрипатый крик.

Я перевел взгляд с шлюпки на спасаемое судно. Люди на борту сдвинули часть заслона и отчаянно размахивали руками, словно призывая экипаж шлюпки помочь.

Среди них я разглядел привлекшую вчера мое внимание девичью фигурку. На мгновение взгляд замер на ней, затем вернулся к шлюпке. Там было тихо.

Шлюпка уже преодолела четверть расстояния, и я стал убеждать себя, что она пройдет незамеченной.

Пока я с тревогой вглядывался в происходящее, водоросли перед самым носом шлюпки внезапно пошли рябью, поверхность задрожала. И выстрелила какой-то живой, огромной массой. Она пропахала водоросли и едва не опрокинула шлюпку.

Оно подкралось сзади. Громко плеснуло, опрокинулось на спину, и в тот же миг чудовищные щупальца протянулись к шлюпке. Они схватили ее и сжали со страшной силой. По-видимому, оно

пыталось утащить шлюпку под воду.

Экипаж стал отстреливаться из револьверов. Но существо хоть и корчилось, а не ослабляло хватки. Выстрелы прекратились, и я увидел тусклый блеск абордажных сабель. Матросы пытались освободить лодку с помощью уключин, но, очевидно, без особого успеха.

И вдруг эта огромная тварь попыталась… кажется, опрокинуть шлюпку. Я видел, как та, наполовину ушедшая под воду, завалилась набок. Я сгорал от желания помочь им, от волнения, от переживаний. Это худшее, что могло произойти…

Я втянул голову в каюту и огляделся. Хотел выломать дверь, но в каюте не было ничего подходящего.

И тут мой взгляд упал на койку, которая вставлялась в нечто вроде паза. Точно! Тиковое дерево очень прочное и тяжелое. Я вытащил его и ударил по двери краем.

Дверь треснула сверху донизу — еще бы, с моим-то весом. Я ударил еще раз и разнес обе части двери в разные стороны. Откинул деревяшку, отломанную от койки, и кинулся наружу.

На вахте никого не было — очевидно, они вышли на палубу посмотреть на спасательную операцию. Дверь в оружейную была по правую

руку, а ключ лежал у меня в кармане.

В одно мгновение я открыл ее и взял тяжелое ружье для охоты на слонов. Схватив коробку с патронами, я сорвал крышку и высыпал все содержимое в карман, затем вскочил по трапу на палубу.

Стюард стоял рядом. При моем появлении он обернулся. Он был бел как лист бумаги и все же, несмотря на сомнения, сделал пару шагов ко мне.

— Они… они… — начал было он.

— С дороги! — взревел я. Оттолкнул его, не дав закончить. Ринулся вперед. — Хватайтесь за веревку! Шевелитесь! Вы что, собираетесь стоять здесь, как толпа обычных сухопутных каракатиц, и смотреть, как тонут ваши товарищи?!

Суровым морякам нужен был лишь командир, раздающий указания. Не помышляя более о бунте, они ухватились за веревку, привязанную к корме шлюпки, и потащили ее обратно через водоросли, каракатицу и все остальное.

Натянутая веревка вновь поставила шлюпку на ровный киль, так что та благополучно всплыла на поверхность, несмотря на оседлавшую со всех сторон мерзкую тварь.

— Быстрее тащите! — крикнул я. — Кто-нибудь,

принесите абордажные сабли, секачи… любые режущие предметы!

— Вот, сэр, все то, что нужно! — крикнул боцман и выудил откуда-то массивную китобойную пику с двумя лезвиями.

Шлюпка, не сбросившая инерцию от нашего рывка, врезалась в борт яхты. Именно в том месте, где стоял я с ружьем. За ее корму зацепилось тело чудовища, и два его глаза — чудовищные шары Бездны — злобно смотрели из скопления щупалец.

Я оперся локтями о борт и прицелился прямо в правый глаз. Когда я нажал на спусковой крючок, одна из огромных лап-щупалец отлепилась от шлюпки и, закружившись, устремилась ко мне. Раздался оглушительный хлопок, тяжелая пуля вонзилась в огромный глаз, и в тот же миг у меня над головой что-то пронеслось.

— Берегитесь, сэр! — раздалось сзади.

Перед глазами мелькнула холодная сталь, и что-то отрубленное шмякнулось мне на плечо, а оттуда на палубу. Вода внизу вспенилась, и в воздух взметнулись еще три щупальца.

Оказавшись на уровне борта, одно схватило боцмана и подняло его вверх, как ребенка. Сверкнули два ножа, и он, и отрубленная конечность

чудовища, упали на палубу с высоты около двенадцати футов.

Я уже снова перезарядился и пробежал немного вперед по палубе, чтобы меня не задели эти лапищи, колотящие по поручням и палубе.

Еще один выстрел в тушу чудовища, еще один. После второго выстрела угрожающий рев прекратился, и тварь, впустую взмахнув оставшимися щупальцами, скрылась под водой.

Через минуту мы открыли люк в крыше надстройки, и наружу стал выходить экипаж. Мой приятель вышел последним. Они были в полном шоке, но в остальном не пострадали.

Когда Барлоу поднялся по трапу, я подошел к нему и сжал его плечо. Я был в странном смятении, словно все еще был никем на борту собственной яхты. Но я лишь от чистого сердца сказал:

— Слава богу, ты в порядке, старина!

Он посмотрел на меня с сомнением и непониманием, вытер со лба пот. Ответил:

— Да.

Его голос был странно бесцветным, не считая оттенка озадаченности. Несколько мгновений он смотрел на меня невидящим взглядом, и вновь меня поразила эта неподвижность и напряжен-

ность на его лице.

Он сразу отвернулся — не выказав ни дружелюбия, ни враждебности — и стал карабкаться обратно через борт. В шлюпку.

— Поднимайся обратно, Нед! — крикнул я. — Бесполезно. Так ты никогда не перелезешь. Смотри! — И я указал пальцем.

Он не посмотрел. Лишь провел рукой по лбу все в том же сомнении. Затем, к моему облегчению, ухватился за веревочную лестницу и начал медленно подниматься по ней.

Выйдя на палубу, он почти минуту стоял, не произнося ни слова, спиной к брошенному кораблю.

Затем, все так же молча, медленно перешел на противоположную сторону и оперся локтями о поручни, словно оглядываясь назад, туда, откуда пришла яхта.

Я в свою очередь ничего не сказал. Я смотрел на него, на экипаж, иногда на дрожащие водоросли и на, видимо, безнадежно плененный «Грайкен».

Матросы молчали, время от времени поворачиваясь к Барлоу, словно ожидая дальнейших распоряжений. На меня они, казалось, почти не обращали внимания. Так прошло, наверное, с четверть часа. Потом Барлоу вдруг выпрямился,

замахал руками и закричал:

— Пошло дело! Пошло! — Он повернулся к нам. Его лицо преобразилось: глаза блестели, как у одержимого.

Я подбежал к нему по палубе, взглянул на сторону по левому борту и наконец увидел, что его так взволновало. Заросли, сквозь которые мы пробирались, больше не были сплошными. За ними виднелась медленно расширяющаяся полоса маслянистой воды.

Прямо на моих глазах она становилась все шире, огромные массы водорослей двигались под действием какого-то невидимого импульса.

Я продолжал изумленно таращиться. Вдруг раздался крик матроса по правому борту. Я обернулся и увидел, что между нами и «Грайкеном» тоже расширяется полоса воды.

Постепенно водоросли разделились, словно меж них вбивали невидимый клин. Область чистой воды достигла потерянного судна и обошла его. И теперь уже ничто не могло помешать нам спасти этот экипаж.

VII

Барлоу скомандовал отдать швартовы. В нашу сторону дул легкий ветер. Впереди появилась

шлюпка, и яхту отбуксировали к кораблю. Наготове стояла с ружьями дюжина матросов, на носу — ваш покорный слуга.

Когда мы подошли ближе, я начал различать лица членов экипажа. Мужчины выглядели очень старыми, поседевшими. Но среди них я разглядел девушку с бледным лицом — пропавшую возлюбленную моего приятеля. Самый необыкновенный момент в моей жизни.

Я взглянул на Барлоу. Тот смотрел на бледную девушку необычайно пристально — нормальный человек так никогда не посмотрит. А в следующую минуту мы уже подошли вплотную, раздавив стальным бортом одну из тварей, упорно цепляющихся за «Грайкена».

Но я этого почти не осознавал. Я снова обернулся посмотреть на Неда Барлоу. Он медленно поднимался на ноги, и, как только два судна сошлись бортами, он схватился за голову и упал как подкошенный. Принесли бренди. Барлоу отнесли в его каюту. Мы покинули этот ужасный мир водорослей еще до того, как он пришел в норму.

Пока он отлеживался в каюте, от его возлюбленной я узнал, как в ту ужасную ночь, много лет назад, «Грайкен» попал в сильнейший шторм и лишился мачт. Беспомощные, гонимые штормом,

они в конце концов оказались окружены огромными зарослями плавучих водорослей. Стали пленниками моря, безжалостного и ужасного Саргасса.

Она рассказала, как они пытались разгрести водоросли вокруг корабля, как на них напали те твари. И о многих других вещах, для которых в этой истории нет места.

В свою очередь я рассказал о нашем путешествии, о странном поведении ее возлюбленного. Как он хотел взять яхту под свое управление, как вещал о мире водорослей. Как я отказался его слушать, посчитав за безумца. Как он взял дело в свои руки — и если бы не он, она бы как пить дать закончила свои дни среди колеблющихся водорослей и огромных глубоководных тварей.

Она слушала и все больше мрачнела. Мне пришлось снова и снова уверять ее, что я не держу зла на старого друга, скорее наоборот — считаю себя неправым. Она лишь покачала головой, но, похоже, испытала огромное облегчение.

Когда Барлоу вернулся в ряды разумных, я узнал кое-что поразительное: он не помнил ни одной детали того, как держал меня взаперти.

Я совершенно убежден, что эти несколько недель он, должно быть, жил как во сне — в

некоем гиперчувствительном состоянии, предположительно настроившем его на куда более тонкое восприятие мира, чем у нормального, психически и физически здорового человека.

В заключение хотелось бы сказать еще кое-что. Я выяснил, что капитана и двух его помощников Барлоу запер по каютам. Капитана даже ранили в руку, когда он попытался оказать сопротивление.

Когда я освободил его, он поклялся отомстить. И все же Нед Барлоу был моим приятелем, а потому я нашел способ утолить жажду мести капитана и его помощников. Но утоление жажды мести — это, в общем-то, совсем другая история.

Зов на заре

Тем, кто сомневается в реальности великого Саргассова моря, утверждая, что романтические черты этого весьма интересного скопища водорослей в центральной части Атлантического океана сильно преувеличены, я хотел бы указать, что оно до сих пор ничем не ограничено и не сдержано жесткими рамками; при этом колония перемещается на многие сотни миль в зависимости от штормов и преобладающих ветров, пускай и дрейф ее всегда подлежит более-менее точному расчету.

Таким образом, возможно, те, кто отправился на его поиски и не нашел его там, где ожидалось, по неведению сочли его не более чем мифом, построенным вокруг странных небольших скоплений водорослей, изобильно попадающихся на пути. А ведь все это время где-то на севере или юге, востоке или западе, тихо, одиноко и непроходимо лежала огромная колышущаяся громада водорослей — кладбище погибших кораблей и отверженных душ. И это докажет моя история — всем, кто ее прочтет.

В то время, когда она произошла, я был пас-

сажиром крупного барка водоизмещением восемьсот девяносто тонн, направлявшегося на Барбадосские острова. Первые двадцать дней нас сопровождала очень хорошая погода с переменным ветром, из-за чего у матросов было много возни с такелажем.

Однако на двадцать первый день мы столкнулись с бурей, и с наступлением темноты капитан Джонсон убавил паруса до самого грот-марселя и поставил судно в дрейф.

Я спросил его о причине поступка — ветер не казался мне особенно сильным. Он свел меня вниз, в салон, и там показал на карте, что мы находимся в пределах восточной границы мощного циклона, двигающегося на север от линии разлома и постоянно отклоняющегося на запад. Направив судно так, как он это сделал, капитан позволил циклону продолжить путь на запад, оставив нас позади; на прежнем же курсе судно в конце концов угодило бы в самый эпицентр шторма, где могло бы запросто остаться без мачт или даже затонуть — ибо ярость штормов огромна, и в полную меру ощутима лишь тогда, когда отворачивать поздно.

— Нас ждет встряска необычайной силы — и слава богу, что этот водяной ад мы обойдем лишь

по краю, — высказался капитан. — Циклонов этакой силы и размаха давно этот морской уголок не видел. Завтра, как рассветет, мы все, скорее всего, увидим верное доказательство моим словам — везде будут плавать взбаламученные водоросли и поднятые с самого дна обломки. В южной стороне обломков точно будет много; ну а водоросли — их в Атлантике всегда много. По факту, целый рассадник — сорное поле на многие сотни миль… И я скажу вам, любой мало-мальски благоразумный капитан предпочтет это поле обойти максимально дальней стороной. Там ведь как, если форштевень увяз — всей посудине пропасть…

Что ж, все вышло так, как и предсказывал капитан. В течение ночи шторм ослабевал с каждым часом по мере того, как циклон уходил на запад; так что еще до наступления рассвета мы шли по водам, все еще немного тревожным, зато почти без малейших порывов ветра.

В полночь я спустился вниз, чтобы поспать, но через несколько часов снова был на палубе, чувствуя беспокойство. Я повстречал там капитана Джонсона, прогуливавшегося со своим помощником, и, поздоровавшись с ними, подошел к подветренному поручню, чтобы понаблюдать за

наступлением рассвета — уже тогда небо немного посветлело на востоке. Мы, конечно, шли еще далеко не по тропикам, и утренний небесный пожар разгорался не со скоростью пожара земного в иссушенном лесу — но я решил задержаться и пронаблюдать всю картину от начала и до конца. Цветовая гамма только-только занимающихся рассветов всегда обладала для меня странной притягательностью, будя в душе некое безымянное чувство.

Сначала на востоке проявилось бледное мерцание света — царственное, всходившее в небе так робко, что могло показаться кавалькадой призраков, тайно пролетающих над еще не пробудившимся до конца миром. Как раз тогда, когда я обратил на это внимание, к северу распространились нежные розовые сполохи, а над ними в середине неба появился тусклый оранжевый нимб. Вскоре в вышине проступило огромное зеленое пятно — зрелище всецело невыразимое, — и с этого воздушного великолепия тихо ниспадали пронзительно-желтые лучи-занавеси, манившие взгляд заглянуть сквозь их тайну в затерянную даль. Немудрено, что все мои мысли в тот момент были очень далеки от этого мира.

Свет креп и усиливался, как будто подстегнутый

мощным импульсом, и чудо утра с неослабевающей яркостью поражало глаз, пока все небо на востоке не окрасилось в бледно-прозрачный лимонный цвет, с прозрачно-серыми и нежно-серебристыми облаками по краям. И вот над морем забрезжило нечто очень торжественное и мрачное, превратившее весь этот необъятный океан в еще большую тайну.

И действительно, когда я посмотрел вдаль, на море, что-то нарушило слабый отблеск на воде, но что именно, я не сразу смог разглядеть. Вскорости из-за туманной дымки на горизонте показался маленький золотистый краешек, и я понял, что солнце почти вышло из тьмы. Золотой диск образовал ореол в этой части далекого мира, послав луч в таинственные темные воды. Затем я несколько яснее увидел то, что лежало на поверхности моря, между мной и далекими отблесками зари. Это был огромный, кажущийся пустым остров посреди океана; однако, как я хорошо знал из карт, в этих краях ничего подобного быть не должно. Наверное, просто колония водорослей — как капитан упоминал накануне.

— Капитан Джонсон, — тихо позвал я его, потому что на корабле, казалось, царила полная тишина, — капитан Джонсон! Можно ваш би-

нокль?

Вскоре мы уже оба вглядывались сквозь рассеивающуюся тьму в эту плавучую страну шторма. Теперь, когда мы пристально взирали поверх спокойной серости моря на смутно видневшийся остров, я вдвойне проникся тайной и абсолютной тишиной рассветного часа: уроком утра, каковой безмолвно преподносится в каждый рассвет по всему миру. Казалось, я по-новому (и очень отчетливо) слышу всякий звук, всякое неясное шуршание кругом себя; тихое поскрипывание мачт и снастей звучало в этой тиши как резкий оклик, море глухо и промозгло шумело, ударяясь о мокрые борта корабля, а звук чьих-то шагов по кубрику все судно заставлял казаться пустым.

Но когда я прислушивался к отдаленным просторам моря — и даже когда с чувством торжественности смотрел на этот призрачный остров, наполовину видневшийся в лучах рассвета, — мне казалось, что оттуда никогда не идет ни звука… за исключением, возможно, какого-нибудь подвывающего ветерка, одиноко блуждающего вдали от волн.

Что ж, думаю, так вам понятно, в каком настроении я пребывал — и, думаю, не один я; капитан был очень спокоен и говорил мало, постоянно

поглядывая на серый призрак того островка и считая минуты до восхода. И вот, когда солнце пролило первый луч на укрытый туманом горизонт, я словно услышал тихий голос, доносившийся откуда-то издалека, из-за многих миль, из невообразимой дали:

– *Сын человеческий… сын человеческий… сын человеческий…*

Он несся из тишины зорьки — слабый и кажущийся иллюзорным. В восточной стороне, где, как подсказывал слух, должен был находиться его источник, пребывали лишь пустота да серость, да трепет предрассветного сияния; и первые утренние лучи на серебристо-сером мерцании перекатывающихся волн. Только это — да еще низины водорослевого островка в полумиле к востоку; низины запустелой тени, тихо лежащей на воде.

Я приложил руку к уху и прислушался, глядя на капитана; он тоже прислушивался, внимательно глядя на меня поверх окуляров бинокля, и в его глазах читался немой вопрос. Солнце поднялось над краем серого океана, как огненная полоса, прерываемая на полпути тусклой полосой острова из водорослей. И в этот момент голос раздался снова:

— Сын человеческий! Сын человеческий!..

«Сын человеческий!» — вырвалось из утреннего света, игравшего миллионом сполохов в восточной стороне моря. Далеким, слабым и одиноким был этот голос, таким тонким и неземным, что он мог бы сойти за призрак, смутно зовущий из рассеивающейся серости — тень голоса среди легиона прочих мимолетных теней.

Я начал тогда осматривать все море, и, конечно же, со всех сторон оно было усеяно островками водорослей, отчетливо различимыми на всем многомильном пути до горизонта. Пока я с удивлением оглядывался по сторонам, до моего слуха донесся новый слабый звук — как будто я уловил тоненькую, приглушенную мелодию на востоке, доносящуюся из-за тишины воды, невероятно далекую и нереальную. Она был пронзительной и в то же время неясной; и вскоре я отметил, что больше не слышу ее.

В течение этого времени мы с капитаном часто переглядывались; и снова мы изучали глазами просторы восточного моря и пустынность длинного низкого островка водорослей; но нигде не было ничего, что могло бы привести нас к пониманию. Помощник капитана тоже стоял рядом с нами, прислушиваясь, и услышал странный

тонкий, отдаленный зов или писк; но и он не мог сказать, что это за явление.

Пока грелся утренний кофе, мы с капитаном Джонсоном обсуждали это таинственное происшествие. Может, где-то неподалеку дрейфовал какой-нибудь одинокий заброшенный корабль, затерявшийся в зарослях большого острова, лежащего к востоку от нас? Это было, по правде говоря, достаточно правдоподобное объяснение — если бы только мы могли его подтвердить; и с этой целью капитан приказал спустить на воду одну из шлюпок, набрать большую команду и вооружить каждого человека мушкетом и абордажной саблей. Кроме того, он спустил в лодку два топора и три обоюдоострые китобойные пики, или копья, с шестифутовыми лезвиями, очень острыми и шириной с мою ладонь.

Мне он вручил пару мушкетов, а сам взял еще по паре; также у нас обоих имелись при себе ножи. И по всему этому, как я уже говорил, вы можете видеть: капитану были известны все опасности, сопутствующие плаванию в Саргассах, и он хорошо понимал, что здесь все еще может скрываться что-то, о чем он попросту покамест не знает.

Вскоре при ясном утреннем свете мы напра-

вились к большому острову из водорослей, лежащему на востоке. Колония эта насчитывала, наверное, около двух миль в длину и, как мы выяснили, больше полумили в ширину, и лежала, выражаясь моряцким жаргоном, «на траверзе». Мы подошли к ней довольно быстро, и капитан Джонсон приказал матросам поднять весла примерно за двадцать саженей от сердцевины «островка». Здесь мы немного покачались на волнах и посмотрели в бинокль на водоросли, обшаривая их со всех сторон взглядами, но нигде не увидели ни следа брошенного судна, ни чего-либо, что говорило бы о человеческой жизни.

Зато здесь кишмя кишела морская жизнь. Казалось, вся колония по краям трепещет — поначалу мы не смогли хорошенько разглядеть, кто наводит это волнение, из-за сходства окраски существ с желтизной самих водорослей, чьи раскинувшиеся по воде «соцветия» на свету казались еще желтее, чем на самом деле. В глубине острова я увидел, что желтый цвет становится темнее и зеленее, и там я обнаружил, что эта темно-зеленая тьма продиктована цветом развесистых и толстых сорных стеблей, составлявших большую часть колонии. Они походили на гнездо огромных лимонно-зеленых змей, или на разворошенную

бухту очень сырого и грязного толстого каната. В целом, впечатление они создавали мрачное — взор тихо блуждал среди их извивов, колец и обширных переплетений, слагавших огромный унылый лабиринт.

После того как мы довольно хорошо осмотрели эту часть колонии, мы повернули на север, и капитан Джонсон приказал своим людям медленно двигаться вдоль «побережья» этого огромного водорослевого острова. Таким образом мы проплыли добрую милю, пока не добрались до его оконечности. Оттуда мы направили лодку на восток, чтобы обогнуть колонию с другой стороны. И все это время, пока мы шли вперед, мы с капитаном постоянно наблюдали за объектом и за морем вокруг него, используя для этого наши бинокли.

За этот короткий вояж я повидал уйму всего удивительного и интересного, потому как в водорослях, растущих по краям колонии, среди листьев шевелилась живность — разные совершенно диковинные рыбы, очень многочисленные и разнообразные. Обратил я свое внимание и на несметное множество существ, обитавших среди водорослей. Что и греха таить, тема Саргассов горячо интересовала меня — рас-

сказы об этих краях я с удовольствием слушал и от капитана Джонсона, и от других моряков, ведших суда во время моих скитаний. Несомненно, попавшаяся нам колония происходила именно из того великого «морского сорного поля», о коем капитан Джонсон поминал с суеверной почтительностью и боязнью. Внимательно следя за морской фауной, я вскоре отметил, что преобладали в ней крабы — они, насколько позволял судить бинокль, сновали повсюду, весьма схожие меж собой. Их панцири были окрашены желтым, чтобы лучше сливаться с морским сорняком; многие из них были размером с мой большой палец, и присутствовало немало таких, что были меньше и этой мерки — думаю, подойди мы к колонии поближе, я непременно бы их обнаружил. И, боюсь, где-то среди этой бесконечной желтизны присутствовали и махины, чей карапакс[84] достигал целого фута, а то и двух.

Мы обогнули северную оконечность острова и обнаружили, что он, как я уже говорил, имеет ширину более полумили, а может быть, и три четверти, насколько мы могли судить. Здесь

---

[84] Примечания: 84

Карапакс (зоол., лат. carapax) у членистоногих — часть панциря, сплошной щиток, прикрывающий тело сверху. Выполняет функцию опорного и защитного скелета.

позвольте мне упомянуть и высоту острова над уровнем моря — находясь очень низко в лодках и глядя вверх на водоросли, мы определили ее как двадцатифутовую; причем пик приходился на среднюю часть этого скопления и напоминал низкий густой лесок с самыми большими деревьями в центре, овитый по периметру странными ползучими вьюнами.

Обогнув северную оконечность острова, мы направились на юг вдоль всего западного побережья колонии, намереваясь исследовать его целиком и попытаться найти источник того странного зова на заре. Поистине, удивительное место, ибо мы постоянно натыкались на какой-нибудь темный грот, черно-зеленым жерлом уходящий вглубь сонма сорняков, в самую гущу толстых стеблей. Нередко казалось, будто в гротах что-то движется — но всюду над пустошью нависала тишина, если не считать странных завываний ветерка, витающего над колонией и заставлявшего желтые разлапистые листья сорняков чуть-чуть шевелиться, издавая подобие негромких печальных вздохов; можно было подумать, будто где-то здесь обитает на редкость печальный горемыка-призрак. Когда странный ветерок над морем стих, тишина стала еще более

контрастной, гнетущей — и я был даже рад, когда лодка отошла на солидное расстояние от сплетения водорослей. Все-таки подобное затишье — нечто большее, чем просто отсутствие звуков; это — сигнал опасности.

Далее мы со все возрастающей осторожностью, будучи во власти нового тревожного настроения, двинулись вниз на юг вдоль побережья западной части острова; и по мере того, как мы продвигались, становились все тише и осторожнее. Мужчины почти что беззвучно опускали весла, но гребли изящно, и каждый очень внимательно и напряженно вглядывался в тени внутри этой могучей массы водорослей.

Случилось так, что один из матросов внезапно перестал налегать на весло, испуганно вглядываясь во что-то впереди, в полумраке. Сразу за ним и все остальные остановили ход; всем одномоментно показалось, будто темнота скрывает от нас что-то до безумия страшное.

Капитан не стал погонять матросов, но сам, как и я, уставился на них, пытаясь понять, что же за зрелище явилось тому парню спереди. Вскоре каждый открыл его для себя сам; но сначала нам показалось, что мы просто разглядываем огромное и уродливое скопление водорослевых

стеблей далеко в глубине острова. А потом стало ясно, что это нечто вроде закованной в коническую бронированную раковину многометровой каракатицы, или же на редкость странной формы спрут, покоящийся среди водорослей, очень тихий и укрытый той же мимикрией, что и крабы; исконный обитатель Обители Водорослей. Это существо было огромным, как подсказывали мне глаза, и, казалось, распространялось среди водорослей во все стороны.

Капитан Джонсон поднялся с кормы лодки и негромко велел матросам очень плавно опустить весла.

Они сделали это с большой осторожностью, в то время как рулевой начал править лодку, забирая в сторону от острова. Таким вот тихим ходом мы продвинулись почти на добрую милю к югу, держась подальше от берега острова, и вскоре увидели, что водоросли отходят чем-то вроде выступа или мыса от основной части колонии. По весьма большой дуге обогнув этот выступ, мы обнаружили, что берег острова вдается в глубокую бухту, а в зарослях в глубине залива увидели нечто, заставившее нас предположить, что мы обнаружили-таки место, откуда несся тот неестественный зов на заре. Средь водорослей

виднелся корпус судна без мачт, с большим трудом различимый за напластованиями сорной морской травы, облепившей борта.

Взволнованный зрелищем, капитан вдруг утратил страх перед таящимися в мутной воде чудовищами, делавший нас всех столь тихими и осторожными прежде. В общем-то, эта его храбрость передалась и всем нам. Мы налегли на весла изо всех сил и очень скоро подошли к краю бухты, где стоял брошенный корабль. Оказалось, что он находится не более чем в дюжине ярдов от зарослей морского сорняка — в этом месте довольно низких и как бы «прибитых» к воде. Но позади судна заросли сгущались стократ, достигая почти тридцати футов в высоту и раздаваясь во все стороны чудовищными витками и спиралями.

Мы остановились, раздумывая, как нам лучше подступить к кораблю; и пока капитан размышлял, я разглядывал судно в бинокль, почти не надеясь, что мы найдем кого-нибудь живого на борту. Вблизи становилось понятно, насколько эта посудина старая, разрушенная временем и погодными условиями. Сорняки, опоясывающие ее со всех сторон, казалось, прорастали прямо сквозь древесину бортов, хотя это было совершен-

но невероятно; и все же мы убедились, что так оно и есть, когда приблизились к корпусу. После этого я внимательно осмотрел ковер из водорослей вокруг судна, убеждаясь, что поблизости нет каких-нибудь чудовищ; капитан Джонсон сделал то же самое, но мы ничего не нашли. Тогда он дал приказ направить лодку в заросли, и мы стали пробираться сквозь плотную гущу к борту корабля.

Попутно нас поразило, как много жизни скрывалось там, в полной тишине; водоросли вокруг лодки кишели маленькими крабами, бегающими по листьям и стеблям поменьше. Вода, видневшаяся между зарослями водорослей, оказалась вполне прозрачной, и там было полно живых существ. Огромные, невиданных размеров креветки бросались одновременно в разные стороны, и разноцветные рыбы хищно увивались за ними. Из самого сорняка выпрыгивали бесчисленные насекомые неизвестного мне вида, похожие на блох, вот только насыщенно-красного цвета, и в добрую сотню раз больше. Не раз и не два, пробираясь на лодке сквозь «чащу», мы вспугивали крупных крабов, угрюмо лежавших в ожидании легкой добычи. Один из них, величиной с самый большой харчевенный поднос, зацепился своими

клешнями за весло матроса и перекусил тонкую древесину быстро и чисто — тут меч лучше бы не сработал. Поняв, что пожива не подходит, он ушел в глубину, расталкивая корневища водорослей — небывало сильный и проворный водяной зверь.

За несколько минут мы прорубили себе водный путь к кораблю, орудуя топорами, матросскими ножами и веслами. На ближайших подступах мы обнаружили, что водоросли, как я уже упомянул, умудрились прорасти прямо сквозь борт, будто бы запустив свои корни в крепкую корабельную древесину. Это нас порядком озадачило; а когда мы начали лезть по борту вверх, то поняли, что воздействие сорняков размягчило материал, превратив борта в напластования из гнилостной губчатой массы. Вдавливая в нее обутые в сапоги ноги, мы сами себе организовывали лестницу наверх.

Когда мы поднялись на верхний уровень остова и смогли заглянуть внутрь, сразу же выяснилось, что от корабля не осталось ничего, кроме обшивки бортов, носа и кормы. Все палубы исчезли, а балки, поддерживавшие их, частично отсутствовали, и лишь немногие из тех, что остались, уцелели. Днище корабля почти полностью

прогнило, так что водоросли в изобилии поднимались вверх, из темной и кошмарной на вид болотистой искусственной заводи.

— Сколько лет он здесь так стоит? — тихо спросил я, объятый гнетущим чувством. — Сто, двести? Все это время он не тонул только из-за хватки этих водорослей…

— Я полагаю, четыреста лет — более-менее точная цифра, — заявил капитан. — Такое устройство кормы, особая форма носовой части, укладка балок каркаса — все указывает на то, что его спустили на воду при Генрихе Восьмом.

Я лишь уважительно кивнул в ответ — капитан обладал значительными познаниями в корабельном деле.

Вскоре, ибо более ничего ни для кого здесь нельзя было сделать, мы снова спустились в лодку, упираясь ногами в мягкий корпус старого корабля в поисках опоры для пят. Прежде чем мы покинули судно, я отломил кусок от одного из небольших бревен на память об этом странном приключении.

Мы выбрались из гущи зарослей, радуясь, что теперь свободны от их повсеместного присутствия — жажда приключений поутихла, а образы гротескной фауны этих мест все еще стояли пе-

ред глазами. Итак, мы полностью обогнули этот остров — в общей сложности более семи миль. Пришло время возвращаться на наш собственный корабль, чтобы позавтракать с нагулянным аппетитом.

Весь тот день погода оставалась спокойной, и я часто наводил подзорную трубу на островки водорослей, усеявшие море в других местах; но ни один из них не был особенно большим или высоким, хотя я напоминал себе, что они показались бы куда выше, если бы мы подплыли к ним на лодке вплотную. Позднее тем же днем мы снова выдвинулись на шлюпках, чтобы рыскать меж маленьких водорослей колоний — и точно убедились в этом. Крабов, рыб и другую мелкую живность мы находили в изобилии, но нигде не было никаких признаков кораблекрушения; нигде — ни одной человеческой души. Вечером мы вернулись на наше судно и долго беседовали о странности того зова, донесшегося до нас на заре. Но ни одно мало-мальски разумное объяснение не пришло нам в голову, и вскоре я отправился в постель, утомленный отсутствием отдыха в течение прошедшей ночи.

Рано поутру меня разбудил капитан. Он тряс меня за плечо и, когда я окончательно пришел в

себя, велел мне поспешить на палубу.

— На море штиль, — сообщил он. — Но этот зов… он снова слышен.

Услышав такое, я поспешил подняться с капитаном Джонсоном на палубу и на корме увидел второго помощника, стоявшего с подзорной трубой и смотревшего на восток, через море, в сторону того злополучного нагромождения водорослей, все еще едва различимого — как смутная тень, как пузырь сумрака, вспухший над водой.

Второй помощник поднял к нам руку и прошептал: «Тс-с-с!» — и мы все обратились в слух; но какое-то время не доносилось ни звука. А я меж тем все острее ощущал красоту торжественного рассвета, ибо небо на востоке переливалось всеми оттенками изумруда — от потусторонне-насыщенных до полупрозрачно мерцающих, эфемерных. Этот свет, готов об заклад биться, изливался к нам откуда-то с самых границ Вечности — оседлав этот бледный огонь, по небу, сквозь эфирные потоки, неслись безымянные духи, приветствуя этот земной рассвет, лишь одну мимолетную остановку на их долгом пути сквозь множество миров. В сущности, даже эти мои слова — весьма неуклюжая формулировка того, как святость этого тусклого света и ощущение

близкого чуда окутали все мое существо безмолвным счастьем. Затем, как раз когда я пришел в это душевное состояние, из моря с восточной стороны, изо всей этой рассветной тишины снова донесся тот далекий, приглушенный голос:

– Сын человеческий… сын человеческий… сын человеческий…

Он был слаб, едва различим и невероятен; нарушая абсолютную тишину штиля, он все же каким-то образом казался неотъемлемой ее частью. Изумрудные сполохи поблекли, пока мы затаив дыхание слушали, и вверх поползли пятна пурпурных огней, слившиеся в ярко распустившийся бутон огненных облаков в средней и нижней частях неба. Из пламенно-жаркого этот столп света сделался просто теплым, тлеющим — и постепенно выцвел до привычного серебристо-серого оттенка раннего утра. И все же мы ждали…

Вскоре с востока в жемчужно-тихое нижнее небо поднялось золотистое марево, и край солнца спокойно и уверенно показался из тумана, отбрасывая на море полосу света. И в этот момент далекий, потерянный голос раздался снова:

– Сын человеческий… сын человеческий… сын человеческий…

Что за скорбный дух носился над этими притихшими водами, из неясных далей силясь докричаться до нас? Пока мы смотрели друг на друга, вопрошая о чем-то бессловесном, откуда-то издалека, из-за моря, донесся новый звук — неясный, невозможный, будто где-то впереди скрипели, растворяясь, огромные стальные ворота. Он тоже быстро стих, и мы, все еще под впечатлением, плыли по течению, пытаясь понять, что все это может предвещать.

В тот день после завтрака капитан Джонсон приказал спустить шлюпку и посадил в нее большую команду, вооруженную, как и прежде. Затем мы направились к водорослевой колонии. Прежде чем покинуть корабль, капитан снял судовую рынду с кормы и захватил с собой в лодку и ее, и мощный жестяной рупор.

Все то утро мы снова плавали вокруг острова, и на каждой сотне морских саженей я бил в колокол, а капитан слал свой голос вглубь зарослей, вопрошая, нет ли там, за чащей из водорослей, какого-нибудь застрявшего судна с людьми. И все же донесся ли его голос сквозь заросли или они его заглушили? Мы не могли знать, но только в одном уверились: из всего этого запустения зарослей так и не раздалось ответа — ни на звон

рынды, ни на наши воззвания.

Мы снова обогнули весь остров, и ничего из этого не вышло, за исключением того, что однажды, когда мы были совсем близко от берега, я увидел поистине чудовищного краба — вдвое больше всех, каких я когда-либо видел. Он сидел среди огромных стеблей — темный, под стать им. Видимо, этот дьявол обитал в самых дебрях — среди мрака центральной части плавучей колонии. Если подумать, даже и будь где-то там, в чаще, корабль, что бы смогли мы предпринять? Как людям в наших условиях противостоять подобным титанам — а ведь в сердцевине острова наверняка обитал целый выводок таких? Не стоило списывать со счета и ту огромную каракатицу в раковине-конусе, выслеживающую добычу в низинах этого травянистого непролазного царства.

В конце концов мы снова вернулись на наш собственный корабль, еще раз проплыв мимо губчатого остова на краю колонии морских сорняков; и я помню, как размышлял о долгих веках, прошедших с тех пор, как было потеряно это злополучное судно.

Когда мы вернулись на корабль, капитан Джонсон поднялся на грот-мачту, и я вместе с ним; и с поперечин мы еще раз осмотрели в подзорные

трубы внутренние части большого острова; но водоросли росли повсюду — буйство уродливого желтого, перетекающего в тех местах в тускло-зеленый и бурый. Вскорости мы перестали следить за островом, ибо за изгибами и переплетением этих чудовищных растений с легкостью скрылась бы огромная флотилия кораблей, если бы у тех не было мачт.

Кто может сказать наверняка, бросили ли мы там кого-то в беде? Какова вероятность того, что кто-то в принципе мог подолгу выживать в тех дебрях? Есть же у живых людей потребности! Да и будь где-то там человек, почему же он издавал этот странный крик на рассвете и ни разу не ответил на наши призывы? Обо всем этом я размышлял тысячу раз, но у меня нет готового ответа самому себе. Разве что, возможно, какая-то бедная безумная душа, все еще отчаянно сопротивлявшаяся смерти в течение долгих лет одиночества на затерянном корабле, спрятанном в этих водорослях, кричала без надежды быть кем-либо услышанной. Как же, должно быть, страшна участь одиночки-безумца, приветствующего каждый новый рассвет диким, бессмысленным распевом — и какой, интересно, смысл имели те слова для помраченного мозга?

А может, все-таки тут другой случай? Тогда все странно — все очень-очень странно…

Верны ли мои догадки или в этом приключении было что-то такое, о чем мы не имели ни малейшего представления, я не могу окончательно решить. Могу только сказать вам, что на рассвете третьего дня этого затишья мы снова услышали тот далекий и странный зов, рвавшийся к нам сквозь тишину и серость с востока, где дрейфовал водорослевый остров. Очень тонким и одиноким был этот крик. На сей раз рассвет выдался ветреный, алый; но еще до того, как порывы обрушились на нас, верхний край солнца поднялся над затянутым черной дымкой горизонтом, несказанно мрачным на вид. Волны налились свинцом; солнце бросало на нас насыщенно-багровый луч, красивый, но повергающий в дрожь. И вот в этот самый момент мы снова услышали далекий, слабый голос — в последний раз:

– Сын человеческий! Сын человеческий! Сын человеческий!..

И снова — тот неясный, приглушенный скрип неведомых стальных ворот, но теперь звучащий слабо, почти как свист; за ветром мы едва ли разобрали его должным образом. Вскоре норд-ост раздул наши паруса, и матросы взялись за

реи. Мы двинулись прочь от тех позабытых Богом водорослевых чащ — и продолжили плыть, оставив тайну зова безмолвию моря и Великому Несказанному.

Вести неведомо откуда

«Я знаю, серые моря хотят меня сгубить...»

Я знаю, серые моря хотят меня сгубить,

Дремотной пеной окружить и уволочь на дно,

Где жизни нет, дыханья нет, где все всегда одно,

И погребальную строфу лишь ветер будет выть.

Но ветру благодарен я за настроенья крен,

Пусть низвергается с небес шипенье взбитых пен!

Мой дом единый крик вознес – привет, моряк, привет!

Ты здесь нисколько не забыт за пеленою лет.

Пусть в утомленных землях прах покой не обретет,

Пускай Борей от дома глас к душе не

вознесет,

Пусть пунцовеет Рока тень, стирая краски дня,

Ты, обитатель серых вод, все знаешь без меня:

Что есть – то есть, напрасной доли нет,

Прорвись, прорвись; боль схлынет – будет свет.

И морю благодарен я за вдохновенья зыбь!

Я вознесен волной – отсель мне легче будет плыть,

Ведь на вершине той волны я – как в земных холмах,

Омыт, очищен и спасен, у Матери в руках.

И чей-то Голос все звучит, что полон доброты,

Зов Сил, что вдохновлял меня на поиски мечты.

Великолепный дух морской, спаси и сохрани!

И от чела фронт темных туч дыханьем отгони.

Усталый мальчик – ныне муж, – воздень же руку ввысь,

И сердцем стонущим своим ко мне оборотись,

Восплачь о том, что ты – не я, не труп в морях седых,

Ты отлучен от волшебства подводных царств немых.

А я уж в юности познал, сколь сладостно поют

Фонтаны дьявольских штормов, где волны вдаль бегут!

Восплачь – оставил эту твердь я в лоске, в яркий миг:

Ярились серые моря, но грозный вал поник,

Вот – славы час, триумфа час, вот – крен и круговерть…

Вот – тонны, тонны водных масс…

И дальше – только смерть.

Вести неведомо откуда[85]

— Обломок дерева!

— Кусок пробки!

— Ослепли вы, что ли? Это бутылка!

— Сам ты ослеп! Откуда у черта тут, в открытом море, возьмется бутылка?

— Какие-нибудь потерпевшие крушение…

— В самом деле, — кажется, ребята, это бутылка!

— Надо доложить капитану!

— Да он уже, кажется, сам себе «доложил»!

— Пожалуй, велит заняться вылавливанием этой проклятой бутылки!

— А ты недоволен?

— А есть чему радоваться? Лишняя работа, и больше ничего!

---

[85] Примечания: 85

Первое произведение У. Х. Ходжсона, переведенное на русский язык. Первая публикация на языке оригинала не установлена. Предположительно перед нами — сильно переработанная неизвестным переводчиком вторая часть рассказа «Из моря без отливов и приливов» (More News from the Homebird, 1907), но какого-либо точного и достоверного подтверждения этому нет. Возможно, данное произведение — переработка истории специально для русского журнала (в случае Ходжсона подобное могло иметь место — так, для американского рынка он написал «сокращенные» версии своих романов «Дом на отшибе» и «Призраки пиратов», сократив их до объема рассказов). — Примеч. сост.

— А я смотрю иначе: какое ни на есть, а все же развлечение!

— Хорошее развлечение, нечего сказать!..

Матросы, толпившиеся у бушприта парусного трехмачтового брига «Сан-Дженнаро», болтая об увиденном невдалеке от штилевавшего брига предмет, были правы: капитан Тревисон, зорко наблюдавший за всем окружающим, еще раньше них обратил свое внимание на то обстоятельство, что в лазурных волнах Атлантики болталось что-то темное. И он определил безошибочно: большая бутылка толстого темного стекла, скорее всего, из-под шампанского; горлышко засмолено. Должно быть, бутылка содержит какие-то документы, доверенные ей экипажем утопшего судна или выкинутыми на необитаемые берега людьми, потерпевшими кораблекрушение.

— Бот на воду! — прозвучал голос капитана Тревисона.

— Есть! — отозвались матросы, быстро и ловко спуская на воду большой бот.

Капитан еще раз огляделся вокруг. Бутылка плясала в воде в полусотне сажен от «Сан-Дженнаро». Небо было абсолютно чистым. Море спокойно, почти зеркально-гладко. Ветер стих еще на рассвете и по всем признакам обещал явиться к заштиле-

вавшему бригу не ранее чем на закате солнца, а может быть, и к полуночи. Паруса беспомощно повисли и только редко-редко шевелились, как будто собираясь налиться ветром и погнать судно в неведомые дали, но сейчас же забывали о своем намерении и бессильно поникали. Команде брига нечего было делать. Большинство матросов или спало, где кто нашел для этого подходящее местечко в тени, или слонялось по палубе, ничего не делая и убивая свое время болтовней и препирательствами. Значит, сам капитан мог со спокойным сердцем отойти на боте от своего судна, чтобы поглядеть, какие вести посылает ему старик-океан.

Минуту спустя бот, подгоняемый ровными и могучими ударами весел, резал острой грудью кристально-прозрачную поверхность, мчась по направлению к державшейся все время поблизости корабля бутылке. Капитан Тревисон сидел на носу и давал указания рулевому, куда править: «Право, право руля! Держать так! Еще право руля. Стопорить!»; и вот шесть весел сразу уперлись в воду, задерживая движение разбежавшегося бота.

— Суши весла! — командовал капитан — и весла поднялись, словно тонкие ноги паука, над

ботом, продолжавшим медленно, чуть заметно идти по направлению к мелькавшей в воде бутылке. Капитан нагнулся, схватил ловким движением бутылку за горлышко, вытянул ее из воды. За бутылкой потянулась полупрозрачная зеленоватая нить какой-то морской водоросли с мелкими остренькими не то листьями, не то иглами. Взглянув внимательно на водоросль, капитан одним ударом ножа отсек ее от добычи, но оставил небольшую часть налипшей на бутылку.

— Назад! — коротко скомандовал он, ставя сосуд на дно бота и придерживая его ногами.

— Есть!

Бот описал полукруг, все ускоряя движение, и потом понесся по направлению к «Сан-Дженнаро», где на борту толпились люди, с любопытством глядевшие на маневры бота.

— Духовное завещание найдет капитан в этой бутылке, — говорил один из матросов.

— Указания, как найти клад, зарытый пиратами! — поддержал другой.

— Просьбу прийти на помощь! — откликнулся третий.

— Держу пари, что в бутылке нет ни шиша!

— Мой перочинный ножик против твоего

шейного платка, что в бутылке непременно что-нибудь есть!

— А если там только один воздух?

— Так ты, шельма, потом станешь говорить, что и воздух надо считать за «что-нибудь», и потребуешь мой шейный платок!

— Глупости! Я говорю о настоящем «что-нибудь», а не о воздухе!

— Не болтайте! Капитан уже поднимается на судно! В самом деле, капитан Тревисон с привычною ловкостью карабкался по спущенной с правого борта «Сан-Дженнаро» веревочной лестнице. Следом за ним матросы подняли на талях бот и прикрыли его, защищая от беспощадных лучей южного солнца, брезентом.

Покуда шла эта работа, капитан, отдав кое-какие распоряжения команде и приказав, если только покажется тучка или подует малейший ветер, сейчас же вызвать его, ушел в свою каюту, унося с собою изловленную в море бутылку. Минуту спустя он прокричал из каюты:

— Послать ко мне штурмана!

— Есть! — отозвался стоявший поблизости от дверей каюты матрос.

— Послать сюда кока! — продолжал отдавать распоряжения капитан.

Когда и штурман, и кок, то есть, судовой повар, были на месте, капитан, поглядывая на стоявшую на столе бутылку, вымолвил:

— Думаю, что по части выпивки тут ничего не найдешь! Как ты на этот счет думаешь, штурман?

— Гм! Ничего я не думаю! — проворчал тот, косясь на темную бутылку. — Если бы было в ней что-нибудь, так…

— Так она не плавала бы, а пошла ко дну! Правильно! Так вот что! Пусть повар несет из камбуза чего-нибудь промочить горло. Поди, пересохло оно у тебя?

— Как не пересохнуть? — ухмыльнулся штурман, завзятый любитель выпивки. — Ясное дело, пересохло! Не луженое у меня горло-то!

— Ладно! Сейчас промочишь его. А ты, кок, приготовь-ка нам с штурманом и завтрак какой-нибудь. Возьми-ка ты ветчины, что ли. Да поджарь картофель. Ну, если ты нам еще и приготовишь блюдо макарон с помидорами — ни я, ни штурман на тебя в обиде не будем. Так, штурман?

— Известно! — ухмыльнулся штурман, любитель макарон. — Какая уж обида! Вот, разве он, каналья, помидоров пожалеет или переварит

макароны, тут дело иное! Я его линьками по-потчую!

И когда повар отправился на камбуз, чтобы приготовить заказанные яства и добыть бутылочку кьянти для начальства, капитан Тревисон, задумчиво взирая на выловленную из моря бутылку, болтал со штурманом.

— Хочу, — говорил он, — чтобы, когда я ее вскрываю, имелся хоть один свидетель. Ибо одной Мадонне ведомо, что в ней. Возможно, придется сделать соответствующие записи в судовом журнале… А может, мы что-то такое выведаем, что и записывать никуда не следует! Придется набрать воды в рот и молчать — даже при ребятах из команды… И мы же смолчим, верно, штурман?

— Известное дело — смолчим!

Капитан дотронулся до бутылки робко, кончиками пальцев, будто бы боясь ожечься. Потом взял бутылку, потряс ее, поглядел на свет.

— А ведь что-то есть тут, штурман! — сообщил он.

— Наверное, есть!

— А, может быть, и нет ничего такого особенного? А, как думаешь?

— М-может, и нет! — поторопился согласиться

штурман.

— Может, и открывать бутылку не следует? А?

— Воля ваша, капитан!

— Или откроем? А?

— Известно, можно открыть!

— Тьфу, пропасть! Я у тебя совета спрашиваю, а ты мычишь да поддакиваешь, словно баран, прости Господи, а не моряк! Ты мне скажи, что ты обо всем этом думаешь?

Штурман почесал жилистый затылок своей темной лапой и что-то пробормотал, но что именно, осталось неясным. Тогда осерчавший капитан Тревисон, лишившись всякого терпения, щелкнул по горлышку бутылки черенком своего перочинного ножа. Тут раздался характерный звук разбивающегося стекла — верх отлетел в угол капитанской каюты, осколки просыпались на стол. Сделалось видно, что в бутылке находился какой-то сверток бумаги — пожелтевшей и местами даже почерневшей.

— Видишь, штурман? — кивнул капитан в сторону находки.

— Как не видеть? Я что же говорил, командир? Я ж говорил, что что-нибудь да должно быть… Вот оно, по-моему, и вышло!

— Давай, читать будем?

— Да я не мастер читать!

— Вместе тогда будем разбираться. Тащи бумагу из бутылки!

— Нет уж, капитан, тащите сами!

— Боишься, что ли?

— Известно, боюсь! Бумага-то тонкая, а у меня вон какие пальцы! Не пальцы, а самые настоящие рыболовные крючья!

Капитан недовольно поглядел на взаправду напоминавшие железные крючки пальцы рук бравого штурмана, с легким вздохом бережно вытянул сверток из бутылки, положил на стол, разгладил.

— А вода-то внутрь пробралась! — заметил шепотом штурман.

— Да, подмочила-таки! Даже местами смыла содержимое документа!

— Какого документа? — удивился штурман.

— Да бумаги этой самой! — нетерпеливо отмахнулся капитан. — Чудак ты, братец! Любая бумага может быть названа документом! Но мы с тобой попусту время теряем. Давай лучше читать приступим!

— Оно, конечно, лучше взять и прочитать! — опять поторопился согласиться штурман, опасливо поглядывая на загадочный *документ*.

Они пробыли в каюте весь день, до позднего вечера. Кок пять или шесть раз таскал в каюту новые бутылки кьянти и новые блюда макарон и картофеля — а выйдя на палубу, таинственно шептал матросам:

— Дело серьезное, ребята — они все еще читают!

— Читают? — удивлялись матросы. — До сих пор? Что ж там за текст такой трудный!

…В самом деле, документ, выловленный экипажем «Сан-Дженнаро» 11 мая 1911 года в водах Атлантического океана, мог представлять известные затруднения для чтения и не таким мало искусным в освоении текстов людям, как капитан Тревисон и штурман Арно Чиальдини — тем паче, что написан он был на очень странном, ломаном английском языке с вставками фраз по-французски и по-немецки. Теперь этот документ содержится в архивах морского министерства в Риме, но копии с него в виде фотографий разосланы морским властям крупнейших держав в целях выяснения истины. Одна из таких копий была у меня в руках, и я хочу поделиться с читателем полученными сведениями в расчете на то, что, быть может, кто-нибудь, заинтересовавшись загадочным документом, а еще больше — его

содержанием, может дать кое-какие комментарии. Может быть, что-нибудь можно сделать для тех, кто этот документ создал? Может быть, для них это «что-нибудь» уже сделано? Или им уже поздно, увы, помогать? Добавлю только, что «документ» автора-анонима состоит из полудюжины листов грубой писчей бумаги, исписанных вдоль и поперек. Попавшая внутрь бутылки морская вода не только местами смыла написанное (с этим еще можно было бы смириться, и я лично при помощи проектирования и увеличения фотографий с отдельных листков восстановил значительную часть «погибшего» текста), но и изъела бумагу на сгибах — тем окончательно испортив ее. Потому-то документ и изобилует лакунами. Очень может быть, что именно в потерянных строках содержатся исключительно важные указания; сам я, однако, думаю, что ничего важного мы не нашли бы, даже если бы каким-либо чудом восстановить весь текст. Разве только было бы указание имени того, кто писал документ?.. Не спорю, что это было бы тоже интересно — может быть, помогло бы восстановить точно детали разыгравшейся странной, загадочной драмы. Но пусть лучше обо всем судит сам читатель. Я же ограничиваюсь лишь тем, что с точностью

передаю содержание документа, доставленного властям Неаполитанского Коммерческого порта 24 мая 1911 года капитаном Энрико Тревисоном, командиром парусного трехмачтового брига «Сан-Дженнаро», — при протоколе, говорящем об обстоятельствах, каковые сопутствовали обнаружению бумаг в морях недалеко от Гибралтара. Итак, ниже следует сам текст документа.

* * *

...предпринимаю эту, по-видимому, бесцельную и бесполезную попытку в седьмой раз. У меня осталось еще пять подобных бутылок, но бумаги мало, да мне и надоело снова и снова писать одно и то же. Во всяком случае, если только буду жив, я заброшу восьмую бутылку через год, девятую — через два, десятую — накануне дня, когда истощатся до конца все наши съестные припасы и нам в глаза взглянет ужасный призрак голодной смерти. По моим расчетам, припасов может хватить на полных три года.

О воде я не беспокоюсь, потому что на борту имею аппарат для дистилляции морской воды, и бункеры почти полны каменным углем. Думаю, что водой мы обеспечены годов на пять, если не больше, ибо уголь я расходую крайне экономно, а

дистиллятор находится в полной исправности, да его устройство так просто, что, случись какая-либо неисправность, я, наверное, сумею починить его при помощи тех инструментов и материалов, что имеются в моем распоряжении в изобилии. Относительно пищи могу сказать, что, судя по примеру истекших двух лет, я смогу, по крайней мере, время от времени пополнять запасы рыбной ловлей. Было бесконечно противно есть мясо крабов — о них я еще расскажу подробнее, — но все же мы почти полтора месяца питались этими ракообразными, не исчерпывая наших запасов. Таким образом, я убежден, мы сможем протянуть около четырех лет, если только, конечно, не случится какая-нибудь катастрофа.

Главным образом я опасаюсь того, что нам опять придется выдержать борьбу с *ними*. И тогда — да помилует нас Господь! Ведь в первый раз мы спаслись лишь чудом! Малейшей случайности, оплошности, ошибки было достаточно, чтобы погубить нас. А ведь мы можем опять, как тогда, подвергнуться нечаянному нападению, они могут застать нас врасплох, и справиться с нами поодиночке… И, кроме того, я чувствую, что если даже жертвою их падет только кто-нибудь один из нас, остальные все равно не переживут его

гибели и добровольно отдадутся сторожащей нас со всех сторон смерти.

Нет, кровь стынет в жилах, когда я вспоминаю о пережитых нами ужасах. Временами мне кажется, что я сошел с ума и все, что я тут рассказываю — бред больного воображения. Но нет же, нет! Вон, на стенке моей каюты, висит клешня одного из крабов — разве это сон? Разве это призрак? Вот набросанный мной рисунок с натуры; делал его, конечно, по памяти, но очень заботясь о том, чтобы не погрешить сильно против истины. Вспоминая их, я пытался определить их величину, сравнивая с величиной частей «Иоланты». Да, я был тогда словно в бреду, ибо только что мы ушли от гибели, только что были на волосок от смерти. Тем не менее, однако, я ручаюсь, что мой рисунок совершенно правилен, ошибки в указании размеров быть не может. Мне не поверят, я знаю! И, собственно говоря, я сознаю, что мне не следовало бы вовсе писать обо всем, пережитом нами на борту «Иоланты». Следовало бы написать просто, что мы погибаем, что мы оторваны от мира, осуждены на пребывание в тюрьме, затерянной в просторах океана, и что мы просим ближних прийти нам на помощь, а если это невозможно, то чтобы они, эти столь

далекие от нас «ближние», хоть помолились о нас, о наших душах.

Итак, я приступаю к последовательному изложению всех перипетий нашей жизни с того момента, как мы сделались пассажирами «Ио…»

Здесь в рукописи следует порядочная лакуна. Анализируя дальнейшее ее содержание, можно с должной степенью вероятности установить, что трехмачтовый пароход «Иоланта» неизвестной национальности и неизвестно к какому порту приписанный, идя из Европы к берегам Южной Америки, а может быть, направляясь в Австралию, потерпел аварию и был покинут командой, но на борту по каким-то неведомым причинам остался автор записок, его жена и собака по кличке Белла. Кажется, в момент оставления экипажем судна данные пассажиры попросту замешкались в своей каюте. Может быть, двери каюты были чем-либо завалены. На это указывает сохранившийся отрывок фразы: «…пришлось взломать, чтобы выйти на палубу. Тем временем лодки отошли от парохода очень…». Следующий отрывок говорить о том, как покинутыми пассажирами были отысканы еще находящиеся на судне люди.

…Белла лаяла и все тянула Элизу (*жену рассказчика*) за платье. Я заинтересовался странным поведением собаки, отличавшейся исключительной понятливостью, и пошел все разведать. Мне пришлось спуститься в нижний трюм, куда, понятно, в качестве пассажира я никогда не заглядывал за все время нашего пребывания на борту «Иоланты». Там услышал я человеческие голоса, стоны и, в конце концов, отыскал небольшое помещение с бронированною дверью. Я вспомнил, что незадолго до катастрофы двое матросов были обвинены в воровстве, пьянстве, неповиновении боцману и по распоряжению капитана посажены в карцер с тем, чтобы по прибытии «Иоланты» на место назначения передать обоих в руки полиции. Разумеется, при других условиях я лично счел бы по меньшей мере неблагоразумным освобождать этих людей, не располагающих к доверию; но в настоящий момент я чувствовал себя до такой степени потерянным! Я осознавал, что нас с Элизой ждет гибель, и потому я инстинктивно искал общества людей. Удалось сыскать тут же, в трюме, арматуру и при ее помощи сбить висячий замок двери. Оба заключенных, не слушая меня, вырвались из карцера и опрометью бросились на палубу,

что-то крича. Я пошел за ними.

Там, на палубе, имела место мрачная сцена.

— Пароход покинут командой! — кричал старший из матросов, высокий человек с заросшим рыжей щетиной темным лицом.

— Эти подлецы, — вторил ему его товарищ, тщедушный молодой человек с лицом, удивительно напоминающим морду хорька, — эти подлецы позабыли нас с тобой, Монктон!

— Убийцы! — кричал Монктон.

— Трусы! Подлецы! — выл Хорек. — Попадись они мне в руки, я бы им устроил!

— Может быть, и мы сможем удрать отсюда?

— На чем? Верхом на весле, что ли?

— Смастерим какой-нибудь плот!

— Ты с ума сошел?! За три тысячи миль от ближайшего берега отправиться в открытое море на плоту? Да он развалится через сутки… Благодарю покорно! Но думай, Монктон, думай! У тебя хитрая голова! Не пропадать же нам? Не погибать же, как собакам?

— Думай ты сам! У меня мозги высохли! Я голоден! Я пить хочу!

— Я тоже! Но беглецы, должно быть, раньше нас все сожрали и выпили! Тут был еще кто-то… Пассажир. Береговая крыса! Почему он не ушел

с судна?

— Нам-то какое дело? Он сам по себе, мы сами по себе!

— Но это он освободил нас!

— И что? Ты собираешься идти кланяться и благодарить его? Плюнь!

Не обращая внимания на мое присутствие, они отправились в камбуз, и скоро оттуда послышались крики торжества: матросы убедились, что на покинутом судне находится богатейший запас всяческой провизии и питья. Признаюсь, уже теперь я начал раскаиваться в своей опрометчивости и сожалеть о том, что, по крайней мере, не посоветовался загодя с Элизой насчет того, как следует поступить с двумя сидящими в карцере матросами. Но эти поздние раскаяния не могли ничем помочь. Оставалось на всякий случай позаботиться о собственной безопасности и держаться как можно дальше от Монктона с Хорьком, пореже попадаться им на глаза. Я ретировался в нашу каюту и вкратце рассказал Элизе обо всем случившемся; моя жена побледнела, но не растерялась.

— Но, Макс, — сказала она, — ведь их только двое!

— Что ты этим хочешь сказать? — удивился я.

— И нас тоже двое. Кроме того, они безоружны, а у нас…

— У нас что-то есть?

С нервным смехом Элиза вытянула из складок платья два щегольских миниатюрных револьвера и показала их мне.

— Откуда это у тебя? — еще больше удивился я.

— Нашла! Я думаю, Макс, раз команда и капитан оставили нас на пароходе, мы стали законными наследниками всего, что на судне есть? Я пошла по каютам, и в одной из них — в той, что была прежде занята датчанами, — нашла в чемодане эти револьверы…

— Без патронов?

— Вот патроны к ним — целый короб, Макс!

— Отлично. Конечно, револьвер значительно меняет дело. Но…

— Но что же?

— Но нам придется все время держаться настороже, чтобы эти господа не застигли нас врасплох. Придется поочередно дежурить!

— Значит, будем дежурить. В этом нет никакой проблемы. И потом, Макс, я решительно не понимаю, почему ты так боишься. Поверь, этим людям сейчас не до нас. Они оба думают лишь о том, как бы убраться с парохода. Они, полагаю,

уже убедились, что наша «Иоланта» потеряла винт и руль…

— Может быть. Но, дорогая, удалиться с парохода будет не так-то просто!

— Нам с тобой — да. Но те двое — матросы, они что-нибудь придумают, вот увидишь.

— Посмотрим…

Элиза оказалась гораздо прозорливее меня — матросы в течение двух последующих дней не обращали на нас никакого внимания, будучи заняты своими делами. Им явно было в принципе не до нас; но на всякий случай я убедил Элизу вовсе не показываться на палубе. Моя жена сидела все время в каюте, а когда я отправлялся наверх, чтобы проведать, как идут дела, она запиралась и держала в руке револьвер наготове.

Тем временем в матросском стане кипела лихорадочная деятельность. Они обшарили буквально весь пароход снизу доверху, вытащили на палубу массу разнообразного скарба — в том числе все имущество капитана Вика, — а из трюма приволокли какие-то дощечки и канаты с гвоздями в довесок. Третий день прошел в работе: матросы, пользуясь спокойной погодой, тут же, на палубе, стали сколачивать плот. Я много раз подходил к ним и стоял, глядя, как они орудуют

топорами, но они не заговаривали со мной. Только за час до того, как плот отчалил от парохода, Монктон обратился ко мне со словами:

— Ну? Чего глазеете тут? Думаете, и для вас найдется местечко, а?

— Вы хотите попытать счастья с плотом? — вместо ответа спросил я.

— Нет, сэр, с воздушным шаром! Ослепли, что ли? Конечно, мы намерены попытать счастья! Не сидеть же тут, на судне, дрейфующем к черту на рога?

— А не опасно ли…

— Хотите знать, не опасно ли довериться плоту? Конечно, опасно. Да ведь выбора нет! Судно относит все дальше от тех линий, где ходят пароходы или парусники. Его вскорости занесет в такую даль, куда никто никогда носа не показывает. Если мы теперь поплывем на плоту, мы еще имеем шансы встретить какое-нибудь судно и спасти свои шкуры.

— А мы?

— Кто это вы? — воззрился на меня Монктон.

— Ну, я и еще один человек…

— Разве есть еще кто-то на судне? — оживился Хорек. — Моряк? Или такой же пассажир, как вы?

— Пассажир.

— Почему он не показывается? — насторожился больше прежнего Монктон.

— Потому что болен! — солгал я.

Матросы переглянулись, и Монктон грубо бросил мне:

— В сторону! Не мешайте работать! Нам нет никакого дела до вас! Такие уж выдались обстоятельства — каждый сам за себя; и пусть черт заберет мою душу, если я ударю пальцем о палец ради каких-то больных, здоровых, белых, черных, высоких или низких! Свою шкуру спасать надо — о ней и буду печься!

Хорек оказался, по-видимому, мягкосердечнее своего товарища. Он, когда я отошел в сторону от почти готового для спуска плота, нагнал меня и заговорил скороговоркой:

— Не обижайтесь, сэр! Монктон много ворчит, но он добрый человек! Нет, право же, он отличный парень! Но ведь рассудите, сэр, сами: что мы можем сделать для вас?

— Это я выпустил вас из карцера, где вы подохли бы с голоду! — угрюмо отозвался я.

— О Господи! Да разве я это отрицаю? Я помню, что нас освободили именно вы! Но что же делать, сэр? Смотрите — тут, на палубе, исключительно

все материалы, пригодные для строительства… Мы даже кое-где переборки выломали… Судно-то, сэр, железное, поди сыщи на нем хорошее дерево, мало его! Наш плот сможет держать, положим, трех взрослых человек. Но четырех… нет, сэр, куда уж! Если возьмем четвертого, придется сидеть в воде чуть ли не по пояс! И потом, подумали ли вы о провизии, о воде? У нас впереди, возможно, целые недели странствия по океану! Надо запастись основательно… Если нас будет на плоту четверо, пиши пропало! Нет, сэр, ничего из этого не выйдет — не может выйти! Но вы, сэр, не падайте духом… Право же, вам совсем незачем падать духом!

— Благодарю за совет! — отмахнулся я язвительно.

— Нет, право же! — не унимался Хорек. — Дело вовсе не так плохо! Мы с Монктоном осмотрели все судно. Оно, ей-богу, в отличном состоянии. Во-первых, течи и малейшей не найти — будет плавать так же славно, как пробка! Долго, очень долго ему еще держаться…

— Так почему же вы торопитесь его покинуть? — спросил я.

— Мы? — несколько опешил Хорек.

— Да, вы и Монктон!

— Странный вопрос…

— Ничуть не странный! Вы, матросы, уверяете меня, пассажира, что все обстоит очень благополучно, что нет никакой надобности беспокоиться… что мне нужно сидеть на судне и ждать у моря погоды — покуда оно не разобьется о подводные скалы и затонет или пока не сядет на мель! Сами вы, тем временем, строите плот и не хотите брать нас с собой!

— Не то, что не хотим, сэр, а… а не можем! Ей-богу, не можем!

— Довольно этих разговоров! — оборвал я матроса. — Не хотите, не можете — для нас это не представляет ни малейшей разницы в итоге. Словом, вы покидаете судно, а мы осуждены оставаться на нем — так?

Хорек мотнул головой и отошел в сторонку. Тут же Монктон крикнул ему сердито:

— Будет тебе языком ляпать! Пора спускать плот! Иди сюда!

Я, собственно говоря, не видел, как именно они спускали плот на воду с пароходной палубы. Дело в том, что я удалился в каюту, где меня ждала, прячась, Элиза, и вышел только тогда, когда плот уже колыхался на волнах у борта «Иоланты», и матросы нагружали его бочонками с водой и

ящиками со съестными припасами. Они пристроили к плоту подобие мачты с прямым парусом и, когда нагрузка была кончена, обрубили канаты, связывавшие плот с пароходом. В это время дул не очень сильный, но ровный ветер с севера, медленно гнавший пароход к югу. И как только беглецы подняли свой парус, их плот стал довольно быстро отходить от «Иоланты», направляясь не на юг, а на юго-запад. Я долго следил за плотом — он еще часа три-четыре маячил на горизонте, покуда не настала ночь. Тогда мрак поглотил и плот, и его пассажиров.

Впервые за время хозяйничанья на судне Монктона и Хорька Элиза вышла на палубу. Стоя рядом со мной, она глядела опечаленным взглядом в несколько туманную даль — в ту сторону, где должен был быть сейчас плот.

— А мы с тобой, Макс, теперь здесь одни, — еле слышно прошептала она, и по ее белой щеке скатилась одна-единственная сиротливая слезинка.

— Нет, не одни! — откликнулся я. — На нашей стороне Всевышний. На людскую помощь нам надеяться и рассчитывать нечего. Но мы можем уповать на помощь Божию!

Моя жена ничего не ответила на эти слова. Да, признаюсь, я и сам говорил без веры в сердце. На-

дежды на спасение для меня точно так же таяли.

Трое суток спустя течением принесло «Иоланту» именно туда, где она находится и по сей день. Я не знаю, что это такое. Я ведь не моряк и о морской жизни имею самое смутное представление. И тщетно я вспоминаю все, прочитанное мною в детстве о море, тщетно напрягаю память. Может быть, мозг, утомленный испытаниями, попросту отказывается мне служить?

Началось с того, что около «Иоланты» появились в море — сначала в незначительном количестве, потом все больше и больше — какие-то бесконечно длинные нити водорослей, словно выраставшие прямо со дна морского и тянувшиеся к поверхности. «Должно быть, земля близка», — решил я и внимательно стал присматриваться к горизонту в надежде на близость какого-нибудь острова или даже континента. Увы — куда ни кинь взгляд, повсюду одна лишь вода в ржаво-зеленых крапинах водорослевых сплетений! Мало-помалу пароход заходил все глубже в эти дебри. Мне казалось, что «Иоланта» начинает заметно замедлять ход, словно водоросли, опутывая ее снизу, мешали ей двигаться. Однако всю ночь и часть следующего дня покинутое судно все же еще двигалось, иногда

выплывая на пространство, где водорослей было сравнительно мало.

И только к вечеру «Иоланта», как казалось мне, окончательно застряла в водорослях. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что пароход был прижат течением к песчаной отмели, врезался в нее корпусом, да так и застыл, несколько накренившись вбок. Странствия по морю закончились раньше, чем я этого ожидал — и прошло немало дней, покуда я и Элиза сжились с этою мыслью, восприняли ее. Нам все казалось, что этого быть не может; вот-вот что-нибудь случится! Может быть, поднимется буря, сорвет судно с мели, уведет «Иоланту» в открытое море — разметав, разорвав, как паутину, проклятые водоросли, заплетшие корпус парохода. Или, может, нахлынет течение — размоет отмель и, опять-таки, угонит куда-нибудь наш лежащий чуть ли не на боку плавучий дом. И опять мы будем скитаться по морю…

Но шли дни, а «Иоланта» стояла неподвижно, и вокруг все гуще и гуще заплетались водоросли, пока, наконец, не покрыли все море вокруг на огромное пространство. Только с верхушки мачты, вскарабкавшись по вантам, я видел, казалось, где-то вдали голубоватую полоску свободной

от этих морских сорняков воды. Тогда именно я бросил в море первую бутылку с описанием случившегося с нами. Я был так наивен, что бросил ее около самого парохода, прямо с палубы, и она, конечно, застряла, опутанная водорослями, словно жадно тянувшимися к ней. Осознав свою ошибку, я решил исправить ее. Но как? Ясно для меня было одно: нужно любым способом отойти от парохода и добраться до открытого моря.

Обыскав весь борт, я разжился-таки парой досок и несколькими запасными веслами. Из части весел и досок я соорудил подобие плота и сбросил его в воду. Правильнее было бы назвать мое оригинальное суденышко подоскафом[86] — но, так или иначе, оно могло служить моим целям: спустившись по канату на него, я убедился, что оно может скользить по водной глади. Правда, водоросли заметно мешали ему двигаться быстро, но все же можно было при помощи весла или шеста, упираясь именно в водоросли, продвигаться туда и сюда.

Я поднял брошенную первую бутылку с моими

---

[86] Примечания: 86

Подоскаф — водный транспорт, крайне популярный в XIX веке, главным образом во Франции. Изготавливался из двух досок или поплавков, соединяемых параллельно друг другу. Катание на нем требовало удержания равновесия и гребли. — Примеч. сост.

записями и ранним утром отправился в опасный путь, от парохода к открытому морю. Только к вечеру удалось мне возвратиться назад — так далеко было свободное от водорослей море!

Элиза, бледная, как полотно, стояла на палубе.

— Господи! — вскрикнула она, когда я, усталый и измученный, поднялся по трапу на судно. — Я думала, Макс, что ты никогда, никогда не вернешься!

— Как видишь, ты ошиблась! — со слабой улыбкой отозвался я. — Но я голоден и устал! Молю, дай мне чего-нибудь поесть!..

Всю ночь мы не спали: нервы разошлись, кровь волновалась. Всю ночь мы говорили об отправленном нами из «страны изгнания» вестнике живому миру, о поплывшей Бог весть куда бутылке с письменной просьбой прийти нам на помощь. Нам казалось, что бутылка скоро-скоро доплывет до какого-нибудь берега. Там ее подберут рыбаки, откроют, оповестят власти о том, что двое несчастливцев, отрезанные от мира, находятся на покинутом судне… *где?* Я не мог указать этого! Я только описал все наше путешествие и высказал догадку, что «Иоланта» застряла в пределах Саргассов. В эти дни я волновался чрезвычайно и даже по ночам выходил на палубу с

фонарем поглядеть, не видны ли огни спасательного судна.

Должно быть, через пять или шесть дней после этого я увидел в нескольких верстах от «Иоланты» нечто новое. При помощи подзорной трубы я разглядел, что это было подобие низко сидящей в воде большой лодки с низкой мачтой, укутанной бесплодно треплющимися ошметками паруса. Мне казалось, что я вижу на борту лодки какое-то живое существо; по крайней мере, нечто от времени до времени двигалось около мачты. С замиранием сердца я спустил на воду мой «подоскаф» и направился на нем к странной лодке.

— Взял ли ты револьвер? — кричала мне вслед Элиза.

— Конечно, взял, хотя он совершенно бесполезен! — отозвался я.

— Ради бога, посмотри, заряжен ли он! — продолжала кричать моя жена.

— Да, конечно же!

— Будь осторожен!

— Хорошо! До скорого!

Часа полтора, должно быть, ушло на мой путь от «Иоланты» до той предполагаемой «лодки». Но уже за километр от нее я понял, что это такое: это был полуразбитый плот. А еще через

несколько минут я знал и то, откуда взялся этот плот — его соорудили Монктон и Хорек, когда покидали злополучную «Иоланту». Его пригнало течением ровно туда же, куда прежде принесло наш пароход.

Но вот мой «подоскаф» уже скользит в непосредственной близости от остатков плота. Я ясно вижу странную, фантастическую человеческую фигуру, держащуюся около мачты. Я различаю даже лицо этого несчастного. Это Хорек. Но где же Монктон? Куда мог деваться этот угрюмый силач?.. Ближе, ближе к плоту пробирается, скользя над водорослями, мой подоскаф…

— Эй! — кричу я Хорьку. — Это вы? Где ваш товарищ, что с ним случилось?

– *Еды!* Ради всего святого, дайте мне поесть! — не то стонет, не то рычит матрос, резко простирая ко мне исхудалые руки. — Я уже четвертые сутки ничего не ел!

Опасаясь пристать к плоту, чтобы не подвергнуться нападению обезумевшего от ужаса и голода человека, я перебросил на плот несколько захваченных с собой сухарей.

— Спасите меня! — умолял Хорек, жадно глотая сухари и запивая их водой из бочонка, что был при нем. — Возьмите с собою на пароход! И будь я

проклят, если когда-нибудь покину судно на плоту! Это все Монктон виноват, но он поплатился!

— Он утонул?

Странная гримаса исказила лицо Хорька. Глаза блеснули.

— Нет, я убил этого негодяя!

— Вы его убили? За что? О Господи!

— Он… он хотел убить меня! Он был голоден, и…

— Но вы-то, вы? Что вы сделали с ним?

Потупив глаза, Хорек ответил глухим голосом:

— Я был *голоден*. Голод терзал мои внутренности… И во всем был виноват Монктон! Остатки я отправил за борт — угостил рыб…

– *Остатки?* Вы сделались людоедом?! — вне себя от ужаса и отвращения вскричал я.

— Я умирал с голоду! — тупо твердил он. — Я просто умирал с голоду… И… и он был уже мертв, а я еще жив…

Кровь застыла у меня в жилах. Что я должен был делать? Оставить этого человека на его плоту? Но это было бы бесчеловечно — обречь его на гибель! Взять его обратно на борт «Иоланты»? Но ведь он людоед! Он убийца и людоед!

— Заклинаю вас, сэр, возьмите меня! — кричал он душераздирающим голосом. — Судно

полно припасов! Я… я буду вашим рабом. Я на что-нибудь пригожусь! Право же, я на что-нибудь пригожусь! Только возьмите меня на судно! Может быть, я придумаю что-нибудь, и мы с вами, сэр, еще вывернемся из беды! Мы устроим что-нибудь, какой-нибудь новый плот или лодку, и поплывем…

— И вы, проголодавшись, убьете и съедите меня? — спросил я с горьким смехом.

— О, сэр?! — с пафосом воскликнул Хорек. — Почему вы так дурно думаете о бедном матросе? Право же, Монктон был виновен решительно во всем. Это по его вине волна смыла два ящика с последней провизией. И потом, я ел мало, очень мало, а Монктон каждый день жрал, как свинья, и пил, не просыхая. Потом… потом, однажды ночью, он пытался зарезать меня! Но я похитрее оказался… я всего лишь защищал свою жизнь, не более того!

— Но *есть*-то его было зачем, несчастный?..

Хорек не отвечал. Кончилось тем, что я сжалился над парнем и предоставил ему шанс добраться до «Иоланты», раздвигая водоросли перед плотом. Если бы я подошел близко к разбитому плоту, вне всякого сомнения, этот негодяй мог попытаться покончить со мной, как он покончил с Монкто-

ном. Дело шло убийственно медленно, но все же мы продвигались к пароходу, с чьей палубы за нашими маневрами следила моя Элиза.

— Слушайте, вы, животное! — крикнул я Хорьку на подступах к борту.

— Что прикажете, сэр?

— На судне находится второй пассажир.

— Я помню, сэр!

— Это моя жена!

— Как скажете, сэр!

— Я не скажу ей ни слова о том, что вы сделали с Монктоном.

— Благодарю вас, сэр!

— Но и вы должны в рот воды набрать, понятно?

— Разумеется, сэр!

— Вы скажете, что Монктон погиб во время бури, снесшей его с плота в воду. Но если вы проболтаетесь…

— Упаси меня Бог, сэр! Леди не узнает ничего об этой неприятной истории!

Хорек называл акт каннибализма «*неприятной историей*», и только! Он явно ничуть не раскаивался, не стыдился вовсе своего деяния! «Я был голоден» — вот и весь сказ! Вообще говоря…

Тут в рукописи Макса опять обнаруживается

лакуна; по-видимому, описан известный период пребывания на борту «Иоланты», когда спасенный им Хорек держался на пароходе корректно — покуда не оправился от истощения. Затем что-то произошло между Максом и Хорьком, причем в деле была замешана Элиза. В чем суть, догадаться трудно; так или иначе, в следующем отрывке Макс рассказывает о предательском нападении Хорька на Элизу в то время, когда Макс отправился на своем подоскафе бросить вторую бутылку с записями.

...я слышал негодующий голос Элизы и ее крик:

— Уйди, или я, видит Бог, застрелю тебя!

Но ей не пришлось стрелять: я вовремя подоспел к порогу каюты. Должно быть, Хорек услышал мои шаги. Он повернулся к двери; но не успел сделать и шага, как я сбил его с ног, обезумевший от злости на эту гадину.

— Макс, Макс! — повторяла она. — Не убивай его! Он все же человек!

— Он человек? — вне себя крикнул я. — Он подонок! Он подлый насильник и людоед!

— Людоед? — ахнула Элиза.

— Да, да, людоед! Он убил своего товарища Монктона, такого же зверя, как и он сам, и съел

его тело! Он убьет и нас с тобой! Я удавлю его!

— Не пачкай своих рук, Макс, кровью такого существа! — брезгливо сказала Элиза.

Я несколько опомнился, остыл. Хорек по-прежнему неподвижно лежал на полу каюты. Я достал связку тонких, но крепких веревок и связал его по рукам и по ногам, потом выволок его из каюты и бросил на палубу. Все это я проделал словно во сне, не задаваясь вопросом о смысле моих действий. По существу, конечно, было бы гораздо проще швырнуть негодяя в воду или сплавить его в трюм, в тот самый карцер, откуда я его в свое время вызволил. Но все это как-то не пришло мне в голову в тот момент, когда я, еще весь охваченный злостью на негодяя, выволакивал его, связанного по рукам и ногам, на палубу «Иоланты».

В ту же ночь произошло наше первое знакомство с крабами Саргассова моря.

Вечером, убедившись, что Хорек лежит на своем месте и ни в коем случае не может освободиться от веревок, мы с Элизой забрались в свою каюту и забаррикадировались в ней. Должно быть, часов около одиннадцати ночи Элиза обратила внимание на странные звуки, доносившиеся к нам с палубы — казалось, кто-то ходил

по ней, стуча ногами в деревянных сабо: *топ-топ-топ... тук-тук-тук.* А потом вдруг раздался дикий, нечеловеческий вопль Хорька:

— Помогите! Помогите! Спасите!

Как безумный, я вскочил со своей койки и ринулся к двери, но Элиза удержала меня.

— Куда ты? — вскричала она.

— Там что-то происходить! Хорек находится в опасности!

— А вдруг это ловушка?

— Ты его слышала сейчас? Едва ли!..

— Я пойду с тобой!

Тем временем с палубы по-прежнему доносился отчаянный крик Хорька, прямо-таки душераздирающим голосом звавшего на помощь. Позабыв о том, что мне и самому может грозить какая-нибудь опасность, я выбежал на палубу, держа в руках револьвер. Элиза со вторым револьвером следовала за мной.

— Помогите! Скорее, скорее! — хрипел Хорек.

Палуба «Иоланты» была освещена лунным светом, удивительно ярким, позволявшим разглядеть все, вплоть до мелочей. Но, выбежав из кают-компании, я в первое мгновение не мог даже понять, что, собственно, случилось. Мне показалось, что я нахожусь в бреду.

Дело в том, что палуба на корме — как раз там, где лежал Хорек, — будто *шевелилась*, колыхаясь и по временам словно вспухая, топорщась странными темными наростами. Один такой нарост как-то совершенно неожиданно оказался в двух шагах от меня. Элиза ахнула, схватила меня за руку и оттащила в сторону.

— Крабы! — только и сорвалось с ее губ.

Да, это была целая армия отвратительнейших существ, каких может породить только самая необузданная фантазия. Какие-то темные лепешки с суставчатыми тонкими ногами и колоссальными клещами быстро переползали с места на место, сталкиваясь телами, словно броненосцы, — при всяком соударении раздавался противный треск, как если бы тут дрались скелеты мертвецов, восставших из могил: *клац-клац, топ-топ.*

И этот стук время от времени прорезывался отчаянным криком Хорька:

— Помогите! Ай! Проклятье! Помогите! Спасите! Ой! Они меня жрут! Спасите!

Почти не думая, я разрядил револьвер, произведя шесть выстрелов в копошившуюся на палубе массу морских чудовищ. Думаю, ни одна моя пуля не пропала — *не могла* пропасть, — даром,

ибо, повторяю, палуба была буквально покрыта переползающими с места на место колоссальными крабами. Но, с другой стороны, не думаю, чтобы эти пули могли причинить нашим врагам особенно много вреда: природа наделила их такой броней, что тут стрелять следовало бы не из револьвера, а из какого-нибудь пулемета... Тем не менее грохот пальбы произвел известный эффект: в мгновение ока десятки колоссальных крабов ринулись прочь с палубы, попросту бросаясь через борт в воду. Они гулко шлепались в волны и исчезали под водой; палуба опустела. Но там, где лежал Хорек, еще копошились двое крабов — самые крупные, судя по всему, особи.

Затрудняюсь теперь определить их размеры — но, сдается мне, я не ошибусь, сказав, что сами тела этих чудовищ равнялись по размеру (по диаметру, правильнее говоря) круглому столу, вмещающему двенадцать или шестнадцать человек без особого стеснения. Одно чудовище сидело на ногах Хорька и глодало матроса ужасными челюстями. Другое, словно выступая сторожем, держалось около головы жертвы, грозно задрав кверху обе колоссальные клешни.

Сунув в карман явно бесполезный револьвер, я беспомощно заозирался вокруг, ища какое-

нибудь другое оружие. А злополучный Хорек, заживо пожираемый крабами, уже не кричал, а только хрипел, и лишь иногда из его груди вырывалось что-то, похожее на скулеж.

Мой взор упал на валявшийся под ногами топор с длинной рукояткой — он служил нам для всяческих работ. Более подходящего оружия в настоящих условиях я не мог найти. Едва успев схватить его, я столкнулся чуть ли не вплотную с крабом — всего в один обманчиво неуклюжий, а на самом деле фантастически быстрый скачок эта тварь поравнялась со мной. Краб как-то странно шипел, и его выпяченные вперед глаза на стебельках, казалось, тлели темным огнем. Огромная правая клешня, напоминавшая чудовищных размеров портняжные ножницы, угрожающе поднялась в воздух, чтобы схватить меня поперек тела. Ни на минуту не сомневаюсь в том, что такая клешня могла буквально перерезать мое тело пополам! Но я вовремя атаковал, отчаянным ударом топора начисто срубив ее. В то же мгновение второй клешней краб нанес удар, вполне способный, полагаю, раздробить мне обе ноги в коленях. На счастье, клешня врезалась в преграду — в какой-то ящик, стоявший между мной и этим чудовищем. Дощатая стенка ящика с

хрустом проломилась внутрь, а я оказался сшиблен с ног — и, падая, выпустил топор из рук.

Вероятно, это могло стать последней оплошностью в моей жизни, но моя жена спасла меня, выстрелив три или четыре раза в упор в краба. Ее револьвер был заряжен разрывными пулями, так что она разом положила готовое уничтожить меня чудовище. Потом подоспела очередь второго краба, отрывавшего от тела Хорька неровные ломтики; он переполз через мелко дрожащие ноги матроса и сделал два-три прыжка по направлению к нам. Я к тому времени успел оправиться и подобрать топор; к атаке я был однозначно готов и намеревался дорого продать жизнь.

Элиза выстрелила, выпустив последние пули, бывшие в барабане револьвера. Одна из них раздробила клешню краба, другая впилась в его могучее безобразное тело. Но краб — может быть, лишь по инерции — продолжал двигаться нам навстречу. Я отскочил в сторону и, улучив момент, когда чудовище проволакивало свое тело мимо меня, нанес крушащий удар топором. Лезвие врезалось в скорлупу, покрывавшую тело краба, с противным треском. Я с нечеловеческим напряжением вытянул увязший топор из тела чудовища — и принялся без устали рубить как

попало, то рассекая членистые ноги в суставах, то стесывая «броню» кусками. Вытворяя это, я что-то протяжно кричал диким голосом.

Опомнился я лишь тогда, когда издыхающее чудовище на оставшихся от лап обрубках поползло в сторону, добралось до борта и свалилось гулко в воду. Мы одержали победу. На палубе не было ни единого врага. Наконец-то будучи способным уделить внимание Хорьку, я поспешил к тому месту, где лежал матрос. Но, Боже Всемогущий, в каком виде застал я этого несчастливца! На него стало страшно смотреть: за свою довольно-таки короткую атаку крабы умудрились обглодать тело до костей в иных местах. Из измочаленной клешней ноги кверху торчала выломанная кость; левая рука, оторванная выше локтя, валялась в луже крови на палубе, рядом с разрубленными топором лапами краба. Живот подвергся ужасной операций: крабы буквально распороли его. И тем не менее этот человек, уже потерявший три четверти своей крови, истерзанный и объеденный, еще жил, еще шевелился, еще стонал ослабевающим голосом… Большего ужаса я не мог тогда себе представить — не ведая, что ждет нас впереди!

Когда Хорек перестал шевелиться, я с содрога-

ньем столкнул его истерзанное тело с палубы в воду. Только теперь мне пришло в голову: а как крабы забрались так высоко, прямо на корабль? Долго искать ответ не пришлось: трап оказался спущенным, да и кроме трапа с борта судна свешивались в воду здесь и там концы канатов. Всем этим запросто могли воспользоваться проклятые морские чудовища — отличающиеся, несмотря на иллюзию низкой маневренности, поразительною ловкостью.

Но стоило только поднять трап и обрубить концы висевших канатов — и мы могли быть уверены, что, по крайней мере, со стороны крабов нам уже не могла грозить опасность; и с этим делом медлить было решительно некогда. При помощи Элизы я выбрал трап и прочно его закрепил; потом обошел судно по борту и обрубил или подобрал все висевшие концы тросов.

Утром следующего дня, выйдя на палубу, я был поражен картиной, представившейся моему взору: тут валялась огромная клешня до двух метров длиной, там — осколок скорлупы в суповую чашку величиной; здесь — нога краба, отсеченная моим топором у самого корпуса морского зверя, а вот, совсем рядом — какая-то кровавая груда мяса и осколков скорлупы… Вся палуба была

забрызгана противным липким ихором — кровью крабов; повсюду вились рои мух, Бог весть откуда взявшихся — раньше мы не замечали их присутствия. На какой-то рее сидела большая белогрудая чайка и пристально, упорно смотрела на палубу и на нас, словно безмолвный свидетель происходящей драмы.

После этого в течение шести месяцев я не решался…

Здесь в рукописи опять лакуна, но сохранились отрывки слов: «третья… тылка с за… безнадежная попытка». Потом рукопись говорить о том, что Макс, Элиза и их ребенок на ночь постоянно забирались в имевшуюся на пароходе блиндированную каюту, служившую капитану «Иоланты» для сохранения драгоценных грузов, денег, документов и т. п. Ввиду отсутствия на предшествующих страницах упоминаний о ребенке остается предположить, что бедное дитя, обреченное с первого же дня жить в столь необычайных условиях, явилось на свет уже после схватки пассажиров «Иоланты» с крабами. Ребенок внес луч радости в печальное существование двух изгнанников, уже не столь одиноких, как прежде. Но зато он же, этот несчастный ребенок, привлек новые поводы для тревоги: ро-

дителям казалось, что жизни ребенка со всех сторон грозит опасность.

И снова Макс рискнул пустить в ход свой подоскаф, чтобы бросить в открытое море пятую бутылку с письмами ко внешнему миру. При этом ему пришлось проплыть мимо еще не потонувшего плота Монктона и Хорька, и вид догнивающих досок, оплетенных сеткой всползших на них водорослей, возродил воспоминания об ужасной участи, постигшей двух матросов. Один убит, и тело его сожрано его товарищем, превратившимся в людоеда; ну а другой, этот самый людоед, съеден заживо морскими чудовищами. Словно само Небо пожелало покарать его за его страшный грех, послав ему такой ужасный конец...

Дальше рукопись Макса говорит о монотонной жизни на борту «Иоланты», о том, как подрастал ребенок и как порой у его родителей возрождались надежды на спасение: однажды буря пригнала почти вплотную к пароходу остов полуразбитого парусного судна. Макс воспрянул духом: он рассчитывал воспользоваться материалом, имевшимся на этом подарке океана, чтобы соорудить большую лодку и на ней покинуть «Иоланту», уплыв к обитаемым людьми краям.

Но раньше, чем он привел в исполнение свое намерение, судно затонуло. Следом его пребывания в Саргассах осталась только кормовая доска с надписью «Джейн Грейвсбет».

После повествования об этом эпизоде рукопись содержит несколько отрывков фраз, чей смысл восстановить не удалось, а потом переходит к новой и, пожалуй, самой ужасной опасности, угрожавшей «Иоланте» и ее обитателям.

Это произошло в полдень ясного и тихого дня. Мы с Элизой находились на палубе. Элиза что-то шила, ребенок наш играл у ее ног, а я писал шестой комплект моих записей, готовясь в ближайшем будущем предпринять новое путешествие на верном подоскафе и отправить в мир весточку о наших злоключениях. Именно в это время какое-то необычайное явление на море привлекло мое внимание. Я не видел ясно, в чем дело, потому что не глядел на море, но мне показалось, что в одном месте из водорослей, словно ковром расстилавшихся на поверхности воды, влага заволновалась. Побежали круги, потом какой-то предмет тихонько выдался, всплыв из глубины, наружу — и сразу же ушел под воду. Мне он напомнил гибкую трость; заинтересовавшись этим явлением, я оставил мою работу и стал

присматриваться. Несколько минут все было спокойно. Но вот в другом месте, приблизительно в ста саженях от борта «Иоланты», вода снова забурлила, из-под покрова водорослей показалось какое-то овальное тело. Потом…

Я не верил своим глазам. Я не мог осознать явление, предстающее передо мной, и, невольно вскрикнув, тут же позвал Элизу:

— Гляди, гляди!

Рукой я указал в ту сторону, где что-то странное творилось с морем. Казалось, из воды вдруг выросла длинная, тонкая, гибкая, корявая ветвь. Сначала она держалась плашмя над поверхностью моря, касаясь тонким концом пучка водорослей; потом оторвалась от зелени и, дрожа, колыхаясь, змеясь, поднялась выше. Должно быть, она поднялась на высоту около трех-четырех сажен.

— Господи! Что это? Что это такое? — лепетала побелевшими губами моя жена.

Рядом с первою загадочною «ветвью» вскоре появилась другая. Она обвилась вокруг первой, потом обе свились в клубок и скрылись под воду. Через минуту море закипело уже в десятке сажен от нашего судна, и на нас глянули дикие, огромные, полыхавшие зеленым огнем плоские глаза

нового чудовища.

— Спрут! — вне себя от ужаса, закричал я. — Гигантский спрут!

Да, это был легендарный Кракен моряков средневековья — один подобный целому легиону чудовищ! Водоросли заметно затрудняли его маневры, мешали плыть к нам. Я зря счел ситуацию благополучной, следя за колебаниями мерзких кожистых бурдюков на этих придатках, достигавших местами и пяти-шести сажен длины — одно щупальце всплыло у самого борта «Иоланты» и грянуло о палубу, угрожающе вздувшись. Словно корявый канат, щупальце обвилось вокруг перил петлей, а за ним появилось второе, третье… И одно из них поползло по палубе, словно зрячее, дотошно ощупывая дощатый настил. Миг, и оно достало бы до нашего беззаботно игравшего на полу ребенка! Но в это мгновенье Белла, наша верная собака, неподкупный и самоотверженный друг, с лаем бросилась вперед и загородила собой дитя. Тут уже и я очнулся от охватившего меня оцепенения, бросившись на помощь Белле. Ударом топора я отсек большой кусок щупальца, достигавший величины не менее двух метров. Ко мне потянулась пара других придатков, но я уже бежал прочь с палубы, сознавая полную

бесплодность борьбы с титаном, способным в одиночку обступить судно со всех сторон. Элиза еще раньше успела схватить нашего ребенка и убежать в каюту; Белла бежала с ними. Буквально скатившись по крутой лестнице в коридор с чередою дверей в каюты, я едва успел захлопнуть люк, как что-то со страшной силой грянулось о него и доски вокруг жерла затрещали самым недвусмысленным образом. Я предвидел, что люк не выдержит напора; но у нас осталось еще одно средство спасения — наша блиндированная каюта. И вот мы забрались в нее и притихли — а на палубе, очевидно, творилось что-то ужасное. Там что-то трещало, с грохотом падало, разбивалось; весь корпус парохода содрогался. Может быть, меня обманывали мои чувства, но я готов был поклясться, что судно кренилось то на один, то на другой борт. Казалось, оно погружается в воду под непомерно чудовищной тяжестью! Не ведаю, что это могло быть! Единственное идущее мне на ум объяснение: спрут забросил изрядную долю своей туши прямо на злополучный пароход в поисках отверстия, ведущего внутрь посудины. Кажется невероятным? Но все пережитое нами на борту «Иоланты» столь же фантастично, невероятно!

Мы просидели в нашей блиндированной ка-

юте три дня и три ночи в полной темноте. Мы буквально сходили с ума от ужаса и осознания своей полной беспомощности в борьбе с этим новым врагом, всплывшим на поверхность моря из неведомых глубин. Казалось, что спрут чует наше присутствие и берет нас измором. К концу третьих суток я не выдержал и, вооружившись топором, выбрался из каюты. Палуба представляла собой странную картину: будто шторм пронесся над судном и перевернул все вверх дном. Бортовые перила были во многих местах сорваны, причем оказались покореженными и согнутыми толстейшие железные штанги. Люк грузового трюма также был сорван и разбит вдребезги. Сам трюм был полон обломков разбитых ящиков и растрепанных тюков хлопчатобумажной массы. В двух или трех пассажирских каютах выдавлены двери, выбиты массивные стекла круглых окон. В кают-компании сорван с места и разбит огромный буфет, и осколки посуды усеяли весь пол. Но спрут, всласть поглумившись над судном, оставил-таки его в покое. Я тщетно оглядывал морскую поверхность поблизости — не было ни следа его присутствия… И только одно, быть может, указывало на недавнюю атаку чудовища — плот Монктона и Хорька, что все это время

качался на водорослевой массе внизу, исчез.

С тех пор прошло десять месяцев. Мы до того напуганы всем пережитым, что уже никогда не остаемся на палубе, глядя по очереди на море, и убегаем в нашу блиндированную каюту при малейшем подозрительном движении воды. Нам все чудится, что морские твари подкрадываются к судну, подстерегая нас, чтобы всплыть сразу и броситься на абордаж. И Белла, по-видимому, разделяет нашу тревогу: верная собака время от времени навостряет уши, ее шерсть становится дыбом, а глаза наливаются кровью. Упорно глядя на море, Белла хрипло лает, словно предупреждая нас о грозящей опасности…

Но мы по-прежнему не теряем надежды на помощь извне. Сегодня я бросаю в море эту седьмую бутылку, доверяя ей написанную мною повесть о наших испытаниях. О, Боже! Неужели же Ты не сжалишься над нами и не пошлешь нам избавления? Если Ты караешь нас за наши прегрешения, то за что же Ты губишь еще и наше ни в чем не повинное дитя?

Но нет, нет! Спасение еще возможно!

Оно еще придет к нам.

Нужно только ждать…

* * *

Конец рукописи настолько сильно пострадал, что разобрать ничего нельзя. Морские власти всего мира в данное время заняты наведением справок по данному вопросу. Прежде всего пытаются установить, что это за пароход «Иоланта», упоминаемый в записях Макса. Пока что установлено, что бразильский пароход «Иоланта Диас» действительно пропал без вести около пяти лет тому назад. Но, по всем признакам, он разбился и затонул у берегов Бразилии, а не унесен в беспредельный простор океана. Есть еще итальянский пароход с таким же названием, совершавший рейсы между портами Средиземного моря и портами Аргентины — он сгорел, как официально установлено, в гавани Буэнос-Айреса, причем вся команда спаслась, а пассажиров на пароходе не имелось.

Правда, за эти пять-шесть лет пропало без вести немало разнообразнейших судов. Но покуда не удалось установить хотя бы по отношению к какому-либо из них, чтобы оно носило название «Иоланта» и, главное, могло быть покинутым экипажем в тех широтах, где, по описанию Макса, произошла указываемая катастрофа.

Бразильское и аргентинское правительства по взаимному соглашению намерены отправить на поиски «Иоланты» для спасения ее пассажиров маленькую экспедицию, для чего уже снаряжаются военные крейсеры «Либертадор» и «Генерал Мариани». Результаты исследования Саргассов могут быть опубликованы не раньше осени текущего года.

Поживем — увидим...

Жители острова Миддл

— А вот и он, окаянный, — бросил старый китобой моему другу Тренгорну, когда шхуна медленно огибала остров Найтингейл. Старик тыкал чубуком черной глиняной трубки на маленький клочок земли по правому борту. — Это, сэр, — продолжил он, — остров Миддл, и скоро мы зайдем в бухту. Имейте в виду, сэр, я не утверждаю, что искомая посудина до сих пор там, а если она там, имейте в виду, я сразу предупредил: когда мы поднялись на борт, там ни души не было. — Он закусил мундштук зубами, сделал пару медленных затяжек, пока мы с Тренгорном разглядывали маленький островок через бинокли.

Итак, место действия — Южная Атлантика. Далеко на севере смутно маячила мрачная, обветренная вершина острова Тристан, крупнейшего из группы островов Да Кунья; в то время как на горизонте к западу мы могли смутно различить Неприступный остров. Однако и то и другое не представляло для нас особого интереса. Наше внимание было приковано к островку Миддл, сразу за Найтингейлом.

Ветер особо не ярился, и шхуна медленно про-

двигалась по темно-коричневой воде. Я видел, что моего друга мучает нетерпение узнать, по-прежнему ли в бухте находится остов судна, везшего его возлюбленную. Что до меня, то, несмотря на сильное любопытство, мой ум был недостаточно отвлечен, чтобы не испытывать легкого удивления насчет странного совпадения, инициировавшего наши нынешние поиски. В течение долгих шести месяцев Тренгорн тщетно ждал вестей о счастливом возвращении девушки, отплывшей к берегам Австралии, чтобы поправить здоровье. Однако вести не приходили, и общество уже успело мысленно похоронить бедняжку — все, кроме Тренгорна. В отчаянии этот малый предпринял последнюю попытку — разослал рекламные объявления во все крупнейшие газеты мира, и эта мера принесла определенный успех старому китобою, стоявшему сейчас рядом с ним. Этот человек, привлеченный предложенной наградой, добровольно поделился сведениями о найденном им судне без мачт, с названием, читавшимся на носу и корме: «Счастливое возвращение». Корабль стоял в уединенной бухте на южной стороне острова Миддл. Но даже эта находка не могла дать моему другу никакой надежды найти свою потерянную любовь: старый китобой

поднимался туда вместе со своими подручными и установил, что корабль заброшен и безлюден. «И минуты там, впрочем, не пробыл», — оговорился старик. Теперь я склонен думать, что на него, должно быть, бессознательно произвели впечатление невыразимое одиночество и атмосфера неизвестности, пропитавшие судно. Вскорости мы и сами испытали это на себе; и следующее замечание китобоя стало доказательством того, что я был прав в своем предположении.

— Никто из нас не хотел с этой посудиной связываться. Она не очень-то хорошо нас встретила, знаете ли. Шибко чистая и опрятная, как на мой взгляд…

— Что вы имеете в виду, говоря «шибко чистая и опрятная»? — спросил я, озадаченный его манерой выражаться.

— Ну, — ответил он, — такой она и была. Выглядела так, будто команда только-только ее покинула и может вернуться с минуты на минуту. Вы поймете, что я имею в виду, сэр, когда окажетесь на ее борту. — Он с умным видом покачал головой и снова принялся мочалить в зубах свою трубку.

Я с сомнением посмотрел на него, затем повернулся и взглянул на Тренгорна, но было очевидно,

что он не обратил внимания на последние слова старого моряка. Он был слишком поглощен разглядыванием маленького острова в подзорную трубу. Внезапно он вскрикнул и повернулся к старому китобою.

— Быстрее, Уильямс! — сказал он. — Это ведь то самое место? — Он навел подзорную трубу. Уильямс прикрыл глаза ладонью и всмотрелся.

— Оно, сэр, — ответил он после минутной паузы.

— Но… но где же корабль? — дрожащим голосом спросил мой друг. — Не вижу никаких следов его присутствия. — Он схватил Уильямса за руку и с внезапным испугом потряс ее.

— Все в порядке, сэр! — воскликнул Уильямс. — Мы еще не так далеко от берега, чтобы увидать ту бухту. Надобно смотреть с устья… Потерпите еще минутку.

При этих словах Тренгорн отпустил руку старика; лицо его немного прояснилось, но все же он был очень встревожен. С минуту он держался за поручень, словно ища поддержки, затем повернулся ко мне.

— Геншоу, — сказал он, — меня всего трясет, и я… я…

— Ну-ну, старина, — ответил я и взял его под ру-

ку. Затем, думая хоть как-то занять его внимание, я предложил ему распорядиться, чтобы приготовили к спуску одну из шлюпок. Он так и сделал, а затем мы еще какое-то время осматривали узкий проход между скалами. Постепенно, по мере того как мы приближались, я понял, что он уходит вглубь острова на значительное расстояние. Наконец, вдали, в тени бухты, что-то показалось мне — похожее на корму корабля, выступающую из-за высоких стен скалистой впадины. Это зрелище, уж вы поверьте, взволновало меня ничуть не меньше, чем друга.

Лодка была спущена на воду, и мы с Тренгорном, командой лодки и старым китобоем-рулевым направились прямо к этой расщелине на побережье острова Миддл. Вскоре мы оказались среди широкого пояса водорослей, окружавшего островок, и через пару минут скользнули в прозрачные темные воды бухты. Скалы вздымались суровыми неприступными стенами по обе стороны от нас, практически сходясь в вышине далеко над головами.

За несколько секунд мы миновали проход и оказались в маленьком круглом озере. Со всех сторон его окружали мрачные утесы, вздымаясь на высоту около ста футов. Казалось, мы смотрим

вверх со дна гигантской ямы. Однако в тот момент мы мало что заметили из этого, потому что проходили под кормой судна, и, взглянув вверх, я прочел белые литеры:

«Счастливое возвращение».

Я повернулся к Тренгорну. Он весь побелел, пальцами выкручивая пуговицы пиджака, и дышал прерывисто. В следующее мгновение Уильямс подвел нас к борту «Счастливого возвращения», осторожно причалил шлюпку, и мы вскарабкались по штормтрапу.

Когда мы шли по палубе, наши шаги отдавались глухим звуком, свидетельствовавшим об опустошении; в то время как наши голоса, когда мы разговаривали, казалось, отражались эхом от окружающих скал, порождая странный звон. Немудрено, что мы перешли на шепот. Я потихоньку начинал понимать, что имел в виду Уильямс, говоря, что корабль «не очень-то хорошо встречает» новых гостей.

— Видите, — сказал китобой, замерев через несколько шагов, — какая она чистенькая и аккуратненькая, эта посудина. Это же неестественно. — Он махнул рукой в сторону мебели, расставленной на палубе. — Все выглядит так, будто судно только что отправилось из порта, а

ведь порта-то и нет.

Он продолжил свой путь на корму, по-прежнему держась впереди. Все было так, как он сказал. Хотя мачты и шлюпки с судна исчезли, оно было необычайно опрятным и чистым. Канаты — те, что остались, — аккуратными кольцами красовались на штырях, и нигде мне на глаза не попалось ни песчинки, ни соринки. Тренгорн осознал все это единовременно со мной, и теперь схватил меня за плечо в поспешном нервном порыве.

— Взгляни-ка на весь этот порядок, Геншоу, — взволнованно прошептал он. — Знаешь, что он означает? А то, что кто-то еще был жив, когда судно застряло здесь. — Он замолчал, будто переводя дыхание. — Они могут быть… могут быть… — Он вновь умолк и указал на палубу, не договорив.

— Внизу? — уточнил я, стараясь хранить бодрый тон.

Он кивнул. Его глаза изучали мое лицо, как будто он хотел найти в нем оправдание для внезапно вспыхнувшей надежды. Затем раздался голос Уильямса; тот стоял на трапе.

— Пойдемте, сэр. Один я вниз спускаться не стану.

— Да, пойдем, Тренгорн! — воскликнул я. — Сейчас сами все разведаем.

Мы вместе добрались до трапа, и он жестом пригласил меня идти вперед. Бедолага весь дрожал. У подножия лестницы Уильямс на миг остановился, затем повернул налево и вошел в кают-компанию.

Встав в дверном проеме, я изумился необычайной чистоте этого места. Никаких признаков спешки или раздрая. Все на своих местах — как будто горничная только что прибралась здесь, протерла стол и приборы. Однако, насколько мы знали, судно простояло здесь без мачт по меньшей мере пять месяцев.

— Они где-то здесь! *Должны быть* где-то здесь! — лихорадочно бормотал Тренгорн себе под нос. Я, конечно, помнил утверждение Уильямса о том, что он и в свой визит застал точно такой же порядок, но не мог не испытывать сомнений.

Китобой прошел к правому борту кают-компании, и я увидел, что он возится с одной из дверей. Она подалась под его рукой, и тогда он повернулся и поманил Тренгорна.

— Смотрите, сэр, — произнес он. — Это, полагаю, каюта вашей юной леди. Вижу, там на столе разложены всякие женские штучки… — Он не договорил, потому что Тренгорн одним прыжком

пересек салон и схватил его за шею и за руку.

— Как ты смеешь… осквернять!.. — Рыча, словно дикий пес, он выволок китобоя из маленькой каюты. — Как… как! — выдохнул он и наклонился, чтобы поднять щетку для волос с серебряной отделкой — Уильямс выронил ее при неожиданном нападении.

— Не обижайтесь, мистер, — ответил старый китобой удивленным голосом, с вполне различимой ноткой праведного гнева. — Не обижайтесь. Я не собирался красть эту чертову штуку. — Он провел ладонью по рукаву своего пиджака и взглянул на меня, как будто хотел, чтобы я засвидетельствовал правдивость его заявления. Но я едва расслышал, что он сказал, потому что услышал, как мой друг судорожно ахнул в каюте своей возлюбленной — в страхе и замешательстве, но еще и с облегчением. Секунду спустя он ворвался в кают-компанию; в руке он держал перекидной календарь. Он повернул его так, чтобы была видна дата:

— Смотрите все!

Едва различив скачущие перед глазами цифры на белом листке, я и сам вмиг порядком опешил — число значилось *сегодняшнее.*

— Ну ничего себе, — вырвалось у меня. — Боже

праведный! Не может такого быть. Явно тут какая-то ошибка, случайность…

— Не говори так, Геншоу! — крикнул мне в лицо Тренгорн. — Подобных совпадений не бывает! Она здесь! Она жива, и я найду ее! — Он резко замолчал — и затем, после небольшой странной паузы, воскликнул: — О, Господь, просто дай мне возможность найти ее! — Потом он резко повернулся к Уильямсу.

— Какое число было на календаре? Быстрее, ну!

Уильямс непонимающе уставился на него.

— Будьте прокляты! — взревел мой друг. — Я про то, когда вы видели его в прошлый раз — вы должны были запомнить число!

— Сей благословенный календарь я вижу впервые, сэр, — ответил китобой наконец. — Мы с моими ребятами, повторюсь, так и не задержались тогда на борту.

— Боже мой, — воскликнул Тренгорн, — как жаль! О, как же ужасно жаль! — Оттеснив нас плечами, он рванулся к выходу из кают-компании, но у самых дверей обернулся.

— Пошли! Отыщем ее! Она где-то здесь! Они все прячутся от нас… Ищите!

И мы стали искать, как он и велел. И хотя мы

обошли весь корабль от кормы до носа, нигде не попалось нам никаких признаков жизни. И все же, повсюду тут царил идеальный порядок, а не хаос, как на заброшенных кораблях. Более того, когда мы переходили с места на место, из каюты в каюту, у меня возникало навязчивое ощущение, будто жильцы все еще где-то здесь.

Вскоре мы закончили поиски и, не найдя ничего и никого, озадаченно уставились друг на друга, не находя слова. Уильямс нашелся первым:

— Все так, как я и сказал вам, сэр. На борту ни души.

На это Тренгорн ничего не ответил, и через минуту Уильямс заговорил снова.

— Скоро стемнеет, сэр, и нам нужно убираться из этого места, пока еще солнце видно.

Я согласно закивал, а Тренгорн спросил у Уильямса:

— Когда вы впервые обнаружили судно, у него на борту имелись шлюпки?

Получив отрицательный ответ, он впал в глубокую безмолвную задумчивость.

Немного погодя я осмелился обратить его внимание на то, что Уильямс очень резонно предложил вернуться в наш «плавучий штаб» до темноты. На это мой товарищ рассеянно кивнул

в знак согласия и направился к борту, а мы с Уильямсом последовали за ним. Через минуту мы уже были в лодке, идя через открытое море.

Всю ночь шхуна дрейфовала по бухте; не подыскав безопасной якорной стоянки, наш проводник Уильямс решил не ставить ее на прикол. Тренгорн намеревался завтра сойти на остров Миддл и поискать там следы пропавшей команды «Счастливого возвращения». Если и это ничего не даст, он собирался развернуть поиски на острове Найтингейл и на мелком островке Столтенкофф, прежде чем оставить все надежды.

Первую часть своего плана он начал приводить в исполнение, как только рассвело, ибо его нетерпение было слишком велико, чтобы позволить ждать дольше. Однако, прежде чем мы высадились на островок, он попросил Уильямса завести лодку в бухту. Оказалось, мой друг предполагал — часть его убежденности передалась и мне, — что может застать команду и свою возлюбленную вернувшимися на судно. Тренгорн предположил, не сводя с меня глаз в поисках одобрения, что накануне они отсутствовали из-за того, что собирали на острове подножный провиант. Вспомнив про дату на календаре, я смог вложить в ответный взгляд капельку одобрения.

Не будь той маленькой детали, я бы мало что смог сделать для него.

Мы вновь проскользнули в большое ущелье через скальный проход. В серой утренней мгле брошенное судно казалось призрачно-расплывчатым пятном на темном фоне, но тогда мы мало что замечали — тревога и надежда Тренгорна, бьющие из него ключом, делались заразительными. Именно он повел нас вниз, в полумрак кают-компании. Оказавшись там, мы с Уильямсом застыли в нерешительности, испытывая вполне объяснимое благоговение. Тренгорн тем временем направился к двери комнаты своей возлюбленной. Он поднял руку и постучал, и в наступившей тишине я услышал, как громко и быстро бьется мое сердце. Ответа не последовало, и он снова постучал костяшками пальцев по панели — звуки гулко отдавались в пустом салоне и каютах. Мне едва не сделалось дурно от столь напряженного ожидания, но тут мой друг резко взялся за ручку, повернул ее и широко распахнул дверь. Я услышал, как он издал что-то вроде стона. Маленькая каюта была пуста. К нам Тренгорн вышел, держа в руках все тот же маленький перекидной календарь; подбежав ко мне, он с нечленораздельным восклицанием

сунул его мне в руки.

Я опустил взгляд. Когда Тренгорн показывал его мне накануне, стояло двадцать седьмое число, это я хорошо запомнил.

А теперь оно оказалось изменено на двадцать восьмое.

— Что это значит, Геншоу? Что все это значит? — беспомощно спросил мой друг.

Я покачал головой.

— Ты уверен, что не изменил его вчера случайно?

— Я *совершенно* уверен! — отрезал он. — Во что они с нами играют? Чертовщина какая-то! В этом нет никакого смысла! — Он помолчал, переведя дух, затем в точности повторил уже озвученный вопрос: — Что это значит?

— Бог знает, — пробормотал я. — Я в тупике.

— По-вашему, кто-то был здесь после вчерашнего? — подал голос Уильямс.

Я кивнул.

— Тогда, мой добрый сэр, — отозвался китобой, — это какие-то призраки.

— Не болтайте вздор, Уильямс! — крикнул мой друг, свирепо поворачиваясь к нему.

Старик, ничего не сказав, молча направился к двери.

— Куда же вы? — жалобно окликнул я.

— На палубу, сэр, — бросил он. — Я много что готов снести в путешествиях по морю, но призраки — это уже чересчур! — Он захлопнул за собой дверь, и я услышал, как под его весом скрипят ступени трапа. Я оглянулся на своего друга — тот, казалось, был всецело поглощен собственными мыслями. Потом Тренгорн поднял на меня шальные глаза и заговорил почти спокойно:

— Послушай, они тут, на борту, не живут. Ясно как божий день. У них есть какая-то причина держаться подальше от корабля. Они где-то прячутся — возможно, в пещере.

— А как же календарь? Что про него скажешь?

— Есть одна идея. Думаю, они приходят сюда только ночью. Есть какая-то угроза, что отпугивает их днем. Возможно, какой-нибудь дикий зверь или что-то в этом роде. Если бы не он, их можно было бы увидеть днем.

Я покачал головой. Его догадки звучали невероятно. Если что-то может достать тебя на борту судна, окруженного морем и высокими скалами, значит, во всем этом мире нет для тебя безопасных мест. Кроме того, можно прятаться в трюме — что смогло бы настичь их там? Приходили на ум и другие контраргументы — в конце концов, я

прекрасно знал, что на этих островах не водится никаких диких зверей. Очевидно, объяснение другое… И все же кто-то перелистывал календарь и содержал судно в порядке. Все концы терялись во мгле — казалось бесполезным применять к проблеме какой-либо здравый смысл.

— Что ж, — снова обратился я к Тренгорну, — здесь никого нет, и, в конце концов, в том, что ты говоришь, может быть, что-то и есть; хотя — будь я проклят, если могу что-то понять.

Мы покинули кают-компанию и поднялись на палубу; прошли вперед и заглянули в кубрик, но, как я и ожидал, ничего не нашли. После этого мы сели в лодку и продолжили наши поиски на острове Миддл. Пришлось выйти из бухты и немного обогнуть побережье, чтобы найти подходящее место для высадки.

Сойдя на берег, мы оттащили лодку в безопасное место и оговорили порядок поисков. Мы с Уильямсом планировали идти вдоль побережья в противоположных направлениях, пока не встретимся, осматривая по пути все попадающиеся пещеры и гроты. Тренгорн, в свою очередь, должен был подняться на вершину и осмотреть остров оттуда.

Мы с Уильямсом выполнили свою часть работы

быстро и встретились невдалеке от того места, где вытащили лодку. Китобой ничего не нашел, как и я. Более того, куда-то от нас умудрился запропаститься Тренгорн, и вскоре, устав ждать его появления, я попросил старика остаться у лодки, а сам поднялся на вершину искать друга. Совершив восхождение не без труда, я обнаружил, что стою на краю огромной ямы — на одной из скал, взявших в кольцо покинутое судно. Я огляделся и увидел, что мой друг лежит на животе, свесив голову над краем пропасти, и, очевидно, смотрит вниз, на остов.

— Тренгорн! — тихо позвал я, не желая его пугать. Он поднял голову и посмотрел в мою сторону; увидев меня, он поманил меня к себе, и я поспешил к нему.

— Присядь, — сказал он тихим голосом. — Хочу, чтобы ты посмотрел…

Опустившись рядом с ним на корточки, я бросил быстрый взгляд на его лицо, безумно бледное. Затем я наклонился над краем и уставился в мрачную глубину внизу.

— Видишь? — спросил он, все еще придерживаясь тона чуть громче шепота.

— Нет, — ответил я. — А где?..

— Там, — бросил он, указывая. — В воде по пра-

вому борту «Счастливого возвращения».

Посмотрев в указанном направлении, я разглядел в воде недалеко от места крушения несколько бледных предметов овальной формы.

— Рыбы, кажется, — пробормотал я. — Какие странные!

— Нет! — отрезал он. — Это лица!

— Что?..

– *Лица!*

Я распрямил спину и посмотрел на него сверху вниз.

— Мой дорогой Тренгорн, ты явно переутомился. Тебе прекрасно известно, что нет во всем мире человека, кто больше, чем я, сочувствует твоему горю, но…

— Смотри, — перебил он, — они движутся, они наблюдают за нами! — Он говорил тихо, совершенно не обращая внимания на мой протест.

Я снова наклонился вперед — и посмотрел. Как он и сказал, они двигались, и пока я вглядывался, меня осенила внезапная идея. Я резко встал и воскликнул:

— Погоди-ка!

— Чего ты кричишь? — спросил мой друг усталым голосом, не поднимая лица.

— Меня посетила идея. Если я прав, можно по-

нять, почему все покинули корабль. Как странно, что я об этом раньше не подумал! Эти штуки внизу… те, что ты назвал «лицами»… это же присоски на щупальцах какой-то гигантской морской твари — Кракена, спрута! Вот, подумай-ка — монстр обитает в бухте, плавает под водой возле корабля, и люди, естественно, стараются держаться от нее подальше. Может быть, кого-то из экипажа она и сожрала — все остальные, и среди них твоя ненаглядная, прячутся, время от времени посылая на борт за съестными припасами добровольцев. В одиночку ведь легче пройти незамеченным мимо подводного дьявола!

К тому времени, как я закончил объяснять свое решение загадки, Тренгорн уже был на ногах. В его глазах снова появилось здравомыслие, а на бледных щеках проступил румянец от едва сдерживаемого возбуждения.

— Но… но… зачем вести календарь? — робко спросил он.

— Ну, они могут отважиться подняться на борт ночью или при определенных условиях прилива, когда, возможно, опасность, по их разумению, невелика. Я, сам понимаешь, не могу сказать наверняка, но это кажется вероятным… и что может быть естественнее, чем вести счет дням?

Возможно, это сама твоя возлюбленная считает дни с тех пор, как судьба жестоко разлучила вас!

Я повернулся и еще раз заглянул за край обрыва; белые силуэты в воде исчезли. И тут Тренгорн потянул меня за руку.

— Пойдем, Геншоу, пойдем. Мы сейчас же вернемся на шхуну и возьмем какое-нибудь оружие. Гарпун сойдет! Я собираюсь прикончить этого негодяя-спрута, если он появится.

Через час мы были уже на борту «Счастливого возвращения» с полутора десятками матросов, вооруженных пиками, острогами и ружьями. До вечера мы все толпились возле бортов, разглядывая водную гладь бухты в бинокли или просто из-под руки. С приходом сумерек суеверные моряки возроптали и заявили Уильямсу, что не намерены оставаться на борту этого «плавучего склепа» на ночь.

— В море без суеверий никак, — проворчал Уиль ямс. Сам старый китобой тоже не особо хотел оставаться с нами. Уильямс не скрывал своих беспочвенных опасений, а мне, человеку высокой культуры, они были, вроде как, не положены. Однако же и я не плясал от радости, когда Тренгорн предложил мне заночевать на «Счастливом возвращении». Видимо, заметив

мои колебания, он предложил провести ночь в его компании настолько насмешливым тоном, что я понял: он намерен поставить на кон все, даже нашу с ним добрую дружбу.

Мы устроились на ночлег в кают-компании, разложив на длинном столе матросские тюфяки. В салоне по обоюдному молчаливому согласию решили не курить, поэтому дружно выходили через каждые полчаса на палубу подымить трубкой. И на палубе и внизу, в салоне, мы ни на минуту не забывали о цели нашего дежурства. Наши нервы были напряжены, мы постоянно прислушивались к голосу океана, но ничего, кроме гула прибоя, разбивающегося о скалы бухты, до нашего слуха не доносилось. Мы постоянно держали ружья наготове.

И в бухте, и на корабле все дышало спокойствием, но оба мы невольно вздрогнули, когда Тренгорн, пытаясь закурить, упустил оружие из рук. Вороненый ствол грянул о палубу, породив в колодце бухты такое эхо, что нам показалось, словно со скал рычит на нас стая диких зверей. Луна ушла за тучи, и над морем стало совсем темно. Сейчас, наверное, над островом вставал туман, затянув горловину ущелья. Когда продолжать дежурство на палубе стало совсем уж

бесполезно, мы оба спустились вниз.

В эти часы у меня появилось время, чтобы обдумать складывающуюся ситуацию. Я пребывал в постоянном ожидании чего-то страшного, однако этот страх почему-то не имел никакого отношения к потенциально близкому к нам чудовищному спруту из бухты. Нет, я страшился чего-то другого, вот только сам не ведал чего.

В таком состоянии не находишь себе места. Лучше всего попытаться заснуть. Поэтому, когда Тренгорн вызвался дежурить первым, я не стал возражать и полез на стол, где меня ожидал жесткий матросский тюфяк. Мой товарищ уселся за тот же стол, у меня в ногах, поставив между колен приклад ружья. Он притушил газовый светильник на стене, и теперь мы дышали удушливой атмосферой страха в полумраке.

Мало-помалу меня окутала дрема, и пришел сон, показавшийся мне более ярким, чем любое из переживаний сегодняшнего дня. Мне приснилось, будто Тренгорн прислушался к чему-то и вскочил на ноги. Мгновением позже и до моих ушей долетел тот голос, который взволновал моего друга, — нежный, переливчатый призыв.

— Трен! Трен! — доносился из-за двери в кают-компанию женский голос.

Мне приснилось, что я повернул голову и увидел в черном дверном проеме прекрасное лицо с лучистыми завораживающими глазами…

— Ангел Господень, — прошептал я сквозь дремоту — и тут же понял, что передо мной стояла невеста Тренгорна. Я же видел ее несколько раз — в том числе и накануне отплытия — и, должен сказать, такую красоту непросто выбросить из головы. Меня, джентльмена по натуре, совершенно не смутила ее сияющая нагота — что ж, придется списать это на причуды и туманную логику сна. Друг мой тем временем положил ружье у моих ног — и встал, уже протягивая к ненаглядной руки.

Я услышал, как она прошептала: «Иди сюда!» — и затем он оказался рядом с ней. Нагая гостья заключила его в объятия, и затем они вместе вышли через дверной проем. Я услышал его поступь на лестнице, и после этого мой сон стал пустым, без сновидений.

Пробуждение было ужасным: с палубы донесся дикий вопль. Ничего не соображая со сна, я вскочил с тюфяка и, запутавшись в нем, скатился на пол. С полминуты я сидел там, на полу, оцепеневший, завороженный липким страхом, не в силах пошевелить и пальцем. Но больше ни-

кто не кричал, и ступор мало-помалу отступил. Газовый рожок совсем погас, и помещение кают-компании освещал только падавший сквозь застекленную крышу мягкий предутренний свет еще не взошедшего солнца. Его было как раз достаточно, чтобы показать мне: Тренгорна рядом нет. Его ружье лежало на столе — точно там, где он оставил его в моем сне. Я громко позвал его по имени, но единственным ответом мне послужило глухое, призрачное эхо, пробежавшее по галерее окружающих пустующих кают. Тогда я бросился к двери и поднялся по трапу на палубу. Здесь, в мрачных сумерках, я оглядел пустой настил и бухты аккуратно сложенного такелажа — моего друга здесь не было. Я повысил голос, закричал во всю мощь легких… Мрачные, грозно нависающие скалы подхватили это имя и повторили его тысячу раз, пока мне не начало казаться, что голосит целая армия демонов. «Тренгорн! Тренгорн! Тренгорн!» — неслось из окружающего мрака. Я подбежал к левому борту и оглянулся — ничего! Бросился к правому — мои глаза что-то уловили в воде — целый сонм существ, плававших у самой поверхности. Я пригляделся, и сердце у меня в груди вдруг попросту *встало*. Я смотрел на множество бледных, отрешенных лиц, взиравших на

меня в ответ печальными глазами. Казалось, что они покачиваются на воде, но в остальном никакого движения не было. Должно быть, я простоял так очень долго, потому что внезапно услышал плеск весел и не сообразил, какому миру этот звук принадлежит. А шлюпка тем временем уже огибала судно с другой стороны.

— Там, на носу, — услышал я крик Уильямса. — Вот и мы, сэр! — Лодка заскрежетала о борт. — Как у вас... — Тут мне показалось, что я увидел, как что-то стремительно ползет ко мне по палубе, мерзко, нечеловечески пресмыкаясь, и я вскрикнул и прыгнул к шлюпке — прямо на поручни.

— Отчаливаем! Отчаливаем! — закричал я и подхватил одно из весел.

— А как же мистер Тренгорн, сэр? — недоумевающе спросил Уильямс.

— Полагаю, он мертв! — крикнул я. — Ну же, отчаливаем!

Матросы, заразившись моим страхом, стали толкать и грести, покуда через несколько мгновений мы не оказались в нескольких десятках ярдов от «Счастливого возвращения». На мгновение славно набранная скорость сбилась.

— Уильямс, не мешкаем! — завопил я, обезумев от ужаса. — Прочь, прочь!

Пожав плечами, китобой повернул к проходу в открытое море. Мы проплыли мимо кормы брошенного судна, и я в последний раз поднял глаза на эту нависавшую над нами зловещую громаду. У гакаборта стояла женщина — болезненно бледная и нагая; с красивого лица с тонкими нежными чертами на меня невыразимо печально взирали темные глаза. Я узнал невесту Тренгорна — увидели ее и матросы. Они бросили грести, переглядываясь и косясь на меня с явным недоумением.

— Значит, вы все-таки нашли леди? — спросил Уильямс. — Ну, знаете ли, сэр, оно как-то неправильно, не по-божески, будет ее здесь броса…

И в это мгновение, так и не закончив фразы, старый китобой закричал.

Закричали матросы.

Закричал и я, потому что женщина протянула к нам руки…

Нет, не руки — *щупальца* с бескостными, беспрестанно сплетающимися когтистыми отростками вместо пальцев.

Я отшатнулся, соскользнул спиной вперед со скамьи и ударился затылком о дубовый борт шлюпки. Последнее, что я услышал перед тем, как потерять сознание, был хриплый от ужаса голос

старого китобоя, механически командовавший:

— Ходу! Ходу! *Ходу!..*

Изолянт

— Все дело в материи, — сказал старый судовой врач, — в материи плюс в условиях. Ну и, может быть, — медленно добавил он, — в третьем факторе. Да, в третьем — но там, там… — Он оборвал свою загадочную фразу и взялся набивать трубку.

— Продолжайте, доктор, — сказали мы ободряюще и с большим нетерпением. Собрание проходило в курительной комнате «Санд-а-Лия», пересекавшего Северную Атлантику; доктор казался всем поистине замечательным персонажем. Закончив набивать трубку, он закурил и устроился поудобнее.

— Материя, — авторитетно сообщил он нам, — неизбежно выступает манифестом любой жизни — так сказать, точкой опоры, позволяющей проявить себя, выразить в определенной форме, понятной и очевидной для нас. Столь велика роль материи в создании того, что мы называем жизнью — алчно ищущей любые пути к проявлению, — что я однозначно убежден: при надлежащем стечении обстоятельств ожил бы и такой безблагодатный материал, как деревян-

ный чурбачок. Ибо, говорю я вам, джентльмены, жизненная сила столь же неистово настойчива и столь же неизбирательна, как разрушителен огонь! Сущность жизни хаотична, но иные из наших «светлых умов» только сейчас начинают до этой истины доходить. Здесь впору усмотреть некий кажущийся парадокс, — подытожил он, качая старой седой головой.

— Да, доктор, — сказал я. — Вкратце, ваш аргумент заключается в том, что жизнь — это вещь, состояние, факт или элемент… называйте это как хотите… для чьего проявления и нужна вся окружающая нас материя. Сойдутся некие факторы, выстроятся условия — и вот она, жизнь. Другими словами, она — продукт эволюции, проявленный в материи и заданный условиями, так?

— В той мере, в какой мы понимаем мир, — так, — проговорил старый доктор. — Хотя, имейте ввиду — может существовать и третий фактор. Но в глубине души я верю, что это вопрос химии — условий и подходящей среды. При определенных условиях этот монстр по имени Жизнь может сделаться настолько могучим, что вберет в себя все, через что сумеет проявить себя. «Сила, порожденная определенными условиями» — хорошее определение; однако же, само по себе оно

ничего не объясняет. Ровно так же в названиях «электричество» и «огонь» нет никакой поясняющей информации — это просто термины. Все три эти силы относятся к внешним силам — великим Чудовищам Пустоты. Ничто из того, что мы можем сделать, не создаст ни одного из них — наша сила лишь в том, чтобы, создав условия, сделать каждое из них доступным нашим физическим ощущениям. Я ясно говорю?

— Да, доктор, в каком-то смысле вы правы, — сказал я. — Но я с вами не согласен, хотя, кажется, понимаю вас. Электричество и огонь — это то, что я мог бы назвать естественными явлениями, но жизнь — это нечто абстрактное, своего рода всепроникающее бодрствование. О, я не могу этого объяснить! Кто бы мог? Жизнь духовна! Она — не просто порождение каких-то условий, вроде огня или электричества, приведенных вами в пример. Какая, право, циничная аналогия! Жизнь — своего рода исполненное духа таинство…

— Мой мальчик! — Старый доктор усмехнулся в усы. — Может, вы продемонстрируете мне таинства духа у моллюска или, скажем, краба? Я бы с удовольствием посмотрел! — Он одарил меня язвительной ухмылкой. — В любом случае, думаю, вы все уже догадались, что у меня в запасе

история, подтверждающая гипотезу, что жизнь — не большее таинство или чудо, чем огонь или электричество. Но, пожалуйста, помните, джентльмены, что, поскольку нам удалось назвать и эффективно использовать эти две силы, они остаются такими же загадочными, как и прежде. То, что я собираюсь вам поведать, не объяснит тайну жизни, а лишь прояснит один из прецедентов, на каковой я опираюсь в своем ощущении, что жизнь — это, как я уже сказал, сила, проявляемая в определенных условиях, путем естественной химии. Она может использовать для своих целей и нужд самую неподходящую материю, ибо без материи не способна возникнуть и проявиться…

— Я не согласен с вами, доктор, — перебил я. — Ваша теория разрушила бы всякую веру в жизнь после смерти. Это было бы…

— Тише, сынок, — осадил меня старик со спокойной понимающей улыбкой. — Сначала послушай, что я тебе скажу; и вообще, что ты имеешь против *материальной* жизни после смерти, а? И если ты возражаешь против материального обрамления, напомню: речь идет о той жизни, какой мы понимаем ее в *этом мире*. А теперь, господа, прошу тишины, иначе я так и не начну

рассказ.

* * *

Дело было много лет назад, в пору моей молодости. Я прошел экзамены и настолько переутомился, что меня решили отправить в морской круиз для отдохновения. Я был далеко не богат, но выход нашелся: я получил номинальную должность врача на пассажирском парусном клипере, следовавшем в Китай. Корабль назывался «Хеопс», и вскоре после того, как я погрузил на борт все свое снаряжение, он отчалил. Мы спустились по Темзе — и на следующий день бороздили дали пролива Ла-Манш.

Капитана звали Ганнингтон. Он был очень порядочным человеком, хотя и совершенно неграмотным. Первый помощник, мистер Берлис, отличался тихим, суровым, сдержанным нравом и большой начитанностью. Второй помощник капитана, мистер Сэлверн, пожалуй, по рождению и воспитанию представлялся наиболее социально образованным из троих, но ему недоставало их стойкости и неукротимого мужества. Он был более чувствительным, эмоциональным и даже нервозным человеком, зато самым тактичным из них троих.

На пути следования мы зашли на Мадагаскар, где высадили нескольких пассажиров; затем направились на восток, намереваясь зайти на Северо-Западный мыс; но примерно в ста градусах к востоку мы столкнулись с ужасной непогодой, оборвавшей нам все паруса и вдобавок сломавшей кливер и фок-мачту.

Шторм отбросил нас на север, на несколько сотен миль, и оставил в весьма плачевном состоянии. Корпус трещал по швам, воды в трюм налилось примерно на три фута. Кроме кливера и фок-мачты пострадал и верх грот-мачты; еще мы потеряли две шлюпки и клетку с тремя превосходными поросятами — ее смыло за борт едва ли не за полчаса до того, как стих ветер. Стих-то он быстро, а вот ударная сила волн сохранялась еще несколько часов.

Незадолго до наступления темноты ветер унялся, а поутру нас ждала великолепная погода — спокойное, лишь чуть-чуть волнующееся море, яркое солнце и штиль. Кроме того, у нас появилась компания: как указал мистер Сэлверн, второй помощник, примерно в двух милях к западу находилось еще одно судно.

— Экий бродячий пакетбот, доктор! — произнес он, передавая мне подзорную трубу. Я поглядел

на корабль вдалеке и, кажется, понял, к чему он клонит, так что сказал:

— Ну да, мистер Сэлверн, он явно много где побродил — на вид ужасно старый.

Он посмеялся надо мной в своей обычной незлобивой манере.

— Сразу видно, что вы не моряк, доктор, — заметил он. — Я говорю «бродячий» в том смысле, что он отбился от человека. Это брошенное судно, и по морям его носит, готов об заклад биться, уже не первый десяток лет. Приглядитесь к обводам — к кормовому подзору, баку и водорезу. Посудина стара как мир, сам Дэви Джонс от нее отказался. Посмотрите на наросты на ней, на толщину стоячего такелажа — там все в соляных отложениях; видите же, белеет на солнце? Это был малый барк, но разве не видите — ни ярда реи на подобающем месте. Все прогнило, попадало с крепежей. Диву даюсь, как стоячий такелаж не оборвался. Надо попросить старика-кэпа, чтобы выделил нам шлюпку и разрешил обследовать судно. Оно того, думаю, стоит.

Однако весь день команда «Хеопса» была занята требующим времени и сил ремонтом мачт и снастей, так что, думаю, вы сами представляете, почему никому не было дела до какой-то там

реликтовой посудины. Часть этого времени я провел, проворачивая вместе с другими один из палубных кабестанов[87], ибо физические упражнения благотворно влияют на выгонку желчи из организма. Старый капитан Ганнингтон похвалил мой энтузиазм да и сам в итоге встал на проворот. За общей работой мы с ним и разговорились. Невзначай я упомянул и брошенное судно, и капитан заметил, что нам повезло не налететь на него во мраке — лежало оно прямо с подветренной стороны от нас, судя по тому, как мы дрейфовали во время шторма. Кэп также считал, что корабль — странный на вид и однозначно древний; но в этом последнем вопросе он явно был осведомлен куда меньше, чем второй помощник, поскольку, как я уже сказал, был человеком неграмотным и не знал о морском деле ничего, кроме того, что почерпнул из непосредственного опыта мореходства. Ему явно не хватало книжной науки о судах, существовавших в былые времена.

— Это плавучий музей, доктор, — только и смог сказать он.

---

[87] Примечания: 87

Кабеста́н — лебедочный механизм с вертикальным барабаном, использующийся для передвижения судна, баржи, грузов, подтягивания судов к берегу, вытяжки якорей и т. п.

Когда я упомянул, что было бы интересно подняться на борт такого «музея» и глянуть, чем можно поживиться, он кивнул — будто такая мысль уже приходила ему в голову и даже не противоречила общему плану нашего вояжа.

— Как работу закончим, так сразу, доктор, — сказал он. — Прямо сейчас людей я вам не смогу выделить, вы же знаете. Нужно привести наш корабль в порядок и подготовить его как можно лучше к дальнейшему плаванию. Но потом мы возьмем мою гичку[88] и во вторую полувахту, с четырех до восьми вечера, наведаемся туда. Волна улеглась, так что отчего бы не развеяться.

В тот вечер, после чаепития, капитан велел экипировать гичку и спустить ее за борт. С нами вознамерился отправиться второй помощник, и шкипер пообещал ему присмотреть, чтобы нам передали пару-тройку хороших ламп, поскольку вот-вот должно было стемнеть. Чуть позже мы уже плыли по спокойному морю с командой из шести человек на веслах и развивали весьма приличную скорость.

А теперь, господа, я перехожу к максимально точному изложению как главных, так и нюанс-

---

[88] Примечания: 88

Ги́чка — легкая быстроходная парусно-гребная шлюпка, рассчитанная на 6-10 весел.

ных событий инцидента — чтоб вы могли шаг за шагом проследить его раскрытие, — так что лучше вам сейчас быть повнимательнее. Я сидел на корме со вторым помощником капитана и рулевым, и по мере того, как мы подплывали все ближе и ближе к незнакомому судну, я изучал его со все возрастающим вниманием — как, впрочем, и капитан Ганнингтон со вторым помощником. Оно находилось, как вы уже услышали, к западу от нас, и сполохи заката полыхали на его боках алой зарницей. Очертания бортов казались чуть размытыми и нечеткими из-за ореола света, почти лишавшего глаза возможности что-либо разглядеть; гниющие рангоуты и стоячий такелаж утопали в огненном великолепии. Именно из-за этого эффекта заката мы увидели, что судно все окружено какой-то странной пеной неуловимого оттенка — коричневого, как выяснилось, когда мы подошли к нему довольно близко. Охватывая старый корабль, пена распространялась от него крупным, в пару сотен ярдов, пятном. Разлив тянулся к востоку, мимо правого борта нашей шлюпки, и длился в ту сторону еще где-то двадцать фатомов.

— Странная штука, — отметил капитан Ганнингтон, перегибаясь через борт и глядя на

воду. — Что-то в грузе, похоже, прогнило и вытекло через швы.

— Гляньте на корму и нос, — воскликнул второй помощник. — Как там все заросло!

Как он и сказал, под носом и короткой стойкой за кормой расцвели огромные колонии странных с виду морских грибов. С обрубка кливера и водореза свисали целые «бороды» слизи и морских сорняков, сбегавшие к окольцевавшему корабль разливу. Шлюпка прошла мимо правого борта — мертвенно-белого и грязного, без названия на нем, но с какими-то прожилками и пятнами более насыщенного цвета.

— От него валит пар или дымка, — снова заговорил второй помощник. — Это видно на свету. То появляется, то исчезает — смотрите!

Я понял, что он имел в виду: над старым судном то ли скопились какие-то газы, то ли оно само их источало.

— Это, кажись, самовозгорание! — воскликнул, щурясь, капитан Ганнингтон. — Будем исследовать с осторожностью, парни. Может, конечно, это рукотворный огонь — а ну как на борту до сих пор какой-то бедняга обитает… Но это вряд ли!

К этому времени мы были уже в паре сотен ярдов от старого заброшенного судна и бороздили

коричневую пену. Когда вода стекала с поднятых весел, я услышал, как один из матросов ругнулся себе под нос: «Чертова патока». Да, сравнение весьма точное! По мере приближения гички к старому кораблю пена становилась все гуще и гуще — и даже в какой-то момент начала мешать продвижению.

— Поддайте жару, молодцы! Вложите всю силушку богатырскую! — возгласил капитан Ганнингтон дирижерским тоном. Повисла звенящая тишина, нарушаемая только мерным дыханием гребцов и приглушенным, настойчивым хлюпаньем весел, погружающихся в густую жижу цвета кофе с молоком и прокладывающих путь нашей утлой ладье. Пока мы плыли, я уловил в вечернем воздухе какой-то странный запах. У меня не имелось сомнений, что он поднимается от разлива и запачканных в мути весел, но я не мог дать ему названия; и все же в каком-то смысле он казался мне смутно знакомым. Мы подступили почти вплотную к дряхлому судну, его озаренный меркнущим светом заката борт нависал у нас поверх голов. Капитан скомандовал налегать на носовые весла и готовить багор, что и было сделано.

— Там, на борту! Эй! На борту! — крикнул капитан, но ответа не последовало. Глухой звук

его голоса терялся в открытом море при каждом воззвании. — Эй! Там, на борту! Эй! — кричал он раз за разом, но никто не откликался. Пока Ганнингтон голосил и выжидающе высматривал, не выглянет ли кто из-за оплывшего релинга, я все сильнее ощущал странную подавленность, если не сказать нервозность. Эти чувства отхлынули в какой-то момент, но я до сих пор помню, как вдруг остро ощутил подступившую со всех сторон темноту. В тропиках быстро темнеет — хотя, совершенно точно не «по щелчку пальца», как воображают иные бульварные сочинители. Тут дело было не в том, что наступающие сумерки заметно сгустились за очень короткое время, а скорее в том, что мои нервы внезапно натянулись, как струны арфы. Я особо отмечаю свое состояние, потому что обычно спокоен как слон. Возможно, в свете того, что произошло дальше, есть смысл обратить на это внимание.

— На борту никого нет! — воскликнул капитан Ганнингтон. — Поддайте ходу, ребята!

Гребцы вложили всю свою силу в весла, и вдруг голос второго помощника, дрожащий от изумления, прорезал воздух:

— Взгляните! Да это же наш поросятник! Вон, вижу метку «Хеопса». Невероятно, но его прибило

сюда, и он увяз в этой мерзкой трясине! Вот же диво дивное! — И правда, перед нами была та самая клетка, выкинутая штормом за борт. Встретить ее здесь показалось мне уж слишком странным совпадением. Меня кольнула мысль: как же клеть с тремя утопшими поросятами угодила сюда, в самую гущу разлива? Мы — при веслах, и то еле пробиваемся! Что-то здесь решительно не сходилось.

— Подхватим ее на обратном пути, — сказал капитан и призвал команду «налечь всем миром», ибо жижа вблизи старого судна стала гуще киселя, едва позволяя гичке двигаться. Наконец морякам удалось развернуться, оставив лишь пару футов до дышащего на ладан корабля. Матрос на носу уцепился багром в борт.

— Зафиксировал, баковый[89]? — зычно осведомился капитан Ганнингтон.

— Так точно, сэр! — ответил матрос, и тут же над нашими головами раздался леденящий душу треск.

— Что там стряслось? — взволнованно спросил капитан.

— Оторвался, сэр. Начисто оторвался! — вос-

---

[89] Примечания: 89

Ба́ковый — первый гребец, считая от носа лодки (или правый, по ходу судна; ср. «весла баковой стороны»).

кликнул матрос, и в голосе его прозвучали нотки истинного потрясения.

— Значит, цепляем снова! Ты, голова садовая, думаешь, пакетбот этот только вчера на воду сошел? Поддевай крюком главную цепь!

Моряк протянул багор с такой деликатностью, что в надвигающемся мраке почудилось мне, будто он едва касается крюком. Хотя больших усилий тут тоже не требовалось: гичке некуда было деться от корабля в окружающей нас густой, вязкой среде. Пока я размышлял об этом, глядя на округлый борт старого судна, капитан обратился ко мне:

— Боже милостивый, до чего же ветха эта посудина! И что за оттенок, доктор! Краска совсем облезла, верно? Эй, кто-нибудь, подайте весло.

Ему передали весло, и он приставил его к древнему, выгнутому борту. Затем капитан скомандовал второму помощнику зажечь пару ламп и приготовить их для подъема наверх, ибо сумерки на море не заставили себя ждать.

Второй помощник зажег лампы и велел одному из матросов подготовить третью в шлюпке, а затем, держа по источнику света в каждой руке, поравнялся с Ганнингтоном. Тот, подперев руками бока, стоял у прислоненного весла.

— Теперь, парень, — обратился капитан к гребцу, — лезь наверх, а мы тебе передадим лампы.

Матрос охотно подчинился, ухватился за весло и перенес на него вес тела. В этот момент что-то хрустнуло.

— Смотрите! — воскликнул второй помощник, направив луч фонаря. — Весло проминает борт!

И впрямь, весло оставило значительное углубление на выпуклом, сплошь покрытом слизью борту старинного судна.

— Одна труха, вот оно что, — констатировал капитан Ганнингтон, нагнувшись к борту для осмотра, а затем скомандовал матросу. — Вверх, мой мальчик! Не лови ворон!

При этих словах парень, на мгновение замерший после того, как весло подалось под его тяжестью, начал подниматься — и уже через несколько минут, встав на верхний настил, перегнулся через релинг, будучи готовым поднять лампы. Их передали наверх, и капитан попросил, чтобы матрос придержал весло, после чего полез наверх, зовя меня и второго помощника присоединиться.

Высунувшись из-за борта, Ганнингтон удивленно произнес:

— Клянусь челюстью, тут все в плесени! Она

тут тоннами наросла… Боже правый!

Резво поднявшись, я увидел своими глазами, что он имел в виду: везде, куда падал свет от двух ламп, не видать ничего, кроме сглаженной белыми напластованиями до очертаний пузырей и кочек палубной утвари. Казалось, корабль завалило нетающим грязным снегом. Второй помощник, брезгливо отряхнув руки после прикосновения к замшелому релингу, встал рядом. Настил прогибался под нашими шагами, напоминая губчатую кашицу.

Капитан Ганнингтон выхватил у матроса лампу; второй помощник сразу потянулся за другой. Они подняли их повыше, и мы с матросом заозирались. Зрелище нам явилось, что и говорить, необычное — и отвратное до крайности. Господа, я решительно не могу найти слова, что точно описали бы преобладавшее надо мной в тот момент чувство.

— Господь всемогущий… — протянул капитан и присвистнул. Ни второй помощник, ни матрос ничего не сказали. Да и я немотствовал, лишь принюхиваясь к царившей на палубе вони — в ней угадывалось что-то полузнакомое, исподволь нагоняющее страху.

У субстанции под нашими подошвами имелась

одна странность, не укрывшаяся от внимания капитана: мы не могли продавить и разрушить ее, как бы ни налегали, оставляя только углубления.

— Никогда раньше не видел ничего подобного! Никогда! — заявил капитан, склонясь с фонарем, чтобы осмотреть поверхность у нас под ногами. Он притопнул сапогом, и палуба издала глухой, вязкий звук. Опустив лампу к самому голенищу, он заявил: — Будь я проклят, если это не смахивает на кожу!

Второй помощник, матрос и я все вместе наклонились и посмотрели туда же. Второй помощник потыкал в палубу указательным пальцем, и я помню, что несколько раз постучал по ней костяшками пальцев, прислушиваясь к глухому звуку и отмечая уплотненную густую текстуру.

— А по мне, так тесто напоминает, — пробурчал второй помощник. — Вот же гадость! — Он поспешил встать. — Еще и воняет странно.

И стоило ему это сказать, как я внезапно понял, что было знакомого в этом неясном запахе, витавшем вокруг нас! Что-то *звериное*; что-то от вольера с крупным животным или от подвала, кишащего крысами. Тут же я начал озираться по сторонам с вполне объяснимой тревогой. Крысы — их тут, на борту, должно быть, сотни!

Эти твари, будучи оголодавшими, чрезвычайно опасны. С другой стороны, не плесень же им здесь есть столько лет. Опасение не выдерживало, как мне казалось, критики, и поэтому я не стал его высказывать.

Капитан Ганнингтон вместе со вторым помощником направился на корму по покрытой плесенью главной палубе. Оба высоко держали лампы, чтобы как можно лучше освещать себе дорогу. Я быстро повернулся и последовал за ними, а за мной — и ушедший в себя матрос. Пока мы ступали, я почувствовал, что воздух пахнет сыростью, и вспомнил легкий туман или дымок над остовом корабля, заставивший капитана Ганнингтона заподозрить пожар. И все же откуда эта вонь зоопарка? Я понял, что хочу оказаться как можно дальше от старого судна.

Внезапно, через несколько шагов, капитан замер и указал на ряд укутанных плесенью раструбов по обе стороны главной палубы.

— Пушки, — сказал он возбужденно. — Надо же, это почти наверняка каперское[90] судно… или откровенно пиратское! Надо проверить

[90] Примечания: 90

Принадлежащее частным лицам (ка́перам) морское судно, в условиях войны имеющее официальную санкцию своего правительства атаковать коммерческий флот государства-неприятеля.

трюм, доктор — может, там есть славная пожива. Корабль старше, чем я сперва подумал! Мистер Сэлверн считает, что ему около двухсот лет, но я уже сомневаюсь…

Мы продолжили наш путь на корму, и я помню, что ступал так легко и осторожно, как только мог, как будто подсознательно боялся давить на прогнившие, покрытые плесенью доски. Судя по походке моих спутников, они разделяли мои чувства. Слизь охотно липла к подошвам — и крайне неохотно, с тихим чмоканьем, отлипала.

Капитан несколько опережал второго помощника по шагам, и я понял, что им овладела надуманная перспектива сыскать в трюмах корабля что-нибудь вроде сокровища. Второй помощник, похоже, заразился этой блажью. Если бы не отвага и неутомимость Ганнингтона, остальные немедленно покинули бы судно; всех троих обуяли до того дурные предчувствия, что отваги почти не оставалось — и вы скоро поймете, чем это было вызвано.

Когда капитан оказался возле нескольких махровых от плесени ступеней, ведущих на короткий полуют, я внезапно почувствовал, что ощущение сырости в воздухе стало гораздо более отчетливым. Теперь она находила через равные

промежутки, будто какой-то тонкий, влажный, похожий на туман пар странным образом появлялся и исчезал — и, казалось, время от времени палуба становилась немного расплывчатой. Откуда-то вдруг вырвалось странное облачко дыма и ударило мне в лицо, наполнив ноздри тошнотворным, тяжелым запахом; я испугался, что наглотаюсь болезнетворных плесневых спор и стал идти, прикрывая нос и рот рукавом.

Преодолев следом за капитаном три покрытые мхами ступени, мы медленно прошлись по кормовой палубе. Ганнингтон остановился возле бизань-мачты и поднес к ней лампу.

— Ребята, да тут добрых четыре фута плесени, — тихо промолвил он. — Сущий ковер! — Он опустил лампу к нижней части мачты. — Тьфу ты! А тут целый выводок морских вшей[91]!

Шагнув вперед, я увидел, что рачки густым слоем покрывают упор мачты; среди них попадались ненормально огромные, с кулачок ребенка, особи. Они казались прозрачными и бесцветными, как вода, если не считать серых крапинок на

---

[91] Примечания: 91

Морские вши — мелкие ракообразные, веслоногие раки семейства Caligidae отряда Siphonostomatoida. Это морские эктопаразиты (внешние паразиты), питающиеся слизью, эпидермисом и кровью рыб-хозяев.

раздувшихся боках.

— Я никогда не видел ничего подобного… разве что на живом лососе, — сказал капитан Ганнингтон крайне озадаченным голосом. — Честное слово! И эти твари громадны! — Он прошел дальше, но, сделав несколько шагов по корме, снова остановился и занес лампу над покрытой плесенью палубой. — Господь помилуй, док! — воскликнул он вполголоса. — Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное, а? Да ведь оно в фут длиной, если не больше!

Я наклонился над его плечом и уставился на прозрачное, лишенное окраски существо около фута в длину и около восьми дюймов в высоту, с узкой дугообразной спиной. Пока мы таращились на него, оно как-то странно дернулось и исчезло.

— Прыгнуло… — выдохнул капитан. — Дюжину футов в один мах преодолело. Что это за нововведение такое — морской кузнечик? — Он выпрямился и почесал затылок, другой рукой поводя лампой из стороны в сторону и осматриваясь. — Что эта живность забыла на борту? Взять тех же вшей — будь я проклят, если их место не на жирных рыбинах…

Лампа осветила обширную кучу разлагающейся органики, заполнившую кормовую часть

нижней палубы бака. Позади нее возвышался более высокий полубак, достигавший гакаборта. Масса гнили поражала своими размерами: выше ярда, несколько футов в ширину. Капитан Ганнингтон приблизился к ней.

— Похоже на крышку люка, — прокомментировал он, с силой ударив по ней ногой.

Удар оставил глубокий след на белой поверхности гнилостной корки, будто нога коснулась мягкой, податливой массы. Но это оказалось не единственным последствием. Из углубления, оставшегося после пинка, ударила струя густой, красной жидкости, источавшей одновременно узнаваемый и чуждый запах. Небольшой фрагмент гнилостной субстанции прилип к носку ботинка капитана, сочась жижей все того же зловещего оттенка.

— Это еще что? — удивился Ганнингтон и снова занес ногу, готовясь наподдать еще раз по башне плесени. Однако возглас второго помощника остановил его:

— Не стоит, сэр!

Я обернулся к Сэлверну и в отблеске лампы увидел на его лице гримасу, выражавшую смесь удивления и испуга — будто что-то только-только напугало его, и он сгоряча ляпнул ремарку,

выдающую этот испуг. Капитан также повернул голову и уставился на него.

— Почему, мистер? — спросил он несколько озадаченным голосом, с легким сарказмом. — Мы должны счистить эту грязь, если хотим спуститься вниз.

Я посмотрел на второго помощника, и мне показалось, что он, как ни странно, внимает не столько слову капитана, сколько какому-то другому звуку. Странно напрягшимся голосом он вдруг выдал:

— Слушайте все!

Однако мы ничего не услышали, кроме слабого бормотания людей, разговаривающих между собой в гичке у борта.

— Тишина, — заметил капитан Ганнингтон после короткой паузы. — Так ведь, доктор?

— По-моему, так, — неуверенно отозвался я.

— И что нам, по вашему мнению, тут слушать? — спросил капитан, снова поворачиваясь ко второму помощнику, но тот отмахнулся от него, как от мухи, как если бы вопрос мешал работе его слуха. Смерив его долгим взглядом, Ганнингтон поднял лампу повыше и поводил ей по сторонам — на сей раз не без легкого беспокойства. Помню, я и сам весь напрягся. Но свет не

позволял разглядеть ничего, кроме серовато-грязно-белой плесени вокруг.

— Мистер Сэлверн, — отчеканил наконец капитан, взглянув на него, — не воображайте ничего такого. Возьмите себя в руки, черт возьми. Вы знаете, что ничего не слышали?

— Я совершенно уверен, что что-то слышал, сэр, — произнес второй помощник. — Мне показалось, что я… — Он резко замолк и прислушался с болезненным напряжением.

— На что был похож этот звук? — вмешался я.

— Да ни на что, док, — ответил Ганнингтон за Сэлверна, мягко усмехнувшись. — Можете дать господину Сэлверну тонизирующее, как вернемся. А мы сейчас раздерем эту глыбу. — Он отступил назад и во второй раз пнул уродливую массу, закрывшую собой люк. Результат превзошел его ожидания: башня из плесени небрежно качнулась, будто ком тухлого студня. Капитан торопливо отвел ногу и отступил назад, выставив лампу перед собой.

— Вот те раз, — бросил он, не скрывая изумления. — Эта проклятая штука размякла!

Матрос отскочил на несколько шагов от внезапно просевшей плесневой горки — вид у парня при этом был до чертиков испуганный. Второй

помощник Сэлверн, напротив, стоял столбом и смотрел. Что до меня — помню, просто испытывал сильнейшее беспокойство. Капитан продолжал светить лампой на колеблющийся холмик вязкой органики.

— Ладно, сойдет, — сказал он наконец. — Но люка тут нет. Такое впечатление, будто под этой дрянью даже настил отсутствует. А смердит-то, как бродячая псина… — Он обошел ком слизи сзади, качая головой.

– *Тихо!* — совсем чужим, непривычным тоном вдруг просипел Сэлверн.

Повисла пауза, полная девственной тишины, не нарушаемой даже эхом разговора в причаленной к кораблю гичке. Тогда-то мы все и услышали это негромкое и глухое «туп, туп, туп» где-то под собой, в недрах корпуса — звук до того слабый и далекий, что я даже усомнился бы в том, что вообще слышу его, если бы не реакция остальных.

Капитан Ганнингтон вдруг повернулся к застывшему на месте матросу.

— Скажи им… — начал было он. Однако тот выкрикнул нечто неразборчивое и указал в сторону. Не склонное к выражению эмоций лицо этого человека напряглось настолько, что взгляд капитана немедленно обратился туда же. Как

вы понимаете, я и сам последовал его примеру. Матрос указывал на груду плесени — я сразу же понял, в чем дело. Из двух вмятин, оставленных в ней сапогом Ганнингтона, струями выбрасывало фиолетовую жидкость, как если бы ее качали насосом.

Я застыл, во все глаза глядя на эту небыль. Из студня, меж тем, вышла струя помощнее, долетевшая уже до матроса и забрызгавшая его сапоги и штанины. Он и так нервничал до того — в той невозмутимой манере, что присуща невеждам, — и испуг его неуклонно рос все это время; и вот теперь, в переломный момент, парень просто заорал благим матом и дал деру. При этом, уступив ужасу перед тьмой, окутывавшей все палубы, он вырвал у второго помощника лампу из рук — и только потом побежал.

Сэлверн не проронил и слова: взгляд его был прикован к двухструйному фонтану из смердящего фиолетового флюида, бьющему из рыхлой плесневелой груды.

— А ну, вернись, шельма! — полетел в спину матросу зычный бас капитана Ганнингтона, но тот лишь шустрее припустил по плесени. Впрочем, особо шустро двигаться у него не выходило: подошвы его башмаков будто сильнее прилипали

к размякшей субстанции. Он дергался из стороны в сторону, будто марионетка; лампа скакала в его руках, а под ногами у парня отчаянно хлюпало. Дыхание матроса сорвалось на затравленный панический хрип.

— Вернись с лампой! — снова рявкнул капитан, однако беглец будто и не слышал его. И Ганнингтон понял, что кричать бесполезно — губы его беззвучно шевелились, будто онемев от гнева на поправшего субординацию подчиненного.

В миг затишья я вновь уловил то биение внизу: «*тун, тун, тун, тун*». Отныне вполне различимые звуки доносились прямо из-под моих ног — из недр судна.

Вскоре они стали такими отчетливыми, что ничего другого я больше не слышал; разве что голос капитана, переступавшего с ноги на ногу в луже органического клейстера, худо-бедно пробился ко мне:

— Доктор, как думаете, что это за дела? Что может так…

У меня не имелось для него ответа, но на помощь пришел второй помощник, бросив всего два слова; его странно тонкий голос заставил нас с капитаном повернуть разом головы.

– *Вон там!* — почти провизжал он, указывая на

грозно вздыбившуюся плесневелую опухоль. Продолжительная рябь прошлась от нее по палубе, сотрясла пол прямо под вторым помощником — и Сэлверн, издав хриплый вскрик, раскинул руки в стороны, чтобы удержать равновесие. Дрожь на палубе усилилась — тут уже капитан Ганнингтон покачнулся и, громко чертыхнувшись, расставил ноги. Второй помощник подскочил к нему и схватил за запястье.

— В шлюпку, сэр! — сказал он, произнеся именно то, на что у меня не хватило смелости. — Ради бога…

Он не закончил — его голос утонул в громком крике. Оказалось, что матрос, убежавший от нас, застрял на шкафуте[92], примерно в сажени от правого фальшборта. Он раскачивался из стороны в сторону и истошно кричал. Похоже, он пытался высвободить ноги, и свет от присвоенной им лампы вырисовывал невероятное зрелище: плесень вокруг него пришла в активное движение и облепила его пятки, судорожно наползая уже и на голени. Там, где она касалась ткани брючины, поднимался дымок — и вскоре

[92] Примечания: 92

Шкафу́т (от нидерл. schavot — «стеллаж, эшафот») — на кораблях и судах средняя часть верхней палубы от фок-мачты до грот-мачты либо от носовой надстройки до кормовой.

показывалась незащищенная кожа; мерзостный слайм[93] растворил штанину с той же легкостью, с какой вода делает из салфетки мокрый бумажный струп. Вопя так, будто его разделывают заживо — что, скорее всего, было не так уж далеко от истины, — матрос с огромным усилием высвободил одну ногу. С пятки стекали, дымясь, остатки башмака и разваренной до полужидкого состояния кожи.

Я рванулся было помочь ему, но мое резкое движение напугало беднягу, и, потеряв равновесие, он опрокинулся в собравшееся вокруг него озеро слизи ничком. Напластования плесени, живущей своей дьявольской жизнью, с готовностью надвинулись на него сразу со всех сторон — и на моих глазах покрыли без остатка. Крик матроса оборвался. Там, где он упал, теперь трепетал вытянутый кокон, увеличивающийся с каждой секундой: плесень колышущимися волнами накатывала на него и потихоньку разглаживала, сплющивала.

Со стороны людей, дожидавшихся в гичке у

---

[93] Примечания: 93

Слайм (от англ. slime — «слизь») — к настоящему времени вполне устоявшееся в русском языке обозначение в фантастике и фэнтези для чудовищ, состоящих из аморфной, желеподобной или студенистой субстанции.

борта, послышались громкие крики, и я увидел, как два перепуганных лица внезапно появились над бортом. На мгновение они были отчетливо видны при свете лампы, выхваченной матросом у мистера Сэлверна — она, как ни странно, стояла прямо и невредимо на палубе, немного в стороне от того места, где человека поглощали заживо. Лампа поднималась и опускалась в такт трепету мшистой поверхности — так лодка поднимается и опускается на небольших волнах. С чисто психологической точки зрения мне сейчас интересно отметить, что эти вот «скачки» лампы вверх-вниз на палубе больше всего потрясли меня, четко обозначив ужасающую невероятность — да что уж там, вопиющую *немыслимость* захватившей нас ситуации.

Лица матросов внезапно исчезли, раздались крики… Они будто споткнулись, или что-то атаковало их ниже релинга. Так или иначе, они призывали нас уходить — спасаться как можно быстрее! В этот момент я почувствовал, что моя левая нога внезапно и грубо утянута вниз страшным и болезненным хватом. Я вырвался на свободу, издав гневный, испуганный рев. Палуба, насколько хватало глаз, ходила ходуном, и мне вдруг стало ясно, что я громко, надсадно закли-

наю, сам себя не слыша:

— В гичку, капитан! В гичку, в гичку!!! Капитан Ганнингтон повернулся ко мне через правое плечо и посмотрел отрешенным взглядом, дававшим понять, что он слишком ошарашен происходящим. Сделав нетвердый и поспешный шаг в его сторону, я схватил его за руку и потряс.

— В гичку! — повторил я. — Уходим! Бога ради, прикажите матросам подогнать гичку к корме! В исходную точку нам путь заказан — опасно!..

Тут капитан всплеснул руками и разразился бранью, потеряв равновесие. Он выгнул спину, напрягая все мышцы, будто пытаясь свалить с хребта незримое бремя; страх и паника охватили его, и он в отчаянии приказал матросам изменить курс:

— Сдайте гичку к корме! К корме, повторяю! *К корме!*

Мы с товарищем-помощником отчаянно вторили ему.

— Поспешите, люди! — закричал капитан, наклоняясь за лампой. Он споткнулся, но, в отличие от матроса, устоял — и тяжело зашагал к борту, высоко задирая ноги, вытаскивая их из кипящего внизу киселя. Второй помощник выкрикнул что-то неразборчиво и схватился за отставленную

руку Ганнингтона.

— Не могу сдвинуться! — взревел он. — Я увяз!

Его ноги и впрямь провалились в гнойное бурление до самых краев сапог. Ганнингтон схватил Сэлверна левой рукой, с силой потянул, и в следующее мгновение тот освободился, хоть и оставшись без башмаков. В это время я беспомощно скакал с места на место, стараясь не застрять. Все вместе мы выбежали к релингу — но до того, как достигли края судна, между нами и целью открылась зияющая влажная расселина шириной порядка двух футов, а какой глубины — неизвестно. Она быстро затворилась, и на ее месте разразилась страшная тряска. Я отскочил прочь, не осмеливаясь более ступить туда. Капитан кричал мне:

— На корму, доктор! На корму, сюда, доктор! Бегите!

Я осознал, что он успел проскочить мимо меня и запрыгнуть на заднюю приподнятую часть юта. Второй помощник был перекинут, как мешок, безвольный и тихий, через левое плечо Ганнингтона — он потерял сознание, и его длинные ноги колотились о кургузые ляжки капитана, пока тот бежал. Ужас ситуации заострял мое внимание на мельчайших и, по сути, не играющих важ-

ной роли подробностях — например, я видел, как от обваренных, алеющих на глазах, точно раки в чане, пяток Сэлверна поднимается легкий дымок.

— Эй, там, в гичке! В гичке! — позвал капитан, и в следующую секунду я встал рядом с ним, тоже крича. Матросы откликнулись — они отчаянно старались протолкнуться к корме сквозь густую пену вокруг корабля.

Мы добрались-таки до древних, покрытых плесенью опор релинга и, затаив дыхание, остановились в полутьме, оценивая обстановку. Ганнингтон оставил свою лампу у большой плесневелой формации, когда забирал второго помощника. Стоя и переводя дух, мы вдруг заметили, что вся палуба между нами и пятном скачущего света полна шевеления. Тем не менее тот участок, где мы схоронились — на удалении примерно шести-восьми футов от эпицентра волнения, — оставался твердым.

Каждые пару секунд мы кричали матросам, чтобы они поторопились, и те заверяли нас, что вот-вот подоспеют. Все это мучительное время мы наблюдали за палубой ужасного судна. Я, со своей стороны, чувствовал, как меня буквально тошнит от безумного ожидания; я был готов даже

и сигануть за борт, в разлив гнусной органики, пленкой затянувший воду.

Глухие удары «туп, туп, туп» продолжали доноситься изнутри огромного корпуса, становясь все громче и распуская очаги дрожи по палубе — и для меня, с моим-то небывало отвратительным подозрением касательно того, что же задавало этот пульс, представлялись сразу и самыми ужасными, и самыми невероятными из всех слышанных за жизнь звуков.

Мы ожидали прибытия гички, и я со страхом озирался на подскакивающую лампу, желая иметь хоть какой-то контроль над ситуацией. Нечто странное захватило всю палубу. Прямо впереди я наблюдал горки гнили, отталкивающе перекатывающиеся, дрожавшие вне круга света. Уже поближе к нам освещенная снизу доверху груда, видимо, находившаяся на месте люка, грозно увеличивалась в размерах. На ней проступали ужасающие багровые вены, и по мере ее роста казалось, что эти полосы и пятна делаются более яркими — словно жилы, вздутые на теле чистопородного мустанга. Что и говорить — зрелище не от мира сего! Разворошенная нами «башня» тем временем перестала испускать фиолетовые фонтанчики, но груда перед лампой

опасно затрепетала и покатилась прямо на нас. Столь неприкрытая угроза заставила меня по-обезьяньи ловко взлезть на губчатый фальшборт, жалобно взывая к милосердию гребцов. Гичка уже подступила, однако мерзкий забортный бульон настолько сгустился, что за каждый взмах весла и за каждый фут прогресса матросам приходилось буквально сражаться. Рядом со мной Ганнингтон дико тряс Сэлверна — второй помощник стонал, но в себя не приходил. Капитан засадил ему пощечину:

— Очнись! Да оклемайся уже, дубина!

Мужчина взбрыкнул ногами и заскулил:

— Жжет! Все жжет внизу! Увяз!..

Мы с капитаном кое-как усадили его на фальшборт, где он разразился новыми стонами.

— Подержите его пока, доктор, — велел мне капитан, отбежал на несколько ярдов вперед и перегнулся через релинг: — Ребятушки, бога ради, поторапливайтесь! Живее, живее!

Матросы отозвались напряженными голосами, уже близкими, но не настолько, чтобы гичка могла снять нас со смертоносной палубы через мгновение.

Я держал стонущего, полуобморочного Сэлверна и напряженно смотрел вперед, вдоль палубы

юта. Шевеление плесени приближалось к корме, медленно и бесшумно. Внезапно я увидел кое-что поближе:

— Берегитесь, капитан! — крикнул я. Плесень под Ганнингтоном, до сей поры совсем неподвижная, вдруг вздыбилась, как простыня, укрывающая чьи-то загребущие руки. Крича ругательства, капитан приподнял все тело на релинге, держась за него руками, как за турник, и стал яростно топтать палубную мерзость; потом, совершив длинный неуклюжий скачок, он заступил на вроде бы все еще незыблемую твердь, но мшистый пласт хищно скользнул следом за ним. Вокруг его ног внезапно разверзлись маленькие каверны, издающие жуткие сосущие звуки.

— Назад, капитан! — надсаживая глотку, завопил я. — Живо, назад!

Пласт докатился до его ног, задел по касательной. Ганнингтон в бешенстве притопнул на него и отпрянул прочь, оставшись без половины сапога. Зашипев от боли и гнева, он тут же запрыгнул на поручень.

— Давайте за борт, доктор! Выхода нет!

— Туда, в эти нечистоты? Кто знает, что с нами будет от них!

— Гичка на подходе! Лучше попробовать до-

скрести до нее!

— А как же Сэлверн?

— Сэлверна беру на себя! — Дойдя ко мне по ограждению, капитан подхватил второго помощника под мышки. В этот миг мне показалось, что я вижу в загаженной воде внизу некие очертания. Я пригляделся: слева под бортом определенно что-то двигалось.

— Внизу что-то есть, капитан! — сообщил я, указав в темноту. Ганнингтон рискованно высунул верхнюю половину тела за релинг и всмотрелся.

— Так это ж там какая-то шлюпка! Шлюпка, клянусь челюстью! — завопил он и, кряхтя, потащил вдоль фальшборта второго помощника. Я ступал следом, опасливо подскакивая на тех участках, что казались влажными или скользкими. — Да, точно шлюпка! — повторил через мгновение капитан и, резво сняв Сэлверна с релинга, сбросил его вниз. Тело помощника грянуло о днище лодки. — Ваша очередь, док! — крикнул он мне, оторвал от поручней и отправил вслед за Сэлверном. Перед тем как он это провернул, я успел почувствовать, как древние, губчатые перила как-то странно, тошнотворно задрожали и начали раскачиваться. Я упал на второго помощника, и капитан полетел по воздуху за мной, почти в то

же самое мгновение. К счастью, он приземлился в стороне от нас, на переднюю банку, сломавшуюся под его весом с оглушительным треском, брызнув во все стороны деревянными щепками.

— Ну все, — услышал я его сдавленное кряхтенье. — Будто в ад наведались, ей-богу…

Он достал из кармана короб спичек и запалил одну в тот момент, когда я поднялся на ноги; нас разделяло распростертое на средней и кормовой банках тело второго помощника. Мы закричали, призывая к себе нашу гичку, чтобы дать понять гребцам, где мы находимся: свет их лампы угадывался за правым бортом брошенного судна. В ответ они сообщили нам, что делают все, от них зависящее. Капитан Ганнингтон зажег новую спичку и осматривал шлюпку, принявшую нас. Она оказалась вполне современного вида, с зауженной носовой частью. На корме красовалась надпись:

«ЦИКЛОН ГЛАЗГО». Шлюпку отличало состояние, близкое к отличному — ее явно занесло течением в разлив, и она влипла в него днищем.

Зажигая по очереди спички, капитан Ганнингтон вышел к носу суденышка. Вдруг он позвал меня, и я, перепрыгнув через банки, поспешил вперед.

— Оцените, доктор, — сказал он, указывая на целую груду костей, сваленных на самом носу. Нагнувшись и присмотревшись, я понял, что в ней причудливым образом смешались останки по меньшей мере трех человек — чистые и сухие. В голову мне немедленно пришли кое-какие соображения относительно их участи, однако я не стал ничего говорить вслух — идея моя еще не оформилась до конца и была связана с тем абсурдным и немыслимым предположением относительно причины глухого, но громкого стука, сотрясавшего изнутри корпус судна и слышного даже теперь, когда мы вовсе убрались с корабля. И все это время перед моим внутренним взором стояла картина наползающих на тело погибшего матроса мшистых пластов. Мы ничего не смогли предпринять для бедняги — так ему гнить теперь там, на палубе, под всей этой плесенью.

Но когда капитан Ганнингтон зажег последнюю спичку, мне явилось по-настоящему тошнотворное зрелище, не ушедшее и от его внимания. Спичка погасла — непослушными пальцами он извлек другую и запалил. Ничто не изменилось, и мы не ошиблись. Массивная фистула из серо-белой гнилостной массы нависала над лодкой, неторопливо наползая на нас — протянувшись

от самого разбухшего корпуса, словно бы сделавшегося живым! При виде этого непотребства капитан Ганнингтон вмиг уложил в четыре слова одолевавшую меня невероятную и не укладывавшуюся ни в какие рамки мысль:

— Да этот корабль… *живой!*

Я, клянусь, никогда не слышал такого непонимания и ужаса в мужском голосе. Сама кошмарная уверенность в этом и сделала для меня реальностью то, что прежде оставалось догадкой, робкой спекуляцией. Логика образованного человека восставала против такого, но факты, насквозь невозможные, обратили свой уродливый лик ко мне. Интересно, может ли кто-нибудь из вас, господа слушатели, понять мои чувства в тот момент? Ужас, неверие… и, в конце концов, *вера!*

Пока догорала спичка, я успел заметить, что наползавшая на нас масса живой материи была пронизана багровыми жилками, набухавшими и наполнявшимися прямо на глазах. Выступ плоти содрогался в такт пульсу — «туп, туп, туп» — чудовищного сердца внутри огромного серо-белого амебоидного корпуса. Огонек спички дополз до пальцев капитана и, судя по едкому запашку, опалил кожу и ногти, но Ганнингтон отрешился от всякой боли. Огонек погас, и в последний момент

я успел заметить свежую щель, вдруг появившуюся на конце чудовищного выступа. Ее покрывал мерзкий багровый секрет. Через сумрак от этого придатка к нам поползла трупная вонь.

Я услышал, как хрустнул коробок в руках капитана, пытавшегося найти новую спичку. Потом он выругался истончившимся, полным испуга голосом, обнаружив, что израсходовал весь запас. Неловко повернувшись во тьме, он споткнулся о ближайшую банку, пытаясь перебраться подальше от корабля на корму лодки; я последовал за ним. Оба мы понимали, что тварь тянется к нам поверх носа шлюпки, грозно нависая над грудой сваленных там костей. Мы отчаянно закричали, призывая к себе матросов — и как раз в этот момент из-за обвода правого борта корабля-изолянта показался передок нашей гички.

— Спасены! — выдохнул я.

Капитан Ганнингтон приказал дать с гички свет, но просьба оказалась невыполнимой: лампу сшибли куда-то за борт в ходе отчаянного обходного маневра вокруг корабля, и в липких водах разлива она погасла, канув с концами.

— Быстрее! Быстрее! — умолял я.

— Поднажмите, парни, ходу! — подгонял капитан. Оба мы не отводили глаз от кормового

подзора[94], откуда ползла к нам невидимая тварь.

— А теперь весло мне! Живо! Передавайте весло! — вскричал капитан, выпростав руки во тьму к приближавшейся гичке. На ее носу очертилась фигура, что-то протягивавшая нам через разделявшие борта ярды загрязненных разливом вод. Ухватившись, Ганнингтон тут же хрипло пролаял:

— Есть! Принял! Отпускай!

И в этот же самый момент колоссальная тяжесть прижала к правому борту корабля шлюпку с «Циклона», приютившую нас. Я услышал голос капитана:

— Берегите голову, док!

После этого он занес тяжелое четырнадцатифутовое деревянное изделие за голову — и нанес удар во тьму. Что-то хлюпнуло, и он ударил снова, кряхтя от напряжения. Второй удар помог шлюпке мало-помалу выровняться, и тут же по ее борту чиркнул нос подоспевшей гички.

Бросив весло, капитан Ганнингтон подскочил ко второму помощнику, поднял его над банками и, держа на весу, передал на нос гички матросам;

---

[94] Примечания: 94

Кормовой подзо́р — наклонная часть кормовой оконечности корпуса судна, выступающая за ахтерштевень.

после этого он разрешил перейти и мне. Убедившись, что я на месте, он сам, в последнюю очередь, перебрался к нам. Кое-как мы отволокли все еще пребывающего в отключке Сэлверна на корму, и капитан крикнул гребцам сдавать назад; отойдя от покинутой нами лодки, мы сразу направились сквозь слой густых нечистот в открытое море.

— А где Том Гаррисон? — выдохнул один из мужчин в разгар своих усилий. Я, к стыду своему, даже не сразу понял, о ком речь, а ведь так звали погибшего матроса, пошедшего с нами на борт. Осенило, называется! Тот парень, что спрашивал, слыл закадычным другом Гаррисона, и его интерес был вполне понятен. Ганнингтон ответил ему предельно кратко:

— Мертв! Греби! Не разговаривай!

Как бы трудно ни было ребятам протолкнуть гичку через гущу для нашей эвакуации, задача по окончательному спасению наших душ из липкой хватки разлива казалась сложнее в десять раз. После пяти минут отчаянной гребли лодчонка едва ли сдвинулась больше, чем на фатом, и страх вновь сдавил сердце, когда один из запыхавшихся гребцов бросил:

— Ну все, встали! Пропадем тут все, как бедолага Том!

— Молчи, дубина! Налегай! — прикрикнул на паникера капитан.

Прошло еще несколько минут. Мне показалось, что глухой мощный пульс — «туп, туп, туп» — сделался более отчетливыми в недрах мрака, скрывавшего нашего невероятного преследователя, и я принялся вглядываться за корму. Мне стало сильно не по себе, ибо я мог поклясться, что раздутая туша монстра уже где-то совсем рядом; что она все ближе и ближе к нам в этих потемках. Капитан Ганнингтон явно терзался тем же самым чувством. Бросив короткий взгляд через плечо, он вскочил и начал загребать веслом по обе стороны относа.

— Проберитесь как-нибудь аккуратненько, док, — обратился он ко мне надломленным переживаниями голосом, — и вставайте на носу, попробуйте подчистить впереди эту гнусь!

Я исполнил его приказание — занял место на носу и принялся раскидывать мерзкую липкую жижу, орудуя веслом на манер лопаты, пытаясь расчистить канал для прохода гички. Снизу поднимался густой смрад, отравлявший воздух. Мне никогда не подобрать, думаю, подходящих слов, чтобы описать весь тот ужас: тварь из дурного сна плавно подтягивалась к нам из-за кормы, а

разлитая вокруг клейковина удерживала нас на месте, подобно коварно поставленному капкану.

Минуты сходили за вечность, а я все таращил глаза во мрак за кормой, не забывая баламутить и прореживать жижу, загребая то слева, то справа от себя. Ледяной пот градом катился по моим лицу и спине.

И тут капитан Ганнингтон вскричал:

— Пошла, пошла, ребята — навались-ка!..

Я и сам почувствовал, что лодка стронулась, когда матросы налегли на весла с новой силой. Скоро в этом не осталось никакого сомнения, так как жуткое «туп, туп, туп» начало удаляться. Мы подходили все ближе и ближе к краю разлива, и гичка набирала ход. Наконец ее борта объяли чистые, свежие, благодатные морские воды.

Вечер сохранял непроглядность, и низкое небо укутали плотные облака, но в какой-то момент их прорезал налитый багрянцем просвет — и махина судна, изрыгая пар через провал под носовой частью и издавая странный звук, одни только отголоски коего заставляли все кости ныть и вибрировать в наших телах, предстала перед нами в последний раз. Вскоре ее утробное гудение перекрыл новый шум, напугавший капитана Ганнингтона даже больше.

— Что такое? — спросил я осипшим голосом.

— Ветер, — тихо ответил он. — Идет над морем, гонит шторм. О, если бы я сейчас был на своем корабле! — Он закричал команде: — Налегайте! Гребите, иначе не видать вам хорошего пайка, клянусь челюстью!

Матросы приложили все усилия, и мы добрались до корабля, успев поднять гичку до шторма, надвигавшегося с запада. Я видел, как ветер нес в нашу сторону стену пены, самый настоящий высокий вал — и вой нарастал, покуда не стал похож на паровозный гудок. Шторм выдался сильный, и на следующее утро нас качало посреди белых гребней. В близлежащих водах никого не было — с чудовищным судном-изолянтом нас теперь разделяли мили. Но мы тому только радовались — хотелось забыть, что это *нечто* в принципе существует.

Осматривая позже ноги Сэлверна, я обнаружил, что его пятки будто ошпарены едкой кислотой. Не найду других слов, чтобы описать это состояние. Страдания, выпавшие ему на весь остаток рейса, поистине были ужасны.

* * *

— Теперь, — сказал доктор, окончив рассказ, — о сути дела. Если бы мы могли точно узнать, чем изначально было загружено старое судно, и сопоставить различные материалы из его груза, плюс температуру и время выдержки… плюс еще один-другой фактор, о чьей сути можно только строить догадки… тогда мы бы разгадали химию самозарождения жизни — понимаете, господа? Возможно, только поверхностную химию… не происхождение, не самую суть… но ведь и это — большой шаг вперед. Я часто сожалел об этом шторме, знаете ли — с точки зрения ученого. Мы ведь сделали потрясающее открытие, но в то же время я испытывал только благодарность за то, что избавился от него. Невероятный шанс. Я часто думаю о том, что именно пробудило чудовище от оцепенения. А эта субстанция вокруг него! Тушки наших поросят, попавшие в нее! Я думаю, это была ловчая сеть, джентльмены. В нее попадалось многое. Да…

Старый доктор вздохнул и кивнул.

— Добыть бы коносамент[95] того судна, — произнес он, и во взоре его явно проступило сожаление. — Ах, если бы… Это могло бы нам как-то помочь. Но в любом случае… — Он снова принялся набивать трубку. — Полагаю, — закончил он, мрачно оглядывая нас, — что мы, род людской, в лучшем из случаев — неблагодарные попрошайки! Но — эх, какой шанс был? Какой шанс, а?..

[95] Примечания: 95

Коносаме́нт, грузовая роспись — документ, выдаваемый перевозчиком груза грузовладельцу; удостоверяет право собственности на отгруженный товар, содержит полную опись и товарораспорядительные инструкции.

Голос в ночи

Ночь была темной и беззвездной. Наша шхуна попала в мертвый штиль в северной части Тихого океана. Точное положение ее мне было неизвестно, поскольку в течение целой недели утомительного путешествия солнце окутывала легкая дымка, что, казалось, плыла над верхушками мачт следом за нами, время от времени опускаясь и стелясь по морю.

Ветра не было, и мы закрепили румпель; на палубе остался я один. Команда из двух матросов и юнги спала, а Уилл, мой друг и хозяин нашего суденышка, сидел в своей каюте на койке возле иллюминатора.

Внезапно из окружающей нас темноты донесся крик:

— Эй, на шхуне!

Крик был настолько неожиданным, что я не смог ответить сразу. Он раздался еще раз — кто-то нечеловеческим гортанным голосом кричал прямо из темного моря со стороны кормы.

— Эй, на шхуне!..

— Да! — крикнул я, придя в себя. — Кто вы? Что вам нужно?

— Не бойтесь, — ответил странный голос, вероятно, услышав мое смятение. — Я всего лишь… старик.

Эта пауза прозвучала странно, но только впоследствии я понял все ее значение.

— Почему же вы тогда не покажетесь? — спросил я недовольно, ибо мне не понравился намек на мой испуг.

— Я… я… не могу, это будет небезопасно. Я… — Тут голос внезапно оборвался, и наступила тишина.

— Почему? — спросил я, удивляясь все больше и больше. — Почему небезопасно? Где вы?

Какое-то время я слушал, но ответа не было. И затем, во власти неопределенного, внезапно накатившего подозрения, я подскочил к нактоузу и схватил зажженную лампу — одновременно грохнув ногой о палубу, чтобы разбудить Уилла. Затем, вернувшись к борту корабля, я мазнул лучом света по тихо лежащим просторам моря за кормой. Как только сделал это, я услышал негромкий сдавленный крик и всплеск, будто кто-то резко опустил в воду весла. И все же я не мог сказать, что увидел что-то определенное — разве что, как мне показалось, при первой вспышке света я заметил нечто на воде, там, где

сейчас было пусто.

— Эй вы, там! — крикнул я. — Что это еще за шуточки!

Но в ответ раздавались лишь неясные звуки уходящей в ночь лодки. И тут со стороны люка я услышал голос Уилла.

— Что происходит, Джордж?

— Айда сюда, Уилл! — крикнул я.

— В чем дело? — спросил он, направляясь ко мне по палубе. Я рассказал ему об этом странном происшествии. Он задал несколько вопросов, а затем, помолчав секунду-другую, сложил ладони рупором и закричал:

— Эй, на лодке!

Откуда-то издалека донесся тихий ответ, и мой друг крикнул еще раз. Наконец после короткого молчания до наших ушей дошел приглушенный всплеск весел. Услышав его, Уилл еще раз крикнул. На этот раз нам ответили:

— Уберите свет.

— Это еще зачем, черт побери? — пробормотал я.

— С нас не убудет, — промолвил Уилл, и я, пожав плечами, сделал так, как велел голос: спрятал лампу под фальшбортом. — Подплывайте! — скомандовал он, и весла снова забили по воде. Когда

лодка приблизилась на расстояние нескольких саженей, их плеск вновь стих. — Давайте к самому борту — бояться здесь нечего! — подбодрил Уилл.

— Обещайте, что вы не зажжете свет.

— Да что с вами такое? — не удержался я. — Из-за чего вы так боитесь света?

— Из-за… — начал было голос и остановился.

— Ну же! — настаивал я, но тут Уилл положил руку мне на плечо.

— Попридержи коней, старина, — сказал он тихим голосом. — Давай-ка я пообщаюсь с ним. — Он перегнулся через поручни и обратился к странному «старику»: — Послушайте, сэр, уж слишком странная у нас тут с вами ситуация. Ни с того ни с сего здесь, прямо посреди океана, появляетесь вы. Откуда нам знать, что у вас на уме? Вы говорите, что вы здесь один — и вы же не даете нам на вас взглянуть. Ну как тут довериться! Что у вас против света?

Как только он закончил, я вновь услышал всплески весел, и затем опять послышался голос. Но теперь он доносился с еще большего расстояния, в нем дребезжала безнадега — и звучал он при этом так трогательно.

— Извините-извините! Я бы никогда вас не

побеспокоил, но только я голоден, и она — тоже.

Голос замер, и мы услышали звуки неровных взмахов весел.

— Стойте! — крикнул Уилл. — Я не хотел вас прогонять. Вернитесь. Если хотите, мы спрячем лампу. — Он повернулся ко мне. — Все это чертовски странно, конечно. Но много ли плохого сделает нам старик?

— Не думаю, что много, — признал я. — Но что-то с ним не то. Кажется, бедняга где-то здесь потерпел кораблекрушение и с тех пор спятил.

Всплески весел тем временем приближались.

— Спрячь уже эту лампу куда-нибудь, — велел мне Уилл, а сам склонился над бортом и стал вслушиваться. Я отнес светильник к нактоузу и вернулся к Уиллу. Метрах в десяти от нашей шхуны всплески весел прекратились.

— Может быть, вы подойдете к борту? — спросил Уилл спокойно. — Света нет.

— Я… не могу, — ответил голос. — Не осмеливаюсь подойти ближе. Я даже не смогу, боюсь, заплатить вам за… за провизию.

— Ладно, то ерунда! — сказал Уилл и неуверенно добавил: — Мы хорошо снабдим вас.

— Вы очень добры! — воскликнул голос. — Да вознаградит вас Господь всевидящий и всебла-

гой. — Он задрожал, слабое сипение прервало его ненадолго.

— А как же… как ваша дама? — спросил Уилл. — Вы же упомянули…

— Я оставил ее на острове, — последовал ответ.

— На каком острове? — уточнил я.

— Не знаю, есть ли у него название, — ответил голос. — Не знаю, но хотел бы… — Снова повисла напряженная пауза.

— Может быть, нам послать за ней лодку? — спросил Уилл.

— Нет! — воскликнул голос с неожиданным пылом. — Бога ради, не стоит. — Подумав немного, он добавил с ноткой укоризны: — Я осмелился обратиться к вам только из-за нашей нужды — ее агония стала для меня пыткой.

— Ладно, так или иначе… подождите минутку, я сейчас соберу для вас провиант.

Через пять минут Уилл вернулся, неся щедро набитую корзину. У поручня он чуть замешкался.

— Вы не сможете поравняться с бортом, чтобы забрать еду? — спросил он.

— Нет, я не осмеливаюсь, — ответил голос, и мне показалось, что в его тоне я разобрал нотки сдерживаемого порыва — будто этот человек

подавлял в себе невероятное желание. Тогда да меня дошло, что скрытый от нас темнотой бедняга и впрямь страдал, что он остро нуждался в этой собранной Уиллом подачке, но страх непонятной природы не позволял ему забрать еду из наших рук. Подобная молнии, меня пронзила мысль, что этот человек-невидимка был не сумасшедшим, а как раз-таки на редкость здравомыслящим — просто его пронял до самых костей некий невыразимый ужас.

— Черт возьми, Уилл! — крикнул я, испытывая целую гамму чувств, в первую очередь жалость. — Возьми пробковый садок — мы сложим все туда и сплавим в его сторону.

Мы быстро управились со сборами, после чего аккуратно опустили садок на воду и при помощи весла оттолкнули его прочь, в темноту. Вскоре мы услышали, как невидимка издал обрадованный возглас: наша морская посылка явно достигла цели. Чуть позже на прощание этот человек одарил нас благословением таким искренним, что я посчитал, мы едва ли его заслуживаем. Затем мы услышали удаляющийся назад во мрак плеск весел.

— Как поспешно он отчалил, — заметил Уилл с легким недовольством.

— Не спеши судить, — ответил я. — Почему-то мне кажется, что он вернется. Должно быть, ему позарез нужна была эта еда.

— А при нем еще и дама, — добавил Уилл. Помолчав секунду, он произнес: — С тех самых пор как я начал ловить рыбу, мне еще не доводилось нарываться на столь странное приключение.

— Да, случай курьезный, — согласился я и погрузился в размышления. Прошел час, за ним — другой, но Уилл так и остался дежурить со мной на палубе: странная встреча в море, похоже, отбила у него охоту ко сну. На исход пошел третий час ожидания, когда мы вновь расслышали весла, бьющие по безмятежным водам.

— Слышишь? — спросил Уилл взволнованно.

— Возвращается, так я и думал, — пробормотал я.

Звуки весел стали ближе, и я заметил, что взмахи сделались тверже и увереннее. Еда, значит, пошла гребцу на пользу. Неподалеку от кормы лодка остановилась, и из темноты до нас донесся странный голос:

— Эй, на шхуне!

— Это вы? — окрикнул Уилл.

— Да, — ответил голос. — Прошу извинить, что отплыл так резко — того требовали от меня

определенные… обстоятельства.

— Как ваша спутница? — поинтересовался Уилл.

— О, она просила передать вам безмерную благодарность. Скоро, как только ее бедная душа отмучается здесь, земная благодарность станет благодатью небесной…

Уилл начал было что-то отвечать, но смутился и умолк. Я промолчал, размышляя над тем, почему незнакомец делает такие странные паузы в разговоре. Хотелось узнать, что за беда постигла «старика» и женщину на острове, но и дикое любопытство не мешало мне испытывать к этим людям бездну сочувствия.

Голос продолжал:

— Мы поговорили между собой, когда вкусили плоды вашего милосердия…

— Да бросьте! — вскричал Уилл, но собеседник упорно продолжил:

— Не умаляйте свою поистине христианскую добросердечность. Будьте уверены в ней — и да не обделит вас вниманием Господь. — Он замолчал, и наступила пауза, продлившаяся целую минуту. Затем он заговорил вновь: — Мы беседовали о том, что выпало на нашу долю. Мы думали, что уйдем из жизни, не рассказав никому о том кош-

маре, что сгубил нас обоих. Она так же, как и я, считает, что наша с вами встреча этой ночью — промысел Божий. Так что позвольте рассказать, чего же мы натерпелись, с того дня, как…

— Как?.. — уточнил Уилл тихо после очередного периода тишины.

— С того дня, как «Альбатрос» затонул, — изрек наконец голос.

— «Альбатрос»? Я слышал про это судно! — воскликнул я невольно. — Оно покинуло порт в Ньюкасле и двинулось в Сан-Франциско где-то полгода назад — с тех пор о нем ни слуху ни духу.

— Все верно, — ответил голос. — Отклонившись на несколько градусов к северу, наш корабль угодил в жестокий шторм и потерял мачту. На следующий день вскрылась сильная течь, и в конце концов, когда наступил штиль, команда погрузилась на шлюпки и покинула нас, оставив молодую женщину, мою невесту, и меня самого на тонущем корабле. Мы как раз были в каюте, собирали вещи, когда команда сбежала. От страха они совсем потеряли совесть, и мы, когда поднялись на палубу, увидели только, как их крошечные силуэты тают на линии горизонта. Но мы не впали в отчаяние — объединили усилия

и построили для нас маленький плот. На него мы сложили то немногое, что он мог поднять, в том числе сухари и питьевую воду. Потом, увидев, что корабль стал уходить под воду, все глубже и глубже, мы перебрались на плот и отплыли.

Уже позднее я заметил, что нас подхватил какой-то очень быстрый поток. Уже через три часа — я отмерил время по хронометру — корпус «Альбатроса» потерялся из виду, одни только мачты оставались на поверхности недолгое время. Под вечер опустился туман и не рассеивался всю ночь. На следующий день мы все еще плыли вслепую — хорошо еще, что погода оставалась спокойной. Четыре дня мы дрейфовали сквозь эту странную дымку, пока вечером четвертого дня до наших ушей не донесся отдаленный шум прибоя. Постепенно он становился громче, и после полуночи мы приблизились к суше. Плот несколько раз подбросило на волнах, но вскоре мы оказались на спокойной воде, а рокот бурунов остался позади.

Когда наступило утро, мы поняли, что попали в большую лагуну, но в тот момент не обратили на это особого внимания, потому что рядом с нами из тумана проступал корпус большого корабля. Мы тут же упали на колени и возблагодарили

Господа: мы подумали, что нашим испытаниям пришел конец. Но все было еще впереди.

Плот приблизился к кораблю, и мы крикнули, чтобы нас подняли на борт. Ответа не было. В конце концов плот коснулся борта, и, увидев свисавшую веревку, я схватился и стал подниматься по ней. Это было непросто, потому что веревка была покрыта каким-то серым моховидным наростом. Такой же нарост виднелся и на борту корабля.

Я добрался до поручня и перелез через него на палубу. Тут я увидел, что по всей ее дощатой поверхности расползлись пятна серой массы непонятного происхождения. Иные из этих заплат дыбились наростами высотой в несколько футов. Но тогда меня это заботило намного меньше, чем возможное присутствие людей на борту. Я покричал еще немного — и не дождался ответа.

Я подошел к двери на полуюте, открыл ее и заглянул внутрь. Запах был затхлым, и я сообразил, что там нет ни одной живой души. Убедившись в этом, я быстро захлопнул дверь, тут же почувствовав себя до одури одиноко.

Я вернулся к тому борту, по которому забрался наверх. Моя дорогая Лили все еще смирно сидела на плоту. Увидев меня, она спросила, есть ли кто

на борту. Я сказал ей, что у корабля такой вид, будто команда бросила его уже давно; если она немного подождет, я постараюсь найти что-нибудь наподобие веревочной лестницы, чтобы и она могла залезть на палубу. Тогда мы вместе осмотрим весь корабль. Затем на противоположной стороне палубы я действительно нашел свернутую веревочную лестницу. Я перекинул ее за борт, и через минуту моя невеста была уже рядом со мной.

Вдвоем мы осмотрели все каюты и кабинки в жилой части корабля, но нигде не было и намека на жизнь. То тут, то там в самих каютах мы натыкались на странные пятна мха, но Лили сказала, что их можно легко отмыть. В конце концов, убедившись, что в кормовой части корабля никого нет, мы двинулись к носовой части, обходя уродливые серые наросты. Здесь мы продолжили наши поиски и поняли, что на борту, кроме нас, и впрямь — совсем никого. Когда наши сомнения окончательно развеялись, мы вернулись на корму и решили, что лучше устроиться здесь поудобнее. Вдвоем мы вычистили и вымыли две каюты, после этого я отправился на поиски в надежде найти в камбузе что-нибудь съестное. Вскоре я обнаружил порядочно набитые кла-

довые — и мысленно возблагодарил Бога за его доброту. Позже отыскался и насос для пресной воды. Я наладил его, соединил с главным судовым резервуаром и убедился, что вода пригодна для питья, пусть и имеет неприятный привкус.

Несколько дней мы оставались на корабле, не пытаясь сойти на берег. Мы были заняты обустройством нашего места для жилья — и уже тогда поняли, что наша доля не так завидна, как показалось поначалу. Отскоблив первым делом кое-какие поросли, покрывшие пол и стены кают и буфета, мы увидели, что уже через сутки они восстановились в своем первоначальном объеме. Это не просто обескуражило нас; мы почувствовали даже что-то вроде смутного беспокойства. Но, не желая признать поражение, мы заново принялись за работу — и не только соскоблили весь мох, но и обработали те места, где он был, раствором карболки, найденным мной в канистре в одной из корабельных кладовых. К концу недели все снова заросло мхом, как прежде. Кроме того, мох появился и в других местах, будто бы мы своими перемещениями по кораблю только помогали его спорам распространиться.

На седьмое утро, проснувшись, Лили увидела, что маленькое пятнышко мха выросло на подуш-

ке, у самого ее носа. Набросив на себя одежду, она вышла из каюты и сообщила мне эту новость. Я в это время находился в камбузе и разжигал огонь для приготовления завтрака.

— Подойди сюда, Джон, — сказала она и повела меня на нос корабля. Увидев мох на ее подушке, я вздрогнул, и вот тогда мы решили спуститься с судна и посмотреть, не лучше ли нам устроиться на берегу.

Мы поспешно убрали немногочисленные вещи, но даже они были теперь покрыты плесенью — на одной из шалей я заметил небольшое пятно. Я сразу же выбросил ее за борт, не сказав невесте ни слова.

Пришвартованный плот до сих пор пребывал в доступности, но, слишком неудобный для управления, не подходил нам для дальнейших плаваний, поэтому мы спустили шлюпку на воду и направились к берегу. Однако, подплыв немного ближе, мы увидели, что плесень, выдворившая нас с корабля, теперь царит и здесь. Она поднималась огромными буграми, дрожащими под порывами ветра, иногда принимая форму огромных пальцев, а местами выглядя как кривые и суковатые деревья, отвратительно дрожащие. Земля местами совсем не проглядывалась под

слоем этой вероломной заразы.

Поначалу нам показалось, что на острове не было ни единого участка, не покрытого отвратительным мхом, но впоследствии выяснилось, что мы ошиблись. Чуть позже, плывя у берега, мы заметили гладкий белый участок чего-то, смахивающего на мелкий песок. Там мы и причалили. Но это был не песок — а что именно, я так и не выяснил. Я заметил лишь, что на нем мха не было, хотя повсюду — за исключением тех мест, где эта похожая на песок почва тропинками перерезала серую мшистую пустыню, — все было сплошь покрыто этой отвратительной плесенью.

Трудно передать, как мы были рады, когда нашли местечко, совершенно свободное от мха, и здесь-то мы и решили оставить наши вещи. Затем мы вернулись на корабль за предметами первой необходимости. Среди прочего мне удалось притащить на берег один из парусов корабля. Из него я ухитрился построить две маленькие палатки. Хотя они и были грубой формы, но зато добротно справлялись с задачей. В них мы жили и хранили наши пожитки. В течение почти четырех недель все шло гладко и без особых неприятностей. Я даже могу сказать, то было счастливое время — ведь мы были вместе.

Поначалу мох вырос на большом пальце ее правой руки. Всего-то маленькое круглое пятнышко — вроде серой бородавки. Боже мой! У меня сердце оборвалось, когда она мне его показала. Мы оттерли его, обмыв водой с карболкой. На следующее утро она вновь показала мне руку. Серая бородавка выросла опять. Минуту мы смотрели друг на друга без слов. Затем, опять же без слов, принялись ее удалять. Во время операции она спросила:

— Что это у тебя на лице, сбоку? — В ее голосе остро зазвучала тревога. Я поднял руку, чтобы пощупать, и она направила ее в нужное место. — Вот тут! Около уха, у волос. Чуть пониже…

Я нашел нужное место подушечкой пальца и сразу все понял.

— Сначала поухаживаем за тобой, — сказал я, и она подчинилась — только из-за того, что боялась прикоснуться ко мне, пока ее палец еще не обработан. Я закончил промывать и дезинфицировать кожу, потом Лили принялась очищать мое лицо. Покончив с этим делом, мы сели рядом и долго говорили о всяком. Жизненные перспективы вмиг окрасились для нас в неприятные, не дающие особых надежд тона. Участь хуже смерти вселяла нам в души страх. Мы стали обсуждать,

не стоит ли загрузить лодку провизией и водой и выйти в море. Но мы были во многих отношениях беспомощны, а плесень уже успела нас заразить. И мы решили остаться, отдавшись на волю Господа. Мы решили ждать.

Миновал месяц, два месяца, три месяца. Мха стало больше, он поражал все новые и новые участки наших тел. И все же мы упорно боролись с отчаянием. Наступление мха было медленным… отвратительно медленным. Время от времени мы навещали корабль, чтобы забрать что-нибудь нужное. Там все страшно заросло полностью. Взгромоздившаяся на верхнюю палубу «башня» из серых пористо-пушистых напластований сравнялась со мной ростом — и, похоже, не собиралась останавливаться на достигнутом.

Все надежды покинуть этот остров умерли. Мы прекрасно понимали: пораженным такой страшной заразой людям нельзя возвращаться в здоровый, незатронутый этим злом мир. Зная это, мы решили, что нам придется самим добывать себе пропитание и воду. Тогда мы еще не знали, что нам придется прожить так много лет… Помню, я говорил вам, что я старик. Если судить по моему возрасту — это не так. Но… но…

Человек на лодке помолчал немного, а потом

продолжил рассказ:

— Как я уже говорил, мы поняли, что нужно быть осторожными в вопросах пищи. Но у нас не было никакого представления о том, как мало осталось пригодного для еды. Через неделю я обнаружил, что запасы хлеба, прежде казавшиеся значительными, истощились. Немножко овощных и того меньше мясных консервов — все, чем мы располагали. Отметив это, я стряхнул с себя мерзкую апатию и попробовал порыбачить в лагуне, но безуспешно. Пришлось выйти в открытое море. Там мне иногда удавалось поймать несколько рыбешек, но это случалось так редко, что почти не могло спасти нас от подступающего голода. Мне казалось тогда, что мы умрем от него, а не от этого мха, поразившего наши тела.

В таком состоянии духа мы находились, когда истек четвертый месяц. Тогда я сделал ужасное открытие. Однажды перед полуднем я спустился с корабля, прихватив оставшиеся там сухари. Полог палатки был отдернут, и я увидел, как Лили сидит и что-то ест.

— Что это, дорогая? — спросил я, выбравшись из лодки. Едва услышав мой голос, она смутилась, отвернулась и что-то украдкой выбросила. С тяжелой душой я подбежал к ней и поднял…

слипшийся ком серого мха. Когда я подошел к ней с этой мерзостью в руке, она сперва смертельно побледнела, потом сильно покраснела. Я же был ошеломлен и испуган.

— Бог мой, бог мой, — твердил я, не в силах произнести ничего другого.

Лили горько разрыдалась и не унималась еще долго. Успокоившись немного, она рассказала мне, что решила попробовать мох накануне и его вкус ей понравился. Я взял с нее обещание больше не притрагиваться к нему, какой бы голодной она ни была. Желание, как утверждала Лили, пришло ни с того ни с сего, совершенно необъяснимое — прежде-то она испытывала ко мху только крайнее отвращение!

Позже в тот день, ощущая странное беспокойство и потрясение от увиденного, я пробирался по извилистой тропке из белого пескообразного минерала, плутающей между оазисов мха. Однажды я уже забирался сюда, но не заходил далеко. На этот раз в сумятице чувств я забрел намного дальше, чем прежде. Странный хриплый звук, донесшийся откуда-то слева, вывел меня из оцепенения. Резко повернувшись, я заметил, как рядом с моим локтем шевельнулась масса мха необыкновенной формы. Масса эта неуклюже

колыхалась как живая. Я смотрел на нее, и внезапно мне пришла мысль, что она удивительным образом напоминает уродливую человеческую фигуру. Когда эта мысль сформировалась в моем мозгу, раздался отвратительный звук, словно что-то очень липкое отдирали от подогретой поверхности. Я увидел, что одна из «рук», похожая на ветвь, отделилась из окружающей ее серой массы и двинулась в мою сторону. Голова этого мшистого голема, лишенный внятной формы серый шар, склонилась в мою сторону. Я стоял не шевелясь, и отвратительная рука скользнула по моему лицу. Я испуганно вскрикнул и отбежал на несколько шагов назад. На губах — там, где это существо дотронулось до меня, — я почувствовал сладковатый вкус. Я облизал губы, и тут же меня обуял нечеловеческой силы аппетит. Я повернулся и оторвал большой кусок мха. Потом еще и еще. Я был ненасытен. Посреди этого пиршества мой мозг пронзило воспоминание о случае сегодня утром. Оно было ниспослано выше. Я швырнул объедки на землю, а затем, почувствовав себя совершенно разбитым, изнемогая от чувства вины, побрел назад в наш маленький лагерь.

Должно быть, благодаря той удивительной интуиции, каковая происходит у женщин из любви,

моя невеста все поняла, едва завидев меня. Ее спокойное сочувствие облегчило мне душу, и я рассказал ей о своей внезапной слабости, но не упомянул о необыкновенном событии, ставшем причиной всему. Мне не хотелось пугать ее, но сам я мучился от новой невыносимой догадки, от неотступного страха. Я не сомневался, что увидел воочию одного из членов экипажа того корабля, брошенного в лагуне. В такое чудовище он превратился — и, похоже, ровно тот же конец ожидал нас.

Позднее мы не дотрагивались до этого отвратительного мха, хотя желание питаться им уже въелось в нашу натуру. И все же процесс страшного преображения был запущен. День за днем, с чудовищной быстротой, мох съедал наши тела. Мы ничего не могли сделать для того, чтобы остановить его продвижение, и... мы... бывшие раньше людьми, стали... Да, в общем-то, уже все равно кем. «Жених» и «невеста», эти наши роли — понятия другого мира, куда путь нам навеки закрыт...

...С каждым днем борьба делается все ужасней, нам все труднее преодолеть желание съесть мох. Неделю назад мы доели последний сухарь, и с той поры мне удалось поймать только три рыбины.

Сегодня я и здесь рыбачил, когда из тумана показалась ваша шхуна. Я окликнул вас. Все остальное вы и так знаете. Да благословит вас Господь в великой милости своей за вашу доброту к двум бедным пропащим душам…

Раздался всплеск весла, следом — еще один. Затем голос в ночи послышался снова, в последний раз. Он был печален, как печальна речь призрака, прорывающаяся к живым из-за завесы смерти и минувших лет:

— Храни вас Господь! Прощайте!

— Прощайте! — крикнули мы с Уиллом одновременно. Голоса наши были хриплыми, сердца охвачены горькими чувствами.

Я оглянулся по сторонам и увидел, что наступает утро. Робкий луч солнца прошил туман и озарил удаляющуюся лодку тусклым светом. Я разглядел что-то неопределенное, сидящее между весел. Мне показалось, что там, посреди лодки, выросла губка — огромная серая масса морской губки. Весла продолжали вздыматься. Они были серыми — такими же, как лодка. Я пытался, но безуспешно, различить, где же кончается рука, а где начинается весло.

Взгляд мой поднялся к голове — она качнулась вперед, в то время как очередной взмах извлек

весла из-под воды. Но вот они снова нырнули, лодка сошла с освещенной полосы — и, дрожа, загадочный пловец навсегда затерялся среди тумана.